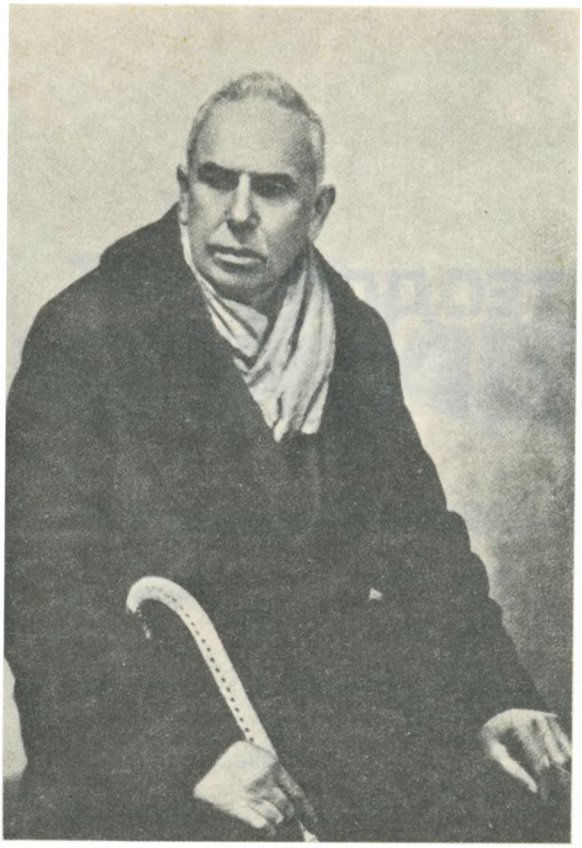
THEODORE DREISER

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР



ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ВЕК ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

Редакционная коллегия:

Г А. Анджапаридзе
Л. Г. Андреев
Я. Н. Засурский
Д. В. Затонский
Д. Ф. Марков
П. В. Палиевский
Д. М. Урнов

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ЖИЗНЬ, ИСКУССТВО И АМЕРИКА

СТАТЬИ
ИНТЕРВЬЮ
ПИСЬМА

ДРАЙЗЕР СМОТРИТ НА РОССИЮ

Перевод с английского

Составление
Ю. Палиевской

Москва "Радуга" 1988

ББК 83.37 США
Д72

Предисловие Ю. ПАЛИЕВСКОЙ
Комментарий В. ТОЛМАЧЕВА
Редактор З. ФЕДОТОВА

Д72 **Драйзер Т.**
Жизнь, искусство и Америка. Статьи, интервью, письма. Сборник. Пер. с англ. / Составление и предисловие Ю. Палиевской. Комментарий В. Толмачева. – М.: Радуга, 1988. – 416 с.

Деятельность Т. Драйзера (1871–1945), критика и публициста, так же как и его художественное творчество, сыграла большую роль в развитии передовой эстетической мысли США.
Сборник включает статьи, речи, интервью и беседы Драйзера, посвященные вопросам литературы, искусства и общественной жизни Америки, а также его письма. Впервые на русском языке в столь полном объеме публикуется его книга "Драйзер смотрит на Россию", написанная после путешествия по СССР в 1927 г. и сохранившая громадный интерес как документальное свидетельство тех лет.
Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Д $\frac{4603020000-444}{030(05)-88}$ 88 ББК 83.37 США

©Составление, предисловие, перевод на русский язык и комментарий издательство "Радуга", 1988

ISBN 5-05-0023-46-7

ПУТЬ ДРАЙЗЕРА

"У него нет ничего, кроме таланта"
(Из критики о Драйзере)

Есть такая категория писателей-классиков, которые (как бы выразить это поосторожнее) писали плохо, временами очень плохо, невыносимо плохо, и они же обладали неотразимой силой воздействия. К этой категории, несомненно, принадлежит Теодор Драйзер (1871–1945), широко у нас известный американский прозаик[1], автор "Сестры Керри", "Дженни Герхардт", "Финансиста", "Титана", "Гения" и "Американской трагедии". Даже друзья называли его "бегемотом в литературе", а враги – просто "варваром". И все же: что значил Драйзер для современников и соотечественников, пусть скажут они сами – устами писателей, испытавших его влияние.

Первым из них предоставим слово Шервуду Андерсону, который сам был очень влиятелен. Он сказал замечательно. Отметив, что у Драйзера, конечно, нет ни изящества стиля, ни чувства юмора, ни многих других привлекательных качеств, Андерсон писал: "В книгах, которые напишем мы, будут все те достоинства, каких не было у Драйзера... О, мы, следующие за ним, возымеем многое из того, чем он не обладал. Чудо и величие Драйзера заключается в том, что́ другие будут иметь благодаря ему"[2]. Представитель следующего литературного поколения Уильям Фолкнер (кстати, прямой ученик Андерсона) в ответ на просьбу назвать пятерых крупнейших американских писателей – его предшественников, сказал, что назвать троих не представляет труда, и перечислил: Марк Твен, Мелвилл и Драйзер, дальше, отметил Фолкнер, выбор уже не так очеви-

[1]По числу изданий в нашей стране с 1917 г. по 1984 г. среди зарубежных писателей Драйзер занимает шестнадцатое место в списке из пятидесяти пяти имен, см.: Гречихин А. А., Рахманалиев Р., Чионина Р. А. Культура, книга, читатель. Фрунзе, 1986. С. 318.

[2]Из предисловия Ш. Андерсона к сборнику своих рассказов "Кони и люди" (1923), цит. по изд.: The Portable Sherwood Anderson. N. Y., 1972. P. 434.

ден...[1]. Младший представитель того же поколения, а ныне старейший американский писатель, Роберт Пенн Уоррен, который является также литературоведом, написал целую работу о Драйзере, пытаясь объяснить драйзеровский эффект: вроде бы и мастерства нет, а пишет за него сама жизнь[2].

А вот отзыв английского романиста Джона Купера Пойиса, занимающего в литературе, как и Драйзер, положение парадоксальное, только с той разницей, что Драйзер считался крупным плохо пишущим писателем[3], а Пойис – прекрасно пишущим и плохо читаемым, малоизвестным[4]. Много лет Пойис жил в США и дружил с Драйзером. Он отзывался о Драйзере с восторгом. У Пойиса как раз имелись качества, которых не хватало Драйзеру: прекрасный стилист, художник слова, – но не было у него свойств драйзеровских, обеспечивавших тому широкий круг читателей. Пойис – "автор для немногих", "писатель для писателей", и то не для всех. Пойис так и говорит о Драйзере: "Рядом с ним я чувствовал себя человеком другого мира, прежде всего, разумеется, книжным червем". Передавая свое впечатление от Драйзера, он пишет: "Драйзер, с которым я встретился впервые где-то в 1914 году, поразил меня как некое воплощенное Бытие, некая Особь человеческая..." Подводя итог всем своим впечатлениям, Пойис заключал: "Силу его дарования и духа, которые столь очевидны, составляет глубокое совмещение в нем какого-то личного магнетизма, притягательности, душевности, тайны и потусторонности с потрясающим реализмом и чудовищной практической силой..."[5]

Из наших литераторов поучительно послушать на этот счет переводчиков старшего поколения, которые вводили Драйзера в круг нашего чтения. Перевод предполагает исключительное внимание ко всякому слову и каждой фразе. При такой пристальности, рассказывают переводчики, от драйзеровского текста возникало пугающее впечатление каких-то словесных нагромождений: что ни метафора – то банальность, что ни эпитет – то безвкусица! И вместе с тем действительно сила воздействия. Поэтому Драйзер не может служить оправданием для писателей в полном смысле плохих, беспомощных: его недостатки восполнялись достоинствами, притом редкими досто-

[1]См.: Lion in the garden. Interviews with William Faulkner. Lincoln, 1968. P. 167–168.

[2]См.: Warren R. P. Homage to Theodore Dreiser on the Centenary of his Birth, Southern Review, 1971. № 7.

[3]См., например: Фолкнер У. Статьи, речи, интервью. М.: Радуга, 1985. С. 43, 375.

[4]О Джоне Купере Пойисе и его дружбе с Драйзером см. предисловие И. И. Анисимова к кн. Э. Драйзер "Моя жизнь с Драйзером" (М., 1953) и ряд страниц в самой книге.

[5]J. Cowper Powys. Autobiography (1934). L., 1982. P. 551.

инствами, важнейшим из которых была жизненность его книг.

История его собственной семьи (у Драйзера было десять братьев и сестер) дала будущему писателю обширный материал для творческого осмысления. Прямые и косвенные параллели с семейной историей прослеживаются во многих произведениях писателя. Судьба отца, рабочего-немца, за двадцать пять лет до рождения Теодора Драйзера приехавшего в Америку и попытавшегося трудом, а главное, жестокой дисциплиной обеспечить семье благополучие, тяжелая жизнь матери, карьера преуспевающего старшего брата – музыканта, автора популярных песенок, скандальные приключения другого брата, спившегося и сбившегося с пути, нелегкие судьбы сестер – все это так или иначе вошло в книги Драйзера. Но главное, что вошло в его книги, – это богатейший опыт человека, с юности окунувшегося в реальную жизнь. В американской литературе никто, кроме Драйзера, не сумел так достоверно и прочувствованно описать открытие большого города "маленьким человеком" – американцем-провинциалом. Сам Драйзер впервые попал в Чикаго двенадцатилетним мальчиком. Грохочущий город произвел на него впечатление, которое Драйзер на разные лады пытался передать в своих произведениях. В шестнадцать лет, с шестью долларами в кармане, он снова приезжает в Чикаго и начинает самостоятельный путь. Драйзер стал первым американским писателем, который пришел в литературу из среды иммигрантов, в общем малокультурной и бедной, без поддержки семьи или друзей, без средств к существованию. Положение, казалось бы, ставившее его вне литературы, на деле сформировало в такой выдающейся личности, как Драйзер, самостоятельный и независимый взгляд на смысл и назначение литературы.

Творчество Драйзера оказало воздействие на всю американскую литературу XX века. Его романы, в которых он затронул и осветил целые пласты американской жизни, не просто литературные произведения – это исследования всего американского общества, и подобно тому, как произведения величайших писателей позволяют понять целые эпохи, на основе книг Драйзера будущие поколения составят достаточно полное представление о том, что являла собой Америка на исходе XIX столетия и в первые десятилетия XX века. Влияние Драйзера, именно потому что шло оно по линии проблем основных, фундаментальных, оказалось глубже и значительней, чем воздействие многих литературных новаторов. Тут не могло идти речи о заимствовании отдельных "художественных приемов" – именно благодаря Драйзеру, после Драйзера американская литература стала другой.

Если не оправданием, то объяснением недостатков Драйзера является прежде всего, конечно, нехватка культуры, а нехватка была, разумеется, следствием обстоятельств: убогой среды, бедности. Мать Драйзера была неграмотна. Отец, необразованный,

но смышленый, по роду занятий ткач, одно время преуспел настолько, что чуть было сам не сделался фабрикантом, однако в прямом и переносном смысле погорел: пожар уничтожил его текстильное предприятие, прядильню, которая была к тому же не застрахована. А семья была большой, многодетной. Где же тут платить за образование? А за серьезное образование надо было платить.

В детстве Драйзер сменил множество школ, церковноприходских, начальных, при том, что каждая следующая оказывалась хуже предыдущей, и все они напоминали знаменитую школу из "Приключений Тома Сойера" Марка Твена. Исключением оказалась лишь последняя школа в городке Варшава, штат Индиана, где Драйзер впервые серьезно занялся чтением. Однако по окончании школы ему удалось продолжить свое образование лишь два года спустя, когда благодаря бескорыстной помощи школьной учительницы он провел год в университете штата Индиана.

На этом, собственно, и кончилась учеба Драйзера. Все остальные знания ему дало даже не чтение, хотя Драйзер читал много, пытаясь как-то восполнить недостаток формального образования, но дала сама жизнь. Драйзер, как и Горький, как впоследствии многие американские писатели, его современники, изучал человеческие типы не по книгам, но в самой что ни на есть естественной среде. В шестнадцать лет он в Чикаго берет те "уроки", которые не мог дать никакой университет.

Перед тем как стать репортером газеты, Драйзер работал всюду, где только можно было работать молодому человеку без средств и без образования. Впечатления и переживания тех лет поистине сформировали будущего писателя. И в этом смысле глубоко был прав Фолкнер, когда говорил о том, что такие писатели, как Драйзер, не могли не думать об общественном зле и не писать о нем, потому что оно глубоко затронуло их человеческую сущность. "Он... обладал огромным стремлением рассказать о борьбе человеческого духа"[1].

После смерти матери Драйзер в девятнадцать лет (отец всегда был духовно чужд ему) оказывается полностью предоставленным самому себе. В эти годы он по-прежнему много читает, и особенно сильное впечатление на него производит Толстой. Впоследствии Драйзер вспоминал (отрывок из этих воспоминаний включен в настоящую книгу), что именно под воздействием Толстого, его "Смерти Ивана Ильича", у него впервые возникло даже не намерение, а страстная мечта стать писателем.

Но впереди ждали десять лет журналистской работы, помимо Чикаго – в Сент-Луисе, Толедо, Кливленде, Буффало, Питсбурге и, наконец, Нью-Йорке. За это время Драйзер увидел

[1] Фолкнер У. Статьи, речи, интервью. М.: Радуга, 1985. С. 373.

и узнал так много, что этого хватило бы на несколько обычных жизней. Интерес к происходящему вокруг, интерес, который Драйзер сохранил до глубокой старости, заставлял молодого журналиста буквально бросаться навстречу жизни, ища в каждом факте его внутренние причины, смысл (часть очерков, опубликованных Драйзером в эти годы, вошла в предлагаемую читателям книгу).

Журналистская и писательская деятельность Драйзера продолжалась более чем полвека. За это время им было написано восемь романов, множество рассказов, пьес, статей, очерков, стихов[1]. В своей книге "Моя жизнь с Драйзером" жена писателя Эллен Ричардсон вспоминает, с каким почти нечеловеческим упорством он, тяжелобольной, продолжал диктовать последние главы своего последнего романа "Стоик" Он хотел написать еще хотя бы одну-две главы этой третьей части "Трилогии желания", с тем чтобы сделать духовное перерождение героини психологически более достоверным: продолжал действовать тот творческий и чисто человеческий импульс поведать о горе и заботах, который заставлял Драйзера писать. Шервуд Андерсон очень точно подметил это в своей заметке о нем. Он вспомнил характерный случай, рассказанный ему женщиной, которая вместе с Драйзером, сотрудником газеты, посещала сиротский приют. Драйзер был совсем молод, но выглядел гораздо старше своих лет. Видимо, предполагалось, что он выступит перед детьми. Он сидел на каком-то возвышении, глядя, как собираются и строятся рядами маленькие фигурки, одинаково одетые. То и дело он вынимал из кармана, разворачивал, снова складывал и клал обратно в карман носовой платок. "По щекам у него текли слезы, и он горестно качал головой" – так рассказывала эта женщина, а Шервуд Андерсон от себя добавляет: "Вот истинный Драйзер" Как бы рисуя мысленно ту же картину во всех деталях, Андерсон продолжал: "Он уже стар душой, и он не знает, что делать с жизнью, поэтому он повествует о ней так, как видит, просто и честно".

"Тяжела, тяжела поступь Теодора, – там же писал Андерсон. – До чего просто взять любую из его книг и не оставить от нее живого места, насмехаясь над ним за его тяжелую про-

[1]В конце своей жизни в письме к И. И. Анисимову (письмо приводится в этой книге) семидесятилетний Драйзер подробно перечислил все написанное им и с присущей ему прямотой оценил свои книги. И "Оплот", и "Стоик" вышли вскоре после смерти Драйзера. Но и сейчас далеко не все еще из творческого наследия Драйзера опубликовано: письма, философские эссе, автобиографические материалы, планы, варианты и наброски еще ждут своего часа. В 1983 г., например, издательство Университета Пенсильвании, где хранятся основные драйзеровские рукописи, выпустило целую книгу Драйзера о его ранних писательских годах, о том кризисе, который он пережил вскоре после окончания и фактического запрещения романа "Сестра Керри".

зу. А Теодор прокладывает путь своей тяжелой, грубой поступью. Он шагает через чащи лжи, прокладывая дорогу. Вот дорога пошла улицей с причудливыми строениями, устремившимися к небесам. На улицу выбегает молодежь, и каждый кричит: "Взгляните на меня. Посмотрите, что мне и моим сверстникам удалось совершить сегодня", – и они забывают, что сама эта улица проложена грубой поступью Теодора. Старатели чернильного труда, прозаики Америки, идущие следом за Драйзером, будут вынуждены делать многое из того, к чему он и не притрагивался. Им придется тоже шагать далеко, но, следуя за ним, они уже не должны будут пробираться через заросли лицемерной неприязни, которые ему приходилось преодолевать в одиночку"[1].

Трудно найти в американской литературе писателя, который был бы менее зависим от каких бы то ни было литературных "манифестов" и тем более от критических советов и мнений. Известный литератор-сатирик Г. Л. Менкен, с которым у Драйзера была долгая и непростая история отношений, в предисловии к "Американской трагедии" писал: "Сорок лет я пытался убедить его как-то улучшить и оживить свою писательскую манеру, но преуспел не больше, чем если б захотел уговорить его заняться игрою в гольф или отказаться от понятий неевклидовой геометрии"[2]. Драйзер не стеснялся открыто признавать недочеты и недостатки своего стиля, он позволял редакторам сокращать и править свой текст. Он совершенно не боялся такой правки, точно так же, как не боялся показаться "нескладным" или сентиментальным, поскольку считал – не в этом дело. Правда, признавая, что книгам его недостает стилистической отточенности, Драйзер много раз обещал "непременно доработать текст" того или иного романа, но у него до этого как-то не доходили руки[3]. "Критиковать меня за то, что я сказал "жилетка" вместо "жилет", рассуждать о том, что я неверно использовал форму инфинитива, что я порой прибегаю к вульгарным просторечиям, в то время как развертывается трагедия жизни человеческой, просто глупо", – так однажды сказал Драйзер, и в этом выражалась вся его писательская программа, его основной принцип. Вопросы изящества литературной формы представляются ему слишком незначительными по сравнению с необходимостью вовремя и доступно раскрыть перед читателем проблемы жизни. А к мысли о серьезности этих проблем он оказался приучен с малых лет.

[1] The portable Sherwood Anderson. P. 435.

[2] Цит. по кн.: Gerber Ph. L. Theodore Dreiser. N. Y., 1964. P. 179.

[3] Отредактированным оказался только один "Финансист", но характерно, что вместе с убранными повторами, исправленным синтаксисом из романа ушло нечто неповторимо драйзеровское.

Драйзер никогда не был спокойным наблюдателем, фиксирующим факты. Вид яркого заката, как и детского горя, трогал его до слез, он мог расплакаться на постановке "Американской трагедии", мог дать пощечину своему знаменитейшему современнику, крупнейшему американскому писателю, поскольку считал, что тот нанес ему оскорбление[1], мог отказаться от голливудского гонорара, т. е. от такой выгоды, самые размеры которой должны были, казалось бы, убаюкать всякую совесть и, напротив, разбудить инстинкт самосохранения. А Драйзер восстал против Голливуда в тот самый момент, когда там собирались избавить его раз и навсегда от денежных затруднений. Перед ним открывалась возможность творить, как говорится, совершенно свободно, нужно было только заплатить за эту "свободу" небольшим компромиссом. Но Драйзер не пошел на компромисс. Первый и один из очень немногих писателей он отверг эту могущественную "руку дающую" (и забирающую кое-что существенное взамен), обрушив на себя самого вот-вот было возведенное здание собственного благополучия. Он знал тяготы жизни, и он же не испытывал страха перед жизнью.

Количество жизненной и творческой энергии, заключенной в нем, было просто поразительным. В 1927–1928 году он за время поездки по нашей стране за три с половиной месяца проезжает шестнадцать тысяч километров; в 1931 году во время депрессии шестидесятилетний Драйзер посещает пятнадцать шахт в Питсборо, штат Пенсильвания; в шестьдесят восемь лет он совершает лекционное, точнее, полемическое, турне по Тихоокеанскому побережью; и работает над романом буквально до самого последнего дня своей жизни. А в то же самое время он чуть ли не с молодых лет производил впечатление старика! Такова была еще одна парадоксальная особенность этого человека – сочетание молодой энергии со старческой опытностью. Люди, видевшие его на склоне лет, поражались, насколько он еще отзывчив ко всем запросам и даже соблазнам жизни. Знавшие его в молодости говорили, что он уже тогда выглядел пожилым. Недавняя (1983 г.) статья Л. Доктороу о нем в литературном приложении к "Нью-Йорк Таймс" так и называется: "Романист, родившийся старым". И в самом деле, к тому времени, когда в 1899 году двадцативосьмилетний Драйзер начал по настоянию близкого друга писать свой первый роман – "Сестра Керри" (1900), – он действительно являлся уже не только искушенным журналистом, но и зрелой личностью.

[1]Свидетелем столкновения между Драйзером и Синклером Льюисом оказался находившийся тогда в США советский писатель Борис Пильняк, он рассказал об этом конфликте в документальном романе "О'кэй" (1933), см.: Пильняк Б. Избр. произведения. М.: Художественная литература, 1979. С. 508–511.

Творческий путь Драйзера совпал с началом XX века. Как будто самой судьбой писатель был предназначен к тому, чтобы выразить дух наступающей эпохи, и сквозной темой его творчества явилась жизненная борьба.

В очерке "Жизнь, искусство и Америка", который дал название нашей книге, Драйзер указал источники той идеологии, которая до поры до времени безраздельно владела им самим, которая владела сознанием множества его соотечественников. Он не делает сносок и даже прямо не называет этих источников, но лишь потому, что обращается он к соотечественникам, эти источники им слишком хорошо известны: "Каждый... стремится к одному – быть как можно счастливее"

Тема борьбы у Драйзера, как и у многих американских писателей (после него), является конкретизацией, расшифровкой исходного документа американской истории – Декларации независимости – в том пункте, где говорится о "неотъемлемых правах человека" и где в числе этих прав называется "стремление к счастью". Приведя эту формулировку в официальном американском переводе на русский язык, мы хотели бы еще раз сравнить ее с оригиналом: там понятие, переданное в цитируемом варианте как "стремление", имеет, несомненно, еще более энергичный, даже агрессивный оттенок настойчивого преследования цели. Речь идет о "добыче счастья", и вот в этом смысле Драйзер проверил данный пункт на себе и показал на примере многих своих персонажей. Он показал, как стремление становится самоцелью, как борьба поглощает человека, превращая его в некий инструмент для достижения "счастья" и лишая способности испытать само счастье.

Чрезвычайно характерно, например, что у первой героини Драйзера Керолайн Мибер (Керри) не только нет детей, но этот вопрос даже как-то и не может возникнуть, поскольку она в общем почти неспособна любить, движет ею только жалость к себе и – желание успеха. Эта милая, симпатичная и очень посредственная женщина "современна" в худшем смысле этого слова, в том смысле, в каком "современна" ее британская предшественница – Бекки Шарп из "Ярмарки тщеславия" (и совершенно не "современны" другие страдающие и влюбленные героини XIX века). "Современна" она не только отсутствием чувств, но и сознанием права на успех, и не просто успех, но успех творческий, триумф актрисы, при том, что фактически у нее нет к этому данных. Творческая одаренность Керри в романе никак не обнаруживалась, она такая, как все, не хуже и не лучше, и все же она, обычная провинциальная девушка, обладает честолюбием и, как выясняется, достаточно жестким характером, помогающим ей вскарабкаться наверх.

Сама по себе тема или даже темы "Сестры Керри" не являются для американской литературы новыми: нищета, поиски

работы, опустившиеся мужчины и женщины – все это так или иначе присутствовало в книгах целого ряда американских писателей, проложивших дорогу Драйзеру. В речи, произнесенной им в Париже на конгрессе "В защиту культуры", Драйзер упомянул их имена, произведения, вполне объективно поместив себя и "Сестру Керри" в тот же ряд. Некоторые имена и названия, как Стивен Крейн и его повесть "Мэгги, уличная девушка", до сих пор хорошо известны, некоторые полузабыты и представляют собой лишь исторический интерес. Но надо учитывать, что в свое время имена этих писателей гремели, их книги, например "Проезжие дороги" Хэмлина Гарленда, воспринимались как открытие, "Сестра Керри" оказалась замечена на фоне, уже насыщенном теми же красками неприглядной, будничной действительности. Значит, было в романе Драйзера нечто такое, что отличало его от произведений предшественников и современников. Здесь чувствовался взгляд человека, который все описываемые события не только наблюдал со стороны, но пережил сам, и это глубокое знание жизненного материала окрашивало драйзеровские повествования чувством более сложным, чем сострадание или сочувствие к героям, ищущим свой путь в жизни, ибо счастье одного достигается за счет несчастья другого в порядке жестокого выбора: стать в погоне за счастьем либо победителем, либо жертвой.

Первый роман Драйзера был историей победительницы, второй "Дженни Герхардт" (1911) – побежденной. Во втором романе Драйзеру (под несомненным воздействием чеховской "Душечки") удалось решить труднейшую художественную задачу: создать характер "просто хорошей женщины" с "добрым сердцем" и при этом не впасть в сентиментальность. По первоначальному замыслу роман должен был заканчиваться счастливым замужеством героини, однако логика жизни, логика книги заставила Драйзера изменить концовку: предоставив во имя любви свободу любимому человеку, Дженни остается ни с чем, ее жертва не вознаграждена даже морально, ее жребий – смириться и терпеть. Для того и для другого романа жизненными примерами Драйзеру послужили его сестры, а кроме того, что касается "Дженни Герхардт", материал дала Драйзеру работа в качестве редактора популярных журналов в 1904–1910 годах. Принесшая ему финансовую независимость, эта деятельность в творческом отношении важна была еще и тем, что помогла Драйзеру изучить и в дальнейшем даже в какой-то мере использовать и вкусы и жизнь широкого американского читателя, прежде всего читательниц, поскольку журналы, которые редактировал Драйзер, были "дамскими".

При сопоставлении самих романов с источниками биографы писателя пришли к выводу, что на деле события развивались несколько иначе, и та сестра Драйзера, которая чем-то

походила на Керри, оказалась просто несчастной женщиной, брошенной с двумя детьми своим возлюбленным. Но у Драйзера были и другие модели, главное же – свои повествования он не делал ни мрачнее, ни радостней жизни, стремясь к тому, чтобы читатель вместе с ним увидел механизм погони за "счастьем". Механизм, действующий по-разному – в сторону подъема или падения, однако с неизменным результатом: опустошая человека, в сущности, уничтожая человека, будь он в "битве жизни" жертва или триумфатор.

В "Трилогии желания", начатой в 1912 году и завершенной, или почти завершенной, лишь к исходу жизни, Драйзер обратился к теме, которая, казалось, буквально ждала такого художника, как он, на себе и своих близких проверившего механизм американского "успеха". Время невиданного промышленного роста в капиталистической Америке выдвинуло людей, которые подчиняли свою индивидуальность, способности, даже одаренность одной цели – обогащению. Астрономические состояния, сколоченные крупнейшими авантюристами делового мира, выдвинули в ранг хозяев страны фактически преуспевших проходимцев. Как же их оценивать? Тут мы можем вновь процитировать и Декларацию независимости, и самого Драйзера, чтобы убедиться в том, насколько его интересовал именно фундаментальный вопрос о началах и концах, истоках и итогах так называемого "американского эксперимента".

Еще в бытность сотрудником чикагской газеты "Нью глоуб" Драйзер впервые задумался над этой проблемой. О "гениях" делового мира, об их доходах кричала бульварная пресса, с открытыми обличениями выступала прогрессивная печать, обличениями, которые, казалось бы, должны были раз и навсегда опозорить и нравственно изничтожить этих людей; и наконец начиная еще с 70-х годов XIX века начал складываться особый жанр романа, который подсказала американская жизнь, – о бизнесе. К тому времени, когда Драйзер написал две первых части своей трилогии, "Финансист" (1912) и "Титан" (1914), уже было создано множество произведений на ту же тему, в том числе выдающихся, таких, как, например, роман Фрэнка Норриса "Омут" (1903). Существовала и многотомная "История больших американских состояний" Густава Майера, содержавшая такие факты из жизни магнатов, рядом с которыми "фикции" (как называют на английском языке романы) могли показаться просто неправдоподобными. "Драйзер обращается к теме больших денег", – оповестил публику корреспондент нью-йоркской газеты, взявший у писателя интервью. Книга Драйзера, казалось бы, должна была стать в лучшем случае еще одним романом на расхожую тему, а оказалась она уникальным человеческим, историческим документом нашего времени.

Конечно, в основе лежали собственные наблюдения Драйзера и его опыт, но, для того чтобы создать произведение поистине панорамное, требовалось собрать дополнительный фактографический материал. Центральная фигура должна была быть самой что ни на есть типичной, однако Драйзеру всегда требовался и живой прототип, который позволял ему "увидеть" героя. Сам писатель имел непосредственный опыт общения с одним из таких людей, пресловутым Эндрю Карнеги, у которого некогда брал интервью. В ответ на вопрос молодого журналиста: "Не был ли ваш подъем по деловой лестнице случайным?" – Карнеги характерно ответил: "Еще чего!" Но Драйзер выбрал не Карнеги, а фигуру не менее колоритную – "трамвайного короля" Чарлза Йеркса, тоже владельца астрономического по своим размерам состояния.

Впервые при подготовке произведения Драйзер провел поистине исследовательскую работу, изучив документы, газетные статьи, воспоминания врагов и друзей, посетив места, связанные с деятельностью Йеркса, день за днем восстанавливая его карьеру. Значительная часть материалов вошла в роман, это тот прочный фундамент, на котором Драйзер поставил фигуру "великого магната". В то же самое время при детальном знакомстве с этой личностью Драйзер не использовал в обрисовке Каупервуда, своего героя, мелких личностных примет, которые сделали бы образ более обыденным; некоторая плакатность входила в намерения Драйзера. "В "Финансисте" я не столько концентрировал внимание на главном герое, сколько на окружающих его условиях" – так сказал сам писатель в интервью корреспонденту. Драйзер считал, что у американцев весь талант нации выразился в бизнесе. В деловом практическом мире выросли личности выдающиеся, равных которым, по мнению Драйзера, нельзя найти среди американских художников или музыкантов. Условия возникновения таких людей, несомненно незаурядных и столь же несомненно ужасных, интересовали Драйзера прежде всего. Как могут в сознании людей, изображаемых Драйзером, укорениться представления о нравственности, если вокруг они не видят ничего, кроме того, что в английском языке обозначено выразительным словом "рэт-рейс" (крысиные бега), – т. е. ничего, кроме жадной погони озлобленных и потерявших всякий облик человеческий людей за тем, что им представляется счастьем?

На этой почве произошло столкновение Драйзера с критикой. Слова авторитетного прозаика Уильяма Дина Хоуэллса о том, что американские писатели должны отражать лишь "солнечную сторону действительности" и не должны публиковать ничего такого, что "нельзя было бы произнести вслух за обедом в обществе благородных дам", как нельзя более точно выразили литературную атмосферу в Америке на рубеже ве-

ков. Об авторитетности Хоуэллса Марк Твен говорил, что в американском литературном мире это высшая критическая инстанция, после которой апеллировать больше некуда. Но сам Хоуэллс не был защитником "хорошего тона", он был, скорее, одним из его нарушителей, хотя и не самым решительным. Во всяком случае, Драйзер с уважением относился к Хоуэллсу, а критики, нападая на Драйзера, называли его в числе последователей Хоуэллса, его книги – следствием влияния Хоуэллса, стремившегося побудить читателей серьезно взглянуть на жизнь через литературу. Своей печально известной фразе Хоуэллс придавал оттенок иронический и хотел тем самым подчеркнуть, как ограничено поле деятельности американского писателя и до чего узки воззрения американцев на литературу. Сейчас даже трудно представить себе, как та же "Сестра Керри", книга, на наш взгляд, скромная и сдержанная, могла вызвать ярость у блюстителей литературной нравственности! История преследования этого романа, с которого не просто хронологически, но и фактически началась американская литература XX века, много раз пересказывалась и критиками, и друзьями Драйзера, и самим писателем (частично она отражена и в предлагаемом сборнике): в первую очередь сам издатель, выпустивший книгу, вдруг отказался распространять тираж. Сделал ли он это по наущению жены или по каким-то сугубо личным соображениям? В истории с публикацией романа, как она обычно излагается, переплетены вымысел и реальность, но даже после того, как современные тщательные исследования помогли отделить правду от вымысла, остается факт организованного сопротивления, которое оказала роману, несмотря на все усилия друзей Драйзера, и консервативная критика, а вслед за ней публика. Борьба вокруг "Сестры Керри" была, однако, лишь первой из многочисленных литературных битв, которые приходилось выдерживать писателю на протяжении всех лет своей жизни. Фактически Драйзеру нередко и постоянно приходилось выслушивать нападки, причем нападки просто грубые, хотя исходили они и со стороны самой что ни есть элитарной критики, и со стороны "блюстителей нравственности"

Тенденциозность нападок на Драйзера очевидна, но далеко не все предвзятые выступления против него были бездарны, безосновательны и глупы – это в свою очередь хорошо видно сейчас, когда мы имеем возможность перечитать наиболее серьезную критику по его адресу.

Одна из таких статей подводила своеобразный итог первому этапу творчества Драйзера, она появилась в 1915 году, вскоре после выхода второй книги "Трилогии желания" – "Титан", и таким образом охватывала пять его первых романов, два из которых являлись, несомненно, его лучшими произведениями, не считая "Американской трагедии", над которой

Драйзер исподволь уже работал, но до завершения которой было еще довольно далеко. Называлась статья "Варварский натурализм Драйзера" и принадлежала она Стюарту Шерману, одному из так называемых "гуманистов" – неогуманистов, в устах которых понятие "гуманизм" обрело смысл, в сущности, противоположный тому, какой оно имело: гуманизм ренессансный явился знамением прогресса, а неогуманизм, сформировавшийся в США на грани XIX–XX веков, являлся по своей направленности консервативным. Этого рода "гуманизм" проповедовала элита интеллектуальная, несравненно менее состоятельная и даже "бедная" по сравнению с теми непросвещенными и ненасытными рвачами, которым в Америке могло принадлежать все что угодно, но тем не менее устроившаяся неплохо, удобно. Поэтому "гуманисты", подобные Шерману, демагогически призывали еще не устроившихся больше думать о высших человеческих ценностях и меньше о материальных благах. Такое явление, как Драйзер, – это был для них некий "зверь из бездны", красноречиво, однако неизящно напоминавший о том, что где-то по-прежнему идет неустанная и немилосердная борьба за благополучие, каковую, по мнению "гуманистов" (обеспеченных в основном профессорскими жалованьями), давно следовало прекратить и сосредоточиться на проблемах духа. Придет время, и Драйзер схватится с этими "человеколюбцами" в лице их лидера, гарвардского профессора философии Ирвинга Бэббита, а пока на него напал один из видных представителей их лагеря.

Тщательно продуманная и прекрасно написанная статья Стюарта Шермана[1] отражает практически все, в чем обвиняли Драйзера. Как это ясно уже из названия статьи, Шерман видел в Драйзере писателя-натуралиста и квалифицированно начинал свою полемику сначала, от истоков. Чтобы нам в свою очередь не ошибиться в понимании и оценке его позиции, напомним, что "натурализм" как литературный метод претендовал на соответствие наукам о натуре, природе, естественным наукам. Это главное в "натурализме", а не жизнеподобие, нередко называемое "натуралистическим" Шерман не был против сближения искусства с наукой, он говорил о том, что писатели-"натуралисты", начиная с их праотца Золя, толком не знают науки, переносят приемы научного исследования в художественное творчество с вульгарной прямолинейностью, и это характерно для крупнейших из них, того же Золя, а уж Драйзер и вовсе действует грубо и безграмотно, как истинный варвар.

[1]Как явление в своем роде классическое статья Стюарта Шермана перепечатана в критической антологии, включающей важнейшие точки зрения на творчество Драйзера, см.: S h e r m a n S. F. The barbaric naturalism of Mr. Dreiser. – In: D r e i s e r. A collection of critical essays. Ed. L y d e n b e r g, Englewood Cliffs, 1971. P. 63–79.

Было бы странно, если бы образованный и одаренный критик не увидел истинных слабостей и промахов писателя, в особенности такого писателя, как Драйзер, который своих слабостей и не скрывал. Выслушивая эти или подобные нотации, он со своей стороны клялся, что сначала стал, если угодно, "натуралистом", а затем уже прочел Золя и его последователей. Драйзер не отрицал ни своего пристрастия к философии, ни того, что философ он доморощенный. Сама страсть к философствованию, можно добавить, развилась у него от незнания философии, и едва только он узнал кое-что о Спенсере и социальном дарвинизме (хотя по справедливости этот дарвинизм надо бы считать естественнонаучным спенсерианством, ибо сам Дарвин шел от Спенсера, и знаменитая фраза о "выживании наиболее приспособленных" принадлежит Спенсеру, а "борьба за существование" – Мальтусу), он тут же увидел в этом нечто знакомое, будто он уже где-то читал то же самое или видел своими глазами. И это, конечно, "книга жизни"[1], которую он раскрыл с малых лет, с тех самых пор, как его семья вела борьбу даже не за более или менее устроенную жизнь, а за выживание.

Недостаток или даже отсутствие образования приводило к тому, что Драйзер открывал заново, для себя, известное, но, естественно, он воспринимал прежде всего то, что оказывалось созвучным его собственному жизненному опыту. Америка рубежа веков, когда с помощью невиданных махинаций вдруг, вроде бы из ничего, складывались миллионные состояния, когда разорялись и гибли мелкие и робкие предприниматели, а достойные, но лишенные предприимчивой жилки люди оказывались на самом дне общества, та Америка, которую близко наблюдал Драйзер, пестротой и обилием жизненных форм действительно напоминала джунгли. Драйзер пытался, вроде бы по Спенсеру, объяснить этот мир, внеся в него биологические законы борьбы за выживание. Однако сравнение животной борьбы за выживание с борьбой человека за то, что ему представляется счастьем, только частично объясняет, по Драйзеру, "загадку жизни" Если угодно, он и не претендовал на разрешение этой загадки, он стремился запечатлеть ее.

"Первый шаг, – писал Стюарт Шерман, – к определению особого вклада в литературу, сделанного Драйзером, должен состоять в том, чтобы развеять некую пыльную завесу, устроенную сторонниками нового реализма с целью затуманить восприятие "уважаемого неискушенного читателя". В их важнейших претензиях содержится значительная мера сознательного и неосознанного надувательства. Исключительно ради

[1]Точно так же прочтет Спенсера Джек Лондон и его герой Мартин Иден.

очищения атмосферы надо сказать, что смелость в умении наблюдать и правдивость в умении передавать факты действительности свойственна Теодору Драйзеру не более, чем Джону Бэньяну (писатель XVII столетия, автор настольной книги пуритан "Путь паломника" – *Ю. П.*). Названные нравственные свойства нельзя считать отличительными чертами новой школы, они присущи всякому значительному литературному направлению в пределах человеческой памяти. Каждое очередное литературное поколение, отталкиваясь от своих предшественников, провозглашало ли оно само себя классическим, или романтическим, или как угодно, вело борьбу во имя того, что́ это направление принимало за более верное воссоздание действительности. Кто не ошалел окончательно от самообольщений на данную минуту, кто способен хоть с каким-то беспристрастием вникнуть в дух времени, предшествующего его собственной эпохе, тот не падет до такого безобразия, чтобы утверждать преимущественное право своего века в желании видеть и говорить правду. Истинное отличие между поколениями заключается в том, что́ каждое из них принимает за правду, в том, что́ они считают существенным для правды. Разница между Бэньяном и Драйзером состоит в иерархии фактов, которые они сообщают"[1].

Ошибка Шермана, который со знанием дела приводил в порядок этические и эстетические понятия, заключалась в том, что ему никоим образом не хотелось видеть и признавать драйзеровских достоинств. Литератор профессиональный и последовательный, он, как видно, отдавал себе отчет в том, что малейшая уступка поведет к сдаче позиции, поэтому вместо того, чтобы показать лишь неполноту драйзеровской картины жизни (что было бы нетрудно и полезно сделать), он стремился доказать ее полную абсурдность. "Каждая из книг, – говорил он, имея в виду пять романов Драйзера, – с ее ошеломляющим нагромождением деталей является яростным доказательством в пользу грубых обобщений. Кто читает без иллюзий эти книги, тот видит, что, оказывается, упорядоченная жизнь, называемая нами цивилизацией, существует только на бумаге. В действительности же наше так называемое общество представляет собой джунгли, в которых идет и будет идти борьба за существование, и никакие общественные установления юридического, нравственного и социального свойства не изменят по существу характера все той же борьбы"[2]. Это одна из тех критических характеристик, в которых только оценочная окраска неверна, само же литературное явление описано совершенно точно – Драйзер добивался именно такого впечатления, которое, од-

[1] D r e i s e r. A collection of critical essays. P. 64–65.
[2] Ibid. P.66.

нако, не устраивало критика. Именно так: не то чтобы не убеждало, а не устраивало. Если учесть, что в принципе ту же картину стремился создать не один только Драйзер, что роман Эптона Синклера, который так и назывался – "Джунгли", к тому моменту уже давно существовал, то станет ясно, что критик, при всей внушительности своего арсенала, был обречен на поражение: он хотел доказать больше того, что можно было доказать, стало быть, стремился доказать недоказуемое. Приводя примеры в самом деле банального и аляповатого драйзеровского стиля (типа: "Она испугалась и замерла, словно птица в когтях у кошки", "Они бежали, как два леопарда", "Она являла собой весьма неустойчивый химический состав" и т. п.)[1], Шерман сам устраивал некую завесу, призванную отвлечь внимание неискушенного читателя от существа дела; написанная грубо и временами даже неумело новая страница открывается в литературе: просто существование – в свое удовольствие, духовная убогость, превратившаяся в американском обществе в нормальное, естественное состояние человека, раскрывается как драма множества жизней, раскрывается одним из тех, кто не со стороны наблюдал эту драму.

Ответом Драйзера на ожидания читателей и на упреки критики явилась "Американская трагедия" (1925). В позднейшем письме к издателю Гаррисону Смиту, которое включено в этот сборник, он сам просто и точно разъяснил замысел книги, не оставляя места для надуманных толкований. В трех абзацах, в сжатой и одновременно вместительной форме, писатель, которого часто обвиняли в неспособности найти единственно возможные, верные слова, излагает смысл каждой из трех частей своего основного произведения. По этому письму видно, что Драйзер, создавая свой роман, сознательно уходил от какого-либо одностороннего объяснения судьбы своего героя, хотел раскрыть и "раскрыл сложнейшую диалектику жизни и не менее сложную диалектику души"[2].

Общее впечатление от "Американской трагедии" было, как известно, потрясающим, и хотя критика опять, по его собственным словам, "отдубасила" Драйзера, но с тех пор он становится в литературе признанной величиной и силой.

Напомним также, что одновременно с "Американской тра-

[1] В переводах, надо отметить, это не всегда чувствуется, переводы иногда как бы улучшают текст, и это касается не только стилистики Драйзера, но, например, и Фолкнера.

[2] Мендельсон М. "Американская трагедия" Теодора Драйзера. М.: Художественная литература, 1971. С. 20. Напомним, что старейшина нашей американистики в то время, когда появилась "Американская трагедия", жил в США, непосредственно наблюдая и жизнь, отраженную этим романом, и отклики на роман.

гедией", в том же самом году, вышло еще одно произведение, ставшее классикой американской литературы XX века. Это роман Ф. С. Фицджеральда "Великий Гэтсби" И по стилю, и по композиции совершенно иное произведение, чем драйзеровский роман, "Великий Гэтсби", однако, подводил читателей к той же проблеме – преступности. Как бы беря американское общество "в обхват", два писателя разных поколений и манер выявили один и тот же коренной вопрос: праведности или неправедности преуспеяния, и разница лишь в том, что у Драйзера Клайд Гриффитс сорвался с "лестницы успеха" сразу, едва только совершил преступление, он, собственно, едва успел начать подъем по этой лестнице, а Джэй Гэц, он же Гэтсби, "большой человек", находится на вершине успеха, у подножия которого в прошлом все то же самое, темные дела. В том, что усилия двух писателей совпали или пересеклись, впрочем, нет ничего удивительного, поскольку Фицджеральд причислял себя к последователям Драйзера, предполагая добавить к его бесстрашной правдивости еще и изощренную литературную технику[1].

"Теодор Драйзер вошел в революционные ряды"[2], – в 1932 году писал Сергей Динамов, советский литературовед, знаток зарубежной литературы, ответственный редактор журнала "Интернациональная литература"; ему самому в то время шел тридцать второй год. С. Динамов оценивал ситуацию, можно сказать, изнутри. Ряд лет он переписывался с Драйзером, был инициатором приглашения его на празднование первого десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции, подружился с ним, когда Драйзер приехал, и впоследствии, до самой своей безвременной гибели, продолжал с ним переписку. В статьях С. Динамова, посвященных Драйзеру, дана выразительная и отчетливая характеристика писателя, в том числе его общественно-политической позиции. И все же его суждение, приведенное выше, является некоторым преувеличением, оно опережало события. В своей эволюции Драйзер совершил, конечно, шаг принципиальный, но все же в ряды революционеров не встал.

Интерес к нашей стране был у Драйзера подготовлен многолетним чтением наших классиков. Драйзер в этом отношении не был случаем особым, он формировался как раз в ту пору, когда в Западной Европе и в Америке открывали для себя "русских" – нашу великую литературу, прежде всего Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова и Горького. Драйзер не

[1]См.: Фицджеральд Ф. С. Портрет в документах. Письма. Из записных книжек. Воспоминания. М.: Прогресс, 1984. С. 72.

[2]Цит. по кн.: Динамов С. Зарубежная литература. М.: Художественная литература, 1960. С. 329.

только читал русских писателей, он по-своему претворял в своем творчестве их уроки[1]. Что это означает? Именно русская литература, по мнению Драйзера, показывала непостижимую сложность натуры человеческой, и, когда в письмах к С. Динамову Драйзер выражал сомнение в том, что жизнь и людей можно както исправить[2], он как бы делился с ним впечатлениями от прочитанного в русской же литературе. И Шервуд Андерсон верно понимал Драйзера, когда писал: 'Он не знает, что делать с жизнью"

Главное, что поразило Драйзера из увиденного им в нашей стране, была духовность, одухотворенность людей. Можно сказать, что и об этом он прежде читал, но читал в литературе дореволюционной, а тут вдруг увидел своими глазами и к тому же помноженным на революционные преобразования, революционный подъем. Не все Драйзеру понравилось, не все порадовало, он и об этом не умолчал (что, однако, помешало в свое время изданию у нас его путевой книги "Драйзер смотрит на Россию", 1929), но можно и нужно сказать так: Драйзер никогда, до конца своих дней, не утратил того душевного подъема, который испытал во время поездки по нашей стране.

В то же самое время, как это показывает сборник очерков "Трагическая Америка" (1931), Драйзер все яснее видел принципиальную враждебность капитализма человеку. Тема наживы и атрофии человечности, та тема, с которой он вошел в литературу, не покидала его, действительность подтверждала верность его писательского чутья, давала материал для новых, все более резких выводов. "Трагическая Америка" – в заглавии очевидная ассоциация с названием "Американская трагедия". Драйзер отвечал тем критикам, которые поносили его роман как некорректное, неоправданное использование "частного случая", "отдельной судьбы" В "Трагической Америке" развернута картина страны, и во всех общественных институтах, сферах жизни, как показывал Драйзер, та же беспринципность и жадные стремления к обогащению – и это в стране, возвестившей на весь мир о своей преданности идеалам свободы: "Главные преступники нашего времени – это вовсе не те, кого можно выследить и поймать. Главные преступники – это те, кто сегодня, как сто, как тысячу лет назад, фактически правят обществом", – писал Драйзер.

Если революционность Драйзера нами преувеличивалась,

[1]О воздействии Толстого и Чехова здесь уже было сказано, о Достоевском и "Преступлении и наказании" в связи с "Американской трагедией" см. в цитированной выше кн. М. О. Мендельсона, а также Я. Н. Засурского "Теодор Драйзер" (М., 1964).

[2]С. Динамов неоднократно цитировал в печати это письмо от 5 января 1927 г., но скромно умалчивал о том, что оно адресовано ему, см. в этом сб. с. 284.

то антифашистский пафос его выступлений трудно было бы недооценить. В Германии или в Испании, где бы ни поднимал голову фашизм, Драйзер выступал его непримиримым противником. Столь же решительно и бесстрашно Драйзер выступил бы, надо думать, и против маккартизма в самой Америке, если бы он дожил до его активизации, во всяком случае, сам он как потенциально "опасный элемент" фигурировал в документах комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

О Драйзере однажды было сказано, что он как личность все же крупнее, чем как писатель. Но откуда мы знаем об этой личности, как не из книг, им же созданных? Разумеется, есть и мемуары, но личность писателя ярче и полнее всего отражается во всем его творчестве. И если Драйзер оставил о себе как о человеке память, впечатление масштабности и мощи, пусть в сочетании с некоторой неслаженностью, даже рыхлостью, то это потому, что в его книгах слышится и чувствуется "поступь Теодора".

Ю. Палиевская

Предлагаемый сборник включает в основном не издававшиеся ранее материалы из обширного наследия Теодора Драйзера. Из опубликованного ранее в сборник вошли отдельные наиболее известные работы. Авторы приносят благодарность профессору Калифорнийского университета Хью Маклейну, приславшему копии писем Драйзера, хранящихся в Библиотеке университета Пенсильвании, а также директору Библиотеки Ричарду Де Геннаро за разрешение опубликовать эти материалы.

СТАТЬИ
ИНТЕРВЬЮ
РЕЧИ

СТАТЬИ

Возвращение гения

Однажды появился на свет гений. В юности он познал нищету и горе. Однако в голове гения роились благородные мысли и великолепные мечты. Как-то с сердцем, исполненным печали и отчаяния, бродил он, взирая на богатство и великолепие, и сознание безысходности горькой судьбы смутило его душу. И он стал громко изливать свое отчаяние: "О, почему я не знаменит! Почему не прославлен, не богат, не живу в довольстве! Я согласился бы уйти из мира ради того, чтобы мое имя знали потомки".

Стеная таким образом, он поспешил в леса и поля и на берегу серебряного ручья упал навзничь, охваченный тоской. И в тот самый момент, когда он сетовал на свою участь, заслышал он ласковый сочувствующий голос: "О ты, жалкий глупец! Разве ты не гений? Разве перед тобой не целый мир? Смотри, вот он! Поднимись! Встань! Иди вперед! Проложи себе дорогу! Прославь свое имя!"

Он поднял скорбное лицо и, не заметив никого рядом, вскричал: "Кто говорит?"

"Бог Гения, – ответствовал голос. – Иди и дерзай, и я стану тебе опорой".

Гений вновь припал лицом к земле, вздыхая о том, что "уж лучше бы ему вовсе не являться на свет".

И тогда опять послышался голос: "Чего же ты хочешь?"

"Я хочу, чтобы мое имя осталось в веках", – ответил гений.

"У тебя будут и слава и бессмертное имя, но только при одном условии".

"Я приму любые условия, если это прославит мое имя"

"Я дарую тебе славу и богатство, дарую бессмертие твоему имени, если ты никогда не узнаешь и не узришь собственной славы".

Гений поднялся с земли, довольный.

"Иди же, – позвал голос, – и собери в поле букет маков. Трижды вдохни его аромат, и твое желание тотчас исполнится"

Несказанно обрадованный, отправился гений в дорогу, срывая то тут, то там маки, а когда собрал целую охапку, возвратился на берег ручья и трижды вдохнул аромат цветов. И тогда явилось ему чудное видение, и он оказался перенесенным в построенный из серебра особняк. Покои были отделаны золотом и драгоценными камнями, повсюду была дорогая мебель, какую едва ли можно себе представить.

Вокруг звенели голоса птиц, слышалось журчание серебряных ручейков, воздух дышал чудесными ароматами необычных и прекрасных цветов.

"О, – воскликнул гений, – теперь я счастлив, и моя слава никогда не померкнет"

Рабы в роскошных одеяниях предупреждали каждое его желание и ежедневно приносили ему вести о мире, сокрытом от его глаз. Вести эти были начертаны на листах из чистого золота. Сладкие голоса из того же невидимого им мира день и ночь пели ему: "Имя твое да прославится навеки!"

Но шло время, и странные сомнения закрадывались в его душу. Поначалу он слышал нашептывания некоего недоброго советчика, и какое-то время он их просто отгонял от себя. Однако они были столь навязчивыми, что он почувствовал себя несчастным.

"О, – думал он, – как бы я хотел вновь увидеть мир. Чего стоят величие и слава, если они не дают радости! Мне хочется видеть мир ликующим и улыбающимся; видеть счастливые лица, слышать слова восхищения. И ради этого я готов забыть о богатстве и роскоши. Если бы я смог добавить это к своему счастью, чаша моей радости была бы переполнена"

И как только подобная мысль его осенила, он услышал тот самый голос: "Я одарил тебя златом и серебром и роскошной жизнью. Ты познал наслаждения, недоступные другим. Имя твое бессмертно. Но ты жаждешь услышать хвалебные голоса? Тогда имя твое забудется. Тебе необходимо людское восхищение? В таком случае имя твое будет предано забвению. Тебе хочется смешаться с людьми, чтобы они тебе поклонялись? Тогда имя твое умрет вместе с тобой".

Гений погрузился в глубокие размышления, не находил покоя. Окружающая его роскошь уже не была ему мила. Журчание ручьев перестало быть ласкающей слух мелодией. Мир лишился гармонии. Со временем все настойчивей росло в нем желание обрести величие среди людей.

"Я ухожу, – вскричал он. – Я смешаюсь с людьми, буду одним из них. Они мне дороже, чем серебро и жемчуга, ближе,

чем слова хвалы и блистательная роскошь. Распахните дверь! Я покончил с подобной жизнью. Я вновь обрету человечество". И он устремился прочь из дворца.

На последней ступеньке лестницы его встретила прекрасная девушка с лютней в руках и с букетом цветов. "Трижды вдохни их аромат, или живой мир навсегда исчезнет", – сказала она. И гений, склонившись, упился их запахом.

И вот вновь перед ним ручей. Как и прежде, он представил себе свою жизнь со всеми ее страданиями и, устремив взор к небесам, вскричал: "О, пусть мой сон не кончается". Но в ответ голос прошептал: "Дерзай! Возведи себе дворец. Ты его никогда более не покинешь. Твоя сила только в твоих собственных руках. Созидай свою собственную слáву. В твоих силах – и ничьих других – добиться этого. В труде да закалится твой талант. А помощь богов тебя погубит".

И гений, вняв этим золотым словам, вернулся к людям.

1892

Бальзак

Одной из тем, заслуживающих обсуждения, является перевод с французского на английский язык всех романов Оноре де Бальзака, величайшего из романистов Франции, упоминание имени которого заставляет бледнеть наших второразрядных литераторов. Он явил нам пример подлинного романиста! Он был тем, кто познал человеческое сердце, гордое и безрассудное, способное и возвысить себя, и унизить; тем, кто никогда не осмеивал человека, не обличал его, а просто показывал его в моменты испытаний и радостей, показывал, как он мужал, любил, ненавидел и умирал. Великолепный, блистательный, уверенный в себе Бальзак, Александр Македонский в литературе, в творчестве которого романтика и реализм образовали единый сплав. О, какой урок содержат его романы для всякого трезво мыслящего человека! Каким откровением является его анализ человеческой души! Он был тем, кто знал нашу телесную сущность и наш дух, наши страсти и увлечения. Он был тем, кто помогал нам уразуметь, во имя чего люди трудятся; как они становятся рабами собственного стремления к славе и как, достигнув ее, тщетно пытаются ее удержать. Это он описал мечты молодого человека и скептицизм старика, изобразил глупца, влюбленного, бедняка, а также потаенные муки женского сердца. Ему было ведомо, что означает холод, голод, гордость, одетая в рубище. Он понимал переживания влюбленного, матери, друга. Ложе заболевшего бедняка и роскошная карета богача описаны им равно убедительно. Встречи, расставания,

проигрыш последнего гроша за игорным столом, обретение миллионов благодаря одному счастливому ходу; заклад в ломбард платья, памятного подарка, локона возлюбленной для того, чтобы купить кусок хлеба или лекарство, – все это был способен объять его удивительный ум. Высшее общество, самые беднейшие слои населения, разные профессии и роды деятельности – во всех сферах черпал он уроки, находил своих героев и сюжеты произведений, находил материал для обобщений морального характера. Таким предстает Бальзак в своих романах. Американцы могли бы извлечь из них для себя пользу, но они пренебрегают этим. Романы Бальзака – самые замечательные образцы этого жанра в мировой литературе.

1896

"Алый знак доблести" Стивена Крейна

Неудачные художественные произведения неизменно являют собой мрачное и безотрадное зрелище, зато приятно выделить то, что является действительно достижением в литературе. Вряд ли можно испытывать радость, изыскивая недостатки у тех писателей, которые стремятся добиться успеха на литературном поприще и выделиться на общем фоне. Порой вынужденные прочесть дурное, ремесленническое произведение, мы возмущаемся и готовы отозваться о нем резко и обидно, но этот порыв быстро проходит. В Америке нет по-настоящему нелицеприятных критиков, и просто удивительно, какое множество скверных романов получает похвальные отзывы и допускается к печати, хотя они, если быть справедливыми, либо вообще не заслуживают внимания, либо должны быть отвергнуты решительно и резко.

Однако забудем о всех этих литературных поделках, ибо гораздо приятнее поразмышлять о Стивене Крейне и его замечательной повести о войне "Алый знак доблести".

Вот вам, если угодно, истинно американский романист, сильный, проницательный, остроумный, блистательного интеллекта, обладающий способностью анализировать и оценивать – несмотря на отсутствие необходимого непосредственного опыта, – выражающий чувства, в которых проявляется не что иное, как дыхание некоего сверхсердца. Он никогда не был свидетелем описываемого, а душа его слишком молода, вольна, порывиста и незнакома с безумным страхом и леденящим ужасом, наполняющим душу его героя. Не сочтите это за парадокс, но кажется, что иные души, будто оставив усопших страдальцев, продолжают жить болями и надеждами тех, чья плоть освободилась от земных трудов и забот. Нет ничего странного и непо-

стижимого в том, что на земле, истерзанной раздорами и распрями, возникло такое ощущение, что нас преследует память о тех, кто навсегда от нас ушел, о тех, которые любили и сражались, боролись и погибали, а теперь лежат одинокие в безымянных могилах. Но вот приходит человек, исполненный воспоминаний и горечи о прошлом, с сердцем, глубоко и искренне созвучным всем былым радостям и ужасам. В этом нет ничего неожиданного, напротив, этого следовало ожидать, и Стивен Крейн – первый, но, конечно, не самый великий. За ним последуют другие; ведь мощный отзвук подобного потрясения еще не воплотился ни в песне, ни в легенде. Крейн блистателен, "Алый знак доблести" – смелое дерзание, но это пока лишь единственный роман. А ведь на земле разгораются все новые и новые сражения, а как истерзано человеческое сердце, знают и могли бы рассказать только наши мертвые, если бы им было позволено восстать из праха и вновь обрести голос.

1896

Самосохранение и сострадание

Мы слышим часто, буквально ежедневно, о людях грубых, деспотичных, неприятных и им подобных, внимаем длинным перечням недобрых деяний и на этом основании, не утруждая себя серьезными размышлениями, выносим приговор, как правило осуждающий. Нам приходится много читать, к каким пагубным результатам приводит индивидуализм наших соотечественников; тот, кто большую часть времени находится вне дома, наблюдая жизнь людей в разных ее проявлениях, сумеет рассказать, какие отношения складываются у мужчин и женщин, захваченных ежедневной деловой суетой. "Каждый за себя" – таков излюбленный девиз большинства, и если человек не обладает силой в физическом, интеллектуальном или финансовом плане, его топчут и отметают, оттесняют в сторону и забывают, пока робость и уныние не овладевают им, и он, готовый капитулировать и уйти от борьбы, крадется, словно раненый зверь, в какое-то укромное место, чтобы тихо умереть.

Конечно, справедливо, что добыча достается победителю, равно как и сильным представителям рода человеческого, но горько сознавать, что слабые и проигравшие не получают ничего. Провозглашен закон выживания, и ежедневно нам приходится наблюдать тысячи форм его проявления. Нищему отказывают в грошовой милостыне, потому что тот, у кого лишнее пенни, желает сберечь его ради собственных нужд. Руки, жаждущие работы, не могут ее получить, потому что работодатель спешит сэкономить свои накопления исключительно

для себя. Большинству людей незнакомы удовольствия, ибо доступ к ним по карману только избранным, и так далее.

В свете сложившейся ситуации резонно заметить, что самосохранение не имеет ничего общего с грубостью нравов, что потребность вести борьбу с целью уберечься от нищеты не может служить оправданием нечуткого отношения к ближним и что, наконец, в существующих условиях следует кое-что сказать и в их защиту. Мы знаем, что те, кто разъезжают в комфортабельных автомобилях, не обращая внимания на ковыляющих пешеходов, бессердечны. Мы понимаем, что дамы в театрах, мешающие своими пышными прическами смотреть другим, настолько поглощены собой, что вызывают раздражение окружающих. Нам абсолютно ясно, что люди, считающиеся лишь с собственными удобствами, заставляющие тех, кто ниже их, или тех, кто не может на них повлиять, ждать, или стоять, или являться к ним без необходимости, либо тщеславны, либо грубы, либо бесчувственны и непорядочны в прямом смысле.

Гармонически развитый, физически крепкий человек, наделенный ясным умом и уравновешенным характером, способен отозваться на те требования, которые столь убедительно изложены в золотой заповеди. Его чувство собственного достоинства вовсе не требует, чтобы другие толпились у его двери, в то время как он забавляется какими-то пустяками. Его покой не может нарушить нечто, кажущееся ему мелочью, однако крайне важное для других. Его гордость не может быть унижена общением с несчастнейшими из людей.

Из этого следует, что отнюдь не все люди отличаются необходимой гармоничностью, и в этом нет ничего удивительного. Слаб человек, поистине песчинка на лике столь бескрайнего мира и столь безграничной вселенной. Мы видим, что род человеческий подвержен изъянам, что его губят тысячи болезней. О том, сколь слаб человек, свидетельствуют внушительные психиатрические больницы и госпитали, наличие армии врачей и повсеместная торговля лекарствами. Еще чаще мы встречаем инвалидов, которые выстраиваются в проходах, увечных, хромых, слепых и калек. Мы сталкиваемся с ними, когда видим бледных и угасающих вокруг нас иногда далеких, иногда близких людей, когда смерть время от времени уносит тех, кого мы хорошо знали, с кем постоянно общались. С годами мы начинаем понимать всю тщету высокомерия, сознавая, что все мы хрупки, а многие – просто глупы, что и нам придется испытать горести, вызванные старостью, – быть отринутыми и полузабытыми, – а от этого нас не избавят ни богатство, ни слава.

И когда мы в полной мере осознаем, сколь слаб человек и подвержен ошибкам, когда мы уразумеем, что горе способно изменить привычные доводы, а нужда резко изменить миропо-

нимание, тогда мы острее прочувствуем призыв "Помогай ближнему", который сегодня кажется банальным, но который откроется нам в конце концов как великий философский принцип; тогда мы привыкнем не забывать о том, что большинство из нас питаются нерегулярно и где попало, обитают в холодных и нежилых помещениях, трудятся, подобно рабам, на огромных фабриках и заводах и лишены возможности пользоваться книгами и жизненными удовольствиями. Мы начнем иногда задумываться о том, что не все имеют достойное окружение и интеллигентных друзей, а потому не всегда способны вести себя корректно, быть довольными жизнью и источать улыбки. Мы проникнемся пониманием того, что ежедневно действуют жестокие и мрачные силы, которые влияют на наших собратьев, ломают их, превращая порой в ущербные существа. А когда мы это осознаем, наши насмешки уступят место чувству симпатии к таким людям. Мы просто подчинимся нашему кодексу, нашим заповедям: не лги, не кради, не будь жестоким к любому живому существу. Ведь человек всегда остается человеком, как бы часто он ни терпел неудачи.

1896

Прегрешения американской прессы

Пресса в нашей стране – это особый мир, к тому же неуязвимый для внешних сил, готовый одолеть зло, в нем заключенное. Люди, как правило, побаиваются газет; я имею в виду тех, для кого собственные дела поистине священны; ни один человек, если брать сферу частной жизни, не решится бросить вызов печатным органам, пользующимся властью и авторитетом в обществе. В подобной ситуации газеты печатают все, что заблагорассудится, а люди продолжают их читать, радуясь любой новости, и оплачивают их, не задумываясь, что многое, публикуемое на этих страницах, не просто выдумано, но и лишено здравого смысла. Читатели не раз были свидетелями того, как газеты укреплялись, становились всесильными, видели, как в них укоренялись тщеславие, самомнение, жажда сенсаций, и были не в состоянии всему этому противостоять, ибо, как говорилось выше, пресса – это особый мир, неуязвимый для внешних сил.

В свете такого положения вещей отрадно, что протест против культа сенсаций и тщеславия, против бахвальства и аморализма исходит не от внешних сил, а зреет внутри самого мира прессы. Некоторые газетчики заняли твердую позицию по данному вопросу и стали призывать собратьев-журналистов решительно следовать их примеру. Нам часто приходится слышать

о "преступной хронике", о "ловцах сенсаций", и никого уже не удивляет, когда в одном журнале решительно изобличаются ошибки, допущенные в другом, причем это далеко не всегда соперничающие издания. Газеты городов, расположенных далеко друг от друга, начинают полемизировать, печатный орган в Чикаго не раздумывая нападает на журналы в Нью-Йорке и Сент-Луисе или наоборот.

Все это, вероятно, содействует распространению правдивой информации, ибо в наших современных газетах скопились горы инсинуаций и материалов о преступлениях. Некоторые журналы стремятся к процветанию, демонстрируя заботу о человеке, хотя на деле их движущим мотивом остается алчность. Они играют роль поборников прав человека, ибо знают, что большая часть сражений, в которые они вмешиваются, проиграны народом, в силу чего их вопли не могут причинить никакого вреда. Они создают себе широкую рекламу, когда в судах и других оплотах правосудия выступают в роли защитника несчастных созданий от несправедливости закона, ибо знают, что выбрали себе подзащитных не без хитрости, с тем чтобы завуалировать подлинный характер борьбы и присвоить себе лавры. Они поддерживают интересы церкви не из-за уважения к религии, а для того чтобы заполучить подписчиков из среды людей с ханжеским образом мыслей. Они ратуют за интересы трудящихся отнюдь не ради победы трудящихся, а с целью привлечь и завоевать читателей из рабочей среды. Они выступают поборниками справедливости и несправедливости, правды и лжи, богатых и бедных в зависимости от того, что диктуют им в данный момент их деловые интересы. Их цель – обслужить как можно более широкие слои населения, не позволяя им конфликтовать друг с другом и не причиняя ущерба собственному престижу и прибылям.

Таков один из аспектов газетного мира, каким он нам видится, олицетворяемый сотнями так называемых завлекательных, несущих информацию журналов. Конечно, бывают исключения. То здесь, то там появляются замечательные люди, включающиеся в борьбу во имя человека на поприще журналистики, поборники правды, милосердия, благородства, которые не станут поддерживать любое дело, любых лиц, даже если им это сулит горы золота. Всюду, в каждом деле, встречаются настоящие люди, которые великолепны в своем равнодушии ко всему, кроме правды и чистоты, как они им представляются; и мир перед ними в неоплатном долгу. Но, подобно философам и поэтам, их немного, в то время как мир прессы кишит деятелями самого алчного и низкого пошиба.

1896

Журналистика и писатель

Газеты имеют обыкновение с удовольствием информировать после смерти писателя о том, что, к примеру, покойный Г. К. Баннер начинал как редакционный работник или был отменным репортером в некоем журнале. Все это весьма лестно для газет и не столь уж далеко от истины, однако читателям подобных сообщений не следует полагать, что газеты озабочены исключительно пестованием талантов. Наоборот, желание трудиться, создавать что-то для мира наталкивается на жестокий отпор в горниле газетной текучки, попытки высвободить час-другой для души терпят неудачу, сводятся на нет из-за непрестанной занятости. В итоге человек обычно испытывает такое разочарование, что решает либо расстаться с мечтой стать писателем, либо поискать другое поприще, дающее больше возможностей для досуга. Гений выбивается на поверхность. Талант, так и не получив признания, нередко иссушает и растрачивает себя в сфере журналистики.

1896

Два типа людей

Кем предпочтительнее быть: сильным человеком со средним интеллектом или слабым с могучим умом? Если последний велик в духовном смысле, то первый – в физическом. На этот вопрос нельзя ответить однозначно, равно как и выбрать золотую середину, заявив, что нормальное соотношение между физическими и умственными данными и есть самое лучшее. Обратимся к конкретным обстоятельствам, рассмотрение которых поможет нам сделать правильный вывод.

Итак, перед нами сильный человек, скажем рядовой фермер, отец пятерых сыновей. Вот он, олицетворение редкой энергии, достоинства и красоты. Благородная посадка головы, широта движений, золотисто-серебряный отлив бороды, невыразимо глубокий взгляд темных глаз – все в нем прекрасно. Он шести футов росту, ему за восемьдесят, его сыновья – красивые, смуглолицые, статные бородатые крепыши. Они, как и дочери, любят его, и у всех, кто его видит, возникает то же чувство глубокой симпатии. Он ничего не пьет, кроме воды, и на его открытом загорелом лице играет свежий румянец.

Ему нравится охотиться и рыбачить, он любит свою лодку и места, где бродит с ружьем. Когда он отправляется с пятью сыновьями и многочисленными внуками на охоту или рыбалку, то выглядит самым красивым и энергичным; с ним хочется находиться как можно дольше; разговаривать, касаться его

руки, видеть блеск его добрых глаз. Он пленяет вас как образец совершенного человека – до тех пор, пока вы не встретите другого, интеллектуального, но физически слабого.

Он тоже высок, крепок, но его плечи округлы, голова опущена. Его лоб высок, но печально бледен, а его большие глаза тусклы, грустны, устремлены вниз, словно красоты природы для него не существуют. У него нет детей, здоровых и симпатичных, в его внешности не чувствуется внутренней уверенности. Жизнь за пределами дома его не интересует, его не влекут ни охота, чи рыбная ловля, ни прогулки, потому что ноги его подводят. В то время как другие живут в реальном мире, он пребывает в сфере теорий, в области мечты, воспоминаний, принципов, пленительных, но недостижимых. Он трудится среди книг, отвергая ложные понятия о жизни и формулируя принципы истинные. Согласно его представлениям, мир, некогда светлый, омрачен злом; для него радости жизни отравлены от сознания того, что другие – несчастны. Он не увлечен охотой, не ходит на рыбалку, ведь многие лишены этой возможности. Он равнодушен к золоту; слава для него – утомительное бремя; лесть – подобна жужжанию насекомых. Он отказывается от стремления к удовольствиям, видя в них проявление тщеславия. Отклоняя милосердие как таковое, равно как и сострадание по отношению к своему возрасту и к своим слабостям, он, однако, за то, чтобы милосердие и сострадание стали важными факторами, помогающими побеждать жизненные невзгоды. Одинокий, он скитается, предается возвышенным мечтаниям, трудится в ущерб своему здоровью, чтобы принести радость тем многим, кто устал, кто нуждается в отдохновении.

У этих двух примеров не может быть счастливой середины, необходимо выбрать что-нибудь одно. Кого же вы предпочтете?

1896

Декадентская школа

Одной из лучших иллюстраций той истины, что в искусстве всякая надуманность саморазрушительна и что всякая искусственность не может длительное время привлекать интерес людей честных и прямодушных, является упадок новейшей школы искусства и литературы, каковую за отсутствием более подходящего термина обычно именуют "заумной" или "темной" школой. В прошлом году повсеместно толковали об особенностях черно-белых рисунков Обри Бердслея, восхваляя их впечатляющую силу; всякий рассуждал о том, какие это неподражаемые

работы, как одарен мистер Бердслей и как, наконец, под его воздействием должно измениться и обогатиться искусство в целом. Энтузиазм был столь велик, что иные не без грусти задавались вопросом: что будет с мистером Ч. Д. Гибсоном и его прекрасными полотнами, с мистером Джорджем Дюмурье и его картинами, с Шере и всеми другими французскими мастерами традиционного стиля? Пока велись подобные разговоры и все не уставали удивляться, мистер Бредли увлекся имитацией мистера Бердслея, мистер Хацеплуг стал подражать им обоим, а вслед за ними появился целый сонм мелкотравчатых живописцев, которые принялись копировать всех и вся, лишь бы их полотна выглядели грубыми и необычными. В конце концов начало укореняться мнение, что живопись революционизируется и что Обри Бердслей и есть истинный пророк в мире искусства. Страну буквально наводнили странноватые плакаты и полотна; журналы запестрели материалами, касающимися подобных необычных картин, и появилось немалое число скороспелых периодических изданий с иллюстрациями, выполненными в новомодной манере, а также с текстами, непонятными читателям. Всеобщее увлечение искусством было в полном разгаре.

Примерно в это же время претенциозность и заумь буквально захлестнули литературу. Молодые люди со всех концов страны, жаждавшие успеха, готовы были лезть в любую дыру или щель, дабы протиснуться на свет божий к популярности и процветанию. А для этого они принялись сочинять нечто непривычное, алогичное, рассчитывая, что подобная продукция украсит страницы новых периодических изданий. На первых порах казалось, что эти странноватые художники и литераторы действительно ярче и одареннее других; что все, кто их не принимал, просто не доросли до них в интеллектуальном плане. Не в силах уразуметь их сочинения, публика испытывала перед ними благоговение – таково обычно воздействие, производимое либо великими откровениями, либо, напротив, великими заблуждениями. Только время и более основательное знакомство с ними способны рассеять первые иллюзии и дать доказательства того, что́ в подобном искусстве, столь неожиданном и непривычном, вредно, а что́ ценно.

Именно время и послужило испытанием для новомодного искусства и литературы. То, что представлялось необычным, глубокомысленным, на поверку оказалось всего лишь смешной аффектацией, то, что воспринималось как оригинальный поиск, было лишь бесплодной деформацией реальности. Люди устали удивляться и благоговеть. Позолота сошла с деревянных идолов, обнажив грубую подделку. Отныне Бердслей больше не чудотворец. Уайльда перестали считать апостолом высшего интеллектуализма. Новая живопись не пользуется спросом, а журналы "конца века", утратившие привлекательность, никто не поку-

пает. Гибсон по-прежнему велик, так же как и Дюмурье. За ними не стоят сотни имитаторов. Их искусство не стало модой. То же относится к произведениям Киплинга, Крейна, Гарленда. А почему?

1896

Проблемные романы

Проблемные романы можно определить как произведения, где изображаются чрезвычайно сложные ситуации, которые иногда не в состоянии объяснить даже их автор. Это – явление, возникшее сравнительно недавно, одновременно с проблемными драмами, которые, однако, довольно быстро сошли со сцены, так как публика их не одобрила. Подобное же отношение к проблемным романам вскоре избавит нас и от них, за что мы будем только искренне признательны.

Последняя причуда этого жанра – "Одиннадцатая заповедь" Хэллиуэлла Сатклиффа, получившая известность сначала в Англии, где книгу расценивали как вещь чрезвычайно сильную и прочили ей сенсационный успех. Это послужило основанием для ее признания в Америке, а американские издатели ("Нью Амстердам бук компани") надеялись, следовательно, что она разойдется большим тиражом. В романе несколько влюбленных девушек изображены как особы необыкновенного благородства, их взгляды на любовь заслуживают, безусловно, одобрения, равно как и их поведение по отношению к возлюбленным. Их чувства ровны и постоянны, что вполне понятно в отношении девушек с высокоразвитым интеллектом; они полностью пренебрегают общественными условностями, которые требуют от девушек простоты, скромности и трепета в присутствии женихов. Они представлены как живое олицетворение философии, утверждающей права личности. Это особенно относится к одной молодой леди Беатрис Донхолм – главной героине, которая призвана подчеркнуть нравственный пафос романа и является его основным украшением. У этой молодой леди есть отец; репутация его отнюдь не безупречна, как догадывается дочь, поэтому она приходит к выводу, что его мнением и советами можно пренебрегать. Когда в нескольких чрезмерно растянутых первых главах описывается ее встреча с весьма добропорядочным молодым адвокатом, а в нескольких последующих столь же растянутых главах – ее чувства к нему, она твердо решает игнорировать возражения родителя и заходит так далеко, что сжигает письмо отца, в котором тот пытается воспротивиться ее намерениям, заявляя, что брак с бедным юношей невозможен. Идея романа выражена прозрачно: "Я выше уров-

ня обывателей, мне все равно, что обо мне будут сплетничать, я достаточно независима и уверена в себе", – слова, характерные для молодых женщин нового типа, о которых столько говорят.

Мне представляется, что большинству нормальных, честных, доброжелательных и знающих жизнь читателей уже приелась эта мысль, столь часто повторяемая в произведениях последнего времени. Они устали от идиотизма авторов, которые постоянно пытаются скрыть чисто человеческие проявления натуры своих героев и изображают любовь только как высокое, разумное и рациональное чувство. Читателей не вдохновляют романы с изображением девушек, трезво рассуждающих обо всем на свете, когда в жизни они видят вокруг себя лишь женщин, прекрасных в своей неразумности. Они понимают, что в них весьма поверхностно понятые философские идеи беспомощно перемешаны с самыми обычными, обывательскими рассуждениями и что и авторы, и женщины имеют слабое понятие о человеческой натуре, когда пишут, что любовь – предмет, о котором можно хладнокровно писать и рассуждать.

Мужчины, которые хоть немного знают женщин, согласятся, что чем женщины наивней и доверчивей, тем они милее, и что лишь недалекий мужчина способен вытерпеть общество женщины с философским складом ума, типа Мэри Эллен Лиз. Большинству мужчин по вкусу милая, приветливая маленькая женщина среднего ума, с некоторой долей тщеславия и многими слабостями, которая свято верит всем посулам своего любимого и которая готова умереть, если он окажется ей неверен. Она убеждена, что должна исполнить то, что предназначено ей природой, а не носиться с проектами изменить мир и утвердить какую-то более возвышенную любовь.

Что касается мистера Хэллиуэлла Сатклиффа, он весьма слаб во многих аспектах, один из которых – язык его романа, а второй – его философские выкладки. В своей книге он пространно рассуждает о старых, молью изъеденных философских идеях, которые недостаточно хорошо сочетаются, чтобы сложиться в систему, и недостаточно изящны и содержательны, чтобы вводить их в роман. Он так примитивно, так искусственно сопрягает сюжет и обращения к читателю с моральными сентенциями, что это делает роман скучным и непривлекательным. Он явно позаимствовал идею о духовной природе любви из сочинений поэтов и философов типа Гёте и Карлейля, где она выражена весьма непоследовательно. Если бы он почитал, что написано о любви у более суровых (и безжалостных) наставников, таких, как Спенсер, Хаксли и Хьюм, его роман не был бы столь нарочитым и претенциозным – а скорее всего, он бы не написал его. Как и другие авторы проблемных романов, он одержим навязчивой идеей сделать то, чего не сделал никто до него, – изменить природу человека (тогда как она не может измениться),

вместо того чтобы изображать ее такой, какая она есть. Подобно "Идеалу", "Небесным близнецам", страницы его романа полны блистательной болтовни – но нет в них ни одной реалистической детали, нет жизни. Жизнь есть действие, а действие способно нести моральную оценку лучше, чем любые теоретические рассуждения. Неправильные действия человека вызывают ощущение драматизма и горечи, правильные – радость. Я предпочитал бы один сюжет, лишенный философии, неразумному соединению того и другого. В конце концов, вопрос о моральной стороне любви и брака так же вечен, как сама жизнь, и меняется едва ли быстрее, чем климат на планете. Иными словами, рассуждения мистера Сатклиффа по этому вопросу – пустая трата времени, равно как и рассуждения сотен других весьма прогрессивно настроенных людей, озабоченных подобной проблемой.

1896

Сила и борьба за существование

Во многих своих коротких стихотворениях Уолт Уитмен вдохновенно ратует за то, что необходимо быть сильным, выделяться среди сограждан крепостью мускулов, красивым, здоровым телом. И вот молодой бард Эрнест Макгаффи возносит хвалу людям физически совершенным, побуждая слабых убраться с многолюдной жизненной стези и искать спасительный полумрак, где собственная тень будет им защитой. Мужчинам в наши дни особенно полезно тренировать свои мышцы, чтобы стать статными и могучими, чтобы играл румянец на щеках. Процесс специализации в разных сферах производства ведет ко все более истощающей физической перегрузке, и те, кому не посчастливилось обладать крепким здоровьем, рискуют преждевременно сойти в могилу и быть преданными забвению.

Когда произведения искусства, достижения науки и изобретения все в большей мере усложняются, важно, чтобы человек обладал не только сильным интеллектом, но и имел прекрасные мускулы и здоровые нервы, которые питает горячая кровь, врачуя усталость.

Мы знаем, что оказавшийся в толпе атлет, уверенно шагающий, с достоинством окидывающий взором мир, привлекает к себе внимание; что в любви слабые вызывают презрение. Прекрасные женщины обольстительно и с нежностью глядят на тех, кто являют собой физическое совершенство, в то время как хилые, бледные и слабонервные ими отвергаются.

Прекрасные женщины! Вы – горечь и отрава, заключенные в чаше бытия, для тех, кто по прихоти рождения или же нелепой случайности оказались проигравшими в великой жизненной

битве. Мы знаем, что женщины, предмет наших устремлений к красоте, благосклонны к сильным, богатым, красивым. Если же вы в чем-либо не преуспели, то обречены вести борьбу за существование без любви, дружбы, в мучительном одиночестве.

Однако, признавая, что слабые нежеланны, малопривлекательны, скучны, в то время как сильные, не нуждающиеся ни в жалости, ни в симпатии, вызывают восхищение, мы не должны винить неудачников. Они не сами создавали окружение, в котором родились; они не могли управлять силами, которые формировали их на заре жизни. Бедность! Но бедняками они стали не по своей воле. Невежество! Но именно оно с самого начала мешало осуществлению их планов. Общение с добрыми друзьями! И в этом им было отказано. Уважение, которое вызывает у окружающих добротная одежда, средства на текущие расходы, обставленное жилище, – к несчастью, и здесь они были обделены. Тепло человеческого участия, доброта, дружеский совет – им так недоставало всего этого!

Вправе ли мы сетовать, что люди, чья ранняя юность была столь печальна, душевно очерствели? Стоит ли удивляться, что они так желчны, циничны, сумрачны? Можно ли порицать их за то, что они бездумно жаждут наслаждений, хотя при столь низком и к тому же искаженном интеллектуальном развитии они, вероятно, не сумеют познать смысла земных радостей и насладиться ими в полной мере? Чем помочь им, разве что выразить свое участие и попытаться удержать их на тяжком пути, где на их долю выпадает больше невзгод и испытаний, чем они того заслуживают?

Мы должны преклониться перед силой. Уступим дорогу тем, кто молод, крепок и здоров, – увенчаем их чело лаврами победителей. Но протянем руку милосердия тем, кто с младенчества познал горе и лишения, сделаем для них все, что в наших силах. Мы не имеем права долее оставлять детей на произвол судьбы; в противном случае мы поставим под угрозу само существование жизни на земле.

1896

Нью-йоркская городская трагедия

В этом мире борьбы и несправедливости ничем так не разжалобить человека, недовольного своей судьбой, как нелицеприятным зрелищем того, в каких условиях пребывают его ближние. И не в книгах, ибо книги могут возбудить ложные чувства, и не посредством глубокого самоанализа, но прежде всего благодаря приобщению к людям, благодаря конкретному знакомству с теми местами, где поселилась нищета. В каждом

городе случается бесчисленное множество драм и трагедий, приносящих страдания, точно так же как в поселках и деревнях, как, в сущности, в любом доме. Нет нужды спешить в дальний путь, чтобы столкнуться с явлениями, способными смягчить сердце и самый суровый характер: они происходят повсюду, куда бы вы ни направились. Сентиментальность малопривлекательна, чего, однако, нельзя сказать о чувстве сострадания. Ни себе, ни окружающим не может повредить сердце, способное биться в унисон с сердцами других людей, на какой бы низкой общественной ступени ни находились эти люди. Поэтому было бы крайне полезно, если бы каждый из нас, осмотревшись, заприметил эти забытые, сокрытые от взора переживания других людей, изучил бы их жизненные условия, их чаяния и проникся желанием хоть как-то облегчить их участь.

Странно, однако, что о нищете непросто вычитать из наших ежедневных газет; а между тем, как известно, не проходит дня, чтобы она о себе не напоминала бы. Это и удивительно, и вместе с тем объяснимо, ибо нужен талант, чтобы познать истинное горе, чтобы его запечатлеть и объяснить; а ведь газетный мир так засорен, что подлинно одаренных журналистов не так просто обнаружить. Обычно наиболее способные писатели в газетах специализируются на более привлекательных аспектах повседневной действительности, в то время как судебная и полицейская хроника, т. е. материал, вобравший в себя взлеты и спады человеческого страдания, – этот материал отдан на откуп посредственным репортерам или новичкам в журналистском деле. Последние, если им удастся натолкнуться на интересный сюжет, оказываются либо бесчувственны, чтобы его воплотить, либо лишены мастерства, чтобы его описать, либо просто ленивы и безразличны, загрубели вследствие длительной работы в данной области. Когда же какой-нибудь новичок ухватит "добрую, грустную историю", как это именуется на журналистском жаргоне, и она станет достоянием гласности, будучи пронизана живым дыханием нищеты и горя, – читатели лишь подивятся, узнав о существовании подобных бедствий, и даже усомнятся в реальности описанного. Они отнесут это к разряду журналистских преувеличений, которые являются в наши дни синонимом искажения правды, практикуемого газетами.

А вот о какой истории поведала в прошлом месяце одна нью-йоркская газета: речь шла об очень бедной женщине, муж которой превратился в бездомного бродягу, сама же она жила в комнате-клетушке, пустой, сумрачной и зловонной. Это было слабое и беззащитное существо, и, поскольку у нее не хватало сил себя обслуживать, она полагалась на помощь ребенка, следившего за ней, что, конечно, было явно недостаточным. И вот, когда голод стал невыносим, эта женщина покинула свою каморку и отправилась на поиски работы и нашла ее спустя неко-

торое время в лавке старьевщика. Там, занимаясь сортировкой вещей по четырнадцать часов в сутки, зарабатывала свои жалкие центы, не более сорока в день, и таким образом ей удавалось сводить концы с концами. Но затем у нее уже не стало сил, чтобы заработать подобную сумму, и однажды вечером она добралась до дома, ослабевшая, в лихорадке, ослепленная усталостью, уже не в состоянии подняться по крутой лестнице, ведущей к ее каморке. Она рухнула, беспомощная и обессиленная, у двери, и там ее нашли, бездыханную, умирающую в самом центре огромного города, посреди грохота экипажей, веселья беззаботных людей на сверкающих огнями улицах.

Весь день тело умершей женщины лежало на матрасе в жару, и маленькие полуголые дети жильцов этого дома играли неподалеку от входной двери, ничего не зная о грустном событии. Жильцы, которым была знакома умершая, приходили взглянуть на нее, чтобы выразить с присущим им прямодушием свое сочувствие и огорчение и поинтересоваться тем, как это случилось. Ни один из них не высказал подлинного огорчения в связи с ее смертью. А уже к вечеру прибыл следователь с фургоном и увез тело.

Такова эта история, таковы горестные эпизоды, происходящие ежедневно. Но, конечно же, подобный случай – исключительный, а наше человеческое сердце слишком хрупко, чтобы подвергать его каким-либо треволнениям.

1896

Чтение для самообразования

Да не будет это расценено как вынад против чтения романов, но давайте представим себя читателями иного рода литературы. Естественно предположить, что вы читаете, чтобы заставить себя думать, хотя некоторые читают исключительно ради удовольствия; правда, таких немного, и жизнь устроена не для искателей развлечений. Если вы читаете с целью расширения кругозора, любые книги заслуживают рекомендации, ибо нельзя, много читая в определенной области знания, не обнаружить истины, справедливые, способные обогатить наш ум. Подобное чтение полезно, если подходить к нему с общезначимой точки зрения. Но если встать на позицию более догматическую, исходя из того, что жизнь нуждается в улучшении, что человек – ее часть и, следовательно, должен совершенствоваться, чтобы гармоничней вписаться в непрерывно меняющееся мироздание, в этом случае следует согласиться, что далеко не всякое чтение полезно. С данной точки зрения предпочтительна литература самого высокого класса, т. е. та, которая поможет вам прийти

к выводам относительно обязанностей, налагаемых на нас самим фактом нашего существования.

Не подумайте, однако, что отсюда вытекает призыв к чтению греческих и римских классиков или старых европейских мастеров – отнюдь нет. Не считайте также, что Шекспир, Мильтон и другие поэты меньшего калибра будут горячо вам рекомендованы. Ни в коей мере. Вам не следует читать никого из них, и самое разумное для вас даже не пытаться этого делать до тех пор, пока вы не отобрали произведения, открывающие доступ к более специфическим сферам человеческого знания.

Представьте себе, что, вместо того чтобы посвятить несколько часов "Диалогам кукол" или "Желтому Астеру" или любой другой книге из сотни подобных блистательных и мудрых сочинений, привлекших ваше внимание, вы обратитесь к иным, популярным, доступным трудам по астрономии, ботанике, химии, физике и другим наукам, столь активно издающимся в наше время. Вы сумеете извлечь некоторые сведения из области цветов и злаков, камней и минералов и их свойств, сведения относительно положения Земли – включающей в себя подобные элементы – по отношению к Солнцу и другим мирам, благодаря которым ночи прекрасны. После короткого знакомства с этими вопросами не покажется ли вам приятным приступить к ранней истории человечества, описанной Роулинсоном в его "Семи великих царств", и приобрести скромные познания о том, как люди осваивали этот мир и его богатства? Затем, узнав о первых человеческих цивилизациях, о прогрессе, осуществленном лучшими, наиболее сильными и способными среди людей в Древней Греции, как это описал Грот, обратимся к истории Рима в блистательном изложении Гиббона; далее, через историю Средних веков, изложенную Халламом, перейдем к современности, о которой нам поведают труды Гизо и Фруда и еще одного-двух ученых.

Подобным образом заложив основы некоторых представлений о нашей сегодняшней действительности, имело бы смысл эти представления закрепить, углубить с помощью трудов Навье, который поведает нам о камнях и залежах сланца, мела и угля, находящихся под нами. Можно обратиться и к работам Дарвина, Хаксли и Тиндала, посвященным теориям развития всего живого, начиная с того времени, когда земля представляла собой огненный шар, а небо – сверкающую бронзового цвета радугу, осыпанную звездами, создающими столь яркое сияние, которое сегодня нам трудно представить. И после прочтения всех этих книг разве не интересно было бы увидеть картину Вселенной в изложении Спенсера, сформулировавшего ряд блистательных законов, согласно которым все живое и неживое развивалось и оформлялось, в то время как жизнь все усложнялась, обретая еще большую красоту, в то время как архитек-

тура, скульптура, живопись и музыка обогащались параллельно с тысячами других аспектов нашей сегодняшней науки?

Если вы следовали в своем чтении подобному несложному принципу, вам нетрудно представить себе, что, взявшись за такую поэму, как "Потерянный рай" или "Паломничество Чайльд Гарольда", вы найдете ее не только ясной, но и подлинно прекрасной, и при этом вам откроется более общий универсальный смысл произведения. И вы увидите, прочитав роман, что сказанное в нем вам уже известно, и вы испытаете удовольствие от того, что сумеете вынести о нем собственное суждение, определить в нем ложное и истинное согласно вашим понятиям о жизни. Разве вся литература не станет тогда для вас еще более пленительной, ибо те или иные мысли, вызванные прозаиками и поэтами, доставят вам удовольствие, будучи соотнесенными с вашими знаниями, совпадая или не совпадая с ними? Конечно, существует множество красивых и удивительных вещей, о которых мы имеем лишь туманное представление и которые при желании могли бы нас заинтересовать. Почему не поразмышлять о них? Романы, думается, могут подождать, но, когда мы вернемся к ним спустя некоторое время, вернемся умудренными и более зрелыми, они покажутся нам еще лучше, чем сегодня, если это романы действительно неплохие. Если же это слабые произведения, то, обогащенные глубокими знаниями, вы не станете слишком сетовать на их авторов. Так почему бы нам сейчас же не начать?

1896

Борьба за существование

Один садовод-любитель с Запада заявил, что растения способны чувствовать, правда, не слишком отчетливо, так же как устрицы, некоторые виды слизняков и улиток, и что они могут ощутить доброту и внимание, подобно некоторым простейшим. Это вполне очевидная истина для ученых и философов, которые длительное время исследовали низшие формы жизни, стремясь постичь закономерности развития природы с начала ее эволюции. Весьма отрадно, что их научные открытия благодаря книгам, альманахам, журналам и газетам сделались достоянием всех граждан и дали добрые всходы в умах масс, способствуя лучшему пониманию того, что есть доподлинная жизнь. Если вы осознали полностью, что бытие животных и растений подчиняется одним и тем же законам; если даже самым заурядным людям известно, что растения делятся на мужские и женские особи и появляются на свет так же, как животные, и что они способны влюбляться и кокетничать особым, изящным обра-

зом – растение иногда может отвергнуть пыльцу от одного растения своего вида и принять ее от другого, которое находится на значительном расстоянии от него, но к которому оно ощущает влечение, – сердце ваше преисполнится благоговения перед чудом жизни во всех ее проявлениях. Если человек трудится, чтобы обеспечить себя одеждой, пищей и кровом, мы называем его разумным; если же растение прочно цепляется за землю корнями или же источает сладкий, липкий сок, привлекающий к нему мошкару и жуков, благодаря которым оно существует, мы называем это всего лишь инстинктом. Если человеку нанес рану его собрат, мы назовем это преступлением, ибо тогда он обречен истечь кровью и скончаться в мучениях. Если душа его уязвлена и он терзается, горюет, мы говорим, что он жертва оскорбления, и сочувствуем ему. Те, кто вредят ближним своим, по нашему убеждению, жестокосердные преступники. Но вспомните: если ранить растение, оно даст понять, что ему больно. Порежьте его ножом – оно начнет кровоточить. Обрубите ему ветви – и оно увянет. Если его потревожить, оно сразу начнет сохнуть и умирать, и это отразится на его внешнем виде. Многие растения весьма чутки к простому прикосновению. Стоит дотронуться до него пальцем, и оно встрепенется, как испуганная птица. Но ранить растение – совсем не преступление, считают люди, ибо для них оправданно все, что не вредит существу, им подобному. Для них не существует понятия греха, кроме того, что́ их собратьями по разуму из чувства самосохранения названо грехом.

Однако если человек не осознает, что его поведение по отношению к существам, стоящим ниже на ступенях эволюции, неправильно, то он никак не сумеет пройти по жизни, не причинив ущерба тем созданиям, которые окажутся на его пути, будь то люди или животные. Прежде всего, самый факт его появления на свет уже является угрозой жизни; он не может расти, не будучи зависим от других, не заставляя трудиться в поте лица тех, кто обязан о нем заботиться. Он не может питаться, не убивая кого-то – животных или растения, составляющие его пищу. Он не согреется, пока не отнимет у хлопка его коробочки, а у овец – их шерсть. Он не может ступать по земле – и не топтать безжалостно цветы и травы, не стирать каменистую почву. Во имя его жизни должно погибнуть все – овощи, плоды, цветы и животные. Надо взорвать горы, чтобы иметь камень для постройки его жилища, надо вырубить леса, чтобы красота резного дерева могла радовать в доме его глаз. Он должен победить там, где другие терпели неудачи, должен вытеснить слабых и немощных, погубить надежды и чаяния других, как и он стремящихся к успеху, и так далее – до самой смерти. Это закон, холодный, жестокий закон самосохранения, и все вынуждены ему следовать и либо упорно пробиваться вперед, либо

погибнуть. Горько сознавать, что таков закон жизни, но, однако, это неизбежность. И честь и слава тому, кто бьется мужественнее всех, но способен также проявить милосердие и пролить слезу сострадания о тех, кто побежден.

1896

Трест

В последние дни, отмеченные общественным недовольством и брожением, все больше сказывается тревога по поводу трестов. Это простое слово, когда-то безобидное, с тех пор как начало употребляться во множественном числе и предаваться анафеме, стало олицетворением так называемого великого зла, к которому люди справедливо проявляют самый острый интерес. Известны целенаправленные попытки отдельных групп сконцентрировать свои капиталы, с тем чтобы закрепить монопольное положение в отдельных отраслях торговли, промышленности или деловых операциях и подобным образом задушить возможную конкуренцию. Мы знаем, что некоторые компании и отдельные лица также сплачиваются на подобной же основе в интересах самозащиты. Таким образом они избавляются от необходимости иметь два завода, приносящих малую прибыль, в то время как один завод способен давать большую. Они делают это, чтобы платить рабочим меньше того, что они реально зарабатывают и что составляет их прожиточный минимум. Они делают это, чтобы обезопасить себя от непредвиденного невыгодного понижения цен, ибо сообща они обладают рычагом, поддерживающим их высокий уровень. Они объединяются, потому что единство дает им силу и власть, необходимые для их существования. Им нужно контролировать ход дел в широком масштабе.

Конечно, те, кто создают тресты, имеют свои цели. Они понимают, в чем их сила, как они смогут сокрушить соперника и унизить недруга. Они в полной мере отдают себе отчет в том, что, если их собственное существование вдруг неожиданно оборвется, то уж трест переживет многих из них и после их кончины наследники и правопреемники не останутся обделенными. Им отлично известно, что все они живут и духовной жизнью, в то время как их огромное предприятие лишено таковой и функционирует в соответствии с решением большинства тех, кто входит в трест, – даже если это решение ошибочно. Они знают, что трест функционирует постоянно, что никто из его должников не забыт, что он заставит всех от мала до велика, справедливо это или несправедливо, выполнить свои обязательства. Они понимают, что у треста, ими созданного, нет сердца, что невоз-

можно наделить столь мощную корпорацию никаким чувством жалости. Главное для них: создать трест, с его помощью сокрушить врагов, разбогатеть, и это их вполне удовлетворяет.

Наблюдая подобные явления, люди преисполняются желанием создать свой трест оборонительного характера, способный запугать и сокрушить другие тресты; он должен быть сильным, иногда жестоким, на этом базируются их доводы. И вот представители трестов вызываются на суд и должны держать ответ. От них требуют ясного объяснения, почему их более не удовлетворяет средняя прибыль и почему они, движимые алчностью, душат конкурентов и взвинчивают цены. У них осведомляются относительно разумности и гуманности их мотивов, вызывающих обеспокоенность лавочников, по какой причине мобилизуются лоббисты и почему они столь безжалостны в своих махинациях. Их заставляют отчитываться перед комиссиями и судьями, их порицают и обличают, осуждают за неправедные дела и помыслы, объявляют вне закона, а они между тем процветают, не терпят никакого ущерба и еще стремятся громко уверить всех и каждого, что делают только добро.

И ведь на самом деле они действуют в соответствии с законом и духом коммерции. Если два или четыре человека вкладывают свои способности и свои деньги в одно дело, то почему четыре деловых предприятия, будучи объединены, не могут слить свои средства и свою продукцию в рамках одного треста? Мотивы в обоих случаях одинаковы, различны лишь масштабы. Цели ни на йоту не отличаются в обоих случаях. Все жаждут денег; все жаждут власти; все жаждут господства над соперниками и конкурентами – во имя этого и создается подобная комбинация. Если в процессе осуществления данной операции наносится кому-то вред, забываются и жалость и добрые чувства; если предполагается подавление одних другими – тогда это печально и несправедливо. Жизненные принципы, однако, таковы, что высшая форма должна существовать за счет гибели низшей формы, а трест провозгласил себя подобной высшей формой. Угнетенные вправе защищать себя, если с этим не согласны, или признать собственную деградацию. И в случае их борьбы с трестами и теми, кто им покровительствует, последние должны быть побеждены. Эта борьба призвана доказать, что трест – огромное зло, доказать правоту всех, кто являются поборниками доброты, великодушия, любви и сострадания.

1897

Упадок американского театра

Доводилось ли вам следить за процессами, происходившими в театральном мире в последние годы? Кажется, он переживает

острый кризис. А ведь театр был когда-то действенным и живым. Подобно утесу, возвышался он на таких титанах драматического искусства, как Бут, Барретт, Мак-Куллох, Уоллек, Реймонд и Сальвини. В нем работали Джефферсон, Флоренс, Сазерн, Стоддард и Кэмпбелл, люди молодые и энергичные, мастерство которых придавало сцене блеск и престиж. Драматическое искусство, его лучшие произведения получили признание, сами драматурги не только пользовались уважением, но и финансовой поддержкой от государства и всячески популяризировались. Трудились прекрасные театральные коллективы, ставилось немало пьес самого высокого уровня, деятельность театров не только поощрялась, но хорошо оплачивалась и поддерживалась. Теперь, однако, все переменилось.

Театр, некогда действенный и игравший прогрессивную роль в обществе, ныне пребывает в состоянии разброда и развала, а его лучшие представители вынуждены вести нелегкую борьбу за существование. Отсутствуют и уважительное отношение и сколько-нибудь заметная потребность в драматургии высокого класса, которая до последнего времени была столь необходима. Утратили ореол и яркие актерские индивидуальности, дававшие ей сценическое воплощение. Даже сами прекрасные театральные здания более не нужны, и в них ставятся музыкальные комедии, чтобы возместить расходы по их содержанию. Короче, драматическое искусство пришло в упадок. Мы имеем дешевые поделки, клоунаду, сменившую классические образцы и безраздельно утвердившуюся на сцене. Все жаждут зрелищ исключительно легковесных и тривиальных. Публике, по-видимому, нужны лишь водевили, нечто бессмысленное и внешне броское. Пустопорожний юмор, примитивная музыка, самое низкопробное шутовство – вот что пользуется спросом и щедро оплачивается. Никакого интереса к чему-нибудь серьезному. Требуют лишь разнообразия, разнообразия и еще раз разнообразия, пока не дойдут до того, что забудут об источнике "духа жизни в искусстве" Неудивительно, что большая часть серьезной публики театры не посещает; удивительно, что находятся такие, которые его посещают. Если и есть явления разлагающиеся и застойные, так это театр. Самые оскорбительные высказывания по поводу театра оправдываются в значительной мере уже тем, что они исходят от людей, знающих его изнутри; и вероятно, лучше всего держаться от него подалее.

Подходя к этому вопросу серьезно, понимаешь, что далеко не все благополучно и в отношении к театру, и в самом театре как таковом. Ни у кого не вызывает сомнения, что театр обогащает людей в нравственном и интеллектуальном плане, и в то же время существует абсолютное пренебрежение драматургией, что дает нежелательные плоды. А между тем есть и хорошая драматургия, и хорошие актеры, и результатом их единства

могли бы стать замечательные и вдохновляющие нравственные уроки – и пусть кто-нибудь попытается это опровергнуть. Или, быть может, нам следует объявить, что такие мастера, как Ирвинг и Мэнсфилд, равно как и Джефферсон, Уиллард, Три и Уайтсайд, утратили свое удивительное художественное дарование?

Нет, не следует. Высокие устремления и благородный пафос этих людей не подлежат сомнению, как и энтузиазм доктора Паркхерста и мистера Сперджена и таких поэтов, как покойный Теннисон и здравствующая Иоганна Амброзиус. Эти деятели играют в драматургическом искусстве ту же роль, что Талмедж и Томас, а также в свое время Суинг – в религии, Шерман, Рид и Карлайл – в политике, Чейз, Макмонниз и Уистлер – в живописи. Они – выдающиеся, крупные личности, наделенные сильным умом, преданные высоким идеалам, безраздельно подчинившие себя искусству; они принесли на алтарь истины и совершенства свое благополучие и удовольствия, горести и радости; они, неторопливо и упорно работая, стремились верно и точно передавать страсти, страдания и деяния людей такими, какими они являются и должны быть. Они – великие, могущественные, славные поборники идеального воплощения реальной жизни, и для достижения своей цели им пришлось пройти не менее тернистый путь, чем любым другим, достигшим величия. Они трудились, наверное, источая слезы, и обрели широкое, мировое признание, познав на себе истинность строк Каупера:

> Дорога скорби, и только она одна,
> Ведет в страну, где скорбь неизвестна.

Они ратовали за совершенное искусство в такой же мере, как Канова, или Браунинг, или Вагнер. И тот, кто относится к ним скептически, кто отказывается признавать роль театра, области, в которой они работают, потому что там подвизаются и низкопробные халтурщики, приносит вред, не желая с пониманием отнестись к одному из важнейших явлений художественной жизни. Этому нет ни объяснения, ни серьезного оправдания. Если мы считаем себя знатоками и ценителями искусства, то обязаны поддержать театральных деятелей в равной степени с другими наиболее уважаемыми представителями мира искусств; они заслуживают того, чтобы их труд ценили. Неразумно отказывать им в подобной помощи и не замечать ценности их творческих усилий только потому, что их сфера – театр. Подобная несправедливость сродни религиозному фарисейству, когда проявляют щедрую заботу об африканских язычниках, но не замечают нищего человека, стоящего у собственной двери; ну а разве не отдает фарисейством от того, что мы видим в Метрополитен-опера, где толпы увешанных бриллиантами матрон появляются только потому, что это модно, в то время как молодые, жаждущие признания люди оказываются в числе талант-

ливых соискателей в той или иной области и влачат голодное, нищенское существование, непризнанные и лишенные заработка.

Нет нужды повторять, что театр деградировал. Не стоит оспаривать то, что его некогда серьезное искусство выродилось в водевиль; однако нет также сомнения в том, что в случившемся по большей части повинен благородный и справедливый класс, представители которого не в состоянии понять значения театра. Это они вынуждают талант сражаться в одиночку и безуспешно против тех пороков сцены, которые они же, исполненные самодовольной решимости, культивируют; это они выступают покровителями других видов искусства, поддерживая материальными средствами и морально творчество людей талантливых. Да, театр деградировал, но этого бы не случилось, если бы те, кого считают избранными, отрешились от слепоты и глухоты и вняли бы тем дивным голосам, которые обращаются к миру с посланиями не менее значительными, чем те, что раздаются с политических трибун и церковных кафедр.

Театр важен, как и другие виды искусства, и то обстоятельство, что драма сейчас в упадке, где-то на обочине искусства, – отнюдь не свидетельство порочной сути театральной профессии как таковой. В этом повинны люди, упрямые, ослепленные, эгоистичные, тщеславные и двуличные, которые имитируют деятельность и содействуют развитию искусства только в одном направлении, игнорируя другие важные его аспекты просто потому, что кто-то заявил, что эти аспекты якобы малосущественны. Эти люди не столько глупы, сколько лицемерны; и в еще большей степени примитивны и ленивы, ибо ратуют за то, что приносит наибольшую толику удовольствий и исключает всякую угрозу перенапряжения для их посредственного интеллекта.

1897

Подлинный Хоуэллс

Хоуэллс, надо признать, писатель более крупный, чем может показаться на основании знакомства с томами его сочинений. Хоуэллс, надо признать, писатель более значительный, чем об этом свидетельствует его репутация. А если вспомнить, что эта репутация далеко превосходит его достижения, то воздадим ему должное: он, безусловно, аристократ в литературе.

Отличительная его черта – умение дать себе оценку, и делает он это лучше, чем кто-либо другой, обладая мужеством не прибегать к приукрашиванию или ретуши. Профессор Бойсен заметил, что Хоуэллс "умел как-то исподволь в разговоре нарисовать собственный портрет, и сделать это лучше, чем если

бы его нарисовал кто-либо другой" Его манеры были столь безыскусны, его жадный интерес к жизни столь непосредствен, что в глазах исследователя и просто наблюдателя он представлял крайне редкий тип абсолютно искреннего человека. Он, безусловно, столь душевно честен, что везде чувствует себя в ладу с собой и при этом излучает вокруг себя ту спокойную, домашнюю атмосферу, которая распространяется на всех и вся. Он побуждает вас в разговоре с ним к правдивости, и не потому, что требует ее от вас, а потому, что от него исходит особый настрой, благодаря которому все условности и формальности кажутся мелкими и незначительными.

Нельзя сказать, что он всегда был таким. Легко представить его идеалистом в юности. Он никогда не был неискренним, быть может, только в большей мере энтузиастом и мечтателем. Но юность прошла, дни омрачились усталостью и трудом, тайны жизни не прояснились, а чувство долга стало еще сильней. По-моему, его постоянно посещают мысли о последнем часе, погребальный звон всегда звучит в его ушах. Он представляется мне натурой глубоко верующей, но не приверженцем какой-то религиозной школы. Впервые я увидел его в январе на Пятой авеню. Кто-то из его знакомых сказал: "Смотрите, Хоуэллс" Я заметил плотного, средних лет человека, с достоинством идущего по улице. Он был закутан в широкое меховое пальто и шел, разглядывая с каким-то особым вниманием бедно одетых прохожих. Он поворачивал голову вслед то одному, то другому, и я удивлялся, почему этот солидный, внушительный человек не может спокойно идти своей дорогой, ни на кого не обращая внимания.

Следующий раз я встретился с ним по делам службы. Какой-то журнал поручил мне взять у него интервью. Я постучал в дверь его квартиры, выходящей окнами к Центральному парку. Не передавая визитную карточку, я просто назвал свое имя. "Если он дома, то примет вас", – сказал слуга и незамедлительно дал мне возможность в этом удостовериться. Хоуэллс неторопливо вошел в комнату, и сразу же воцарилась непринужденная атмосфера. Казалось, кто-то успел сообщить ему, что придет посетитель с честными намерениями.

Его вид не говорил вам о том, что он "человек занятой" Морщины вокруг глаз свидетельствовали не о природной суровости, а скорее о доброй старости. Он улыбнулся, еще не дослушав моей просьбы, предложил мне стул, после чего сел сам. Закончив интервью, я встал, заметив, что не хотел бы отнимать у него время, однако он только покачал головой и продолжал сидеть. Он задал мне несколько вопросов, включив в сферу разговора всю область мироздания, и мы сразу же втянулись в дискуссию.

Не помню почему, но мы перешли к теме, касающейся жиз-

ни и смерти. Эндрю Лэнг в то время только что опубликовал свои переводы греческих од, рассказывающих о страстях и страданиях людей, умерших тысячи лет назад, и я выразил свое удивление по поводу незыблемого и бесконечного течения жизни.

Мистер Хоуэллс сидел молча, положив руки на колени. Наконец он сказал:

– Да, неисповедимы пути наши. Похоже, что все эти живые массы людей не более чем растения, разбуженные солнцем и дождем.

– Не кажется ли вам, – продолжал я, – что грустно наблюдать, как жизнь сокращается, уходит от нас и все мы подвержены этому процессу?

– Это справедливо. Жизнь прекрасна. Утренний воздух отличный. Когда я выхожу на прогулку солнечным днем, меня не покидает ощущение, что это не может продолжаться долго. Невеселое ожидание охватывает нас, и оно тем горше, чем острее чувство безысходности. От этого страдает любой – в большей или меньшей степени.

От проблем, касающихся бесконечности времени и неизбежности смерти, разговор перешел к современной жизни, к кризисам и борьбе за существование.

– Я убежден, – продолжал Хоуэллс, – что эта борьба действительно обостряется, становится все более жестокой. Крупный город поражает мое воображение.

Мы говорили о многих других вещах, но в тот момент меня удивило именно то, что наиболее характерно и для его творчества. Он справедлив в своих симпатиях, но не является глубоким мыслителем. Он не требует, чтобы разделяли его взгляды на жизнь, не прёдлагает каких-то новомодных теорий. Он наблюдает ее меняющуюся панораму, радуется или, напротив, огорчается по поводу тех или иных событий, но дальше этого не идет. Он приходит к заключению, что жизнь сложна и загадочна, не формулируя никаких теорий, которые давали бы ей серьезное объяснение. Он уклоняется от всеобъемлющего анализа, уверенный, что жизнь – тайна, и не заботится о ее познании.

Его взгляды, весьма близкие к пессимизму, отражают особенности его натуры. Поскольку жизнь – загадка, а приближающаяся смерть разрушительна, он трудится и живет счастливо. Его сердце излучает тепло. Он избрал для себя позицию, пытаясь облегчить участь тех, кто вовлечен в происходящую в мире борьбу, ибо он не в силах объяснить ее. Когда молодой, жаждущий признания поэт является к нему со стихами, Хоуэллс спешит к нему на помощь. Он небогатый человек и вынужден работать, чтобы иметь средства к существованию, и все же он находит время прочитать рукопись начинающего литератора и

рекомендовать его в соответствии с ее достоинствами. У нас знают, как часто выступал Хоуэллс в печати с благожелательной поддержкой совсем неизвестных авторов. Это он первый прочитал книги Стивена Крейна и помог ему в Нью-Йорке. Это он публично приветствовал рассказы из жизни гетто Абрахама Кахана, когда тот только еще пробовал свои силы в литературе. Время от времени он печатал столь благожелательные отзывы, что газетные хроникеры называли его не иначе, как "смотрителем на сторожевой башне", незамедлительно сигнализирующим о первом появлении литературного таланта.

Во время моего первого визита, когда мы обсуждали трудности, выпадающие на долю начинающего писателя, мне случилось упомянуть эпизод, достойный внимания, из романа молодого автора с Запада, которого, однако, ни один издатель не хотел публиковать.

– Вы считаете роман хорошим? – заинтересовался Хоуэллс.

– Очень хорошим.

– Попросите его прислать мне этот роман, – сказал он. – Я постараюсь его прочесть.

Меня удивило великодушное предложение Хоуэллса, и я поблагодарил его от лица отсутствующего автора. Это не было любезной обмолвкой в разговоре. Книга была послана Хоуэллсу, и он, верный своему слову, прочел ее, сделав все, чтобы автору воздали должное, исходя из достоинств романа. Аналогичных случаев было немало, и мне часто от многих приходилось слышать то, что стало позднее общепризнанным: как поистине благороден и гуманен был этот старейшина американской литературы, этот, как я называл его, великий литературный филантроп.

Очень привлекательна в Хоуэллсе его искренняя, открытая радость, доставляемая ему признанием. Еще в юные годы он всегда хотел делать добро и быть за это вознагражденным. Аплодисменты окружающих – какой насущной необходимостью они ему казались! Сегодня он стал мудрее, но сердце его осталось прежним.

Я спросил его:

– Находите ли вы удовлетворение в признании своих соотечественников, о котором вы так мечтали в юности?

– Да, – отвечал он, – безусловно. Это тепло – единственное, что согревает душу.

– И ради этого стоило трудиться?

– Да. Я не знаю большего счастья, чем то, когда после долгого труда, пережитых сомнений узнаешь, что годы потрачены не напрасно, что твое имя на устах многих. Это достойная награда.

Некоторые, возможно, считают, что выражать столь откровенно свои чувства – все равно что выворачивать наизнанку душу перед каждым встречным. Но большинство поймут, сколь

достоин уважения человек с таким добрым сердцем. Он правдив в своих книгах, письмах, беседах. На долю его семьи выпадает не больше благ, чем на долю тех, кто, будучи от него далек, восхищается его замечательными качествами. Он постоянен, этот человек, и строй его мыслей не подвержен коррозии со стороны показного и формального.

Что можно еще сказать об этом человеке? Он не богат и, следовательно, не может проявить какие-то индивидуальные особенности в трате денег. Сфера его деятельности особая: она дает человеку возможность легко лгать и притворяться.

Многим удается скрывать и маскировать свои недобрые чувства благодаря литературному таланту. Мы можем только наблюдать, как проявляется индивидуальность писателя, каково его отношение к тем, кто его знает, в какой мере использует он свою известность. Слава дает огромные возможности деятельному человеку, и Хоуэллс использовал свою известность для добрых дел.

Если бы Хоуэллс в силу благоприятных условий, сложившихся у него в юности, занялся социологией или философией, он мог бы дать миру нечто значительное и в данных областях. Этот человек склонен к теоретизированию, к философии. Он исполнен благородных симпатий к людям, что позволяет ему создавать реалистические теории, ставящие целью улучшение человеческой доли, это и определяет дух социального пророчества в его произведениях.

Насколько это справедливо, можно судить, прочитав его роман "Путешественник из Альтрурии". В нем нашла воплощение мечта Хоуэллса о всеобщем мире и доброй воле. Он рисует состояние полнейшей деградации, из которого отчаявшиеся бедняки поднимаются до подлинного альтруизма.

Погрузившись в эту тему, мы заметим, что социалистический и философский уклон его творчества объясняется, по его собственному признанию, воздействием произведений Толстого. "Он восхищает меня, – говорил Хоуэллс, – своим гуманизмом, сердечной добротой".

И в "Моих литературных страстях", в прекрасном введении к последней главе, он подтверждает этот тезис: "И вот я пришел, может быть с известным опозданием, к самому благородному из моих увлечений, став преданным последователем творчества Льва Толстого. Я хотел бы говорить о нем с той несравненной правдивостью, которая ему свойственна, однако опасаюсь, что не сумею, не впадая в патетику, рассказать о влиянии, оказанном им на меня. В той мере, в какой обычный человек способен помочь другому человеку, я убежден, он помог мне; он воздействовал на меня не только в плане эстетики, но и этики в такой степени, что я не мог более воспринимать жизнь так, как воспринимал ее до знакомства с ним".

Влияние Толстого вернуло его, как он сам признает, к идеалу подлинной правды, способствуя отходу от ложной концепции джентльмена во имя концепции человека, который стремится не противопоставить себя людям, но отождествить себя с ними; ведь благодаря Толстому рафинированный джентльмен принужден обнажить свое тщеславное нутро, а величайший из гениев испытает неловкость, осознав весь масштаб своего жалкого эгоизма.

Отсюда вовсе не следует, что Хоуэллс – величайший в мире романист; но он замечателен как личность. Многие обнаружат в его произведениях чувства и переживания, столь тонко переданные, что может показаться, будто, уловив в ночи лунные блики, он обволакивает ваше сердце; и эти лучшие страницы его книг останутся жить. Остальное не столь существенно. Ведь бóльшая часть написанного разными авторами более или менее посредственна. Важно другое: Хоуэллс оказывает положительное воздействие на американскую литературу, он использует свой авторитет и свои возможности во имя утверждения добра. Он помог тысячам людей самыми разнообразными способами. Хоуэллс – позитивное, значительное явление в современном художественном мире. На фоне тех, кто признает только себя в литературе, кто гонится за славой, одержим жаждой денег, этот человек возвышается как фигура выдающаяся. Его величие – в доброте, его обаяние – в искренности.

1900

Подлинное искусство говорит простым языком

Содержание и существо литературной, а также и общественной морали могут быть выражены двумя словами: говорить правду. Независимо от того, каким языком станут изъясняться критики или на что будут сетовать представители общества, пропитанного условностями отнюдь не высокого уровня, задача авторов и других людей труда на этой земле – говорить о том, что они считают истиной, и, высказав все до конца, терпеливо дожидаться результата.

Истина – это реальность, и изучать реальность означает познавать правду. Выражать увиденное честно, без прикрас – в равной степени задача нравственности и искусства.

С чем же в основном сражаются так называемые арбитры правды и добропорядочности? Они сражаются не просто с сексуальной распущенностью, ибо произведения, построенные на подобной тематике, вряд ли будут иметь успех, – они сражаются с дискредитацией и разрушением их собственных мелкотравчатых теорий жизни, которые представляют в ряде случаев лишь

приятие существующего порядка вещей и пренебрежение к возможному прогрессу. Жизнь для них – набор интересных, но застывших форм; поэтому всякая попытка либо изобразить пагубные последствия современных общественных отношений, либо подвергнуть критике их апологетов отвергается ими, естественно, с презрением и негодованием.

Хор противников так называемой аморальной литературы справедливо ратует за то, чтобы нравственное здоровье читателей было защищено; но подобная позиция является убежищем для прикрытия любой формы социальной несправедливости. Воздействие интеллектуального невежества, физической и нравственной алчности на человеческую добродетель становится источником самых горьких трагедий нашего века. В то же время сопротивление, оказываемое любым дискуссиям, касающимся вопросов пола, столь серьезно, что это приводит к почти полному отказу от обсуждения проблемы как таковой.

Аморально! Аморально! Это слово, словно дымовая завеса, маскирует пороки богатства, а также всеохватывающий, невыразимый ужас нищеты и невежества, и где-то между ними бродит в поисках истины заурядный романист, выбирающий не истину, не красоту, а какой-то едва освоенный кусок действительности, который не имеет глубокой связи ни с природой в целом, ни с человеком.

Абсолютная неприемлемость подобной концепции литературы для честного художника ясна любому здравомыслящему человеку. Жизнь не сводится к одной фазе, к одной форме существования, и человеческий интерес не может быть ею ограничен. Реальность во всей своей широте должна быть областью писательского внимания, и правдивая картина жизни, честно и выразительно воспроизведенная, нравственна и эстетична независимо от того, как она соотносится с общепринятыми взглядами.

1903

Одиночество в больших городах

Самым удручающим следствием перенаселенности современных городов, где жить становится все тяжелее, является совершенное отчуждение и духовное одиночество рядового человека. Условия, в которых нам приходится работать, столь трудны, а зрелище удовольствий и жизненных радостей, для нас недостижимых, столь пленительно, что удовлетворение насущных потребностей кажется уже недостаточным.

Вся наша энергия подчинена отчаянной борьбе за то, чего не удается добиться, а точнее – за безграничное и все более пол-

ное удовлетворение наших желаний; но в этой борьбе ожесточаются и человеческие сердца, природа людей изменяется к худшему. Да, жизнь горька. Естественное влечение к духовному общению угасает. Мы становимся грубыми, равнодушными, бессердечными.

Подобный противоестественный порядок вещей ведет к тому, что мы почти полностью теряем интерес ко всему происходящему в обществе. Нас не заботит более, в каких борениях, неудачах и испытаниях протекает жизнь сограждан, даже если они наши соседи. Мы не выражаем им даже того минимального внимания, которое можно было бы почесть за дружелюбие и которое при отсутствии более серьезных чувств смягчило бы чувство отчаяния. Их взлеты и падения на общественном поприще способны затронуть нас, пожалуй, лишь как увлекательное зрелище. У нас нет времени и сил ни на что, кроме того, что волнует обывателя, – нам нет дела до развития музыки, или драматургии, или общества, которое достигло самого критического, немыслимого состояния. Нам нет дела до самой жизни!

Я живу в таком окружении, которое служит отличным подтверждением сказанного. В нашем многоквартирном доме обитает примерно сотня людей, в квартале – от одной до трех тысяч. Они населяют небольшие, прекрасно обставленные, уютные квартирки, но живут отъединенно друг от друга. Никто никогда не обратится к соседу с приветливым словом. Всем безразличны дела ближнего. Вы можете прожить здесь год или даже десять лет, но весьма сомнительно, чтобы ваш сосед по лестничной клетке обратил внимание на сам факт вашего существования. Он слишком занят для этого. Вы можете потерпеть в делах фиаско и потерять своих детей. На вас могут обрушиться любые несчастья, от сердечного приступа до смертельного недуга, – он вряд ли даже заметит это. Брак, рождение детей, смерть, все милые и значительные события его жизни и для вас – малозначащие пустяки. Ни вы, ни ваша жена, ни ваши дети не обращают на него никакого внимания, словно он вообще не существует.

Смысл всего вышесказанного заключается в том, что люди никогда до конца не осознают, чем они пренебрегли и от чего отказались, пока на их долю не выпадут по-настоящему суровые жизненные невзгоды. До тех пор пока они сами не столкнутся со старостью или с болезнями, пока они не окажутся разоренными или не посмотрят в глаза смерти, они не прочувствуют, сколь бесценны связи между людьми. Когда близок конец, осознаешь, как незначительны эти казавшиеся столь важными блага. Разве легче нам оттого, что жизнь идет своим чередом, что улицы и площади больших городов полны людей, что там разыгрывается драма, вечно волнующая и вечно юная? Разве обычные мирские утехи принесут нам тогда облегчение? Мы одино-

ки, мучительно тоскуем по человеческому общению, сердце не только болит, но, возможно, и разбито. Дружба, привязанность, нежность – как много они значат в минуту отчаяния!

По-моему, люди действительно никогда не представляют себе, как жизненно необходимы каждому нежность и тепло человеческого сердца. Иногда нас настораживает стремительный бег времени. Мнимые ценности могут отвлечь нас от ценностей истинных. Но жизнь немыслима без нежности и любви – это я знаю наверняка. Мы не можем вечно тесниться в больших городах и во имя погони за богатством забывать о тех, кто рядом с нами. Ведь придет такой день, такой час в жизни каждого человека, когда сердцу станет тяжко без простых человеческих связей, которые он ранее презирал и отвергал. Без них просто нельзя! Мы должны сделать все, что нам предназначено, но еще мы должны искренне любить друг друга – или же умереть, одинокими, всеми покинутыми, презираемыми и отринутыми, как умирают многие из нас.

1905

Питсбург

Питсбург – город, несомненно, уникальный. Хотя несколько человек сколотили здесь свои состояния, жизнь в городе в целом всегда напряженная. Если не забастовка на сталелитейном заводе, то нехватка машин, а если не нехватка машин, то скандал в светском обществе, отчего отнюдь не легче. Недавно Общество благотворительных организаций Нью-Йорка исследовало условия жизни Питсбурга, и выяснилось, что эти условия еще не самые худшие. С одной стороны, нищета, грязь и перенаселенность, пренебрежение правилами безопасности на производстве, а с другой – сказочное богатство, выставляемое напоказ. Тоу и Карнеги – уроженцы Питсбурга. Разве одно это уже не свидетельствует о необычности города?

И в самом деле, в настоящее время почувствовать несправедливость и неравенство, порожденные нашей системой, в Питсбурге легче, чем в любом другом городе Соединенных Штатов. Он очень удачно расположен – в сердце Аллеганских гор Две красивые реки, Аллегани и Мононгахела, сливаются здесь в одну – Огайо. В главной части округа сложился торговый центр, и от него можно двигаться по автомобильному шоссе в любом направлении, прекрасно налажено здесь и троллейбусное сообщение. Поезжайте куда душе угодно – на север, на юг, на запад, на восток, вы сможете полюбоваться живописным ландшафтом, какого нигде больше не увидите, огромными лощинами, известными под названием промоин, и ручьями, и пре-

лестными кварталами жилых домов, обитатели которых, по-видимому, хорошо обеспечены и устроены с комфортом. Только побывав в промышленных районах, таких, как Южный Питсбург, Карнеги, горы Мак-Кис, и других, вы поймете, насколько трагично у нас положение на производстве.

Я не ставлю себе задачу в небольшой статье всесторонне обрисовать ситуацию в Питсбурге сегодня; впрочем, она существует уже четверть века, и о ней обычно осведомлены все. Хочу лишь отметить, что такое положение, гнетущее, невыносимое и ужасное, всегда было неотъемлемой чертой крупнейших предприятий, которые обеспечивают благосостояние уже двух поколений американцев. Именно здесь, в Питсбурге, был построен первый сталелитейный завод и первый военный корабль – ведь рядом разрабатываются месторождения угля и железа. Хладнокровные, расчетливые предприниматели безотлагательно принялись за дело и полностью прибрали к рукам эти отрасли производства, так что за короткое время они не только установили твердые цены на готовую сталь и уголь, но также и на руду на мировом рынке. Это положение сохраняется и поныне. Сегодня они господствуют в металлургической промышленности, как и двадцать пять лет назад, но теперь мы уже смирились с этим.

Но самое поразительное – это огромные состояния, нажитые в таких условиях, и люди, являющиеся их обладателями. За грозным Эндрю Карнеги, самодовольным, прижимистым и дальновидным, появилось еще несколько почтенных стальных королей: Генри Фиппс, Генри К. Фрик, Х. Б. Оливер, Чарлз Шваб, У. Э. Кори, Г. К. Тоу, а ныне вырос еще один могущественный предприниматель, м-р Хоффстот, который вступил в сражение с рабочими задолго до того, как, окрепнув, решил полностью раздавить их своей пятой.

Гигантские состояния сколочены этими людьми в Питсбурге именно благодаря сталелитейному производству. Приехав сюда, вы увидите заводы, на вывесках которых их имена, – высокие, мрачные здания со множеством труб, днем изрыгающих дым и пламя, и вы поймете, как в раскаленных печах куются большие деньги.

Удивительное зрелище – сталелитейные заводы Питсбурга! Если вы приедете сюда впервые и волею обстоятельств очутитесь на высоком западном берегу Мононгахелы, известном как Грэнд-Вью-авеню, и на ваше счастье в этот день или накануне пройдет дождь, вашим глазам предстанет незабываемая картина. В ясную ночь у ваших ног сияют огни Питсбурга и окрестных городов. Над головой мерцают звезды. Куда ни взглянете – на восток, на юг, на север или прямо перед собой, – из сотен труб вырываются языки пламени. Одно мгновение пылают эти огромные факелы, освещая все на много миль багровым

заревом, затем сникают и гаснут. Но лишь только потухнут одни, тотчас ярко вспыхивают сотни других. "Красные головки" – назвал их репортер местной газеты; "обнаженный ад" – метафорически назвал эту картину другой. Когда видишь их каждую ночь, понимаешь, сколько здесь огромных заводов. А когда их особенно много, это означает, что промышленность Питсбурга переживает подъем.

Однако в городе с процветающей промышленностью преуспевают далеко не все, кто с напряжением и полной отдачей сил выполняют титанический труд на его заводах. Ведь, кроме держателей акций и управляющих их предприятиями, почти никто не получает достойного вознаграждения. Люди, занятые на производстве, зарабатывают ничтожно мало, а то и вообще ничего. Их сознательно вывозят из самых отсталых, полуколониальных стран Европы, чтобы их можно было поселить здесь и прокормить очень дешево. Когда они только приступают к работе, то согласны на любую плату, а лишь только успевают убедиться, что ее вовсе недостаточно, чтобы нормально существовать в американских условиях, как их уже выбрасывают на улицу. Каждый из них получает доллар с четвертью, полтора или максимум два доллара в день – и это считается приличным доходом. А если кто-то рискнет возвысить голос против невыносимых условий труда, тут же пускают в ход испытанные средства: колючую проволоку с электрическим током, штрейкбрехеров, отряды полиции и приказы о выселении по суду. Торговые фирмы и склады, которыми владеют компании, законы, установленные компаниями, твердо определяют порядок вещей, и извлечение прибылей в процессе потогонного труда рабочих идет полным ходом.

Вы полагаете, что дело, приносящее такие колоссальные доходы, служит общему благу? Ведь никто не осмелится утверждать, зная о том, какие состояния накоплены благодаря хорошо налаженному производству, что дело не дает прибыли. Да, нажива у предпринимателей, несомненно, огромная. Библиотеки мистера Карнеги, известные во всех цивилизованных странах, новомодные дома мистера Фиппса во многих городах, замки мистера Кори, дворцы мистера Шваба, ослепительная роскошь, которой окружил себя мистер Тоу, – все это свидетельствует о том, что их предприятия приносят им колоссальную выгоду. Но откуда же тогда появляются люди, живущие ниже официально установленной черты бедности? Чем объяснить забастовки и локауты? Кто заинтересован в импорте иностранных рабочих? Здесь может быть только один ответ: предприниматели с их алчностью. Они скаредны и потому не желают создавать для рабочих нормальные условия; ведь тогда они не скоро наживут богатство и, даже будучи богатыми, не добьются того положения в обществе, которое считают престижным. Иного ответа быть не может.

Вы наблюдаете богатство, которое создано в Питсбурге, во всем его показном блеске, и те, кто им владеет, пожалуй, будут утверждать, что тяжелейшие условия труда и быта рабочих имеют место лишь на отдельных предприятиях, а потому из-за этого не стоит поднимать шум. Вы полагаете, что они чувствуют себя неловко, ощущая постоянное возмущение рабочих условиями своей жизни? Вам представляется, что у них есть понятия о чести, что их терзают угрызения совести? Вы заблуждаетесь. На предприятиях работают по старинке. Мистер Карнеги все так же собирает библиотеки, мистер Фрик коллекционирует картины, мистер Шваб и мистер Кори живут в свое удовольствие и копят деньги. А город Питсбург остается прежним.

Само собой разумеется, какие бы перемены ни происходили сейчас, они уже не смогут повлиять на судьбы тысяч рабочих, которые здесь жили, трудились и умирали в те времена, когда предприниматели сколачивали свои состояния. Тысячи и тысячи людей терпели нищету и голод. А сколько жизней унесли эпидемии во время забастовок! Некоторым удавалось добиться более сносных условий существования, а иные обрекали себя на жизнь еще более горькую. Но по крайней мере сейчас эти условия можно изменить. Мистер Карнеги при своей учености мог бы поразмыслить на эту тему, как и мистер Фрик, который так стремится к еще большему обогащению. Что же касается мистера Кори – то лучше обойти его имя молчанием, как и имена мистера Хоффстота и мистера Тоу.

1909

Человек на тротуаре

Неопознанный мужчина лет пятидесяти упал замертво от разрыва сердца перед домом № 309 на Бауэри-стрит. Он был высок, худ и истощен. Без пальто, а одежда была ветхой и изношенной. В кармане умершего оказалось 72 цента. Об этом поведала газета "Дейли пейпер".

Одна из примет, характерных для жизни наших городов, – случай, описанный выше, свидетельствующий о смерти в результате недоедания и голода, о тех, кто исчерпал все физические силы в жизненной борьбе. Все это отнюдь не ново. Это старая, довольно частая и, как вы заметите, достаточно тривиальная история. Газеты отзываются в таких случаях краткими сообщениями.

Порой я с интересом просматриваю в них лаконичные заметки, посвященные крушениям человеческих судеб. Это столь типично для городского быта, как, впрочем, для жизни вообще. Природа сурова. Город, в котором действуют ее законы, безжалостен. В нем человек не встретит ни участия, ни понимания.

Гибель слабых существ, каковыми являются мужчины или женщины, столь малозначительна с точки зрения масштабов города. В сравнении со звездами, с действиями высших сил рождение и смерть такого жалкого индивида, как человек, представляются смешными и тривиальными, словно речь идет о насекомом или черве.

И все же для человека, раздавленного в тисках обстоятельств, бездушие города, окружающего мира, самой жизни – это суровая реальность. Он понимает, что любой может умереть от голода в огромном городе, растущем и могущественном, в котором есть место для сострадания, проявляемого, однако, не там, где в нем нуждаются. Ряды домов на улицах олицетворяют достаток и благоденствие; в магазинах и офисах толпятся те, кто увеличивает свое благосостояние. Повсеместно заметны следы процветания: огромные здания, склады, ломящиеся от материальных ценностей, без устали работающие заводы, масса товаров в магазинах, которые кому-то украсят жизнь, в то время как вам уготована гибель.

Помню, как я приехал в большой город, где мне некуда было направить стопы, негде было остановиться. Я был бедно одет, а мой кошелек пуст. Я был болен, подавлен, и, хотя готов был объяснить преследовавшие меня неудачи собственными недостатками, это отнюдь не снимало одолевавших меня забот. Бесцельно бродил я по городу, переживая острую депрессию, длившуюся почти месяц, что привело меня на самую низкую ступень человеческого обнищания.

Именно в это время я осознал всю горькую иронию, заключенную в некоторых жизненных обстоятельствах. Будучи здоровым и бодрым, я видел то, к чему стремился всей душой. Теперь, больной и подавленный, я почувствовал, как мои желания тысячекратно обострились. Магазины перестали казаться мне некими экономическими центрами, задача которых – неукоснительно и в духе доброжелательства служить интересам общества; теперь я увидел, что именно в них было собрано то, что могло бы смягчить одолевавшую меня нужду. Я не мог более смотреть на витрины, видеть изобилие продуктов и не жаждать их страстно, не желать получить хотя бы малую толику, способную поддержать дух в моем угасающем теле. Я не мог не задуматься над тем, как немного нужно для того, чтобы во мне теплилась жизнь, как дешево это обошлось бы тому, кто решился бы мне помочь. Однако на собственном конкретном примере я убедился в жестокости законов купли-продажи: за все приходится платить. Если я рисковал обратиться к кому-либо с просьбой, следовали пространные объяснения и жалостливые комментарии, не приносившие обычно каких-либо результатов. Если бы я решился на кражу, любой мог поднять на меня руку. У меня не оставалось никакого выхода.

Но, для того чтобы исправить положение, подлечиться, вернуть друзей и чувство самоуважения, я нуждался не только в питании, но хорошем самочувствии и работе. Однажды, когда я пребывал в состоянии подобной депрессии, а в перспективе была только изнурительная борьба, мое состояние было таково, что я всерьез подумывал, стоит ли вообще жить. Гордость мешала мне даже представить себя в роли нищего, а впечатлительность, да и недостаток сил не позволяли мне ввязаться в борьбу за существование. Мне не раз приходилось сталкиваться с мрачной чредой обстоятельств и размышлять над тем, следует ли вообще придавать им значение.

И вот мне, пребывавшему в столь взволнованных чувствах, открылось нечто подобное царству радости. Любой человек казался мне счастливым, всякий встречный представлялся мне довольным жизнью. Я увидел вдохновляющее зрелище людей, занятых бизнесом, спешащих в театры, кафе, домой, которые приобщались ко всему прекрасному и интересному, что есть в нашей жизни, и только я один никуда не мог направить свои стопы – ни в милую сердцу квартиру, ни в излюбленный ресторан, ни к доброму другу, ни на приятную для меня работу. Моим уделом было одиночество, отсутствие близких людей. Мне выпала горестная доля.

И тогда-то я отчетливо осознал, почему люди на последней ступени отчаяния умирают от истощения жизненных сил. Общество их отторгло. Оно озабочено лишь увеличением своего благосостояния, но оно не способно пожертвовать чем-то из своих богатств ради тех, кто пребывает на грани нищеты и всего более нуждается в помощи со стороны общества. Ведь они ничем не могут быть ему полезны – у них нет на это здоровья и сил.

Так за лаконичными, сухими газетными сообщениями открылся до того сокрытый от меня мир человеческого горя, сердечных недугов, психических расстройств, печальных лиц и голодных глаз, бесприютности, беспомощности – всего того, что олицетворяет нищета в холод или зной.

Если бы природа во всем своем многообразии, в своем безграничном могуществе могла творить чудеса! Но – увы – она проявляет себя лишь через человеческие деяния. Люди, как и вещи, сотворены природой. И я подумал о том, что жизнь людей бесполезна до тех пор, пока они не начинают творить добро, жить с открытым сердцем, сострадая ближнему. И кто знает, не постучится ли и в нашу дверь такой же несчастный, а мы, забыв о великодушии и добросердечии, ответим ему отказом, обречем на скитания и смерть. И его, забитого, заброшенного, ожидают поражение и гибель, равно как и всех, о ком равнодушно сообщала газетная хроника.

1909

Символ веры

I

Я верую в единый несокрушимый универсум, несомненно разумно устроенный, но не поддающийся осмыслению. Я не верую в отца, сына и святого духа, исходя из принятых у нас представлений. Возможно, они реальны. Но у меня нет в этом внутреннего убеждения. Я верую в теорию эволюции применительно к человечеству. Какое отношение существующий порядок имеет к всемогущему, вездесущему и премудрому разуму, в который я верую, мне неизвестно. Я склонен думать, что все это только сон, что "нет ни жизни, ни правды, ни истины, ни материального мира".

II

Я верую, что эволюция – первостепенный, коренной жизненный принцип, что ей подвластны все человеческие формы и установления, все человеческие верования. Господствующая идея, во все времена владеющая массами, состояла в том, что, если оставить вещи в покое, такими, как они есть, они не изменятся. Все как раз наоборот. Если оставить новый дом без присмотра, он скоро обветшает; если важная общественная организация будет бездействовать, она быстро утратит свое значение; если великий человеческий закон останется без применения, он устареет. Однако существуют законы и принципы, относящиеся ко вселенной, эти законы не подвержены переменам. Я убежден, что принципы красоты вечны. В противном случае наша лихорадящая жизнь стала бы для меня невыносимой.

III

Я верую в энтузиазм и гений человечества, в увлеченность красотой, ведь о такой увлеченности свидетельствуют священные имена Будды, Зороастра, пророков, Христа, апостола Павла, Сократа, имена всех, кто умел мечтать, слагать песни или совершал добродетельные и прекрасные деяния в истории человечества. Я верую, что нет правды более глубокой, чем та, что ведет к таинственной связи между красотой и счастьем; между добротой и миролюбием; между масштабной, дальновидной политикой и общественным благополучием и процветанием. Однако существует ли прямая связь между этой правдой и помыслами и деяниями отдельного индивида, ежечасно и ежедневно, – этого я не знаю.

IV

Я верую в огромные возможности искусства, в то, что от начала и до конца в своей бесконечности наш универсум прекрасен. Я верую: для искусства нет низкого или высокого, ничтожного или исключительного, чистого или порочного, ибо все эти черты в их подлинной взаимосвязи необыкновенны и достойны созерцания. У нас есть глаза, а мы слепы, у нас есть уши, но мы глухи. Я верую: искусство возвышается над устремлениями человека, и счастлив тот, кто преданно служит искусству.

V

Я верую в так называемое первородное зло и первородную доброту человека – каждого в отдельности, в данный конкретный момент. Во всех людях есть что-то от лжецов, грабителей, клятвопреступников, убийц, развратников, лжесвидетелей и т. д., и в то же время все они могут быть добры, великодушны, миролюбивы, терпеливы в страданиях, правдивы, благородны и способны на самопожертвование. Я считаю, что добро и зло причудливо соединяются в каждом из нас, и в зависимости от стечения обстоятельств мы можем быть теми или иными, отдавать предпочтение добру или злу. Никто не застрахован от случайностей.

VI

Я верую в побудительную силу любви. Мне трудно это объяснить, но любовь подобна ароматному цветку среди терний нашего существования.

VII

Я верую в необходимость и благородство труда для каждого человека. Это – единственный врачеватель жизненных невзгод.

VIII

Я убежден, что нам необходимо признавать перемены, всматриваться в жизнь пытливым взглядом, трудиться с энергией, любить радостно и никогда не терять надежды. Но я не думаю, что мы способны делать это в любое время.

IX

Я верю, что никогда не расстанусь с надеждой; что жизнь, исполненная блеска, пройдет словно облако, и мне не доведется стать свидетелем того, как предмет моей страстной любви предстанет в облике старости, ненужной и беспомощной.

1911–1914

Жизнь, искусство и Америка

Я не претендую на то, чтобы дать исторический или социологический анализ моральных, а следовательно, и критических взглядов американцев, хотя, быть может, имею некоторое представление о том, как они сложились; одно только для меня несомненно: взгляды эти, независимо от того, что их породило, никак не согласуются с теми жизненными фактами, которые я имел возможность наблюдать. С моей точки зрения, средний, или, так сказать, стандартный американец – это странный, однобоко развившийся характер: во всем, что касается материальной стороны жизни, он сметлив и напорист – он хороший механик, хороший организатор, но его внутренний мир беден, он не знает по-настоящему ни истории, ни литературы, ни искусства и совершенно запутался и погряз в великом множестве чисто материальных проблем, которые его одолевают.

Моя юность протекала в небольшом городишке на Среднем Западе, и в те годы у меня не было ни малейшей возможности составить себе правильное или хотя бы приблизительно правильное представление о том, что может быть названо элементарными основами всякой интеллектуальной жизни. Я совершенно не знал истории, а в тех учебных заведениях, которые мне приходилось посещать, ни в одном из так называемых научных трудов – будь то труды по истории, естествознанию или искусству – не содержалось и намека на правильное толкование вопроса, во всяком случае, на такое толкование, которое я впоследствии мог признать хотя бы относительно правильным или приемлемым для себя. Насколько я помню, в учебнике истории, написанном неким Суинтоном, поражению Наполеона – отнюдь не его деятельности – приписывалось огромное моральное и чуть ли даже не религиозное значение. Выходило так, что именно своею смертью на острове Святой Елены, а вовсе не своим кодексом или необычайно продуманной расстановкой материальных сил принес Наполеон пользу обществу! Совершенно так же жизнь Сократа и его смерть трактовались исключительно с точки зрения религиозной – если не христианской – морали. Автор не усмотрел связи между высо-

кими нравственными убеждениями Сократа и его смертью, а увидел в ней только результат его низких поступков в личной жизни. О подлинном значении этого человека, вытекающем из дошедших до нас фактов его биографии, не было сказано ни слова.

Поскольку мой отец был католиком, меня крестили по католическому обряду, и я должен был принять все догматы и все вымыслы этой церкви на веру. А вокруг себя я видел методистов, баптистов, братьев во Христе, католиков, конгрегационалистов – всех и не перечесть, – и каждое из этих учений, по словам его последователей, давало единственно правильное, правдивое и исторически точное объяснение жизни и мира. Четырнадцати-пятнадцатилетним мальчиком я слушал проповеди, из которых узнавал, что такое ад, где именно он находится и какие там применяют пытки. А за мое хорошее якобы поведение меня награждали цветными открытками с самым точным изображением рая! В каждой когда-либо прочитанной мной газете я неизменно находил и все еще нахожу моральные рецепты на все случаи жизни, пользуясь которыми любой человек может мгновенно и безошибочно отличить Хорошего Человека от Плохого Человека и тем спасти себя от происков последнего! Книги, которые меня заставляли читать и за пренебрежение к которым меня пробирали, были, что называется, чистыми, то есть самого наивного свойства. Читать полагалось только хорошие книги – значит, такие, в которых прежде всего не содержалось ни единого намека на плотскую любовь; само собой разумеется, что в них не было ни правдивых жизненных характеров, ни живых человеческих страстей.

Изображение обнаженного или полуобнаженного женского тела считалось греховным – равно как в живописи, так и в скульптуре. Танцы в нашем доме, как и вообще в нашем городе, находились под запретом. Театр был объявлен рассадником преступлений, салун – средоточием низменных, скотских пороков. Наличие таких существ, как заблудшие или падшие женщины, не говоря уже о домах терпимости, также рассматривалось как пагубное зло, как факт, о котором не пристало даже упоминать. Существовали установленные нормы приличия и поведения, которыми мы должны были пользоваться примерно так, как пользуемся одеждой. По воскресеньям, хочешь или нет, надлежало посещать церковь. Быть членом той или иной церковной организации считалось полезным для дела, и эта торгашеская религиозность в свою очередь возводилась в высшую добродетель. Нам настойчиво вбивали в голову, что мы должны избегать соприкосновения с многими сторонами жизни, представляющими опасность для тела и для души. Чем меньше ты знаешь о жизни – тем лучше; чем больше ты знаешь о вымышленном рае и аде – тем опять-таки лучше. И люди жили в состоя-

нии какого-то странного привычного отупения, одурманенные или одурманившие себя немыслимыми и ложными представлениями о поведении человека, представлениями, которые возникли неизвестно как и где и, словно ядовитым туманом, окутали всю Америку, если не весь мир.

Мне, в сущности, не было бы до всего этого дела, не будь это столь глупо, столь нелепо. Можно было подумать, что на земле не существует ни одного сколько-нибудь дурного человека, пороки которого не были бы известны всему миру или, во всяком случае, не подвергались бы очень быстро разоблачению, и что хорошие люди тотчас полной мерой вознаграждаются за славные свои дела! Успех, обыкновенный деловой успех, служил в те дни синонимом величия. Клянусь вам, до семнадцати-восемнадцати лет я был уверен, что ни одно человеческое существо не способно таить в себе такие греховные, такие порочные мысли, как те, что порой мелькали у меня в голове.

Тогда я только начинал подозревать, что кое-какие истины, преподанные мне теми или другими авторитетами, неверны. Я замечал, что далеко не все так называемые хорошие люди непременно хороши и не все плохие люди безнадежно плохи. Мало-помалу я начал понимать, что не везде господствуют те доктрины, которые проповедуются в нашем городишке, и не все люди по своим воззрениям похожи на тех, среди которых я вырос. Уже тогда я сделал открытие, что моя мать, как бы я ею ни восхищался, всего-навсего обыкновенная женщина а вовсе не ангел во плоти; а мой отец и подавно – самый обыкновенный человек, и притом с причудами. Мои братья и сестры мало чем отличались от чьих-то других братьев и сестер: они были такие же люди, как все те, что бороздили вокруг бурные воды житейского моря, а вовсе не избранные натуры, далекие от жизни и счастливые взаимным созерцанием своих совершенств. Короче говоря, я уже начал постигать, что мир – это бурная, кипучая, жестокая, веселая, многообещающая и губительная стихия и что сильным и хитрым, коварным и ловким суждено быть победителями, а слабым и простодушным, невежественным и тупым предуготована незавидная доля, и притом отнюдь не в силу каких-то врожденных пороков, а просто в силу некоторых мешающих им недостатков, избавиться от которых не в их власти.

Мало-помалу передо мной выявлялись такие стороны жизни, о каких я прежде и не подозревал. В гонках побеждает быстрый, в битве – сильный. Я приходил к убеждению, что всяким значительным успехом люди в той или иной мере обязаны своим дарованиям, а это противоречило учению тех, кто проповедовал моральное самоусовершенствование и торговал добродетелью. Художниками, певцами, актерами, политиками, государственными деятелями, полководцами родятся, а не делают-

ся. Школьные прописи, за самым редким исключением, ни к чему не применимы. То, что мы слышим по воскресеньям в церквах и проповедуем в лоне своей семьи или в гостиных, имеет очень малое применение в реальной жизни; да и то только по принуждению, особенно если дело касается торговли или биржевых сделок. Заметьте: "только по принуждению". Я признаю существование могущественного принуждения, которое не имеет ничего общего с личными желаниями, вкусами, стремлениями человека. Это принуждение возникает в процессе уравновешивания тех сил, сущность которых нам еще не ясна, управлять которыми мы не можем и находясь во власти которых мы уподобляемся песчинкам, гонимым туда и сюда с неведомой для них целью. Политика, как я установил, работая в газетах, – довольно грязное занятие; религия со всеми ее догматами – мрачный вымысел тех, кто их проповедует: тут "много и шума и страстей, а смысла нет"; торговля – беспощадная схватка, в которой менее хитрые или менее ловкие и сильные погибают, а верх одерживают более коварные; труд людей свободных профессий построен на купле и продаже, а те, кто торгуют этим трудом, в большинстве своем безвольны, посредственны или корыстолюбивы.

Каждый человек, как я убедился, стремится к одному: быть как можно счастливее. У жизни же другие задачи, во всяком случае, ей очень мало дела до благополучия отдельных личностей. Ты можешь жить, можешь умереть; можешь быть сыт, можешь быть голоден; можешь случайно или преднамеренно попасть в русло преуспеяния или же, в силу врожденных особенностей характера, неспособности или неудачи, быть обречен на прозябание; ты можешь быть слаб, можешь быть силен; можешь быть умен, или туп, или ограничен. Жизни, то есть той борьбе, которая кипит вокруг нас, нет до тебя дела. Почему так много неудачников? – снова и снова задаю я себе вопрос. Так много безвременных смертей, несчастных случаев, необъяснимых и жестоких? Так много пожаров, циклонов, губительных эпидемий? Почему так часто люди внезапно теряют здоровье или состояние – то вследствие какого-либо порока или преступления, то просто в результате преклонного возраста или упадка духа? Так много тех, кто уже ушел в небытие или, потерпев крах, был предан забвению, и так мало тех, кто завоевал высокое положение, к чему стремятся все, и теперь одинок в своем превосходстве? Почему, почему все это? – неустанно спрашиваю я себя. И я еще не нашел ответа ни в одном действующем своде наших моральных или этических правил, ни в одном религиозном учении.

А если вы зададите этот вопрос методисту или баптисту, пресвитерианцу или лютеранину, вообще любому представителю различных существующих в Америке сект, вы убедитесь

(в наши дни это уже стало правилом без исключения), что все его представления о мире ограничиваются тем, чему его научили в школе или в церкви, да еще теми предрассудками, которыми пичкали его в родном городе. (В его родном городе! Великий боже!) И хотя мир накопил бесчисленные сокровища знаний в области химии, социологии, истории, философии, однако миллионы людей, которых мы видим на улицах и в магазинах, на шоссе и на проселочных дорогах, в поле и в домах, не имеют ни малейшего представления об этих сокровищах – вообще ни о чем, что может быть отнесено к так называемой "интеллектуальной сфере". Они живут различными теориями и доктринами, подчиняясь законам, установленным церковью, государством или общественным порядком, а законы эти ни в какой мере не ставят себе целью развитие естественных духовных запросов человека. Самая темная сторона демократии, так же как и автократии, в том, что она позволяет отдельным сильным личностям, если они достаточно беспринципны и коварны и вместе с тем обладают известным личным обаянием, толкать широкие массы не столько даже к непосредственной гибели, сколько к отказу от своих естественных прав и тех идеалов, которые они должны были бы исповедовать, если бы способны были размышлять, и в то же время позволяет притеснять, а в некоторых случаях даже истреблять тех, кому дороги подлинные духовные интересы нации. Вспомним Джордано Бруно! Яна Гуса! Савонаролу! Томаса Пейна! Уолта Уитмена! Эдгара Аллана По!

В конце концов главное в жизни и главное в познании – это сама жизнь. Мы приходим в мир, как я это понимаю, не просто мечтать и произрастать; не мешает нам и поразмыслить немного над тем, что с нами здесь происходит, или хотя бы попытаться это сделать. А чтобы прийти к каким-то самостоятельным выводам, мы имеем право, вопреки всем философам, доктринерам и попам, обращаться вглубь, к истокам познания, то есть к видимому миру, к поступкам и мыслям людей, к явлениям природы, к ее физическим и химическим процессам. Именно это должно быть главным занятием человека в тех случаях, когда борьба за существование и умеренная доза развлечений или чувственных радостей не поглощает его времени целиком. Он должен стараться проникнуть в глубь вещей, познать то, что видит вокруг себя – не отдельные явления, а все в целом – и, стоя в центре этого исполненного противоречий неистового вихря, именуемого жизнью, доискиваться до смысла ее и назначения. Иначе зачем дан ему ум? Если бы кто-то открыл хотя бы сравнительно небольшой части людей эту возможность задуматься над жизнью и выработать свой индивидуальный взгляд на вещи или убедил их в необходимости это сделать, насколько свободней, независимей, интересней стало бы наше существо-

вание! Мы жалуемся, что жизнь скучна. Если это так, причина в том, что мы еще не научились как следует мыслить. Но требовать от всех людей в массе, с их несовершенным, недостаточно развитым интеллектом, чтобы они мыслили, были личностями – невозможно. С таким же успехом можно требовать от скалы, чтобы она сдвинулась с места, или от дерева, чтобы оно полетело.

У нас в Америке – стране, имеющей конституцию, построенную на отвлеченных идеалах и являющуюся скорее произведением искусства, нежели реально действующим законом, – мы видим нацию, торжественно объявившую себя свободной в так называемом интеллектуальном и духовном смысле, фактически же ушедшую с головой в собирание, накапливание, распределение и использование чисто материальных благ. Несмотря на все громогласные заявления о нашей преданности высоким идеалам (заимствованным, кстати сказать, преимущественно у Англии), в мире не существует нации, чей философский, художественный и духовный вклад в дело развития человеческого интеллекта был бы столь ничтожен. Правда, мы изобрели немало различных вещей, которые должны освободить человека от непосильной тяжести изнурительного физического труда, и это, быть может, и есть та единственная миссия, которую призвана выполнить Америка на земле и во вселенной, ее назначение, ее конечная цель. Лично я считаю, что это не так уж плохо; подводная лодка, или самолет, или дредноут, или швейная машина, или жнейка, или хлопкоочистительная машина, или сноповязалка, или кассовый аппарат, или трамвай, или хотя бы телефон могут в конечном счете сыграть, а быть может, уже сыграли, не менее важную роль для раскрепощения человека от его физического и духовного рабства, чем что-либо другое. Не знаю.

Знаю только, что Америка увязла во всем этом до такой степени, что другое ее уже не интересует. У американцев нет времени, а пожалуй, даже и желания рассматривать жизнь в целом, с философской точки зрения или с точки зрения искусства. Но ведь, в конце-то концов, когда все машины для облегчения труда человека будут изобретены и все возможные меры для продления его жизни приняты, а быть может, и парализованы теми силами, перед которыми беспомощны все наши механические измышления, – разве строчка стихов, фраза, отрывок из давно забытой трагедии не окажутся тогда единственным, что останется от мира материальных вещей, которые представляются вам сейчас столь совершенными? Разве не одна только мысль пережила все другие прославленные и могучие творения человека, исчезнувшие навсегда, – мысль, донесенная чаще всего в произведениях искусства?

Однако не следует слишком далеко забираться в дебри от-

влеченных рассуждений о высоком значении искусства как такового. Я, в сущности, хочу сказать только одно: в стране, которая так глубоко погрязла в практицизме – забыв о провозглашенном ею в конституции служении идеалам, – свободная мысль и искусство не могут не находиться в положении безусловно ненормальном. Торговец и монополист, то есть тот, кто явно задает сейчас тон в Америке, не имеет ни малейшего представления об основных умственных и духовных запросах человека, которые находят свое выражение в искусстве, да и нимало ими не интересуется. Если вы мне не верите, посмотрите вокруг и убедитесь, как расходуют прибыль от своих капиталов все самые богатые и влиятельные люди Америки. Неприветливые, безвкусные дома, заполненные неприветливой и безвкусной старинной мебелью; сейфы, набитые ценными бумагами, – словом, лишь приобретение и накопление чисто материальных ценностей. Правда, в Америке существует около двух с половиной тысяч колледжей, школ и прочих учебных заведений всякого рода, опекаемых преимущественно американскими денежными тузами, и все эти учебные заведения ставят своей целью (так, во всяком случае, нам говорят) духовное развитие человека. Однако почти все они с железным упорством противятся всякому подлинно научному исследованию, всякой передовой мысли или новаторству, всякому истинному искусству. Сами педагоги так называемых высших учебных заведений вкупе с ректорами открыто заявляют, что истинная цель и сфера их деятельности – насаждение нравственности и патриотизма, а вовсе не передача знаний любой ценой, независимо от того, насколько они патриотичны.

В самом деле, вопреки американской конституции и пышным речам, произносимым по самым разнообразным поводам, любая обычная американская школа, любой колледж или университет столь же враждебен свободному развитию личности в подлинном значении этого слова, как всякая религия или секта. Им нужна не личность, им нужен механический слепок с какого-то не существующего в природе образца добродетелей, созданного то ли у нас в Америке, то ли еще где-то, в соответствии с канонами христианского учения или какой-либо другой религиозной догмы. Если вы со мной не согласны, ознакомьтесь с проспектом или обращением, в котором излагаются цели и принципы того или иного американского колледжа или университета. Ни одно из этих учебных заведений не стремится воспитать личность; они хотят вырастить по заданному наперед шаблону ряд или серию индивидуумов, похожих друг на друга и на них самих. Каков же этот шаблон? Вот, слушайте. Знакомый мне профессор одного из самых процветающих американских государственных университетов следующим образом отозвался о студентах, из года в год кончавших на его

глазах это учебное заведение: "Они могут вполне удовлетворительно, наподобие машин, производить различные материальные блага и пользоваться теми или иными профессиональными навыками – на это они пригодны; однако не ждите от них ни живой самостоятельной мысли, ни творческих дерзаний, ни естественных человеческих страстей и порывов. Все они на один лад – не люди, а машины, созданные по образцам и маркам своего колледжа. Они не мыслят; они не способны на это, потому что скованы по рукам и ногам железными кандалами условностей. Они боятся думать. Все это – нравственные юноши, богобоязненные, образцовые, но они не люди, ибо ничего не созидают, и подавляющее большинство из них будет изо дня в день тянуть лямку в каком-нибудь акционерном обществе, если случай или необходимость не рассеет косных теорий и предрассудков, навязанных им воспитанием и средой, и не превратит их в свободных, независимых, самостоятельно мыслящих людей".

В связи с этим я считаю уместным упомянуть об одном американском колледже – весьма привилегированном учебном заведении, – из стен которого со дня его основания было выпущено в свет немало питомиц; всем им предстояло бороться на свой страх и риск с жизнью, чтобы добиться высокого положения или, на худой конец, скромного достатка. Предполагается, что все это – личности, способные самостоятельно мыслить и действовать, свободно развиваться и созидать. Однако никто из них не занялся подлинно творческой работой в какой-либо области. Никто. (Если вас интересует, о каком колледже идет речь, напишите, я вам сообщу.) Ни одна из них не сделалась более или менее заметным химиком или физиологом, ботаником или историком, философом или художником. Ни одна. Все они работают секретарями в акционерных компаниях, библиотекарями в колледжах, занимаются педагогической или миссионерской деятельностью, наконец выступают в роли "просветителей" во всех разнообразных смыслах, не всегда по праву присвоенных этому слову, которым так любят злоупотреблять. Некоторые из них стали хранителями музеев, директорами, надзирателями. Они не являются личностями в подлинном смысле этого слова. Их не обучили мыслить, они не свободны. Они не изобретают, никого не ведут за собой, ничего не создают; они либо копируют что-то, сделанное другими, либо что-то оберегают. Однако все они – питомицы вышеупомянутого колледжа и сторонницы проповедуемых в нем идей, в бо́льшинстве своем ультракосных или, еще хуже, мертворожденных. Они рады носить свою мантию и побрякивать цепями навязанных им принципов и идеалов; они – автоматы, занявшие отведенное им место в той социальной системе, которая со всеми подробностями была преподана им в аудито-

риях их Alma Mater. Таково одно из проявлений свободы личности в Америке, довольно занятное, на мой взгляд.

Но все это лишь деталь общей картины или хроники интеллектуальной жизни Соединенных Штатов Америки. Обратимся теперь, если хотите, к сфере законодательства и юриспруденции, то есть к тем высоким сферам, в которых, как принято думать, действуют лишь государственные мужи и ученые законники – специалисты по экономическим и социальным вопросам. Что же мы там увидим?

Еще в 1875 году Эрнст Геккель, известный немецкий ученый, жаловался, что современные ему судьи и законодатели Германии обладают "лишь самыми поверхностными представлениями о столь важном и своеобразном объекте их деятельности, как человеческий организм и человеческий интеллект", и что у них решительно ни на что не хватает времени, кроме "упражнений в благородном искусстве фехтования да самого пристального изучения различных сортов вина и пива". Если таков был отзыв об интеллектуальной Германии тех дней, то что же можно сказать о юристе и законодателе современной Америки? Его деятельность! Грязная неразбериха, в которую финансовая и торговая конкуренция превращает наши законы и наши законодательные органы! А интеллектуальный уровень любого рядового политика! А деятельность его приспешников – законодателя и судьи, превратившихся в мальчиков на побегушках у крупных финансистов и в покорных исполнителей религиозно-нравственных, а следовательно, чисто произвольных установлений! А каких жалких невежд видим мы на каждом шагу среди тех, кто издает законы для народа или толкует уже существующие! Геккель с горечью писал об этих вершителях суда и закона в его дни: "Едва ли кто-нибудь скажет, что они стоят на уровне современного прогрессивного познания мира" Но и теперь, пятьдесят лет спустя, в Америке не проходит недели без того, чтобы не был опубликован тот или иной указ или судебное решение, узнав о котором мыслящий человек может только вздохнуть. Посмотрите, как рабски исполняется воля заинтересованных, но совершенно некомпетентных лиц, диктующих финансовые мероприятия, моральные и религиозные правила; как наши политики, законодатели и так называемые государственные деятели и судьи мечутся туда-сюда в зависимости от того, что сейчас от них требуется, чтобы на какое-то время удовлетворить или усыпить общественное мнение и сохранить за собой свои тепленькие местечки; как глубоко невежество любого конгрессмена, сенатора, законодателя, судьи или адвоката в самых элементарных вопросах биологии, психологии, социологии, экономики или истории! Вот, например, один наш президент, Теодор Рузвельт, признался, что никак не может разобраться в экономических проблемах. Од-

нако стоит только рядовому студенту, изучающему право в одном из наших колледжей, вызубрить наизусть несколько сот параграфов, и он уже готов предложить свои услуги ближайшей организации, готов писать указы для народа, прибавлять к своей фамилии титул "достопочтенный", словом, готов приняться за дело в качестве судьи или государственного деятеля.

Вопреки всем этим фактам, ни одна страна в мире, насколько мне известно, не проявляет такого необычайного, такого яростного упорства в своем стремлении применять десять заповедей на деле. Наша вера в эти религиозные догмы была бы просто смешна, если бы не была так печальна. Я никак не могу понять, порождено ли это фанатизмом пуритан, высадившихся на Плимут-Рок, или природой самой страны (что сомнительно, если вспомнить индейцев, живших здесь до прихода белых), или духом нашей федеральной конституции, творцами которой были такие идеалисты, как Пейн, Джефферсон, Франклин и их предшественники – все в известной мере религиозные мечтатели от политики. Несомненно только, что ни французы в Канаде, ни голландцы в Нью-Йорке, ни шведы в Нью-Джерси, ни смешанное англо-французское население крайнего Юга и Нового Орлеана не отличалось столь крайним идеализмом в вопросах нравственности.

Первый корабль с белыми женщинами, причаливший к берегам Америки, распродавал свой живой груз чуть ли не на вес. Женщин высадили в Джеймстауне. Основой всех крупных состояний, заложенных в Америке, был подкуп – приобретение огромных концессий на континенте за взятки. История наших отношений с американскими индейцами достаточно ярко характеризует финансовую "добропорядочность" и прочие моральные качества первых белых поселенцев этой страны. Мы развращали местное население, потом грабили его и истребляли. Вот единственный вывод, который можно сделать из фактов, рисующих наши взаимоотношения с индейцами так, как они изложены в исторических трудах, достойных этого наименования. Что касается дальнейшего освоения страны, строительства каналов, железных дорог и многочисленных предприятий, обслуживающих наши повседневные нужды, то их история – это нагромождение грабежей, лжесвидетельств, клятвопреступлений, вымогательств – словом, любых преступлений, на которые могут толкнуть человека алчность, корысть, честолюбие. Если вы мне не верите, ознакомьтесь с деятельностью комиссий конгресса, которые, с тех пор как создано наше правительство, в среднем каждые полгода проводят всевозможные расследования, – и вы сами в этом убедитесь. Мы, американцы, по своей изворотливости и неразборчивости в средствах можем поспорить с любой нацией в мире, не исключая даже англичан.

Не странно ли, однако, что эти финансовые и социальные преступления так легко уживаются у нас – по крайней мере в теории – с таким ханжеством в вопросах религии и пола, что этому трудно было бы поверить, не будь это вполне достоверно. Я не хочу сказать, что грабители и воры, которые немало потрудились над созданием наших многочисленных коммерческих и общественных предприятий, сами непременно отличались благочестием или пуританским целомудрием (хотя они очень часто старались производить такое впечатление), однако я решительно утверждаю, что в тех самых городах, штатах и государстве, где они расхищали и грабили, принято – всем вместе и врозь – в каждой строчке, в каждой фразе кричать о своей пресловутой нравственности. Почему? Мне кажется, что именно американец англосаксонского происхождения больше всех ратовал за религию и мораль как в печати, так и с трибуны, а вместе с тем, или, быть может, именно вследствие этого, не видел и не желал видеть, насколько его повседневные и вполне естественные для человека поступки противоречат его словам. Был ли он лицемером? Остался ли он им?

Американцы, независимо от происхождения, ни в моральном, ни в умственном отношении (если не касаться, впрочем, нашего умения наживать капитал и создавать материальные ценности) ничуть не лучше других людей, населяющих землю, будь то турки, китайцы или индусы, однако по какой-то странной причине мы мним себя выше других. По существу же разница только в том, что наши предки, оказавшись, в силу не зависевших от них условий, изгнанниками, на свое счастье, попали в страну молочных рек и кисельных берегов. Природа Америки была (да и по сей день остается) добра к одинокому чужестранцу, прибывшему сюда в поисках средств к существованию, а он, как видно, не замедлил приписать это трем вещам: во-первых, своей врожденной способности распоряжаться и управлять богатством; во-вторых, особому благоволению к нему господа бога; в-третьих, своей нравственности и своему превосходству над другими людьми (проистекающему, разумеется, из обладания богатством). Эта уверенность, поколебать которую еще не представилось случая ни крупному финансовому потрясению, ни какому-либо стихийному бедствию или социальной катастрофе, помогает американцу пребывать в состоянии высокоромантического самообмана. Он продолжает считать себя в нравственном и интеллектуальном отношении существом высшего порядка, неизмеримо более совершенным, чем остальные представители человеческой породы, населяющие другие страны, и разве что какая-нибудь финансовая катастрофа, которая разразится в связи с ростом народонаселения и истощением материальных ресурсов, убедит его в том, что он не прав. Нет сомнения все же, что рано или поздно он в этом

убедится. Можете быть спокойны. Предоставим это природе.

Отношение к женщине, особенно в вопросах ее нравственности, ее чистоты, наиболее примечательная черта нашего пуританства или фарисейства. Я не знаю народа, который бы так превыспренне культивировал эротику, как американцы. Быть может, под влиянием легенды о непорочном зачатии (создав себе идола в образе девы Марии) наш добрый американец, способный совершать те грязные финансовые преступления, о которых упоминалось выше, ухитряется вместе с тем смотреть на женщин, особенно на тех, что занимают более высокое, чем он, положение в обществе, как на неземные, ангельские создания, обладающие добродетелями, не свойственными ни одному живому существу – мужчине, ребенку или животному. Не важно, что в нашей стране, как и во всякой другой, царят обыкновенные земные страсти, что в наших городах и селениях целые, порой довольно обширные, кварталы населены жрицами Эроса и Венеры. Американец, способствуя процветанию домов терпимости, делает вид, что не знает об их существовании или об их назначении. Он сам, его приятели, его сыновья бывают там, но...

Только такая духовно однобокая натура, как англосакс, может исповедовать столь нелепые воззрения. Казалось бы, у нас должно хватить смелости называть вещи своими именами или хотя бы поменьше кричать о нашей неземной добродетели. Ну нет. Чистота, святость, самоотречение, кротость американских женщин... все эти совершенства так преувеличиваются, ими так прожужжали нам уши, что теперь любой заурядный пошляк, который способен пойти в публичный дом или взять себе женщину с улицы, вместе с тем имеет какое-то очень извращенное понятие о том, что представляет собой эта женщина; она для него не менее загадочное существо, чем какой-нибудь дикарь из африканских дебрей, которого он никогда в жизни не видел. Принцесса, богиня, непорочная мать или созидательное начало... венец всех добродетелей, всех совершенств... никаких пороков, никаких слабостей, никаких заблуждений – из такой вот белиберды составляются представления среднего англосакса, или, во всяком случае, среднего американца, о средней американской женщине. Я не хочу сказать, что в этом иллюзорном облике нет ничего положительного, однако он слишком хорош, чтобы быть реальным, – это отвлеченная схема, миф! В действительности таких женщин, каких рисует себе рядовой американец, не существует вовсе. Женщина – такое же двуногое млекопитающее, как и остальные представители человеческой породы, однако в результате вышеозначенной иллюзии самое понятие пола в применении к женщине становится недопустимым, ибо оно разрушает миф. Правда, мы появляемся на свет далеко не изысканным способом (зачатые в без-

законии и рожденные во грехе, как говорится в Библии), однако уже давно принято приукрашать это обстоятельство или закрывать на него глаза, и, для того чтобы завуалировать, насколько возможно, его грубую сущность, мужчина обязан ни в делах своих, ни в помышлениях не допускать ничего греховного, избегать всяких нескромных мыслей о женщинах, и даже более того – никогда не затрагивать этой темы публично: ни в речах, ни на страницах печати.

Все это мало-помалу привело к тому, что теперь уже считается не только грехом, но и позором, недопустимым нарушением нравственных устоев изображать женщину – особенно в печатных произведениях или в публичных речах – иначе, как в виде вышеупомянутого идеала. Женщины настолько чисты, а плотские отношения настолько отвратительны, что связывать одно с другим даже в мыслях недопустимо. Предполагается, что между ними не существует никакой связи. Мы должны жить в мире иллюзий или миража, мы должны попирать факты ногами и под видом развития так называемых лучших сторон своей натуры давать волю пустой фантазии. Можно ли сомневаться в том, какое притупляющее влияние оказывает все это на наши творческие способности? И тем не менее именно таково сейчас наше отношение к женщинам и к вопросам пола, именно этим и объясняется во многом то, что происходит у нас в общественной жизни, в литературе и в искусстве. Представьте себе, что пуританин или моралист вздумает создать что-то в области искусства, которое в свою очередь есть не что иное, как правдивое отражение – интеллектуальное и эмоциональное – глубокого творческого восприятия жизни. Только представьте себе! И сравните интеллектуальную или художественную ограниченность его творений с той свободой и трезвостью суждений, которые проявляются у нас в области коммерции, финансов или земледелия. В практической жизни мы хладнокровны, скептичны, уравновешенны, сметливы, рассудительны и, следовательно, неплохо подготовлены к такого рода деятельности. В интеллектуальной жизни мы отличаемся набожностью, доктринерством, духовной пустотой. В итоге американцы, за исключением отдельных личностей, которые появляются вопреки любым неблагоприятным условиям (и на которых всегда будут косо смотреть), не способны познать, а еще того менее – отобразить жизнь, как она есть. В искусстве, в философии, в умственной жизни – мы немощны; в области финансов и во всех областях коммерческой деятельности – мы преуспеваем. Мы развивались столь однобоко, что в этом отношении стали чуть ли не великанами. Неправдоподобные, почти мифические характеры сложились у нас в результате этого процесса: появились люди, до такой степени лишенные гармоничности, свойственной человеческой натуре, что они похожи на чудовищ – на

уродливую гримасу алчности. Я имею в виду Рокфеллера, Гулда, Сейджа, Вандербилта-старшего, Г. Г. Роджерса, Карнеги, Фрика.

Мне кажется, что Америку лучше всего можно представить себе как царство шекспировского ткача Основы. А Основа, на мой взгляд, – это делец, нажививший состояние усердной торговлей румянами или пудрой, молотилками или углем и оказавшийся вследствие этого, а также вследствие случайно выпавших на его долю привилегий, предоставляемых демократией, в положении советчика и даже диктатора, призванного решать вопросы, которые не только не всегда ему по плечу, но в которых он чаще всего ничего не смыслит, как, например, вопросы искусства, науки, философии, морали и общественных отношений. Вы помните, конечно, Основу из "Сна в летнюю ночь"? Основу, который не подозревал, что у него ослиные уши и что он не может изображать льва, ибо для этого недостаточно уметь рычать. У нас, в Америке, он восседает теперь на троне в роли льва и является в каком-то смысле олицетворением англосаксонского характера. Основа чрезвычайно высокого мнения о себе. Он ни на секунду не подозревает о своих ослиных ушах и о том, как мало он пригоден для роли льва – или, называя вещи своими именами, для искусства. В сущности он просто невежественный ткач, превращенный "волшебством сна", некоей грезой, именуемой Конституция, в рыкающего льва... в своем собственном воображении. Никто не смеет сказать, что это не так; такой человек будет изгнан из страны, выслан или сослан. Никто не смеет понимать искусство иначе, чем понимает его Основа А если вы осмелились – раз, два, и его прихвостень Комсток вместе со всей своей братией живо упрячет вас за решетку. Люди, попадающие к нам из чужих земель (Англия не в счет), бывают поражены ослиными ушами Основы и его притязаниями на роль льва. В действительности же он просто воплощает в себе англосаксонскую натуру. Он убежден, что свобода существует не для Оберона или Душистого Горошка, не для Паутинки или Горчичного Зерньшка, а для епископов, представителей власти, оптовых торговцев и для тех, кто нажил огромные состояния, изготовляя томатные консервы или торгуя нефтью. Основа мечтает о том, чтобы у нас у всех отросли длинные ослиные уши и чтобы мы поверили, будто он величайший актер на свете. Он недоволен миром, исполняющим роль Пирама не так, как бы ему хотелось. Айва, Миляга, Дудка, Рыло и Заморьш (вся компания, что явилась вместе с ним на корабле "Мейфлауэр") признают его великим актером, но, увы, есть другие, и Основа убежден, что эти другие не правы, когда они пытаются разрушить грезу под названием Американская Конституция, принесшую ему это "волшебство сна" и превратившую его в льва с "восхитительно волосатой мордой" и длинными ушами.

Горе, горе искусству в Америке! Ему предстоит мотыжить твердую, неподатливую землю.

Но я в ссоре с Америкой не потому, что жизнь здесь течет в деловой, деятельной обстановке, способствующей коммерции, а потому, что только этим все и ограничивается и Америка все больше и больше становится нудной, рутинерской, ханжеской страной – миром практицизма, еще более скучным, чем ее названая мать - высокочтимая Англия. Если только внешние признаки нас не обманывают, мы скатываемся прямо в объятия олигархии торгашей, интеллектуальные мерила которых во всем, что выходит за пределы торговли, отличаются такою узостью, что о них едва ли стоит даже говорить. Посмотрите хотя бы, что сталось под владычеством коммерции с нашим знаменем, оплотом наших священных свобод и духовной независимости – с американскими газетами! Загляните в них. У меня нет сейчас возможности разобрать пункт за пунктом многочисленные и в большинстве случаев вполне обоснованные обвинения, которые им предъявляются, – припомните сами, что́ изо дня в день читаете вы в своей газете. Если вы занимаетесь коммерцией, я спрошу вас: разбирается ли газета, которую вы выписываете, в вопросах торговли? В какой мере можете вы положиться на ее знания или правильность ее суждений? Если вы принадлежите к той или иной профессии, часто ли находите вы в вашей газете вполне достоверные сообщения из интересующей вас области? Если газета публикует мнение или официальное заявление какого-либо специалиста по какому-то важному специальному вопросу, доверитесь ли вы ему целиком, без всякой дополнительной проверки?

Вы любите театр; верите ли вы тому, что пишут театральные критики? Вы изучаете литературу; согласны ли вы с высказываниями рецензентов, более того – интересует ли вас их мнение? Вы художник или ценитель искусства; станете ли вы искать в газетах чего-нибудь, кроме простой информации – адресов выставок и т. п.? Сомневаюсь. Что же касается политики, финансов, общественных движений и общественной жизни, то тут вы, верно, согласитесь со мной, что мир еще не знал советчика более пристрастного, злобного, всячески затемняющего и искажающего истину, нежели газета. Все интеллигентные и образованные люди давно уже перестали воспринимать газетную критику и газетные передовицы иначе, как пустую или напыщенную болтовню наемных пособников торгашей или, еще того хуже, обыкновенных невежд. Журналист или ничего не знает, или ничего не умеет. Издатель очень этому рад и пользуется недостатком его знаний или способностей в своих интересах. Политики, государственные деятели, владельцы универсальных магазинов, крупные финансисты и прочие влиятельные личности контролируют газеты, используют их в своих интере-

сах, заставляют плясать под свою дудку. Мои слова звучат как суровый приговор всей нашей прессе, но разве это не правда – все, от слова до слова?

Вернемся снова к религиозным и коммерческим организациям Америки, которых у нас такое множество и которые распространяют свое влияние чуть ли не на всю нашу жизнь. Какое отношение имеют они к свободному духовному развитию человека, к подлинному пониманию искусства или жизни, ее сущности, ее развития, поэтических или трагических ее сторон? Можете ли вы ждать от методистов или баптистов, от католиков или пресвитерианцев, чтобы они хоть чем-то содействовали свободному развитию личности, или независимости мысли, или прямоте суждений, или искусству? Разве не требуют они от всех своих последователей отказа от такой свободы во имя завета или заповеди, провозглашенных легендарным, неисторическим, вымышленным лицом, которое якобы правит нашим миром? Подумайте об этом! А ведь эти организации весьма деятельны, они влияют на правительство – на нынешнее правительство, чтобы быть совершенно точным, – подчиняют его своему контролю, хотя оно как будто призвано охранять свободу личности, и при этом не только в так называемых вопросах совести, но и во всех проявлениях творческой мысли и искусства.

А наши крупные акционерные компании во главе с так называемыми магнатами индустрии, которые заправляют всем? Какова их роль в таких вопросах, как свобода личности, право человека самостоятельно мыслить, духовно расти? Возьмем, к примеру, хотя бы Табачный трест, Нефтяной трест, Молочный трест, Угольный трест – в какой мере могут они, по-вашему, содействовать нашему духовному росту? Может быть, они деятельно стремятся к установлению более высоких этических принципов, более широких исторических и философских концепций, более тонкого понимания искусства? Или они повседневно и неустанно заняты конкуренцией в ее самых неприкрытых и грубых формах и накоплением капитала, который потом частично высосут из них различные псевдознатоки и собиратели произведений искусства или торговцы старинными фолиантами и так называемыми древностями? Что знают они по-настоящему о жизни, о достижениях человеческого гения? Тем не менее это – демократия. Предполагается, что у нас, как ни в одной другой части света, человеку дана возможность и даже вменено в обязанность всеми доступными ему средствами добиваться духовного совершенствования и материального благополучия. Но уж если говорить об искусстве и интеллектуальном развитии личности, то вся беда нашей демократии в том, что даже самодержавие с его кастой титулованных бездельников открывает больший простор хотя бы для немногих избранников, желающих посвятить свой досуг искусству, а потому

там имеется некое ядро или группа лиц, которые покровительствуют искусству, стремятся утвердить за ним, как и за литературой, его неотъемлемые права, отводят свободной человеческой мысли подобающее ей высокое место. Я не утверждаю, что наша демократия не породит когда-нибудь такого ядра или группы. Я верю, что она способна и сумеет это сделать. Вполне возможно, что со временем она докажет свое превосходство над любой формой наследственной автократии. Но я говорю о состоянии искусства, общественных отношений и интеллектуального развития в Америке в наши дни.

Мне хочется и смеяться и плакать, когда я об этом думаю: сто двадцать миллионов американцев, баснословно богатых (многие из них, во всяком случае), – и почти ни одного поэта, прозаика, певца, актера, музыканта, о котором стоило бы упомянуть. Сто сорок лет (почти двести даже, если считать и колониальный период) страна развивалась при самых благоприятных общественных условиях, какие только можно себе вообразить: великолепная плодородная почва; неисчислимые залежи золота, серебра, драгоценных металлов и полезных ископаемых, запасы топлива всякого рода; природа, изумляющая своим богатством, своими горами, реками, своими зелеными долинами; могучие силы ее, обогащающие человека; и, наконец, огромные города и широкие возможности для передвижения и торговли. И что же? Артисты, поэты, мыслители – где они? Породила ли эта страна хоть одного крупного философа – Спенсера, Ницше, Шопенгауэра, Канта? Кажется, кто-то хочет поставить с ними вровень Эмерсона? Или, может быть, Джеймса? Породила ли она хоть одного историка, не уступающего по силе Маколею, или Гроту, или Гиббону? Хоть одного писателя, которого можно было бы упомянуть наряду с Тургеневым, Мопассаном, Флобером? Ученого типа Крукса, Рентгена или Пастера? Критика такой глубины и силы, как Тэн, Сент-Бёв или Гонкуры? Драматурга, равного Ибсену, Чехову, Шоу, Гауптману, Брийе? Актера – после Бута, – равного Коклену, или Зонненталю, или Форбс-Робертсону, или Саре Бернар? После Уитмена у нас был только один поэт – Эдгар Ли Мастерс. В живописи – Уистлер, Иннес, Сарджент. Кто же еще? (А двое из них навсегда покинули наши берега.) Изобретатели? Да; их можно насчитать сотни, быть может, даже тысячи. И некоторые из них поистине замечательны, имена их завоевали мировую известность и останутся в веках. Но имеют ли они хоть какое-нибудь отношение к искусству, к подлинной свободе человеческой мысли?

Наиболее примечательным – и, на мой взгляд, наиболее тревожным – явлением в общественной жизни современной Америки следует считать распространение еще более узких и еще более пуританских воззрений, чем даже те, что укоренились

в прошлом. Меня не перестают приводить в изумление тысячи мужчин, чрезвычайно способных в области механики или в каких-либо других узкотехнических областях, но обладающих вместе с тем мышлением ребенка во всем, что касается отвлеченных философских проблем. Мы, как нация, с полной наивностью принимаем на веру самые невероятные вещи. Я имею в виду не только основные догматы всех религий, которые, в сущности, ни на чем не основаны и которые тем не менее безоговорочно принимаются миллионами американцев, как и наиболее угнетенными классами других стран, но я думаю еще и о тех суровых истинах, которым учит нас сама жизнь: я думаю о неустойчивости человеческой натуры, о беспощадных ударах судьбы, разрушающих все наши самые светлые мечты, о том, что человек в целом не плох и не хорош, а соединяет в себе и то и другое. Американец вследствие какой-то странной шутки, которую сыграл с ним, по-видимому, атавизм, заимствовал или унаследовал от английского мелкобуржуазного пуританства все его вздорные представления о возможности исправления человеческой натуры путем указа или декрета – то есть того Священного писания, без которого не обходится ни одна религия. И вот, хотя нам удалось с помощью самых грубых и жестоких средств построить одну из наиболее примечательных деспотических олигархий мира, однако мы совершенно не отдаем себе в этом отчета.

По мнению не привыкшего мыслить американца, все люди по-прежнему свободны и равны. Они от рождения наделены какими-то неотъемлемыми правами, хотя, если вы попытаетесь установить, в чем состоят эти права, никто на свете не сможет вам этого объяснить. Жизнь у нас, так же как и везде, сводится в конечном счете к крайне грубым проявлениям законов природы. Богатый притесняет бедного на каждом шагу; бедный защищается и всеми средствами, какие диктует ему тяжелая необходимость, борется за существование. Никакие неотъемлемые права человека не могут воспрепятствовать неуклонному вздорожанию жизни, в то время как заработная плата наших идиллически настроенных американцев почти никогда не повышается. Никакие неотъемлемые права ни разу еще не помешали сильным запугивать или обманывать слабых. И хотя мало-помалу средний американец начинает все отчетливее постигать, какая острая борьба за существование идет вокруг него, его вера в свои нелепые идеалы остается незыблемой. Господь бог спасет доброго американца и посадит его по правую руку от своего престола.

И вот наш наивный американец, присваивая и подавляя со всею грубостью своих природных инстинктов, в то же самое время пишет восторженные пошлости насчет братской любви, добродетели, нравственности, истины и прочее тому подобное.

И обе эти стороны его натуры, в зависимости от обстоятельств, находят отчасти свое выражение в неустанном стремлении всех американцев искоренять и улучшать. Ни одна страна в мире, не исключая даже Англии – прародительницы всех самых нелепых реформ, не проявляет такой изобретательности в различных бессмысленных начинаниях, как наше отечество. У нас проводились поочередно кампании по обращению атеистов, по исправлению алкоголиков, развратников, падших женщин, финансовых громил, наркоманов, танцовщиц, театралов, читателей романов, декольтированных женщин и женщин, злоупотребляющих ношением драгоценностей, – словом, мы обрушивались на каждую слабость и каждое пристрастие, как только они начинали проявляться с недюжинной, а потому интересной с точки зрения человеческого характера силой. В основе всех этих мероприятий лежит такая идея: человек, чтобы достичь совершенства, должен быть бесцветным, худосочным созданием, не способным ни на какой проступок или порок. А бурные воды житейского моря кипят вокруг, и грохот их отдается у него в ушах! Вор, развратник, пьяница, падшая женщина, стяжатель, честолюбец чередой проходят мимо его порога, как было во все времена, и, сколько бы ни предпринималось походов во имя их спасения, число их никогда не уменьшается. Другими словами, человеческая натура всегда остается человеческой натурой, но нас, американцев, невозможно в этом убедить.

Я не в ладах с Америкой потому, что она не в ладах с независимой мыслью. Мне больно видеть, как наши так называемые реформаторы, словно новоиспеченные Дон Кихоты, сражаются с ветряными мельницами фактов. Нам не разрешается иметь картины, кроме тех, что получили одобрение наших пуритан и рутинеров. Нам запрещаются спектакли, фильмы, книги, выставки любого сорта, даже публичные речи, которые в чем-то противоречат их ограниченному кругозору. Наконец мы сподобились даже иметь президента, которому предписывалось не вести больше войн! Несколько лет назад был предан анафеме простой трактирщик, и собственность его подверглась уничтожению посредством топора, факела и ручной гранаты. А позже, с ростом городов, стали на каждом шагу появляться целые кварталы, посвященные культу Венеры. Но вот народился новый крестоносец – Каратель Греха, и нашим взорам предстают толпы выгнанных на улицу женщин, которые прежде населяли эти кварталы, а теперь вынуждены промышлять в одиночку. Затем появляется м-р Комсток, непоколебимый, мстительный и с таким пристрастием и нюхом ко всему нечестивому и эротическому, какими не обладал до него еще ни один смертный. Картины, книги, театр, танцы, мастерские художников – ничто не ускользает от его бдительного ока. Сей господин благодаря своим тупым нападкам на то, в чем он ничего не смыслил, был

на протяжении двадцати или тридцати лет своей деятельности в качестве государственного инспектора министерства почт Соединенных Штатов Америки в центре внимания всей общественности, чего, собственно, он и жаждал. Сегодня под удар попадали творения Бальзака или Мопассана, завтра – роман д'Аннунцио, обнаруженный в полумраке какой-нибудь убогой букинистической лавчонки. Бедного фотографа, рискнувшего сфотографировать обнаженное тело, живописца, позволившего своему преклонению перед Рафаэлем завести его слишком далеко, поэта, сделавшего попытку воскресить Дон Жуана в современных ямбах, немедленно хватали и тащили в суд, где невежественный судья признавал его виновным в нарушении закона и приговаривал к соответствующему штрафу. И все это повторяется снова и снова и со все большим пылом.

Затем настал день вооруженного похода против белых рабынь, и теперь в Америке не сыщется ни одного города, ни одного самого захолустного поселка, где бы не существовало тех или иных организаций по борьбе с пороком или, на самый худой конец, местного представителя или агента этих организаций, на обязанности которого лежит следить за тем, чтобы искусство, литература, печать и частная жизнь вверенных его попечению лиц соответствовали тому идеальному образцу, который только крайне тупоголовые люди могли измыслить. Когда ярость борьбы с белыми рабынями достигла белого каления, ее идейные основы нашли свое выражение в следующих фактах: все пьесы, в которых автор позволил себе слишком ярко обрисовать характер преступления, подверглись разгрому, а те пьесы, которые апеллировали только к рассудку самих вдохновителей этого похода, были разрешены. В итоге мы были свидетелями того, как по всей стране в битком набитых кинозалах демонстрировался нецензурный, но тем не менее получивший разрешение многометражный фильм, с такими подробностями изображавший сей преступный промысел и самые замысловатые способы поощрения белых рабынь, каких невозможно было обнаружить ни в одном современном произведении; а в это же самое время две куда более интересные в художественном отношении, но не дававшие такой исчерпывающей информации пьесы успешно изгонялись из одного города за другим и в конце концов вовсе исчезли со сцены.

Шекспир был также с позором изгнан из многих школ Соединенных Штатов Америки. В Чикаго разгромили постановку "Антония и Клеопатры". Японские гравюры большой художественной ценности, предназначавшиеся для хранения в частной коллекции, были конфискованы и наиболее совершенные из них уничтожены. Один за другим подверглись нападкам: художественной работы фонтан в Нью-Йорке с изображением Генриха Гейне; передвижные выставки картин в Денвере, Кан-

зас-Сити и других городах; произведения Стивенсона, Джеймса Лейна Аллена, Френсис Х. Бёрнетт. И если на последних обрушилась лишь аллегорическая дубинка закона, то первый погиб под самым обыкновенным увесистым топором. Один известный и не лишенный дарования танцовщик подвергся публичному нападению со стороны карателей порока... за бесстыдное выставление напоказ своего тела! Ни одна пьеса, ни одно художественное полотно, ни одна книга, ни одно общественное или частное празднество не застраховано теперь от нападок, если оно признано порочным.

На мой взгляд, все это – явное проявление тупоумия и свидетельствует лишь о том, как низко пали мы в интеллектуальном отношении. Но хуже всего, когда такие тенденции начинают проявляться и в области серьезной литературы. В Нью-Йорке были и продолжают иметь место попытки подлинно террористических актов. Издателю фрейдовского "Леонардо" – книги, единственный порок которой в том, что она умна и правдива, – пригрозили судебным преследованием, если он выпустит ее в свет. Роман Пшибышевского "Homo Sapiens"[1], который никак нельзя считать порнографическим произведением, был конфискован, едва только он появился на прилавке, а издателей угрозами заставили изъять весь тираж из обращения. Та же судьба постигла и "Агарь Ревелли", и "Тэсс из рода д'Эрбервиллей", и "Сафо", и "Джуда Незаметного", и "Розу из Датчерс-Кули", и "Высокочтимую леди", и "Лето в Аркадии", и многие другие произведения. Вообразите себе только – изъять такую книгу, как "Лето в Аркадии", из публичных библиотек! Был наложен запрет даже на "Половой вопрос" Фореля и, разумеется, на все произведения Крафт-Эббинга. (А чтобы приобрести книгу Фрейда или Эллиса, нужно теперь иметь предписание врача – так сказать, получить своего рода рецепт на лекарство для души или ума.) Подумать только – книги такого ученого, как Фрейд!

Подобного рода посягательство на серьезную литературу и науку представляется мне самым вредоносным видом слежки, какой только мог измыслить человеческий разум. Им измеряется глубина нашего невежества и нетерпимости. Если не положить этому конец, мы задушим в зародыше всякую инициативу, всякую живую мысль. Жизнь – это прежде всего то, что нужно наблюдать, изучать, истолковывать. Наши познания о ней не могут быть чрезмерны, так как мы пока еще ровно ничего о ней не знаем. Перед нами огромная область, которую нам предстоит изучить. Предоставим художнику свободу, и тогда мы сможем довериться ему – правильности его наблюдений, умению обобщать и передавать накопленные людьми

[1] "Человек – разумное существо" (*лат.*).

познания в наиболее выразительной форме. Человек будет продолжать свои поиски и обретет то, что ему нужно, вопреки всем карателям на свете. Никто не читает по принуждению, напротив – за это еще приходится платить. Более того, человек должен обладать врожденным вкусом, чтобы сделать правильный выбор, умом и сердцем, чтобы понять. И когда эти качества будут стоять на страже и каждая страна даст достаточное количество критиков, способных правильно оценивать, порицать или хвалить, – к чему нам тогда цензор или десятки цензоров? Ведь любой из них менее пригоден для своей роли, чем хороший критик, однако стремится навязать нам свои личные пристрастия и предубеждения, а если мы с ними не согласны, тащит нас в суд.

Что касается меня, то я протестую. Это насилие над настоящим искусством, мыслью и умами я считаю преступлением. Я боюсь, что Америка окончательно падет в интеллектуальном смысле, – ведь, сказать по совести, мы и так уже стоим не слишком высоко по сравнению с остальным миром. А тут еще, словно осиный рой, налетают цензоры, чтобы совсем доконать искусство и литературу, которые почти утратили уже способность сопротивляться. По, Готорн, Уитмен и Торо поочередно подвергались насмешкам и глумлению со стороны невежественных американцев, пока мы сами не сделались посмешищем в глазах всего мира. К чему все это приведет? Когда выйдем мы, наконец, из пеленок, в которых держат нас нелепые предрассудки пуритан и их невежественных последователей, и станем взрослыми свободомыслящими людьми? Я думаю, что жизнь познается из книг и произведений искусства, быть может, еще в большей мере, чем из самой жизни. Искусство – это нектар души, собранный в трудах и муках. Позволим ли мы тупицам, эгоистам и честолюбцам закрыть доступ к этому роднику для нашего пытливого ума?

1917

Идеалы, мораль и газета

Вот уже двести с лишним лет, как наши газеты, успешно соревнуясь с проповедниками и доморощенными реформаторами, чье место они отчасти заняли, а отчасти и теперь еще оспаривают, присвоили себе роль предсказателей, пророков, поборников добродетели – вроде честности и всего прочего, не говоря уже о "правде и справедливости", этих излюбленных девизах нашей просвещенной (в кавычках) публики. Не удивительно, что люди не слишком развитые видят в газете чуть ли не какого-то оракула и целиком подпадают под ее влияние. Здесь, в поучение читателю, всегда проводится какая-то политическая про-

грамма и излагаются взгляды на мораль – личную и общественную – и непременно в полном согласии с некоей господствующей точкой зрения или же с интересами самой газеты. А где-то за кулисами, незаметно для читателя, который якобы вдохновляет, руководит и определяет политическое направление и взгляды своей газеты, стоит некое лицо или группа лиц, а может быть, и целое предприятие (коммерческое, религиозное или еще какое-нибудь – неважно), столь же мало сведущее в сложных социальных и духовных вопросах современности, как рядовой обыватель, а может быть, и того меньше. Но с помощью таких мощных рычагов, как большие тиражи и широкое распространение, а также при содействии предприимчивого, оборотистого и пронырливого коммерческого руководства, их моральные и общественные приговоры приобретают, как это ни смешно, значение непреложных, великих, чуть ли не священных истин! А ведь суд этот вершит обыкновенный человек, страдающий всеми человеческими слабостями и пороками, или же скрывающаяся за ним клика, которая при помощи указанных рычагов (тиража, распространения) добивается своих корыстных целей. Издатели газет – или стоящая за ними клика – угодливо рукоплещут и расшаркиваются перед взглядами, которые, по их представлению, диктуются духом времени, но думают они только о тиражах и распространении, как будто в них конечная цель и решение всех вопросов.

А между тем много ли в Америке людей, которые не благоговели бы перед своей газетой? С какой рабской покорностью иные избиратели даже и сейчас слушаются ее приказа! А сколько тумана и лжи распространяла американская печать с первых дней своего существования – вспомните ее пресловутые кампании хотя бы по таким вопросам, как денежное обращение, рабство, тарифы, тресты, наконец, беззастенчивая спекуляция и нынешняя европейская война! Найдется ли газета, которая не рекламировала бы каких-нибудь самоновейших, заведомо негодных средств от всяких недугов (я имею в виду отнюдь не патентованные лекарства) или не утверждала бы, что нельзя найти спасение от социальных бедствий, жертвами коих становятся миллионы, или откровенно не изображала бы закон широко раскинутой сетью, сквозь петли которой норовят проскользнуть и крупные акулы и мелкая рыбешка и все решает удача или случай. Конечно, чем крупнее акула, тем больше достается сети. Или где найдете вы газету, которая признавала бы открыто, что десять заповедей вовсе не божественное установление (сами-то они над этим смеются!), что заповеди – не что иное, как общественная условность и держатся они единственно на признании большинства, а стало быть, если вы сомневаетесь, то вовсе они для вас не обязательны и вы можете нарушать их без малейшего для себя ущерба.

Жизнь так же сложна и противоречива в редакционном, информационном и коммерческом отделах любой средней газеты, как и повсюду, с тою лишь разницей, что здесь ее поток и мутнее и гуще. Те, что во главе, прекрасно видят за всем этим борьбу интересов отдельных лиц и групп, скрытые пружины корысти, интриг и политиканства, стремление преуспеть за счет себе подобных. Но в передовицах и редакционных подвалах между противоречивыми интересами наводятся шаткие мостки, устанавливается искусственное равновесие между алчными, корыстными, пожирающими друг друга соперниками – и все это выдается за некий глас с Синая, за предначертания всемогущего, вездесущего и премудрого разума, который избрал своим рупором и глашатаем именно редактора или издателя данной газеты. Так не смешно ли, что подверженная всем человеческим заблуждениям и слабостям, корыстная и продажная газета берет на себя роль морального и политического судьи в делах всего общества!

Но что стало бы с тиражом средней газеты, вздумай она взять другой курс? И в какое бы она попала положение, случись ей буквально следовать тем самым рецептам, которые она столь щедро прописывает другим? Как хорошо известны всем, кто занимает у нас командные места, в том числе и заправляет газетами, "заповеди блаженства", о коих говорится в Нагорной проповеди, – это понятие, весьма далекое от жизни и абсолютно в ней не применимое. А между тем найдите газету, которая честно это признает, пусть не прямо, а хоть намеком. Напротив, разве они не прокричали вам уши, утверждая, что это самые здравые и разумные понятия?.. И кто кричит? Наша периодическая печать, которой лучше, чем кому-либо, известна вся языческая невнятица жизни и которая сама никак не может служить примером христианского благочестия. "Воззри на слова мои, а не на дела!.." Но ведь из такой программы, как "заповеди блаженства" или нерушимые законы истины, добра и красоты, возвещаемые нашими газетами (да и не только ими), не может воспоследовать ничего, кроме застоя и гниения, и это неопровержимо доказано законами физики и химии, это – истина, известная каждому среднему и даже ограниченному человеку, что-то создающему в жизни, хотя бы он и был заядлым читателем газет. Каждый не вовсе лишенный опыта и разума человек понимает это – однако где найдете вы газету или другой орган общественного мнения, который решился бы признать столь простую истину? Рядовой человек, плетущийся на поводу у всяких вздорных религиозных и других теорий, насаждаемых и поддерживаемых в обществе с корыстной целью, или ослепленный надеждами на возможность какого-то житейского преуспеяния, – всецело в плену у нашей многоискушенной прессы, хитро играющей на его заблуждениях. Досто-

верных фактов он боится, как чумы. Очковтирательство, подслащенная водичка романтики и увиливание от правды куда больше ему по вкусу. Ну разве это не трагическая насмешка – человек сам воздвигает себе идола и молится ему! Он сам кует цепи для своего так называемого разума, а потом стонет под их бременем – или благополучно мирится с ними.

Но (продолжая нашу обвинительную речь) представьте себе руководство газеты, которое отказалось бы следовать мудрому правилу, гласящему, что в борьбе выживает сильнейший, и избрало бы какую-нибудь другую жизненную доктрину; представьте себе газету, которая, едва лишь дело коснется ее шкурных интересов или тех целей, которым она служит, не поспешила бы выставить за порог "заповеди блаженства". Эти заповеди – весьма доходная статья в редакционном портфеле: они поставляют незаменимые тексты для моральных проповедей, рассчитанных на массового потребителя, но в хронике или в коммерческом отделе им не место. А что касается душеспасительных наставлений вроде: "пройди две мили с путником, который просит тебя пройти с ним милю", "подставь правую щеку, если тебя ударили по левой", – то, позвольте, кто же так поступает? Таких вещей на свете не бывает, да и в газете их терпят разве что в церковной хронике – в расчете на медяки верующих.

Итак, перед нами газетный лист со всеми его противоречиями; в одной колонке поносятся и обливаются грязью дела и помышления политических и общественных противников газеты; рядом, в качестве пикантной сенсации, смакуются описания кошмарных преступлений и пороков или живописуются – в поучение старым и малым – всевозможные трагические происшествия, в знак того, сколь вероломно судьба играет человеком. А в соседнем столбце склоняются на все лады такие слова, как истина, любовь, красота, милосердие, долг и проч., под коими подразумевается некая вполне ясная и вполне осуществимая (для читателя!) программа. Да, не посвященным ни в какие закулисные махинации наивным простакам здесь преподносятся нерушимые, преподанные свыше правила, сулящие мир и радость на земле.

А посему, благосклонный читатель, прими сие к сведению и исполнению, ибо это есть порождение воли и мысли некоего вполне осязаемого, конкретного божества – того, что вещало с Синая, или того, что шествовало на Голгофу (хотя между ними немалая разница), с коим не поспоришь, не навлекая на себя существенных неприятностей. Однако, в переводе на обыкновенный житейский язык, единственное, что от нас, грешных, требуется (как по закону, так и с точки зрения побудительных мотивов), – это соблюдение некоего условного равновесия или статуса-кво, иначе говоря, все то же "золотое правило",

что бы там ни толковали про ад и про рай облаченные в рясу проповедники, кои, поучая нас, не забывают и о сборе доброхотных даяний.

Но где найдете вы газету, у которой хватило бы храбрости признать это? Где? Так разве не время призадуматься и спросить себя, заслуживают ли газеты, за вычетом чисто осведомительного материала (который надо строже отсеивать и проверять с точки зрения законов о лжесвидетельстве и клевете), повторяю, заслуживают ли газеты сколько-нибудь серьезного к себе отношения?

1918

Из "Книги о себе"

Глава 1

В 1890 году я впервые стал задумываться над тем, кем хочу быть. Два с лишним года я зачитывался Юджином Филдом, который ежедневно печатался в "Чикаго дейли ньюс" под заголовком "Диезы и бемоли". Юмор, а подчас и романтизм, с которым он толковал жизненные перипетии, способствовали тому, что я открыл в себе неясное еще желание писать в том же духе. Ничто из прочитанного мной – будь то романы, пьесы, стихи, исторические сочинения, главным образом из иностранной жизни, – не давало столько пищи для моей творческой мысли, как эти ежедневные заметки, стихи, афоризмы из жизни Чикаго.

Его беглые заметки о местной жизни, острые наброски уличных сценок, людей и их дел волновали меня, как ничто до сих пор. Для меня тогда атмосфера Чикаго была атмосферой человечности и реализма. Бывают города и страны, полные романтики, и для меня Чикаго был полон ею. Я чувствовал, город поет, и, несмотря на мои житейские невзгоды, которые теперь мне кажутся совершенно незначительными, я пел вместе с ним. Мрачные окраины, по которым я ежедневно ходил, собирая платежи в рассрочку для мебельной фирмы, громады домов, населенных разбогатевшими упаковщиками и фабрикантами, причудливые иностранные кварталы всех наций и, наконец, центр города – огромное пространство, ограниченное с двух сторон рекой, на востоке – озером, на юге – вокзальными постройками и подъездными путями, вереница новых высотных зданий, – словом, это чудо Запада восхищало меня. Чикаго был так нов, так молод, так радостен. Такое же отношение, вероятно, было у молодых флорентинцев к Флоренции времен расцвета или у венецианцев к Венеции.

Город без традиций, который еще только создает их. Казалось, люди понимают это и радуются этому. Чикаго не похож ни на один город в мире, говорили они. Чикаго перещеголяет все американские города, в том числе и Нью-Йорк, и станет первым городом Америки, если не Европы и всего мира. Эту мечту лелеяли сотни тысяч его граждан. Чикаго будет первым по богатству, первым по красоте, первым в искусстве. Уже тогда предполагалось открыть Всемирную выставку, на которую съехались бы люди со всех концов света, строился "Аудиториум", новый "Большой северный отель", поразительный (для своего времени) масонский храм в двадцать два этажа, множество общественных учреждений, театров, вокзалов и тому подобное. Чудесно быть свидетелем того, как прямо на твоих глазах растет мировая столица.

Я бродил по городу, присматриваясь ко всему, мысленно перебирая, кем бы я хотел быть, и решение мое медленно зрело, как горошина в стручке, и наконец я почувствовал, что хочу писать обо всем, что видел. Хорошо бы, думал я, описать Гуз-Айленд на Чикаго Ривер. Этот, в то время грязный, пустырь, с лачугами из перевернутых и расколотых надвое лодок, казался мне чрезвычайно живописным. Или взять такое здание, как "Аудиториум", или масонский храм, по тем временам самое большое здание в мире, каменная кладка которого достигла вышины в двадцать два этажа; или кипящее, как котел, Министерство торговли, куда я попал однажды и где все виденное так ошеломило меня. Бурный, ревущий, беснующийся водоворот жизни! Наконец, голубое озеро и белоснежные паруса; река Чикаго с ее черной маслянистой водой, с высокими элеваторами, грудами мешков с углем; подъездные пути с составами, растянувшимися на целые мили.

Как это все было чудесно! Во время моих ежедневных обходов я начал слагать нечто вроде рапсодий, ритмические, расплывчатые, словесные картины всего, что я видел, – теперь бы мы назвали это вольными стихами. Они затрагивали все и ничего, но все же давали выход жажде творчества, клокочущей в моей душе. Я захлебывался жизнью. Я был помешан на романтике. Мне хотелось петь, плясать, есть, любить. Я на ходу бормотал, декламировал, распевал свои мечты о жизни, молодости, ярком будущем, бедности, красоте. Иногда я начинал ораторствовать на высокие темы – несколько раз я слышал пыл кие, взлетающие, как ракеты, бьющие, как струя, проповеди преподобного Фрэнка Ф. Гансаулуса о религии и жизни. Я воображал себя великим оратором перед тысячной толпой народа с безукоризненными жестами, прекрасной дикцией, а мои слушатели то были растроганы до слез, то приходили в неистовый восторг.

И вот я решился запечатлеть кое-что на бумаге. И в лихо-

радочном стремлении добиться успеха я свернул рукопись и отправил ее Юджину Филду. Мне случалось читать, как иногда свет узнает о гениях по произведениям, случайно попавшим к авторитетному лицу. Некоторое время я с большим интересом и без особого уныния ожидал приговора судьбы. Но ответа не последовало. И тогда я понял, что мои произведения, вероятно, плохи и угодили в корзинку, под стол. Но это не остановило и не огорчило меня. Я горел желанием выразить самого себя. Я бредил. Я мечтал. Во мне крепла уверенность, что теперь, когда я вступил на этот путь, я рано или поздно стану писателем, и, уж разумеется, знаменитым.

Но как достичь этого? Как? Я чувствовал, что мне надо работать в газете, но желание мое было так туманно, что мне казалось, оно никогда не осуществится. В газетах попадались заметки о репортерах, что им поручено то-то или они посланы туда-то, и решение самому стать репортером крепло постепенно в моей голове, хоть я не имел ни малейшего представления, как это сделать. Быть может, чтобы стать репортером, надо специально этому учиться, быть может, все они начинают клерками за конторкой; эта мысль повергла меня в уныние. Все эти ослепительные конторы казались мне совершенно недоступными. Они были разубраны и разукрашены стенными облицовками из оникса и халцедона, бронзовыми канделябрами по стенам, лампами, вделанными в потолок – имитацией под перламутр, – словом, вся пышность султанского двора окружала конторские столы, за которыми подписывались на газеты или платили за объявления. Ведь газеты всегда имеют дело со всякими знамениями и чудесами, большими событиями, широкими коммерческими планами, трагедиями, радостями. Мне они представлялись страной чудес, а все причастные к ним – счастливцами и баловнями судьбы. Мне казалось, что репортеры и газетные работники получают сказочные гонорары. Их посылают по самым срочным и завлекательным делам. Боюсь, что я безнадежно путал репортеров с послами и другими важными особами. Их жизнь протекает среди сильных мира сего, богатых, знаменитых, могущественных. Благодаря своей профессии, умению наблюдать и излагать свои мысли их везде принимают как равных. И подумать только, что мне, молодому, никому не известному бедняку, будет оказан такой же прием!

Представьте же себе мой восторг, когда в один прекрасный день, просматривая "Чикаго геральд", я наткнулся на примерно следующее объявление в отделе спроса труда:

"Требуются толковые молодые люди для работы в газете на время рождественских праздников. Возможно продвижение. Обращаться к заведующему от 9 до 10 часов утра".

"Как раз что мне нужно, – подумал я. – Самая большая и распространенная газета в Чикаго, и вот удобный случай начать

карьеру. Поступлю, и моя судьба решится. Я быстро пойду в гору" Я воображал, что мне в тот же день дадут блестящее поручение, и я, выполнив его, тут же прославлюсь.

В это же самое утро я помчался в контору "Геральд" на Вашингтон-стрит, около Пятой авеню, и спросил заведующего. После непродолжительного ожидания меня ввели в святилище этой важной персоны, которую, ослепленный пышным убранством конторы, я причислил чуть ли не к миллионерам. Это был высокий, изящный, темноволосый человек. Его аристократические бакенбарды – черные и густые – были расчесаны на обе стороны, а глаза непроницаемы, как омут. "Что за счастье иметь отношение к газетному делу!" – подумал я.

– Я прочел в утреннем выпуске ваше объявление, – сказал я с надеждой.

– Да, мне нужно было с полдюжины молодцов, – ответил он, улыбаясь ободрительно. – Я почти всех уже набрал. Все, кто приходил, думали, что они непосредственно будут работать в "Геральд", а нам нужны клерки для нашего бюро рождественских подарков. Они должны следить за просителями, чтобы те не оказались жуликами и чтобы газета не попала в неловкое положение. Работа эта на неделю, максимум на десять дней. За это время можно заработать десять-двенадцать долларов. – Сердце у меня упало. – После первого, если вы согласны, зайдите ко мне. Может, что-либо найдется для вас.

Когда он говорил о бюро рождественских подарков, я смутно догадывался, что это такое. За последнее время на страницах "Геральд" велась кампания за раздачу подарков детям бедняков. Газета призывала богатых и состоятельных через посредство ее бюро жертвовать в пользу детей деньгами, вещами, как-то: игрушками, одеждой и даже продуктами.

– Мне бы хотелось стать репортером, – промолвил я.

– Что же, – сказал он, сделав неопределенный жест рукой, – попытаться всегда можно. Когда окончится ваша работа, я представлю вас редактору городского отдела. – Звание редактора городского отдела интриговало и притягивало меня. Это звучало важно и значительно.

Работа эта была далеко не тем, о чем я мечтал, но я с радостью за нее взялся. Переход с одной работы на другую, правда кратковременную, но с такими перспективами, казался мне верхом удачи. В это время страх перед бедностью, одиночеством, отсутствием самого необходимого комфорта и радостей жизни стал у меня почти болезненным. Одна лишь мысль, что у тебя есть работа, еда, одежда, вселяла блаженство. Помня свои долгие, тщетные поиски какого-нибудь занятия, я не мог без содрогания подумать о возможности остаться без работы.

Я поспешил в здание Кристмас-бюро, расположенное между Мэдисон и Монроу на Пятой авеню, и обратился к проворному

малому, заведующему распределением подачек бедным детям. Не говоря ни слова, он повел меня за прилавок, тянувшийся во всю длину комнаты, через который передавались игрушки и вещички – результат газетной шумихи о горькой нужде бедняков и истинно христианских чувствах.

Жизнь время от времени преподносит забавные парадоксы с самой веселой беспечностью, на которую только жизнь и способна, в самые неподходящие моменты, при самой удручающей обстановке. Взять хотя бы меня, жертву, как выразились бы социалисты, наемного рабства и экономического грабежа. Я уверен, что не менее других имел право на эти подарки. А пришлось с девяти тридцати утра до одиннадцати-двенадцати ночи, выстроившись в ряд с пятнадцатью-двадцатью подобными же мне жертвами экономического рабства, такими же бедняками, голяками, оборванцами, как и я, оделять подарками людей, ничем не отличавшихся от меня.

Хотелось бы мне, чтобы вы видели это помещение, в котором я провел восемь или девять дней, включая рождество (на рождество мы работали с восьми часов утра до пяти тридцати дня и были счастливы, когда получили наши гроши). С того самого дня, как бюро открылось, – это было в то утро, когда я поступил, – до вечера рождества сюда непрестанно стекались толпы бедняков всех сортов и мастей. Я не хочу сказать, что они не заслужили подарков, – не знаю, были ли они действительно бедняками, – но, так или иначе, они заработали эти подарки. Многие из них пришли за целые мили, принося длинные списки, где было перечислено, по указаниям газеты, все, чего они могут ждать от Санта-Клауса для себя и для своих детей. За все свои мытарства у священника, доктора, в редакции "Дейли геральд", пока те засвидетельствовали их нужды, они получили лишь крупицу того, на что надеялись. Вот почему я склонен думать, что они заслужили даже большего.

Все это предприятие, как выяснилось из моих наблюдений, из разговоров с товарищами по работе, было из рук вон плохо организовано. В газете речь шла о большом выборе игрушек и необходимых вещей, а налицо было лишь очень немногое, по той простой причине, что никто не хотел даром жертвовать для "Геральд" Не было четкого плана, чтобы отмечать розданные подарки или лиц, которые уже получили их. Скоро кто-то заметил, что некоторые приходят по нескольку раз и получают по все новым спискам если и не все, то хоть какие-то игрушки. И хорошо, если кто-нибудь из клерков, у кого была хорошая память на лица, замечал обманщика и тут же выставлял его. В этом смысле особенно отличались евреи, конечно же, славянского происхождения, рыжеволосые, и бедняки ирландцы. Предполагалось, что "Геральд" ответит на все письма детей к Санта-Клаусу, но это не было сделано, и в результате – сотни обижен-

ных. За два или три дня до рождества путаница и беспорядок достигли таких размеров, что решили попросту открыть двери настежь и по нашему усмотрению оделять всех, кто имеет маломальски подходящий вид, всем, что попадется под руку.

Да и сами клерки, видя, что отчетности не ведется и нет никакого плана, уведомили своих бедных родственников и друзей, и те налетели с корзинками, в предвкушении сластей, индеек, костюмов, а вместо этого получили игрушечные вагоны, игрушечные плитки, детские метелки, игрушечные Ноевы ковчеги, книжки сказок – жалкий набор грошовых вещей. Администрация газеты, верная коммерческой заповеди, которая гласит "бери побольше, давай поменьше" или "делай на грош, а шуми на полтинник", насобирала всяческого хлама, оставшегося от распродажи игрушек, и завалила им полки, а распределять уже предоставлялось нам, как умеем. Мы не могли каждому дать то, что ему хотелось. Если эта вещь даже и была, что редко случалось, то сплошь и рядом мы не могли ее найти, и ее часто получал тот, кто приходил позже.

Мы, клерки, отправлялись завтракать и обедать (шутки в сторону!) в какой-нибудь захудалый ресторанчик, где за десять или пятнадцать центов можно было получить ветчину с бобами, или булочку с кофе, или еще какую-нибудь бурду. Там обычно велись разговоры о превратностях судьбы, о том, что за поганая лавочка эта "Геральд", бюро для подарков, о странных типах, приходящих за подарками: Ниобеях в шалях и покрытых пылью Приамах, с запавшими и сухими глазами. Здесь я познакомился с молодым сумрачным, оборванным журналистом, который рассказал мне, что за жестокая, мелочная склока царит в газетном мире, но я так и не поверил ему, хоть он и работал в Чикаго, Денвере и Сент-Поле.

"Неудачник, – подумал я. – Писать не умеет и ноет. Получает гроши и просаживает их на пьянку!"

Вот тебе и сочувствие бедняка бедняку.

"Геральд" процветала. Ежедневно в ней помещались отчеты о блестящих результатах благотворительности: бедные воспрянули духом, в хижинах мир и благоволение. Видали ли вы что-нибудь подобное? Великолепная реклама, а это все, что было нужно.

Трам-та-ра-рам! Трам-та-ра-рам!

Глава 7

Представьте себе мечтательного юнца, двадцати одного года, долговязого, в золотых очках, с шевелюрой а-ля Помпадур, в новом весеннем костюме – в клетчатых штанах и ярко-голубом пиджаке и жилете, в желтых башмаках и мягкой шляпе,

пробивающего себе дорогу в газетный мир Чикаго. В то время, хотя я этого и не знал, газетная пресса процветала в Чикаго. В ней работали лучшие журналисты, писатели, редакторы страны: Мельвил Э. Стоун, впоследствии директор "Ассошиэйтед пресс", Виктор Ф. Лоусон, издатель "Дейли ньюс", Джозеф Медил, редактор и издатель "Трибюн", Юджин Филд, редактор "Морнинг рекорд", Уильям Пен Никсон, редактор и издатель "Интероушен", Джордж Эд, Финли Питер Данн, Брэнд Уитлок и многие другие, которые стали известны впоследствии.

Я твердо решил, что должен стать журналистом, и по два раза в день, в двенадцать дня и в шесть вечера, я заходил в разные редакции в поисках работы. Вскоре я научился проникать ко всевозможным редакторам всех чикагских газет. У всех у них был один и тот же взгляд, отсутствующий и циничный, свойственный газетным дельцам и финансистам, и от всех я получал неизменный ответ, что нет ничего подходящего.

Однажды в редакции "Дейли ньюс" мимо двери прошел, шаркая ногами, высокий, неуклюжий человек в коричневой фланелевой рубашке, без жилета и пиджака, со спущенными подтяжками. Мальчик-курьер указал мне на него.

– Знаете, кто это? – сказал он.

– Нет, – ответил я смиренно, польщенный даже вниманием курьера.

– Это Юджин Филд. Слыхали о нем?

– Еще бы, – сказал я, вспомнив галиматью, коей я наделил его. Я следил за его удаляющейся фигурой со смешанным чувством зависти и страха. Я боялся, что он невольно почувствует во мне автора непризнанной пачкотни и тут же обругает меня.

Целую неделю, с двенадцати до двух дня и с пяти тридцати до семи часов вечера, я обходил редакции газет, и, несмотря на всю мою энергию, у меня ничего не выходило. Нигде, казалось мне, люди не вели себя более странно, более неприветливо и безалаберно. Я не видел в них больше того лоска, которым я наделял их полгода назад. Редакции, как я теперь разглядел их, были заставлены обыкновенными конторками и лампами, полы усеяны бумажками. Случалось, что курьеры, враждебно смотря на вас, спрашивали, что вам угодно, и заявляли, что ничего подходящего нет, сами при этом ничего не зная. Как-то раз мальчишка-курьер посоветовал прийти днем после двух или вечером после семи, когда все назначения уже розданы. Я пришел, и мне сказали, что ничего нет и не будет. Я начал уже отчаиваться.

И вот однажды меня осенило. Я решил, вместо того чтобы обходить всех редакторов и часто не заставать их, наметить себе кого-нибудь одного и постараться втереться к нему в доверие. Во мне крепло убеждение, что в маленькой газете ко мне отнесутся с большим вниманием, чем в крупной, и я оста-

новился на захудалой "Дейли глоуб", финансируемой специально для политических целей одним чикагским политиком.

Вам, вероятно, случалось видеть бездомного кота, который с мяуканьем трется о порог, чтобы его впустили; то же было и со мной. Двери редакции выходили в боковую узкую улочку. Войдя, вы попадали в большую комнату с голыми стенами. Вдоль нее сплошными рядами стояли столы. Часть комнаты, примерно четверть, была отгорожена, и за перегородкой сидели редакторы городского, спортивного, театрального отделов газеты и человек, пишущий передовицы. В другой части комнаты, у единственного окна, сидел большой, тучный, рыхлый, круглолицый, круглоголовый человек в золотых очках. Взгляд его был тверд, проницателен и циничен. Поначалу казалось, он, как никто, был враждебно настроен ко мне и ко всему миру. Как выяснилось потом, это был корректор "Дейли глоуб". Я уселся в самый дальний угол и стал ждать, не подвернется ли мне что-нибудь. Вначале на меня никто не обращал внимания, но вот то один, то другой репортеры стали заговаривать со мной, думая, что я принадлежу к их числу. У меня немного отлегло от сердца. Я заметил, что, как только репортеры ушли, редактор городского отдела и сидевший рядом с ним человек, пишущий передовицы, стали весело болтать друг с другом и то и дело выбегали вдвоем, чтобы подзакусить.

Мучительные и все же незабываемые часы. Никто во мне не нуждался, хоть я и чувствовал, что вступаю в новую полосу жизни. После того как все расходились, я обращался к редактору городского отдела. Он отрицательно покачивал головой. "На сегодня ничего нет. Вряд ли будет", – говорил он. В его словах не было ничего грубого или резкого, и одно это уже возбуждало мою надежду. И я проводил здесь время, читая газеты или пытаясь описать то, что я видел. Я всегда был в поисках какого-нибудь происшествия, неизвестного еще редактору городского отдела, но мне ничего не попадалось.

Человеку везет иногда самым неожиданным и странным образом. Я не догадывался, что одно уж мое постоянное присутствие таило в себе кое-какие возможности. Репортеры, которых тут было восемь или девять человек (в больших газетах их бывает двадцать или тридцать), видя меня постоянно от двенадцати до двух и думая, что я тоже работаю здесь, заводили со мной оживленные разговоры, открывавшие мне на многое глаза. Репортеры редко бывают осведомлены о перемещениях и изменениях в составе газеты. Одни, узнав, что я только еще ищу работу, отворачивались от меня, другие давали мне кое-какие советы. Почему бы, например, мне не повидать Зелига из "Трибюн" или Хербста из "Геральд"? Ведь ходят слухи, что там предстоят перемены в штате. Один юноша, узнав, что я в жизни не написал ни строчки для газеты, предложил мне обратиться к ре-

дактору "Сити Пресс ассошиэйшен" или "Юнайтед Пресс", где за восемь долларов в неделю берут самых неопытных новичков. Это мне не подходило. Я чувствовал, что могу писать.

В конце концов мое вечное торчание в конторе обратило на себя внимание Джона Максвела, корректора, о котором я уже говорил. Как-то он, просто из любопытства, спросил меня:

– Вы работаете для "Глоуб"?

– Нет, – ответил я.

– Ищете работу?

– Да.

– Когда-нибудь работали в газете?

– Нет.

– Почему вы решили, что можете писать?

– Чувствую, что могу. Жду, может, подвернется случай.

Он посмотрел на меня насмешливо и с нескрываемым любопытством. Я забавлял его.

– Вы не пробовали обращаться в другие газеты?

– Попробую, если здесь ничего не выйдет.

Он улыбнулся.

– А вы давно уже сюда ходите?

– Две недели.

– Каждый день?

– Каждый день.

Он засмеялся раскатистым, жирным смехом.

– Почему вы остановились на "Глоуб"? Ведь это самая бедная газета во всем Чикаго.

– Потому-то я и остановился на ней, – ответил я простодушно. – Тут скорей представится случай.

– Ах, вот как! – Он засмеялся. – Вы, может быть, и правы. Продолжайте в том же духе. Чего-нибудь да добьетесь. Послушайте, в июне открывается национал-демократический съезд, на это время понадобятся лишние люди. Почему бы вам не попробовать? Но попасть будет чертовски трудно.

Он начал стаскивать с себя пиджак и жилет, закатал рукава, очинил голубой карандаш и принялся за ворох корректур. Я смотрел на него и не мог проронить ни слова. Он то и дело взглядывал на меня сквозь круглые очки, точно я был каким-то неведомым зверем. Почувствовав неловкость, я ушел. После этого он каждый день дружески приветствовал меня, и я подходил к нему, видя, что он не прочь побеседовать со мной.

Я никогда не мог понять, что же в конце концов связало нас узами дружбы. Мне думается, что он мало верил в мои умственные или репортерские способности, и все же я ему чем-то нравился. Он почувствовал ко мне склонность со времени нашего первого разговора и как бы включил меня в круг товарищеской семьи "Глоуб". Он интересовался политикой, литературой, газетной жизнью Чикаго. Постепенно я узнавал от него

имена различных редакторов, газетных дельцов, пользующихся наибольшим весом и влиянием. Я узнал, что одни репортеры добывают сведения в области политики, другие ведут дневник происшествий, третьи – информацию о всех новостях. Он рассказывал мне, что при каждой газете имеются редакторы отдела спорта, светской хроники, театра, люди, занимающиеся специально политическими вопросами. Есть ведущие редакторы, есть редакторы воскресных выпусков, редакторы отдела последних известий, отдела происшествий, корректоры и люди, пишущие передовицы, – все они казались мне необыкновенными и значительными. Все они получали, что было еще более удивительно, от восемнадцати до тридцати пяти долларов, а то и все шестьдесят или семьдесят в неделю. Он раскрыл мне, что газетный мир – это арена жестокой борьбы и столкновений, где немногие побеждают, а большинство терпит поражение. Многие заражены духом бродяжничества и слоняются из города в город. Одни спиваются, другие находят себе тепленькие местечки. Вскоре он рассказал мне, что совсем недавно был корректором в "Чикаго таймс", но его выставили оттуда благодаря "служебным интригам". Смысл этого термина был мне непонятен. По его словам выходило, что газетные работники, часто способные и интересные люди, сплошь и рядом пройдохи и проныры, готовые безжалостно утопить своего ближнего. Я был слишком молод и неопытен, чтобы принять это к сведению. Тогда я подумал, вероятно, что он преувеличивает или что, во всяком случае, эти интриги никогда не коснутся такого предприимчивого человека, как я.

Глава 12

Этот переход от неуверенности в завтрашнем дне к определенному положению в газете преисполнил меня восторгом. На ближайшее время, хотя бы на год, передо мной открывалась ровная, прямая дорога, и мне казалось, что меня ждет блестящая будущность, если я буду неукоснительно следовать к ней. Я прекрасно понимал, что работа новичков-репортеров оплачивается плохо – они получали не больше четырнадцати-двадцати долларов в неделю. А что касается заманчивых поручений, о которых я столько читал, о них здесь не было и речи. Все, что я узнал тут, – это то, что подобные поручения все еще даются – но лишь в некоторых газетах. Для того чтобы тебя послали за границу, на Запад или в Африку (как Стэнли), надо было или иметь большие заслуги, или быть расцветающим гением. И к тому же иметь связи в больших газетах. Но как сделать, чтоб тебя все признали за расцветающего гения?

Плохо ли, хорошо ли – платили, я сделался газетным работ-

ником, и мне представлялся случай составить себе имя. Теперь, когда я порвал с семьей и с сестрой С. и остался один-одинешенек на свете, я мог идти, куда хотел, и делать, что хотел. Я нашел себе комнату в Огден-Плэйс, окнами на Юнион-парк (здесь впоследствии я поселил одну из своих героинь). Отсюда до места моей службы было около двадцати минут ходьбы. Ходил я туда или по Мэдисон-стрит, или по Вашингтон-бульвар на восточном берегу реки. Днем и ночью я мог размышлять над мерзостью и запустением, которые встречались повсюду на моем пути. По Вашингтон и Мэдисон, от Холстид, на восточном берегу реки, тянулись хибарки и покосившиеся дощатые домишки желтого и серого цвета – кварталы грязной, жестокой нищеты и вырождения, улицы опустившихся, отверженных, несчастных. Бедность казалась мне неразрешенным, а быть может, и неразрешимым вопросом. Я тогда часто спрашивал себя – почему общество не помогает бедным; почему они сами не стараются улучшить свое положение? Почему бог, который, как это мне вбивали в голову, премудр, милосерд, вездесущ и всемогущ, допускает людей до этого? Сами ли они виноваты в этом? Винить ли правительство или их самих? Нужда бедняков, их нравственное и физическое разложение, влекущее за собой помешательство, слабоумие и необузданность, – все это приковывало мое внимание. Я никогда не уставал смотреть на это. Но тогда я не мог, да и не особенно стремился, найти объяснение этому, подозревая, что человек во власти сил, с которыми он не может бороться. Как по ядовитым зарослям джунглей, заманчивых и зловещих, проходил я по этим мрачным кварталам, наблюдая через открытые двери и разбитые, заткнутые чем попало окна убогую и нищенскую жизнь.

Вот эта-то моя способность наблюдать и размышлять, как я скоро понял, всегда выручала меня. Журналистика в те времена, даже в Чикаго, была заражена болтливостью. На любую тему разводились витиеватые рацеи. Новостям придавалось большее значение, чем они того заслуживали, их раздували, не щадя ярких красок и романтики. Фельетоны писались в подражание великим романистам, особенно Чарлзу Диккенсу, который был идеалом не только всех газетных работников, редакторов, но и писателей (меня не раз просили подражать Чарлзу Диккенсу в мыслях и манере письма). Редакторы городского отдела требовали не голых фактов, а целых очерков, ярких и романтических. И хотя я этого не сознавал тогда, я был нужным им человеком.

Стать писателем?

Почему бы и нет? Я мог исписывать груды бумаги на любую тему, когда наконец понял, что могу писать. В один прекрасный день кто-то, кажется Максвел, услыхав, как я рассказывал про то, что я вижу каждый день по дороге в контору, предложил

мне написать статью для воскресного выпуска о чикагских самых жутких трущобах между Холстид и рекой, Мэдисон- и Туелв-стрит. Это было для меня как хлеб насущный. Я начал с того, что несколько раз посетил эти кварталы. С часу до четырех ночи я бродил по дощатой набережной, по узким темным улицам, зловонным от нечистот. Чикагская беднота никогда не была придавленной, отчаявшейся, трусливой. Она была какой угодно, но не такой; скорее – непокорной, озлобленной, а порой заносчивой и задорной. Оборванцы, босяки, проститутки, пропойцы, кокаинисты, населявшие эти места, несмотря на свою жалкую нищенскую жизнь, буйствовали и не смирялись. Запахи и огни притонов, мутный свет ламп из-за окон со сломанными решетками и из подвалов, падающий на деревянные тротуары, придавали всему бесстыдный и зловещий оттенок. Звуки аккордеона, губной гармоники, варгана, дребезжащего пианино и надрывающихся скрипок не смолкали ни на минуту. В ветхих, обшарпанных лачугах от двенадцати до четырех ночи кипела жизнь, раздавались проклятия, ругательства, богохульства. На всем лежала печать хогартовского бесстыдства и примиренности со всяческой грязью. И это еще было не все. Несмотря на то что существовали определенные часы для закрытия увеселительных заведений, их держали открытыми до тех пор, пока это было выгодно. И лишь в четыре или пять часов утра все засыпало тяжелым сном, и этот сон казался непристойнее порока и разврата, которые предшествовали ему.

Я непрестанно искал ответы на вопросы, возникавшие у меня при виде этих сцен. Я воспитывался на религиозных и нравственных прописных истинах или по крайней мере принужден был выслушивать их всю жизнь. Эта нищета, размышлял я, создание всемогущего бога, который тем не менее явно вынужден быть терпимым к неугомонному дьяволу. Зачем он это делает? И что за игра природы эти ужасные трущобы с человеческим отребьем? Проститутки на пороге дверей, у окон и под фонарями, с тупым, заискивающим выражением, с ярко накрашенными губами, густым слоем румян на щеках и подведенными глазами. Они хихикали, зазывали и готовы были отдаться за один доллар или пятьдесят центов – и это в центре расцветающего и преуспевающего Запада, обетованной страны, изобилующей млеком и медом. Кто был виновником этого? Бог? Дьявол? Или оба вместе постарались, стремясь к одной и той же цели? Как это все могло случиться, и так стремительно, в стране молодой, богатой, новой, полной сил, где быстро развивалась огромная промышленность. Серьезные, предприимчивые, бережливые, осторожные, прилично одетые люди днем и ночью заполняли поезда и трамваи. Они работали, копили, чтобы приобрести свой домишко. Но почему же те, другие, жили в таком аду? По милости бога или общества?

Я не мог решить этого. Существующий порядок вещей, с его неравенством, казался мне выше человеческого разумения.

Я усмехался, когда вспоминал, как мой отец относился ко всему этому. Вот он на Западной стороне призывает все человеческие существа обратиться ко Христу и в лоно католической церкви и помышлять о спасении своих бессмертных душ. И вот они передо мною, эти свиньи и грубияны, отвратительные, грязные, непристойные. Нечестивцы с низкими лбами, в лохмотьях, с искалеченными телами, от которых остались кожа да кости. У них были синие от перепоя носы, от них несло винным перегаром, они были покрыты багровой сыпью, заражены болезнями. Что богу делать с ними, если бы они обратились к нему? А с другой стороны, в так называемом хорошем обществе, сколько самодовольных, высокомерных господ в кричащих одеждах, чьи рыла носили отпечаток тупого эгоизма?

Что-то вроде этого я написал в моем первом фельетоне. Мои коллеги увидели меня в новом свете.

– Знаете что, Теодор, – сказал Максвел на следующий день, читая корректуру моего очерка, – у вас есть свои недостатки, но вы умеете наблюдать. Вы вносите свежесть в изложение этой темы. Быть может, вы созданы, чтобы быть писателем, а не рядовым газетным работником. – Он замолк, продолжая чтение, время от времени бросая возгласы: "О господи!" или "Что за ад!" Затем он напал на меня за мой напыщенный язык и с некоторой долей злорадства начал выкрикивать и вырезать и снова соединять строки, укоризненно покачивая головой, и мне уже казалось, что я написал несусветную чепуху. Кончив, он поднялся, смахнул пыль с колен, зажег трубку и сказал: "Вы чудак, а писать можете. Надо, чтобы вам почаще заказывали фельетоны". И он заговорил о трущобах Чикаго, сравнивая их с Сан-Франциско, где он когда-то работал.

– Чертовски занимательный роман будет скоро написан на эту тему, – добавил он. И с этого дня он стал обращаться со мной, как с равным, и я решил, что я действительно замечательный человек.

1920

Художник слова в Америке

Несмотря на многие недостатки американского образа жизни, какими бы они ни были, я не считаю, что в Америке нет условий, чтобы поддержать или хотя бы сделать сносной творческую жизнь художника. Если говорить о свободе выражения,

то здесь могут возникнуть и на самом деле возникают некоторые трудности и проблемы: известно, что у нас, например, два или три миллиона членов обществ, которые блюдут моральные устои, надзирают за употреблением спиртного, положением евреев, католиков и негров; двадцать или двадцать пять миллионов католиков и рыцарей Колумба, штудирующих священные книги; церковноприходская школа, начальное, чисто сектантское или формальное, образование – или вообще никакого; бесчисленные клубы ротарианцев, кивани-клубы, баптисты, методисты, причем каждый из них имеет собственную теорию относительно того, каким образом направить в нужное русло жизнь человеческую и что должно предпринимать правительство государства или штата, чтобы претворялись в жизнь десять заповедей господних. И на самом деле, там, где наблюдаются подобные явления, скажем за пределами Нью-Йорка и Сан-Франциско, затруднено развитие науки и искусства.

Вы можете, безусловно, преуспеть в материальном и общественном отношении в любом месте Соединенных Штатов, если вас вполне удовлетворяет болтовня с соседом о его огороде, машине, радиоприемнике или о том, как у него идут дела на службе. И если вы достаточно осмотрительны и тщательно следите за своими высказываниями, вам, по всей вероятности, удастся избежать остракизма. Но если вы осмелитесь доказать несостоятельность каких-либо его излюбленных теорий и воззрений или же устоев общества, вы столкнетесь с ответной реакцией. Впрочем, все это звучит достаточно банально для людей, достаточно осведомленных. То же самое может случиться с вами и в России, если вы будете не согласны с коммунистами, во французской или итальянской провинциях или где-нибудь в Индии или Египте, если вы пойдете вразрез с религиозными и нравственными понятиями средних классов. Можно с уверенностью утверждать, что в любую эпоху, в любой стране людям искусства нелегко жить и творить.

Достаточно вспомнить о положении мыслителя или художника во времена халифата, под властью католической церкви в средние века, в Индии в условиях кастовой системы, в России при всех царях вплоть до Екатерины II, в королевской Франции, в сегодняшней Испании, Португалии, Турции.

Если мне не изменяет память, Сократ, со своими необычными понятиями о жизни, редко сходился во мнениях с гражданами Афинского государства; говоря о Рабле, Мольере, Шекспире, Китсе, Марло или – если брать более близкую нам эпоху – Вольтере, Джонатане Свифте, Флобере, Анатоле Франсе, Бодлере, вряд ли можно утверждать, что они были в гармоничном и неизменном согласии со своим временем или своими согражданами, что их восторженно принимали. И если даже не упоминать об участи Коперника, Галилея, Бруно, то нетруд-

но убедиться, что и в наших милых Штатах наша участь не так уж безрадостна – несмотря на активность мистера Брайана и причуды блюстителей морали.

По крайней мере на заре своей карьеры, будучи скромным литератором, я полагал, что Америка – страна весьма загадочная и неприветливая. Издатели и критики в 1900-е годы – не говоря уже о власть имущих – были, казалось, убеждены, что все, имеющее сходство с европейским реализмом, не должно укорениться у нас в стране; и в течение 15 лет я подвергался весьма скверному обращению: меня безжалостно "зажимали", сковывая все мои порывы. Однако же я выжил, и с тех пор многое изменилось. Взгляните только, какой могучий отряд молодых реалистов штурмует сейчас Нью-Йорк, какое множество драматургов и критиков борются за то, чтобы защитить пьесы и книги от цензурных ограничений. Сейчас мне решительно не на что пожаловаться; надеюсь, у меня не будет для этого повода и впредь, если только всяческие благотворительные организации, бизнесмены, католики и методисты не примутся ставить мне палки в колеса, не дождавшись, пока я окрепну.

Но отрешившись от своего прошлого опыта, связанного с ущемлением моей внутренней свободы и неприятием присущих мне художественных форм, я все же считал раньше, да и считаю ныне: Америка для меня как для писателя вполне приемлема. Я убежден, такую же роль сыграла для Толстого и Достоевского Россия, для Гёте и Шиллера – Германия, для Мопассана и Флобера – Франция. В Америке, по крайней мере на мой взгляд, есть все условия, как общественные, так и природные, о которых может мечтать честный художник. Где вы еще найдете такой многонациональный город, как Нью-Йорк? А что касается социальных, религиозных, нравственных и политических проблем, разнообразных неординарных ситуаций, то они здесь не менее увлекательны, чем в любой другой стране.

Но, помимо всего этого, необходимо подчеркнуть, что жизнь есть жизнь, куда бы вас ни забросила судьба, в любой стране, в любой части света. Повсеместно дуют ветры и случаются штормы; люди становятся обладателями состояний и теряют их; вашего злейшего врага случайно убивают в самый подходящий для вас момент, или же, наоборот, он уничтожает вас. Но в целом все это есть жизнь, в каждой стране, в каждой сфере – жизнь во всех своих проявлениях, во всех сложностях общественных и природных противоречий. Разнообразные аспекты действительности отнюдь не бесцветны и обладают внутренним смыслом в глазах художника, заявившего о себе миру. Для меня, разумеется, ясно, что обстоятельства общественного, равно как национального и географического, характера

способны помешать становлению художника, точно так же как климатические условия могут препятствовать образованию новых рас. Вспомним хотя бы средневековье и эпоху халифата. Но, несмотря ни на что, в Америке обстоятельства оказались достаточно благоприятными для того, чтобы могли сформироваться художники, подобные По, Уитмену, Норрису, Эмерсону, Торо, Сент-Годенсу, Иннесу; и у меня нет сомнений в том, что через некоторое время Америка вызовет к жизни блистательную плеяду талантов, которыми бы гордилась любая страна. По крайней мере я не теряю на это надежды. Обратившись к той области, которая мне знакома, можно накопить материал на немалое число романов и драм. Для меня жизнь каждого человека подобна увлекательной книге или множеству книг и пьес. Однако же духовная жизнь каждой нации такова, что для воссоздания ее облика вовсе не требуется множества произведений. В каких странах, кроме Древней Греции, Англии и Франции, мы наблюдаем подобное явление?

О Риме я не говорю. Несмотря на все его материальные богатства и высочайший уровень развития культуры, как скромен список имен его поэтов и мыслителей: Вергилий, Гораций, Цицерон, Саллюстий, Ливий, Ювенал, Плавт, Тацит (сравните только их с греками); а ведь Рим просуществовал целую тысячу лет! Я не говорю об Испании. Помимо Сервантеса, Эрреры, Гойи, Веласкеса и небольшой группы современных художников – кому еще она дала жизнь? Нидерланды в течение столетия создали голландскую школу живописи – и с тех пор ничего. У России за девятьсот лет ее существования был однажды "золотой век", длившийся сто лет и выдвинувший всего семь писателей действительно мирового класса, а также несколько выдающихся художников и музыкантов. Германия, точнее, ее тевтонская ветвь, за два тысячелетия своей истории лишь в последние примерно 150 лет, не более, дала миру десяток первоклассных художников слова. Эти народы, как и другие им подобные, ничем не хуже и не лучше американцев. В каждой из этих стран имеется огромная масса обывателей, деловитый, трезво мыслящий, созидающий средний класс, свои мыслители и художники. У каждой есть несколько имен в искусстве, перед которыми она преклоняется, есть они и у нас. Я уже назвал их.

Что касается меня, то если бы я имел время и способности, то непременно попробовал бы написать роман о сегодняшнем Юге, о современной Новой Англии, о Южной Калифорнии и Голливуде, о Юте и мормонах, об Аризоне и пустынях, об огромных районах земледелия и скотоводства, которые делают столь заманчивой жизнь к юго-западу от Миссисипи, о нравах американского общества в 1885–1890 годах, о Клондайке и золотой лихорадке, о Вашингтоне и его меняющейся политической атмо-

сфере, о Новом Орлеане, покорившем бурную реку, чтобы создать рай в субтропиках, о Флориде, какой она стала сегодня, о Канзасе или Небраске, какими они станут завтра. В материалах недостатка нет, даже если изображать все только в сатирическом плане. А если бы был жив Вольтер, то он сумел бы написать американского "Кандида" Разве можно сетовать на нехватку материала? Зерно созрело для жнеца на бескрайних нивах, насколько хватает взгляд. Но нам всего более недостает жнецов – такова парадоксальная особенность нашей нации.

Но вновь возникает вопрос, является ли по тем или иным причинам жизнь художника в Соединенных Штатах трудной и невыносимой, сложнее ли ему отстоять свое "я" здесь, чем в другом месте? Я бы сказал, что художник, если он не бескорыстен и не принципиален в своих убеждениях и идеалах – если он жаждет материальных и чувственных услад, предлагаемых в сегодняшней Америке за бешеные цены, за которые можно сбыть негодный товар вместо шелка, тончайшей шерсти и льна, – такой художник, разумеется, может быть отвлечен от серьезных задач. Истинный художник призван стремиться к новому, стремиться созидать то, что прекрасно и правдиво, и делать это сегодня, здесь, делать то, что противостоит всему ничтожному и показному, ибо опьяняющий дурман славы и счетов в банке, безусловно, отвлекает многих от духовных поисков, не приносящих дохода. Если ты подлинный художник, разве ты не станешь твердо и без тени сомнений защищать в искусстве подлинное и прекрасное? Разве ради этого ты не пожертвуешь близкими и Родиной и, ведомый высокими идеями, словно столпом облачным днем и столпом огненным ночью, не пойдешь своим путем?

Америку нынче упрекают – и до последнего времени, вероятно, упреки эти звучали справедливо, – что у нее нет исторического прошлого и культурного наследия. В Старом Свете воспринимают ее с чувством высокомерия, когда речь заходит об архитектуре, истории, произведениях искусства, памятниках и творениях могучих умов, о великих деяниях. Возможно, в этом есть доля истины. Что же касается меня, я воспринимаю Америку неизменно как страну, исполненную свежести и очарования молодости, мужества, наивности, невинности и жажды жизни, которые характерны для поры юности, в сочетании со всеми увлекательными и захватывающими проблемами, обусловленными ее молодостью. А они касаются освоения земель, правительства, транспорта, организации. Столько недостатков следует исправить, столько возможностей реализовать, в том числе и в области литературы и искусства. И откровенно признаюсь, отвлекаясь от своих личных проблем, я от всей души развлекался, сталкиваясь с ее первозданным невежеством, ее наивным энтузиазмом по поводу неосуществимых идеалов

свободы, равенства, братства, с ее безумными фантазиями относительно ее исключительной миссии на этой планете, если не во всей Вселенной, с ее глубочайшей уверенностью, не подкрепленной здравым смыслом, что все наиболее значительное в современном мире родилось именно здесь. Поборники подобных иллюзий и убеждений заставляют ежедневно все большее число людей сочувственно улыбаться. Можно с уверенностью сказать, что Америка – общество, в котором порой нелегка участь человека, занятого умственной деятельностью. Раздается немало резких голосов – во всяком случае, так было, – свидетельствующих о том, что существуют лишь определенные сферы и темы, которых дозволено касаться художнику. Сюда относятся идеальный американский домашний очаг, идеальные американские мать и отец, идеальная жена, дочь, сын, честный и богобоязненный муж, брат, служащий и т. д. Но в то же время эта милая "нейтральная зона" оказывается ареной столь безжалостной, алчной, жестокой войны за добычу, каковой земля наша еще не имела счастья лицезреть. Денежные магнаты, тресты, лендлорды, биржевые мошенники вкупе со своими любовницами, комстоковцы, советы киноцензоров, деловитые священнослужители, борцы с пороком, ловкие агенты, колесики и винтики религиозных и финансовых организаций, – все жаждут подавить, объегорить, обмануть простого человека, который готов принимать всерьез любую, самую нелепую выдумку и путаницу. Даже звери, обладай они способностью реально мыслить и действовать, не смогли бы смириться с подобным положением и не сойти с ума.

Я надеюсь, что все это не примет слишком трагического оборота; но тем не менее именно по этой причине многие представители американской интеллигенции, не говоря уже о нескольких действительно крупных писателях и художниках, переехали жить за границу; в их числе Джеймс Уистлер, Лафкадио Хирн, Брет Гарт.

Если исходить из того, что важнейший вид искусства есть трагедия, то процветающая страна Америка не дает такого же стимула к художественному творчеству, как страна, в которой царит нищета. Контраст между роскошью и бедностью никогда не был здесь столь явным и печальным, как, скажем, в России, на Востоке или где-то еще; возможности для роста и продвижения человека в обществе не урезаны так безжалостно, как в других странах, поэтому чувства неуверенности и депрессии не столь характерны и не вызывают особого интереса. Но разве "горести жизни не есть радости искусства"? С другой стороны, если рассматривать личность так, как это следует делать, т. е. отвлечься от конкретных национальных и социальных характеристик, то вы получите материал, необходимый для трагедии или любой иной художественной формы. Если

нация, к которой принадлежит данный индивид, в целом достигает огромных успехов в своем развитии, то это вовсе не значит, что подобное происходит со всеми людьми, ее составляющими. И в процветающем государстве найдется такой, кто голодает. В то время как его сограждане пьют из источников наслаждения, на его долю выпадут несчастья, одиночество, безрадостное существование. Его настроение, его миросозерцание могут расходиться и очень часто расходятся с мечтами и настроениями окружающей его обывательской массы. И чтобы уловить и выразить состояние этого человека, необходима проницательность талантливого художника слова.

Конечно, настоящий мастер слова всегда имеет что сказать читателям. Это будет нечто новое – по настроению, по теме, по форме, свежее и непривычное, отличное от того, о чем говорили, чему поклонялись, что обсуждают и практикуют в настоящее время. И именно по этой причине слишком часто художник, сказавший в искусстве свое значительное слово, оказывается парией, подобно неверному для мусульманина, атеисту для ревностного католика и деятелю театра для баптиста; и он вынужден искать для себя прибежища там, где его согласны принять. Однако он обычно с опозданием осознает, в какой ситуации оказался, и нередко пробует приспособиться к господствующим обстоятельствам.

И все же лично я считаю, что и прежде, и в настоящее время мы отнюдь не лишены возможности заниматься творческой деятельностью. (Я часто вздыхаю о южных морях, экзотических островах, о Египте, Китае, но я живу здесь, в Америке, и, вероятно, навсегда в ней останусь. Увы!) Я напоминаю человека, которому порой кажется, что он ненавидит своих близких, что он способен без них обойтись и готов никогда не видеть их. Но вот пройдет какое-то время, и случится кому-то из них заболеть или умереть, и он начинает тревожиться, он спешит на похороны. И обнаруживает, что его родственники не столь ему неприятны, как ему казалось. Он может не быть с ними в дружбе, не сходиться с ними во взглядах и вкусах, может не носить, подобно им, богатой или, напротив, бедной одежды; но, в конце концов, они кровь от крови его, плоть от плоти, и все, что есть в его стране, он разделяет с ними. Они ближе ему, чем чужестранцы, или так ему представляется, они сносны и даже забавны. Он может быстро завязать дружбу с кем-то здесь, а с кем-то там или по крайней мере относиться к окружающим доброжелательно. Именно так поступаю я.

1925

О Толстом

Непреходящее величие Толстого, по моему мнению, заключается не в его социальных и моральных теориях, а в его романах. В них больше, чем где бы то ни было, проявляется величайший гуманизм писателя и стремление ко всеобщему счастью. Однако мне хотелось бы напомнить всему миру, и в особенности России, что именно сегодня, перед лицом огромных и сложных задач, стоящих перед человечеством, уже недостаточно одной любви. Жизнь динамична, в ней присутствует материальная сторона и сторона эмоциональная, духовная; поэтому проблемы, в ней возникающие, столь же часто относятся к сфере практики, как и к сфере эмоций и духа. В этой связи экономика, вернее, значение экономических законов, а в равной степени и законов химии, физики, социологии и биологии, гораздо важнее религиозных и нравственных размышлений и увещеваний. И если человек желает избавиться от нищеты и преждевременной смерти, его жизнь должна протекать нормально, а залог этого – знания плюс гуманизм (одного гуманизма мало). Во всех своих романах Толстой ярко показал страдания, выпавшие на долю человечества, блуждавшего в потемках. Но его теории отнюдь не являются панацеей от всех бед. И я бы рекомендовал русским чаще обращаться за помощью и советом к экономистам и биологам, нежели к моралистам и религиозным деятелям.

1928

Новый гуманизм

Традиционализм, противостоящий новизне и оригинальности художественного выражения; декорум (голоса робких, запуганных, всех, кто не приемлет свежего, непривычного, нового) в качестве противовеса выступлениям, деяниям, творчеству тех, кто ищет необычное и неожиданное. "Леди", "джентльмены" – вместо мужчин и женщин. Доктор Ирвинг Бэббит – вместо Джорджа Бернарда Шоу и Генри Л. Менкена. Религия вместо науки. Умиротворенность и покой вместо энергии и борьбы. Тени Оксфорда и Кембриджа, Принстона и Гарварда – вместо сталелитейных заводов Гэри, передовых линий окопов мировой войны, миллионов одурманенных, марширующих во всех современных городах. Такого рода "гуманизм" объявляет войну натурализму, своему злейшему недругу.

Итак, декорум или интеллектуальная суперутонченность объявляется символом веры, надежной основой литературы и искусства! Как же тогда обойтись с Вольтером, Руссо, Шекспи-

ром, Марло, Вийоном, Рабле, с "Декамероном", с Дефо, Свифтом, Филдингом, а если обратиться к писателям более близким нам по времени, – со Стриндбергом, Горьким, Уитменом, Стендалем, Достоевским, Мопассаном, Бальзаком, даже с нашим Марком Твеном? Все они зачисляются в категорию нежелательных, недостойных внимания. Кем же можно было бы их заменить? Диккенсом, Теккереем, Джордж Элиот, Уильямом Дином Хоуэллсом, Прустом или профессором Ирвингом Бэббитом? Возможно. Кто способен предсказать, что ожидает нас завтра?

А пока все та же жизнь бурлит вокруг нас. В Чикаго, городе, пораженном коррупцией, недоплачивают рабочим; в Лондоне представители двенадцати держав никак не могут договориться относительно усовершенствованного способа истребления друг друга; коммунизм вызывает слепую ненависть капитала; подкупленные судьи и должностные лица в Нью-Йорке отправляют в тюрьмы людей значительно менее виновных, чем они сами; католическая церковь объявляет войну науке.

Хозяева ряда стран и континентов, погрязшие в пороке, коррупции, лжи, тщеславии и всевозможных безумствах заодно с кучкой университетских философов и литераторов-эссеистов, желали бы, чтобы мы занимались полировкой и шлифовкой аметистовых прилагательных, дабы воспроизвести с их помощью рафинированные, а отнюдь не грубые мысли. О, разрази меня гром!

Подозреваю, что литература такого рода – ничтожная буря в маленьком, хотя и безусловно изящном, инкрустированном чайнике. Леди и джентльмены от беллетристики, провозгласившие сей крестовый поход, имеют крайне бледное понятие о жизни, причем по той веской причине, что, как мне кажется, на это у них просто не хватает силенок. В чем они знают толк, так это в лучшем случае в чае с сухариками. "Сладкоежки", как их остроумно окрестил мистер Хэзлит в своей статье в "Нейшн", обеспокоены тем, что в Америке вот уже двадцать или тридцать лет зреют бунтарские настроения, которые уже начали давать нечто реальное.

У нас появился, например, Норрис со своим "Мактигом" и "Вандовером", Дэвид Грэм Филиппс, автор "Сьюзен Ленокс", Шервуд Андерсон с "Уайнсбург, Огайо"; Мастерс, автор "Антологии Спун-ривер"; Дос Пассос, автор "Манхэттена", Синклер Льюис со своими "Главной улицей" и "Бэббитом". Добавим и другие серьезные книги, такие, как "Откат", "Весенний полет", "Отбросы общества", "Разнообразие", "Мисс Лулу Бетт", "Ночлежка Суини", "Некто", "Нефть", "Черный апрель", "Посевы" – короче говоря, длинный список. Но у всех у них, абсолютно у всех, отсутствует тот самый "декорум", который "превыше всего для гуманиста" (если пользоваться термином профессора Бэббита).

Им чуждо, по его же словам, "тяготение к напевности" Короче, ни одному из этих произведений не свойственно совершенство шлифовки, изысканность или сдержанность, т. е. качества, столь дорогие для гуманистов; в большинстве своем они неотделанны и грубы, их отличает порой весьма примитивное сходство с реальностью.

Всем им, естественно, далеко до Вийона, Марло, Рабле, Шекспира, Свифта, Стриндберга, Горького, Стендаля, Достоевского. Это, к сожалению, необходимо признать. Гениальность дается природой! Но если бы даже они были гениальны, они все равно были бы преданы анафеме устами гуманистов, которые не перестают вещать (и, что еще хуже, с удвоенной энергией сетовать по поводу отсутствия столь им необходимого "декорума"). О, Рабле, Свифт, Марло, Вийон!

Однако же этот туповатый и велеречивый гуманизм – явление не новое. И хуже всего то, что и он подчиняется закону эволюции, действующему повсеместно в мире, будь то материя или энергия. Астрономия, равно как физика и химия, служат доказательством того, что процесс не абсолютен, к какому бы мы ни обратились явлению в этом мире, сложном и противоречивом. Куры несут яйца, а яйца превращаются в омлет; живой скот идет на бифштексы; деревья используются на доски, а доски – на постройку домов.

Ничто не может беспрепятственно двигаться в каком-то одном направлении. Ко всему примешивается скука и неприязнь. И потому-то натурализм уступает, по крайней мере временно, место гуманизму (надеюсь, это не просто злая случайность), так же как когда-то классицизм уступил место романтизму, романтизм – рационализму, рационализм – реализму, реализм – натурализму, или "глупому искусству", как любят выражаться "сладкоежки". Но в этот момент снова возникает требование изысканности, призыв к "напевности" и сдержанности, дабы избежать "избытка" реальности.

Но разве натурализм, столь яростно критикуемый гуманистами, этими исполнителями танца теней, не наталкивался на сопротивление, прежде чем победил? Прочтите любой труд, описывающий его историю. Разве со временем он не появится вновь? У меня нет сомнений на этот счет.

Все в жизни подвержено переменам; в литературе и искусстве возникают разные поветрия: сегодня превозносится и восхваляется один метод, завтра – другой. Вспомните только светлой памяти нашу милую новоанглийскую школу с ее трансцендентализмом и ее английского кузена, именуемого викторианством. Вот что, я уверен, составляет предмет мечтаний профессора Бэббита и его единомышленников-гуманистов. По какому доброму или злому случаю носит он имя Бэббита? В лучшем случае подобные споры или же интеллектуальные ристалища

являются приятным развлечением. Они безопасны, пока не приносят ощутимого вреда. Но как только диета, философское учение, форма правления, теория и практика литературного творчества начинают насаждаться с чрезмерной энергией, настойчивостью и прямолинейностью, они быстро могут превратиться либо в нудную проповедь, либо в трагедию.

Лично мне уже приелся заштампованный, официально признанный натурализм, господствующий ныне в Америке. Каждый считает своим долгом его оплевывать, ругать, осыпать проклятьями на манер какого-нибудь шестнадцатилетнего хулигана, стоящего на углу улицы в маленьком провинциальном городке. Это слишком примитивно, банально. И все-таки нас больше интересует вселенная, а не только трущобы Чикаго или Лондона. И если натурализм становится школой близоруких наблюдателей, которые бесцельно и хладнокровно описывают самые грубые и нескромные чувства и отношения, от секса до режима питания, и видят в этом свою основную задачу – тут уж извините...

Такой натурализм далек от натурализма Руссо или Стендаля, Филдинга или Достоевского. Это псевдонатурализм, его приверженцы руководствуются не глубоким смыслом, а подбором прилагательных в своей попытке превзойти великих писателей. Подобный метод, если его позволительно назвать методом, практикуется людьми бездарными и неумными.

Но жизнь между тем не стоит на месте. И самые прекрасные, и самые худшие ее проявления предстают в произведениях и гуманиста, и натуралиста. Гуманист в духе Бэббита видит ее по-своему или же считает, что она должна быть таковой; натуралист воспринимает действительность по-своему, такой, какой она видится ему. Первого интересует один ее аспект, второго – другой. Но независимо от этого жизнь остается жизнью. И сегодня ей присуще то же, что было присуще в незапамятные времена: слабость противостоит силе, тьма – свету, зло – добру, уродство – красоте, жестокость – нежности, малое – большому, ум – глупости, способность – неспособности.

И среди тех, кто наблюдает человеческую жизнь, найдутся такие, у которых не хватит смелости увидеть ее самые темные, мрачные стороны, не говоря уж о том, чтобы постичь их; но найдутся и такие, которые будут не только созерцать жизнь, но и сумеют окунуться в ее бурлящий водоворот и постичь ее.

Среди первых, можете быть уверены, окажутся гуманисты, моралисты, теологи – люди, чрезмерно чувствительные и быстро утомляющиеся, предпочитающие мечты реальности; а среди последних – натуралисты и реалисты, те, кого клянут люди чувствительные и робкие. И последние будут ратовать за более глубокое понимание жизни, и именно это позволит им подарить миру великие шедевры, и так, насколько я понимаю, будет продолжаться всегда.

1930

Страна прогресса и подвига

Три огромных преимущества я вижу в социальной и экономической системе Советского Союза. Эти преимущества, которыми не может похвастать никакая другая система, объясняют, хотя бы отчасти, гигантский рост советской промышленности, колоссальные темпы ее развития и ликвидацию неграмотности.

Во-первых, колоссальное стимулирующее преимущество заключается в коллективной деятельности при изготовлении тех или иных товаров и удовлетворении тех или иных общественных потребностей. Это устраняет различие интересов, вступающих друг с другом в конфликт и неизбежно связанных с алчным и тщеславным капитализмом. Различие интересов должно быть устранено, если мы хотим добиться чего-либо конструктивного. Достаточно взглянуть на американские железные дороги, где финансисты препятствуют созданию быстрого и современного транспорта.

Во-вторых, мы имеем колоссальное оживление духовной жизни, которая появилась в СССР и появится везде, как только будет ликвидировано вековое невежество, заключающееся в религии откровения, не позволяющей ясно разобраться в процессах природы и жизни. Ликвидация религии открывает путь к подлинному просвещению; это-то, без сомнения, и уничтожило невежество и предрассудки в России.

В-третьих, я имею в виду освобождение от цепей принуждения и террора, сковывающих духовную деятельность и неразрывно связанных с экономическим порабощением. Изгнание этого экономического дьявола облегчает человеческую душу и освобождает ум. Это, по моему мнению, вызывает то чувство социальной благодарности, способствует ускорению темпа жизни в СССР и закаляет его народ для новых подвигов и открытия истин. Коммунизм создает чувство национального товарищества в противовес индивидуальному одиночеству и беспомощности в борьбе. Страна, принявшая коммунизм, должна поэтому превратиться в радостную страну подвигов, в подлинно социальную страну, где духовная жизнь прогрессирует. Такой страной сейчас, по моему мнению, является Советский Союз.

Что касается проблем, стоящих перед вами, то я считаю, вы должны крепко держаться тех идеалов, которые вас вдохновляют. В мире капитализма считают, что только личная нужда и страдания заставляют людей стремиться к новым достижениям и что гуманные методы ничего не дают. В противовес этому вы отбросили в сторону кнут, заменив его справедливостью, просвещением и дружбой. От вашего результата будут зависеть радость, мир и духовный прогресс людей на тысячелетия вперед.

Лично я хотел бы вам сказать следующее: работайте над экономическими, научными проблемами, проблемами искус-

ства и над изобретениями и заботьтесь о том, чтобы их решали люди, которые наиболее к этому способны. Когда эти проблемы будут разрешены, используйте их на благо всех людей. Я желаю, чтобы всегда руководили вами лучшие представители человеческого ума и характера.

1931

Преступность и ее корни

Государственная система задержания и наказания правонарушителей существует – так по крайней мере принято считать – для защиты граждан от насильственных и преступных действий. Но к чему такие действия сводятся?

Факты показывают, что 94% всех преступлений, совершаемых в Соединенных Штатах, являются преступлениями против собственности. По последним статистическим данным, из общего числа преступлений 20% составляют грабежи со взломом и без взлома; 9,4% – кражи на сумму от 40 долларов и выше; 34% (цифра, над которой стоит призадуматься!) – кражи на сумму менее 50 долларов; 4,8% – уличные ограбления, и огромный процент – 25,8 – приходится на угон автомобилей. Сложите все эти цифры, и вы получите тот результат, который так поразил меня. 94% правонарушений, совершаемых американскими гражданами, – это преступления против собственности! Но на долю грабителя, сколько бы он ни грабил, приходится в среднем жалкая сумма в 1 доллар 30 центов на каждый год, проведенный им же в тюрьме Синг-Синг, на долю карманного вора – 38 долларов, а ночного громилы – всего 2 доллара.

Однако, по данным комиссии Бомба (штат Нью-Йорк, 1928 год), борьба с преступностью – или, точнее, охрана безопасности людей, имеющих деньги, – обходится Америке ежегодно в 13 миллиардов долларов. Работавшая недавно Национальная комиссия Уикершема заявила, что эту сумму невозможно исчислить точно, но, во всяком случае, она превышает миллиард. Филадельфийская "Леджер" пишет, что один миллиард – "цифра, которая весьма неполно показывает, во что обходится ежегодно американскому народу борьба с преступностью". Впрочем, допустимо ли вслух рассуждать о таких вещах? Разве можно, чтобы американцы знали, на что идут уплачиваемые ими налоги?

Корень зла, разумеется, надо искать в самой системе частной собственности. Напрасно многие социологи пытаются объяснить положение традиционным вольнолюбием и бунтарством американцев или же, напротив, влиянием иммигрантов из Южной Европы. Гораздо естественнее заключить, что тот общест-

венно-экономический строй, при котором возможно расходовать 13 миллиардов долларов в год на защиту от воровства, сам это воровство порождает. Мне кажется, я могу доказать это. Ведь, несмотря на все усилия, воровство не уменьшается и издержки на борьбу с ним не становятся меньше. Напротив, число краж растет, а вместе с ними растут и расходы.

Право частной собственности реально означает узаконенное разрешение отдельному лицу или объединению лиц присваивать и удерживать значительную часть тех создаваемых и контролируемых человеком ценностей, в создании которых – но не в контроле – всегда участвует большое число других лиц, главным образом трудящихся. Таким образом, миллионы американцев должны довольствоваться недельным доходом в 30 долларов, тогда как для какого-нибудь мультимиллионера он составляет 30 тысяч долларов. Впрочем, как правило, "маленький человек" не имеет этих 30 долларов в неделю, не имеет и 20, 10 или хотя бы 5 долларов. Непонятно даже, как он ухитряется существовать. А ведь есть люди, чьи потребности значительно шире того, что могут обеспечить эти 30 долларов в неделю – прожиточный минимум квалифицированного рабочего. И вот естественные стремления и интересы таких людей остаются неудовлетворенными из-за недостатка средств.

Современная капиталистическая экономика в обеих своих фазах – процветания и кризиса – способствует увеличению количества преступлений против собственности. Взять хотя бы безработицу. Сошлюсь на весьма меткое, по-моему, суждение одного арестанта, в прошлом безработного, который сказал: "Когда человек не имеет работы, у него мутится разум, и если такой человек вдруг видит то, в чем он нуждается, он на все пойдет, лишь бы раздобыть денег!"

Д-р Вейс, д-р Туган-Барановский, Тарновский и другие исследователи небезуспешно пытались доказать, что между ростом преступности и безработицей, а также другими явлениями, обусловленными экономическим кризисом, существует прямая связь. Нынешний 1931 год – бесспорно самый страшный из всех лет безработицы. И вот недавно мне пришлось читать, что безработные угрожают бросить бомбы в здания завода в Харлане и депо Пенсильванской железной дороги, если там не начнут набирать рабочих. (Возможно, правда, что здесь имела место провокация, но я лично думаю, что нет.) В штате Нью-Йорк число заключенных ежедневно возрастает в среднем на 900 человек! Мои самые свежие данные относятся к нью-йоркской городской тюрьме, прозванной "Гробницей", где на 20 сентября 1931 года содержалось в 280 камерах 905 арестантов. И вся эта масса шумом и свистом выражает свой протест против качества тюремной пищи. Показательные цифры, иллюстрирующие рост преступности в Нью-Йорке за 1930 год, первый год

массовой безработицы. В течение одного этого года число арестованных за уголовные преступления увеличилось на 3,3%, а за убийство – на 18%. И если в 1929 году было зарегистрировано 8760 случаев автомобильных краж, то в 1930 году мы имеем цифру 12 731 – это только по городу Нью-Йорку.

Однако даже периоды экономического процветания, того самого "просперити", которое так много отдает меньшинству и так мало оставляет на долю большинства, – даже эти периоды создают благодатную почву для правонарушений. Страсть к вещам приобретает характер настоящего психоза, причем вещи эти в большинстве своем чудовищно безобразны, но спрос на них в Америке всячески подогревается системой скидок и рассрочек платежа; одержимые этой страстью, люди неистовствуют, стремясь приобретать как можно больше – пусть без надобности, пусть противозаконным путем, но только побольше. Дорогостоящее и в наше время зачастую искусственное процветание внушает людям представление, что они не только должны, но и могут иметь все, что им хочется. "Это твое!", "Бери!", "Все можно!" Помните вы эти лозунги предприимчивых стяжателей – типичные лозунги индивидуализма и стяжательского процветания? Правда, в качестве образчиков социальной философии они далеко не идеальны, потому что слишком многих оставляют за бортом. И эти многие, проникшись духом подобных лозунгов и не имея денег, чтобы претворить их в жизнь, прибегают к единственному выходу – приобретают собственность незаконным путем.

Есть ведь немало людей, не способных мириться с нищенским уровнем жизни, который навязывают массам те, кто благодаря своей силе сумел захватить власть. Чтобы чего-то добиться в жизни, таким людям не хватает, быть может, способностей и умения, но жизненный инстинкт разжигает в них стремление выбраться из трясины нищеты. И вот мы узнаем, что в городе Нью-Йорке из каждых двухсот жителей один ежегодно попадает под арест за уголовное преступление – иначе говоря, является серьезным правонарушителем. Видимо, невзирая на веления религии и патриотического долга, люди упорно противятся общественному порядку, отказывающему им даже в самой скромной доле тех богатств, которые отчасти созданы и их руками. Флойд Питер, заключенный из одного исправительного заведения, сказал: "На кой черт мне изучать права и обязанности гражданина, когда я грабежом могу заработать 50–60 долларов в ночь?" (Я знаю человека, который преподавал ему "права и обязанности", и подобный ответ в устах смекалистого паренька меня не удивил.)

А представим себе, что денежные средства у нас распределяются по справедливости, как это делается в России, и каждый человек, затрачивающий разумное количество труда, получа-

ет такое вознаграждение, которое обеспечивает ему прожиточный минимум. Разве это не повело бы к созданию обстановки, позволяющей рабочему и его детям нормально жить и развивать свои способности? Но при существующем положении вещей – в Америке, во всяком случае, – лишь меньшинство располагает такими условиями, которые способствуют (или должны бы способствовать) нравственному совершенствованию; большинство этих условий лишено. Вот для иллюстрации история заключенного-подростка, которым я специально интересовался. Отец у него был пьяница и скандалист, жестоко избивавший сына, мать – душевнобольная; еще с ними жила тетка, страдавшая припадками эпилепсии. Мальчик, естественно, старался поменьше бывать дома и предпочитал ночевать на крышах. Дурная компания, с которой он связался, приучила его к воровству, и его засудили. (Вот если б он присвоил государственные нефтеносные земли, этого бы не произошло!) Случай как будто ясный: экономические условия и созданная ими разлагающая среда деморализовали человека; возможно, сыграла роль и дурная наследственность – возможно, но не обязательно. И, разумеется, здесь ни к чему тюрьма или даже современное "исправительное заведение" с его допотопными методами лечения и психического воздействия. Всякий понимает – а если не понимает, то должен понять, – что более справедливое распределение богатства и, следовательно, повышение жизненного уровня помогли бы тут куда больше, чем любые исправительные или "воспитательные" заведения, любые виды наказания или ограничения. Исправлять нужно прежде всего не человека, а общественную среду, в которой он живет и действует. Разумное общественно-экономическое устройство создает разумную общественную среду, и если действительно среда формирует личность, чему есть немало примеров, то переустройство экономической основы общества поведет к значительному сокращению преступности. С другой стороны, людям, страдающим тяжелой душевной болезнью или эпилепсией, следовало бы запретить иметь детей. Что же касается мальчика, о котором я говорил, то он, как и многие ему подобные, мог бы при других экономических условиях развиться в полноценную личность и быть не бременем для общества, а полезным его членом.

Но при современном экономическом строе господствующую, а потому и руководящую роль играет сверхиндивидуалист, его тресты, его банки, его правительство, а рядовой гражданин обречен на однообразное, томительное прозябание, что подчас и приводит его к преступлению или в лучшем случае к роковой ошибке.

Большинство обитателей американских тюрем составляют люди, которые по своему психическому или физическому складу не приспособлены для нашей современной жизни – ежеднев-

но спешить на работу в переполненных вагонах метро, прилежно и усердно отрабатывать долгие служебные часы, а потом проводить полночи в кино, на танцульках и в других подобных местах развлечений.

Нужно также отметить, что очень многие из так называемых преступников не окончили и шести классов школы – не имели к тому реальной возможности. Низкий уровень среды, из которой они вышли, умственная ограниченность и недостаток средств – все это постоянной преградой стоит у них на пути. Они не принимают и не могут принять участия в той жизни, картину которой я только что набросал. А если и пробуют войти в эту жизнь, то дело кончается провалом и тюрьмой.

Но ведь тюрьма – не выход, не решение вопроса! Этим убогим в умственном отношении людям, которые сейчас беспомощно путаются меж колес и рычагов сложного механизма жизни, можно было бы приискать какое-то посильное занятие – нехитрые, если нужно, даже примитивные обязанности, однако за плату, и причем такую, которая давала бы возможность позволять себе некоторые развлечения. Или же, как в России, о развлечениях должно заботиться само государство. Ведь люди этого типа не являются, в сущности говоря, настоящими соучастниками преступлений; они похожи на детей и чисто по-детски – причем почти всегда неудачно – исполняют волю кого-то умнее и хитрее их, кого редко удается изловить. Он, этот более умный и хитрый человек, использует их как свои орудия. И потому несправедливо, чтобы они целиком расплачивались за преступление, совершенное по чужой инициативе. Но как разъяснить эту истину обществу? И можно ли рассчитывать, что оно тут что-либо попытается предпринять? А ведь это было бы гораздо дешевле, чем существующая система борьбы с преступностью.

У нас много говорят о половой распущенности и тех преступлениях, которые с ней связаны. А таких преступлений немало: тут и убийства, и кражи, и все что хотите. Но в американских тюрьмах отбывают наказание тысячи людей из самых разных социальных кругов. Что же, всех их привела туда половая распущенность? Чушь, конечно! По статистике преступлений лишь очень небольшой процент падает на преступления чисто сексуального характера – такие, как изнасилование или гомосексуализм. Другое дело, что причиной многих преступлений против собственности явились обстоятельства, связанные с полом. Заключенный Марк Снелл (случай, я бы сказал, довольно типичный) рассказал людям, которые его арестовали, а затем пытались втолковать ему уважение к закону: "Я жил в меблированных комнатах с одной девчонкой. Все деньги, которые мне достались при грабеже, я отдал ей, а она через три дня сбежала к другому, да еще пошла и донесла на меня"

Другой заключенный, семнадцатилетний мальчишка, решил-

ся пойти на кражу, чтобы раздобыть денег на наряды для своей возлюбленной, мать которой сказала, что если он не может покупать ей обновки, то нечего и ходить к ней. (Девушка, кстати, была еще моложе его.) Нетрудно видеть, однако, что в обоих приведенных случаях мы имеем дело не с закоренелыми преступниками, а скорее с жертвами экономического неравенства.

Или возьмем заключенного Уильяма Кэйза. Этот человек, хороший, добросовестный рабочий, подделал чек на 18 долларов, приписав два нуля, так что получилось 1800; деньги нужны были ему, чтобы уехать в другой город вместе со своей возлюбленной, замужней женщиной, добивавшейся развода – только это могло бы оправдать их в глазах общества, – а кроме того, не пользовавшейся расположением его родителей. Разумеется, нельзя отрицать здесь наличие сексуального мотива, но все же и в этом случае основная причина преступления – бедность, отсутствие хотя бы относительной экономической независимости.

Но разве станет кто-нибудь разбираться в этом сложном комплексе экономических, социальных и иных мотивов и искать выход из положения, или изучать экономику социального строя, при котором так обостряются все противоречия, или размышлять о внутреннем ожесточении, порожденном всем этим в некоторых наших молодых людях? Покажите мне хоть одного американца, который, услышав об одной из таких психологических трагедий, не забыл бы о ней через два дня, а уж о том, чтобы он глубоко и серьезно призадумался над ее причинами, и говорить не приходится! Кто способен настолько взволноваться, услышав, скажем, о чудовищном преступлении, совершенном в Амарильо, штат Техас, чтобы повести агитацию за смягчение бракоразводных законов? Никто!

Я лично глубоко убежден, что бракоразводное законодательство, в котором во главу угла были бы положены требования природы и научные соображения, а не религиозные теории, может гораздо больше способствовать сокращению преступности, чем иные предлагаемые паллиативы. Но это должно сочетаться со справедливым распределением экономических благ. Пол и экономика всегда неразрывно связаны. Вспомним старую поговорку: "Нужда на порог – любовь за порог". Так оно и бывает. Я, правда, боюсь, что нет такой экономической системы, в которой бы совсем не осталось места для преступлений, связанных с полом. Слишком уж велика его роль в человеческой жизни. Но все же, если б удалось ликвидировать нелепый религиозный предрассудок, внушающий женщине или мужчине, что другой человек в силу тех или иных причин является его собственностью на вечные времена, – это бы, бесспорно, оздоровило и облагородило человеческую психику.

Несомненно, что среди преступников любого социального происхождения есть много таких, которых винить нельзя. Существовал же маркиз де Сад с его врожденной страстью к мучительству. Или таинственный маньяк Ландрю, умертвивший двадцать одну жену. Разве не ясно, что с обоими этими субъектами скорее должен был иметь дело врач, чем судья? Точно так же и многие наши преступники-рецидивисты – слабоумные, неполноценные люди. Они не могут нести ответственности за свои действия. У таких людей время от времени перестают работать сдерживающие центры, начинаются приступы умопомешательства и в конце концов развивается самая настоящая душевная болезнь, при которой человек становится точно заводная игрушка: не мыслит, не говорит, не разбирает даже, какую пищу он ест. Я считаю, лучше бы таким людям не жить. Слишком тяжелым бременем ложатся они на общественный бюджет, и общество должно быть освобождено от них. С другой стороны, десять процентов американцев страдает эпилепсией – а в последнее время доказано, что эта болезнь выражается не только в припадках, но и в полной потере памяти (амнезии). В таких случаях суд и приговор могли бы уступить место более чуткому и человечному подходу. Преступникам, больным эпилепсией, место не в тюрьме, а в клинике.

Любопытно, что из общего числа преступников около 75% в той или иной мере являются рецидивистами. За ними уже числятся преступления, совершенные ранее, и весьма вероятно, что, оказавшись на свободе, они совершат новые. Но значит ли это, что, будь у них иная возможность добыть несколько тысяч долларов, они все-таки вернулись бы к своей преступной жизни? Едва ли! Я лично уверен, что в условиях экономического равенства неисправимыми оказались бы лишь немногие лица, по своей умственной или физической неполноценности безнадежно неспособные справиться со сложностями современной жизни. Прочие – едва ли. Вот почему нужно срочно пересмотреть всю нашу экономическую систему в целом, изменить форму борьбы за жизнь, основанную на принципе выживания сильнейшего, – или же согласиться на цезаря-императора, и притом немедленно.

Посмотрим теперь на применяемые у нас методы исправления преступников. Надо сказать, что современные тюрьмы (а сколько их в Америке!) являются такими очагами зла, что скорей способствуют росту, чем искоренению преступности. Как часто нам приходится слышать о голодовках заключенных в знак протеста против негодной пищи, о тюремных бунтах, вызванных бесчеловечным обращением надзирателей или же их неприкрытым мошенничеством и лихоимством. Разве все это не свидетельствует о пороках и слабостях нашей пенитенциарной системы и нашего законодательства, совершенно по-

напрасну обрекающего стольких людей на прозябание в этих гнусных клоаках? Поистине американские тюрьмы, как они есть, – это не средства борьбы с преступностью, а рассадники преступлений. По данным расследования Уикершема, заключенные очень часто живут в совершенно скотских условиях, кое-где даже мужчины не отделены от женщин. Какого-нибудь мальчишку, арестованного за пустяковую провинность – плюнул на пол в вагоне метро или ходил по газону Центрального парка, – сажают в одну камеру с матерыми преступниками, от которых он очень быстро перенимает гангстерский образ мыслей и гангстерский жаргон. Тюрьмы штата Нью-Йорк – Синг-Синг, Грэйт, Медоу, Клинтон – так набиты заключенными, что сколько-нибудь сносные условия содержания попросту исключаются. Во многих окружных тюрьмах со времени их сооружения не производилось никаких перестроек, расширений или попыток благоустройства, а строились они очень давно: в Джеймсвиле – в 1901 году, в Роме – в 1882, в Онтарио и Куинси – в 1895, в Скайлере – в 1866, а в Овидии – даже в 1846 году (восемьдесят пять лет назад!). Условия, существующие в тюрьмах Оберна, Колумбуса, Джефферсон-Сити, известны из литературы. Здесь можно ожидать всего – бунтов, самоубийств, попыток к бегству, убийств; здесь сама атмосфера создает настроения буйства и беззакония. Как должна воздействовать такая обстановка на сознание, на чувства человека? Немудрено, что многие выходят из тюрьмы озлобленными против нашей так называемой "общественной жизни", ее лицемерия и ее жестокости и вновь возвращаются на путь преступлений!

Тот факт, что молодые и более развитые в умственном отношении заключенные оказываются в обществе людей безнадежно порочных и психически неполноценных, тоже не способствует исправлению нравов. А содержание в камерах без света и лишение пищи в качестве методов укрепления тюремной дисциплины! Хорош способ пробудить в людях стремление к лучшей жизни! Необходимо, чтобы заключенные в тюрьмах работали и получали плату за свой труд; это позволит им скопить немного денег на первое время после выхода из тюрьмы, и, кроме того, у них будет в руках ремесло, обеспечивающее заработок в дальнейшем. Нужно приучать заключенных к труду. А что мы видим в действительности? За 1930 год из нью-йоркской тюрьмы Уэлфер-Айленд было освобождено тысяча триста человек; за время заключения им не давали заниматься никаким полезным делом, а при выходе каждый получил на руки двадцать пять центов – слишком мало, чтобы, не воруя, продержаться до подыскания какой-нибудь работы. Но на какую работу может рассчитывать человек, который ничему не обучен, – хотя именно ему-то и нужно было бы дать как можно больше трудовых навыков, чтобы он мог оправдать свое существование на

свете! А так его ждут лишь оскорбления, безработица, голод и в конце концов, если он, не удержавшись, примется за старое, – снова тюрьма! Кстати сказать, в распоряжении тех, кто наделял каждого освобождаемого заключенного двадцатью пятью центами, имелась довольно солидная сумма, в 40 тысяч долларов, предназначавшаяся именно для этих надобностей. На что же, интересно, она была израсходована? И мы еще фыркаем по адресу России, где осужденных вовлекают в общественную и экономическую жизнь страны и пока они в тюрьме, и когда выйдут на свободу. Там отбывшему заключение говорят не "Прочь!", а "Добро пожаловать и не греши больше!".

Итак, я прихожу к двум выводам: во-первых, что преступность является порождением экономических противоречий нашего общественного строя; во-вторых, что она, безусловно, может быть уменьшена. Но для этого не годятся те методы бизнеса и политиканства, которые применяются в деле управления тюрьмами и тюремными производственными мастерскими, – достаточно указать хотя бы на взяточничество и злоупотребления, постоянно вызывающие протесты самих арестантов; или на подбор тюремщиков – тупых и неразвитых людей с совершенно превратными представлениями о своей власти и своих обязанностях. А чего стоит полное равнодушие общества к судьбе преступника, который после суда и тюрьмы превращается в социального отщепенца! Вот, например, в нью-йоркской тюрьме Клинтон предусмотрена должность инструктора по швейному делу, однако в действительности эта должность месяцами не замещается. К чему это ведет? Не трудно догадаться. Увеличивается беспорядок, равнодушие, отвращение к тюремному режиму в целом. В тюрьме Синг-Синг заключенные изготовляют щетки и набивают тюфяки, но никто не требует от них высокого качества, а ведь это могло бы воспитать у них интерес к труду. Да и изделия, как правило, оказываются негодными для продажи. Рынок их не принимает. Так же спустя рукава ведется в этой тюрьме обувное и трикотажное производство, а в результате люди начинают думать, что они ни к чему не способны и не пригодны. В Обернской тюрьме штата Нью-Йорк заключенные штампуют номерные знаки для автомашин; отчего бы не поручить им также изготовление уличных и дорожных указателей? Такое расширение производства способствовало бы появлению у них чувства собственной полноценности, рождаемого производительным трудом. Но нет, видите ли, это не разрешается! А я считаю, что все тюремное производство должно вестись на основе самоокупаемости. Пусть изделия заключенных поступают на рынок, и пусть государство оплачивает их труд более или менее сообразно профсоюзным расценкам.

Из всех позорных и вредоносных явлений, характерных для

быта американских тюрем, самое отвратительное – это все растущее взяточничество. Я не стану приводить примеров; их так много, что они загромоздили бы всю книгу. Но и это явление, бесспорно, в значительной степени связано с несостоятельностью нашей экономической системы, которая слишком много дает одним и слишком мало – другим.

Если бы национальный достаток распределялся более справедливо, уменьшилось бы и процветающее в стране лихоимство. Просто в нем отпала бы надобность; тюремные сторожа, так же как и сами заключенные, почувствовали бы, что общество стремится не обделить их, а помочь им, и тогда они сами меньше старались бы ущемлять других. Истина как будто очевидна. Если же это не так, то взяточничество следует карать смертной казнью!

Вдохновляющим примером для тюремного населения служат гангстеры типа Барнета Бертше, Багса Морана, Долговязого Даймонда и знаменитого Аль Капоне (с которым обходятся так церемонно и почтительно, словно это какой-нибудь видный государственный деятель). Я лично убежден, что люди, сделавшие своей профессией вымогательство, отлично сознают несовершенство нашего общественного порядка и, исходя из этого, задались целью урвать для себя как можно больше в смысле власти и денег. Отсюда – гигантская противозаконная система бутлегерства, которая теперь уже не ограничивается выдачей разрешений на противозаконную торговлю алкоголем: ее заправилы организовали (путем подкупа правительственных чиновников) колоссальный подпольный синдикат, в который обязаны вступать все содержатели игорных домов и притонов и даже контрабандисты, подкупаемые властями в целях уничтожения этого синдиката. Но зачем это все? И неужели кто-нибудь решится утверждать, что с этим нельзя покончить? Однако и полиция, и лидеры политических партий, и мэры – все, кому только не лень, – совершенно открыто берут деньги за то, чтобы не трогать игорных домов и разных других притонов. Огромные доходы, которые эта форма разбоя приносит всем заинтересованным лицам, вызвали к жизни подобное явление и в других областях: появились бандиты, которые, если от них не откупиться, провоцируют забастовки, совершают грабительские налеты (увозя иногда целые партии товаров, как это было недавно в Чикаго), широко пользуются услугами профессиональных убийц, похитителей и других преступников; всеми этими методами они сумели произвести столь сильное впечатление на наши корпорации и представителей законных видов бизнеса (склонных больше считаться с выгодами, чем с приличиями), что теперь 15% стоимости любого административного здания идет на дань гангстерам, лишь бы не дезорганизовать производство.

Где же выход? На мой взгляд – в переустройстве общества на основах справедливого распределения материальных благ, разумной оплаты труда и перевоспитания взяточников; если же это невозможно – пожизненной их изоляции. А вместо этого у нас на глазах происходит удушение свободной конкуренции, правительство не ставится ни в грош, тюрьмы переполнены мелкотой, и всем заправляют капиталисты, которые не только дерут с нас за все непомерную цену, но и совершают чудовищные преступления против общества. Девяносто насущнейших отраслей хозяйственной жизни страны контролируются, насколько мне известно, бандитами и гангстерами. Размеры их прибылей? Об этом не говорится! Напрасно искать в судебных архивах отчетов о процессах, возбужденных против этих людей в правительстве. Где тот федеральный прокурор, который проникнет в тайну и обнародует результаты своих разоблачений? Америка, политически одряхлевшая, нуждается во всенародной встряске, в полном духовном обновлении.

Итак, в конечном счете институт собственности плюс взяточничество повинны в том, что наказание преступников перестает быть тем, чем оно должно быть, и превращается в процесс, ведущий к обратным результатам. Истинный смысл наказания должен заключаться в перевоспитании преступника – там, где это возможно, – и в заботе о людях физически, а тем самым и социально неполноценных: рецидивистах, убийцах, людях, сексуально неуравновешенных. И я настаиваю снова и снова, что, если бы прибыли, создаваемые трудом, более справедливо распределялись между всеми, кто трудится, а взяточничество каралось бы тюремным заключением или в особых случаях даже смертной казнью, преступность пошла бы на убыль.

Поэтому я еще раз повторяю: существующая у нас система распределения благ естественна для диких джунглей, но неуместна в организованном обществе, которое в своем развитии, казалось бы, далеко ушло от первобытной дикости. Человеку следовало бы серьезно задуматься над законами этого общества, потому что они должны способствовать установлению на земле более мирного, а значит, и более приятного существования. Вот почему я и говорю, что несправедливое распределение материальных благ само по себе есть наиболее тяжкое из преступлений. Оно порождает чудовищные, вопиющие противоречия, которые мешают осуществлению оговоренного в конституции всеобщего права на "поиски счастья" и в конце концов ведут к захвату или уничтожению так называемой законной собственности. Одним словом, спекулянты, стоящие на верхних ступенях экономической лестницы, в конечном счете становятся жертвой того зла, которое ими же порождено на нижних ступенях. А бороться с этим злом при существующем неравенстве

немыслимо. Можно изменить систему, но нельзя, оставаясь в рамках этой системы, исправлять тот вред, который ею наносится.

Если я не прав, тогда почему же вся многолетняя борьба за искоренение преступности воспитательными и исправительными мерами не только в Америке, но и во всем мире не привела к желанным результатам? Вы только посмотрите, что творится! Доктор Крисчен, лучший в своем роде начальник лучшего в своем роде исправительного заведения штата Нью-Йорк в Эльмире, где содержатся только молодые правонарушители, заявляет, что 75% вверенных его попечению молодых людей не являются новичками в преступном мире и что все они по молодости, по бедности или по недостатку способностей не сумели найти себе место в жизни. Это подтверждает мою мысль, что именно несправедливое распределение доходов в современном обществе и ставит такого молодого человека в трудное положение, и, если он не хочет терпеть и смиряться, единственным выходом для него становится преступление. Он не настолько покорного нрава, чтобы безропотно тянуть лямку нищеты. В нем, как и в других, говорят гордость, честолюбие, любовь, зависть, жадность и т. п., но он с самого начала лишен сочувствия общества, не имеет твердой экономической базы, и ему не настолько "везет", чтобы он мог удовлетворить свои желания. Кто же виноват – те, кто на вершине, или те, кто у подножия? Иногда раздаются не слишком авторитетные голоса, которые уверяют, что такие люди все равно не стали бы работать, даже если бы могли. Мои многочисленные психологические наблюдения приводят меня к другому выводу: если б они могли, выполняя посильную работу, получать разумное вознаграждение – они бы работали.

Но, заговаривая о "разумном вознаграждении", о необходимости более справедливого распределения доходов, создаваемых как умственным, так и физическим трудом, мы касаемся самого существа чудовищной несправедливости, характерной для нашей сегодняшней жизни, – несправедливости, в силу которой миллиарды за миллиардами текут в руки небольшой кучки финансовых воротил, тогда как огромное большинство человечества влачит жалкое существование, омраченное постоянной нуждой и боязнью катастрофы. А ведь в организованном обществе не только предложение, но и спрос создаются усердным и плодотворным трудом этого самого большинства. Более того: только эти низы, эти массы – люди у плуга, станка, прилавка, распределительного щита – могут сделать организованное общество таким, каким оно должно быть; они-то и есть настоящие творцы того, что мы называем организованной жизнью. Так осознают ли они когда-нибудь свой долг – эти жители мира убогих лачуг, который, однако, был колыбелью многих прекрасных и великих событий?

И вот мы видим, что общество, основанное на несправедливом присвоении и накоплении капитала, терпит полную неудачу в своей борьбе с преступностью; эффект предпринимаемых им реформ ничтожен, и преступность не только не уменьшается, но, напротив, растет. Почему? Да прежде всего потому, что главные преступники нашего времени – это вовсе не те, кого можно выследить и поймать. Главные преступники – это те, кто сегодня, как сто, как тысячу лет назад, фактически правят обществом. Они слишком сильны, слишком умны и слишком хитры, и рядом с ними жалкой и смешной выглядит вся та правонарушительская мелюзга, о которой речь шла в начале главы, – вымогатели, бандиты, налетчики. Как бы дерзки и жестоки они ни были, им далеко до тирании корпораций, которые обращают людей в своих полуголодных рабов и каждому, кто попытается – стачкой ли, другими ли методами борьбы – сбросить оковы рабства, готовят наказание "по закону", а то и просто пулю. И ведь в этом нет никакой необходимости! В мире найдется достаточно благ, чтобы при правильном расчете и распределении каждому досталась немалая доля. (Но для такого разрешения всех проблем одних мечтаний мало. Здесь нужно загореться и действовать.) И места наверняка всем хватит. Тому примером – многоклеточный человеческий организм, тоже, в сущности, представляющий собой сложную социальную систему. Когда каждая из клеток, составляющих этот организм, правильно питается и правильно функционирует, организм здоров и человек живет. Так почему же внешние системы – наши государства, которые в конечном счете (через нас) создаются этими же клетками, – не могут быть так же разумно организованы? Я думаю, что могут. А в ответ тем, кто, может быть, попытается мне возражать, позволю себе добавить, что по данным комиссии по борьбе с преступностью, созданной при Американской ассоциации адвокатов, в настоящее время в Нью-Йорке находятся на свободе около 30 тысяч преступников, а в Чикаго – около 10 тысяч. Средняя годовая цифра убийств в Америке за последние двадцать девять лет выросла ровно на 350%. В 1904 году в тюрьмах Соединенных Штатов содержалось 57 тысяч заключенных; в январе 1927 года их стало 96 125 – на 40% больше.

А говорят, Америка – ведущая страна современного мира! Безусловно, но только в каком отношении? По количеству преступлений! Даже в Италии, народ которой считается особенно несдержанным и склонным к преступлениям и которая действительно стоит в этом смысле на втором месте после США, – даже в Италии преступность и вполовину не расцвела так пышно, как у нас, что называется, под самыми нашими окнами. По статистике недавних лет, во всей Англии, включая Уэльс, где положение промышленных рабочих особенно тяжело, а классовые

противоречия особенно резко выражены, количество убийств за год исчислялось цифрой 51, тогда как в Чикаго за то же время было совершено 389 убийств, а в Нью-Йорке – 262. Общее же число убийств в Америке за этот год было в пятьдесят раз больше, чем в Англии! И так обстоит дело со всеми видами преступлений.

Интересно, сознает ли наше правительство, как и те, кто за ним стоит, экономическое значение приведенных фактов и социальную тенденцию, которая в них проявляется? Очевидно, нет! И кроме того, правительство – национальное или местное – не всегда склонно признавать наличие преступности. Это нежелательно! Это может повредить интересам бизнеса! А потому начальник одного из полицейских округов Чикаго, например, зарегистрировал за один месяц всего 37 преступлений и умолчал об остальных 40.

Комиссия Уикершема, недавно изучавшая проблему преступности в США, сознательно обошла вопрос о корнях этого явления. Но Америка должна взглянуть в лицо фактам. Несправедливое распределение естественных богатств, продовольствия и промышленных товаров – вот что создает преступность.

1931

Великий американский роман

Возможно, самые первые литераторы Америки, стремясь отобразить американскую действительность, и обращались к великим европейским мастерам реалистического романа в поисках вдохновения. Но ни в одной из прочитанных мною книг по истории американской литературы я не нашел ни единой заслуживающей внимания ссылки на такие источники. Начиная же с "Тайпи" Мелвилла, "Алой буквы" Готорна и с очень индивидуальной, хотя и не вполне реалистической, манеры По и Уитмена, мы уже можем говорить об американцах, которые если и обязаны чем-либо опыту своих иностранных современников, то лишь весьма малым. Более того – с этих пор у них уже учится Европа, да и весь мир.

Чтобы определить точную дату появления первого чисто реалистического изображения американской действительности, следует обратиться к началу 1850-х годов. "Дневник пятидесятника", найденный в заброшенной хижине золотоискателя в Калифорнии, представляет собой замечательный образец достоверности и натурализма. Перед нами живой человек конца 40-х годов в труде на золотоносных речках родных гор. Эта книга никогда не умрет. В "Хижине дяди Тома", в "Дрэде" и "Алом знаке доблести" мы находим, однако, смесь романтизма с реализмом. Вслед за ними в Америке появляются уже близкие к

реализму Генри Джеймс, Уильям Дин Хоуэллс, Брет Гарт, Марк Твен и Роберт Грант. Что до меня, то, подходя с мерками современного реализма, я отбросил бы почти все, написанное Джеймсом, за узость и зыбкость классового сознания, и, безусловно, всего Хоуэллса, как социально безликого и, что еще хуже, мало осведомленного, сделав исключение для его "Их свадебное путешествие" Несмотря на такую книгу, как "Возвышение Сайлеса Лафэма", Хоуэллса можно без колебаний вычеркнуть из числа реалистов.

Отбросив все упомянутое, мы видим, как реализм движется дальше вплоть до 1886 года, когда Чикаго выдвинул Генри Б. Фуллера; его роман "За процессией" – самый яркий образец реализма этого и последующих десятилетий. Без сомнения, Фуллер предстает как создатель первого подлинно американского реалистического романа. Он изображает период после окончания Гражданской войны. Раскрывая поступки и психологию созданных им персонажей и воссоздавая атмосферу торговой и социальной жизни послевоенных лет, он вводит нас в подлинную действительность Чикаго тех дней. По сути дела, эта книга гораздо ближе, чем сотни других, более слабых и менее значительных сочинений последующих лет, подводит нас к моменту зарождения крупного бизнеса и сопутствующего ему социального уклада. Если вообще можно говорить о родоначальнике американского реализма, то это Генри Б. Фуллер.

Но тогда шел 1886 год, и с тех пор прогромыхало почти полстолетия. И чем же мы располагаем в сфере достойного изображения американской действительности сегодня? Если брать за образцы мастеров реализма во Франции, России, Германии или Англии, то придется принять литературное кредо, которое можно было бы свести к следующему: главный противник человека в его жизненной борьбе – судьба; человеку непременно противостоят в конечном итоге непреодолимые препятствия; если в этой битве он не проигрывает сразу, то неминуемо проиграет позже, из-за естественной утраты молодости, сил, честолюбия и успеха, сопутствующих человеку в лучшие годы его жизни.

И в творчестве первых по времени реалистических воссоздателей американской действительности мы обнаруживаем это кредо в полном его звучании. Почти одновременно появились Стивен Крейн с его "Алым знаком доблести" (часто называемый пионером реалистической литературы в Америке) и Хэмлин Гарленд с "Главными проезжими дорогами" (реалистически изображавший сельскую жизнь того времени). Обе книги вышли в 1894 году. В обеих человек, несомненно, ведет борьбу – и безуспешно – против своей судьбы.

Вслед за ними, в марте 1899 года, появляется "Мактиг" Фрэнка Норриса, начатый, по словам его брата, в 1891 году, но законченный лишь в 1897 году и не увидевший света до мар-

та 1899 года. "Мактиг" – лучший в Америке образец того, каким должен быть реалистический роман. По праву его можно поставить в один ряд с романом "За процессией". Годом позже появились "Сыпучие пески" Хэрвея Уайта (книга суровая и неотразимая), "Сказание о Еве" Уилла Пейна (тоже сильная вещь), "Проклятие Терона Уэра" Хэролда Фредерика (правдиво и трогательно) и "13-й округ" Брэнда Уитлока (немаловажный вклад в литературу, хотя и подпорченный откровенным и, по-видимому, чистосердечным приятием моральных условностей того времени). В том же году вышла "Сестра Керри" Все эти книги были немедленно отвергнуты насквозь ханжеским и лживым обществом, словно они были пропитаны опаснейшими ядами. Их авторам, в том числе и мне, автору "Сестры Керри", общество, издатели и критики объявили бойкот, заклеймив кличкой бездарных и бесстыжих писак.

* * *

Я сумел пережить это время. Я прочел все эти книги, получил огромное удовольствие и по достоинству оценил заслуги их авторов. Однако, хотя в числе других преследованиям и бойкоту подверглась и моя книга, а от Фрэнка Норриса, после выхода в 1902 году его второго романа, "Омут", отвернулись все его литературные друзья, поглощенные тупой погоней за наживой, я так тогда и не понял, что не только издатели, пресса и критика тех дней, но и сам склад американского характера и заблуждений оказались фатальными для любой попытки честного подхода к изображению жестокой и грубой жизни. Короче говоря, в пресечении таких попыток повинны не только тот или иной издатель, а все американское общество. И общество было неумолимо. Книги и их авторы были просто-напросто вычеркнуты из жизни и, за исключением "Мактига" и "Сестры Керри", так и не всплыли больше на поверхность. В 1908 году я убедился в том, что даже такой критик, как Генри Л. Менкен, к тому времени уже сотрудник отдела рецензий в "Смарт сэт", ни малейшего понятия не имеет ни о Норрисе, ни о других перечисленных выше моих современниках. И еще меньше – о подлинных пионерах реализма. В доказательство своей правоты советую прочесть предисловие Менкена к "Мактигу" в собрании сочинений Ф. Норриса (1929 г.), где автор называет Норриса пионером американского реализма, игнорируя Мелвилла, Джеймса, Уортона, Фуллера и Крейна. А. Г. Дж. Уэллс и до сих пор уверен, что путь американскому реализму проложил Стивен Крейн.

Сам Генри Б. Фуллер рассказывал мне в 1913 году, почему он бросил писать. Причиной тому, по его словам, была настоящая травля со стороны взбесившихся недоумков, критиков-

пуритан, без умолку вопивших, что его сочинения – не только пасквиль на действительность, но к тому же литературно бездарны. В его родном Чикаго, даже в кругу друзей, его встречали не только неодобрительно, но и оскорблениями. Чутко прислушиваясь к голосу общества, частью которого он сам был, и не выдержав его остракизма, Фуллер сдался. Там же, в Чикаго, в том же 1913 году Хэмлин Гарленд говорил мне, что грубая реальность повседневной жизни, которую он видел и показал в "Главных проезжих дорогах", оказалась не под силу не столько его перу, сколько его мужеству и связям. Он был женат на богатой, и реальное изображение американской жизни тех дней грозило ему, как и мне, изгнанием из общества. Я убежден, что Уилл Пейн и Хэролд Фредерик, подвергшиеся жестоким нападкам за попытки реалистически показать действительность, с готовностью бросились в сердечные объятия "Сатердей ивнинг пост", где некоторое время спустя стали появляться их дешевые поделки.

* * *

Но это далеко не все. По меньшей мере в трех аспектах драма постепенно превращалась в нелепый фарс. Прежде всего, вслед за пионерами реализма вереница псевдореалистических героев не замедлила манерно и напыщенно заполнить сцену:

1. Ричард Хардинг Дэйвис (автор рассказов из жизни Ван Биббера).

2. Роберт У. Чемберс (сам Джеймс Хьюнекер – не кто-нибудь – превозносил его "Короля в желтом").

3. Пол Лейчестер Форд (одна из его книг – "Неподкупный Питер Терлинг" – превозносилась как "великое реалистическое творение").

4. Брэнд Уитлок (честный реалист, если не считать того, что он слепо следовал буржуазным устоям семьи и брака).

5. Роберт Херрик (романтик, тяготеющий к реализму).

6. О'Генри (за исключением нескольких рассказов, создатель водевилей в прозе).

7. Джек Лондон (смесь реализма и романтизма поровну, применительно к современным вкусам широкой публики).

8. Дэйвид Грэм Филлипс (превознесенный за мастерство Фрэнком Норрисом и Менкеном; соломенное чучело на литературном кукурузном поле).

9. Бут Таркингтон (сладостные шестнадцать лет и любовь до гроба).

10. Уилл Левингтон Комфорт (бог всегда с нами).

11. Джордж Бронсон Ховард (романтик, решивший стать реалистом, но так и не понявший, что такое реализм).

12. Артур Трейн (романтик, увлекшийся реализмом адвокатской практики).

13. Харви Фергюссон (воспетый Менкеном, и никем больше).

14. Джозеф Хергесхаймер (запомнившийся ароматом духов и дамским бельем, но все еще не забытый Менкеном, и им одним).

15. Сэмюел Хопкинс Адамс (статистик, исполненный решимости воспользоваться романом как орудием социальных реформ).

Вторая фаза утверждения реализма не менее смешна, чем первая; она просто нелепа. Она пронизана догматической верой в то, что, всячески поощряя гений реализма, можно вызвать к жизни целую плеяду американских реалистов. Источником, питавшим эту идею, служило творчество вышеупомянутых пионеров. Из критиков эту идею поддерживал Хьюнекер, а позднее и Менкен. Норриса, дожившего лишь до тридцати одного года, превозносили за "Мактиг" и "Спрута". Еще одним стимулом явилась "Сестра Керри". Будучи погребена в Америке издателем Фрэнком Даблдеем, она продолжала жить в Англии и на всем Европейском континенте. Правда, среди американцев были и такие, которые прочли "Сыпучие пески", "Проклятие Теронских холмов" и "Сказание о Еве" и уже предвкушали зарождение американской "Человеческой комедии". Это подогрело в них жгучее желание увидеть и у нас подлинный расцвет реализма; уже в 1907 году Хьюнекер, а в 1909 году и Менкен взывали к появлению реалистов, равных по масштабам Золя и Бальзаку.

* * *

Норриса не стало, и господа Хьюнекер и Менкен остановили свой выбор на мне и стали ждать от меня дальнейших шагов в том же направлении. Впоследствии каждого новичка с малейшими задатками реалиста стали осыпать похвалами, зачастую незаслуженными. Так было с Джеком Лондоном, О'Генри и Дэйвидом Грэмом Филиппсом; ограничусь этими тремя именами. И настолько сильна была тоска по реализму, настолько вожделенна цель, что, когда в 1908–1910 годах Менкен и Натан возглавили критический отдел "Смарт сэт", при этой устремленной в будущее редакции была учреждена школа молодых реалистов под руководством Менкена по прозе и Джорджа Джин Натана по драматургии.

На литературных факультетах почти всех колледжей и высших школ Америки, немедленно проникшихся благоговением и энтузиазмом, тотчас же появились курсы лекций, сулившие

полное овладение искусством реализма. И вот сейчас мы видим устрашающие плоды этого. Полки моей библиотеки ломятся от псевдореалистических литературных порождений тех дней, и все следы ведут к порогу Менкена. Ведь именно вслед за его громогласными гимнами все газеты, журналы всех рангов включились в кампанию по выявлению каждый месяц, а то и каждую неделю, нового гения, бесспорного носителя долгожданного шедевра. А чтобы утвердить за ним славу гения, тогда же появились кричащие суперобложки, и сам издатель, приложив руку к сердцу, восторженно вторил похвалам критики.

Более того, бесчестные издатели с финансовыми амбициями, искусно применяя новую тактику в издательском бизнесе и используя это обуявшее американцев восторженное нетерпение, объявили успех сбыта своей главной целью. По сути говоря, вплоть до 1929 года, когда грянула депрессия и шумиху во всех сферах пришлось поунять, открытие нового гения реализма составляло главный источник дохода для каждого издательства, склонного торговать не только слитками золота, но и фальшивыми монетами.

Тем не менее за этот период спекуляции на реализме появилось и исчезло немало сопровождаемых шумным успехом настоящих и никем не воспетых реалистов: Эптон Синклер ("Джунгли", "Испытание любви"), Харрис Мертон Лайон ("Сардоники" и "Графика"), Нит Бойс ("Гордая леди"), Стивен Френч Уитмен ("Предопределенные"), Роберт Стил ("Некто"), Луис Джозеф Вэнс ("Джоанна Тэрсдей"), Шервуд Андерсон ("Избранные рассказы"), Альберт Эдуордс ("Мир человека"), Уилла Кэсер ("Моя Антония"), Эвелин Скотт ("Тесный дом"), Конрад Берковичи ("Злодеяния благотворительности"), Чарлз Форт ("Отверженные фабриканты"), Синклер Льюис ("Главная улица"), Гомер Крой ("К западу от водокачки"), Флойд Делл ("Чудак"), Абрам Кахан ("Восхождение Дэвида Левинского"), Джон Дос Пассос ("Манхэттен"), Сэмюэл Орнитц ("Ляжки, пузо и челюсть"), Эрнест Хемингуэй ("Прощай, оружие!"), Генри К. Маркс ("Сила отлива"), Эллен Грэйс Карлайл ("Плач матери"), Дю Боз Хэйуорд ("Порджи"), Уильям Фолкнер ("Святилище"). Из них, как общеизвестно, ту или иную славу приобрели: Синклер, Кэсер, Андерсон, Льюис, Делл, Дос Пассос, Хемингуэй и Фолкнер. Остальные, пережив однодневный успех, погрузились во мрак безвестности.

Читатель и по сей день все еще ждет появления великого американского реалистического романа. Осталась незамеченной хотя бы частичная реализация его элементов в таких произведениях, как "За процессией", "Сказание о Еве", "Сыпучие пески", "Некто", "Отверженные фабриканты", "Тесный дом", "Джоанна Тэрсдей", "Восхождение Дэвида Левинского". Критик, издатель и нетерпеливый читатель все еще ждут. Но все как один пренебрегают

брегают этими книгами, отдавая предпочтение откровенным фальшивкам. Подумать только: как расходились книги первой из упомянутых групп и каков удел этих последних. Критическое чутье и вкус американской широкой публики настолько невысоки, что поразительная по реалистичности книга, задуманная во имя собственной защиты талантливым самородком Джердом Флэггом ("Преступления Джерда Флэгга"), канула в реку забвения исключительно благодаря мнению, будто книга написана в защиту безнравственного, бесчестного человека.

Тем временем начался и завершился один из поразительнейших периодов в мировой истории – период подъема, господства и упадка индустриальной системы. Появились титаны. Разгорались войны. Мужчин и женщин миллионами порабощали, жестоко эксплуатировали, морили голодом, убивали. Бездушная, жестокая власть денег царила повсюду, подобно тому как в прошлом царила религия или монархия, – деньги создавали не только свою диктатуру, но и принципы, в соответствии с которыми должен жить человек. На месте дворцов и соборов прошлого воздвигали заводы и небоскребы и восклицали: "Смотрите и преклоняйтесь! Вот каким должен быть мир!"

Тем же временем все безмозглое, серое и непристойное получает признание в качестве реалистической литературы. Об этом свидетельствует растущее число районных библиотек и книжных прилавков в бакалейных и табачных лавчонках, битком набитых новинками беллетристики, претендующими не только на реалистичность, но и на глубочайшее проникновение в мрачные и непристойные стороны нашей американской жизни. Эти книги, само собой разумеется, написаны ловко. В них не так уж плохо обстоит дело с психологией, хотя это преимущественно психология гостиных и чайного стола. Действие не растянуто, развертывается бойко. Но о реальной жизни, реальных переживаниях, реальных людях, реальной драме, реальной трагедии – ни единой строчки. И раскупаются эти книги почти исключительно людьми иллюзорной мечты о своем будущем, но не людьми из реальной жизни.

1933

Обращение к художнику

Следовало бы ожидать, что к настоящему времени значительный процент нашей американской интеллигенции должен был бы уже осознать наличие в мире великого кризиса, который не может быть ликвидирован посредством восстановления опозоренной и рушащейся системы американского капитализма с его владыками и их наследниками и агентами. Всевозможные

предохранительные клапаны вроде НИРА (Национальной администрации по восстановлению промышленности) бесполезны. НИРА – это не более как мероприятие, рассчитанное на достижение процветания не для масс, а лишь для известных классов, и, в сущности, на прежней основе; иными словами, она ставит себе задачей восстановить и удержать прежнее капиталистическое разделение богатства: 95% богатства в руках 5% населения и 5% богатства в руках остальных 95% населения. Даже если наше правительство действительно ликвидировало детский труд (а это надо еще проверить на практике), нам все же предстоит поддерживать в его былой славе наш господствующий класс, "вождей промышленности", праздную и бесполезную социальную группу, существование и почетное положение которой определяется размерами богатства, захваченного благодаря нашей позорной системе наследственного права, нашим трестам, судам, юристам, политическим дельцам и прочим. И вся эта система покоится на представлении, что класс рантье, стригущих купоны десятипроцентных бумаг, должен существовать не только для того, чтобы притеснять и эксплуатировать массы, но и для того, чтобы "руководить" ими. К этому представлению целиком присоединяется святая церковь, ее жирные взяточники: попы, епископы, кардиналы и сам святой отец – папа, ибо господь навеки разделил людей на богатых и бедных...

В связи с этим можно добавить, что программа рузвельтовской экономической политики построена на достижении процветания через оскудение, что составляет прямую противоположность России, где процветание достигается через благосостояние, через развитие интенсивного массового производства в интересах всего общества, а не ради дополнительных доходов каких бы то ни было индивидуумов или отдельных индустриальных групп. Следовательно, рабочие, фермеры, служащие и интеллигенция могут вообще установить справедливый социальный строй только посредством полной ликвидации капитализма и путем контроля не только над производством, распределением, обменом и потреблением, но и над самим правительством. Другого пути нет.

Но каково теперешнее положение американской интеллигенции или интеллигенции всего мира вообще – эстетов, художников, философов, ученых, педагогов, изобретателей, мыслителей? Что можно сказать о них? Как бы ни был широк их умственный кругозор, как бы ни была велика их известность, по своему теперешнему положению они, конечно, мало чем отличаются от обычных служащих, наемных и всегда плохо оплачиваемых, – слуг и агентов вышеописанной иерархии, прочно утвердившейся на своих позициях. И таково было положение интеллигенции во все исторические времена, несмотря на все хваленое благородство ее патронов и меценатов. А между тем

в моменты величайших социальных переворотов прошлого, не говоря уже о настоящем, интеллигенция занимала скорее позицию обособленного класса, смотрящего сверху вниз на рабочих, чем позицию таких же рабочих, объединяющихся со своими товарищами в их борьбе за организованное общество. В действительности представители интеллигенции только в редких отдельных случаях (Аристотель, Сократ, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Челлини) бывали убеждены в своем равноправии – не говоря уже о превосходстве – по отношению к знатным и богатым владыкам мира.

А между тем что представляют собой эти владыки? Вспомните только их хищническую и (по большей части) забытую историю: рабовладельцы, наемные убийцы, люди, жаждавшие могущества и власти, в глазах которых значение медленной наступательной борьбы масс за просвещение и справедливый социальный строй было равно нулю. Однако наша интеллигенция до настоящего времени продолжает заискивать перед теми, у кого деньги, как рабы перед своими господами, в то время как эти самые владыки богатства или военной силы смотрят на нее как на низшую породу людей, которых нужда или грубая сила заставляют выполнять их художественные и нехудожественные замыслы.

Вспомните хотя бы пап и принцев эпохи Возрождения и таких гениев, как Микеланджело, Леонардо да Винчи, Тициан, и других, вынужденных заискивать перед ними. А древний, доцерковный мир, а Европа и Англия после установления господства церкви, а попытка такого ничтожества, как Людовик XV, подчинить себе Вольтера! А наш собственный капиталистический мир, где промышленные тузы, принцы, лорды и кто хотите так настойчиво оказывали свое милостивое покровительство как творчеству уже умерших гениев, так и творчеству живых современных им мыслителей, художников или ученых. Неужели же в процессе предстоящего, столь необходимого социального переустройства интеллигенция останется в стороне от трудящихся, от рабочих масс и с видом святошеского превосходства перейдет в другой, враждебный им лагерь? Надеюсь, что нет – особенно после многовекового творческого порабощения интеллигенции. На этот вопрос мне хотелось бы получить ответ.

А между тем что мы видим в настоящий момент в области искусства, мысли и науки? Цинизм, пессимизм и туманные идеи фашистской диктатуры, призванной сохранить за "вождями промышленности", накопителями капиталов, королями – помазанниками божьими и прочими те самые позиции, которые они занимали всегда. Этому трудно поверить, но все-таки, если я правильно представляю себе нашу современную действительность, возрастающее количество наших художников все больше и больше отходит от масс, переставая сознавать их социаль-

ное значение, вырабатывавшееся так медленно и с таким трудом, а ведь от этого целиком зависят формы устройства и богатство современной общественной жизни, столь важные для каждого отдельного индивидуума. Вместо этого наши художники обращаются за поддержкой к уже дискредитировавшей себя кучке индивидуалистов-хищников, которая до сих пор ограничивалась только тем, что использовала их творчество ради своего личного прославления и возвеличивания. Это непостижимо.

Но чем иначе объяснить их молчание? Как могли бы существовать теперь или в какую-либо другую эпоху интеллигент, эстет, мыслитель, поэт, драматург, ученый, философ, изобретатель, если бы не существовало масс, массовой собственности и труда, столь грубо эксплуатируемых и расхищаемых классовым эгоизмом? Как могли бы они существовать? Что бы они сами на этот счет ни думали, они могут и могли существовать не по милости самозваных владык любых времен и народов, а только благодаря труду миллионных масс на дне общества. Эта истина очевидна сама собой; и поэтому они не имеют права считать себя независимыми от этих масс или, забывая о своем долге перед трудящимися в целом, спасаться бегством от жизни в том минимально мирном уединении, которого они могут достигнуть при капитализме. В самом деле, точка зрения наших современных ученых и мыслителей, так же как и художников и педагогов, считающих, что их деятельность не имеет ничего общего с социальной и экономической борьбой рабочих масс всего мира, свидетельствует не только об их неправоте, но и об их тупости, поскольку их материальное существование возможно лишь благодаря производительному и неустанному труду этих масс.

Чем, как не их равнодушием (в лучшем случае), можно объяснить, что они защищают и поддерживают класс промышленников-финансистов, класс угнетателей в его борьбе с эксплуатируемыми им массами, гораздо более общественно полезными и либеральными? Я предлагаю им обратить внимание на сравнительно обеспеченное положение, какого добились писатели, художники, ученые, мыслители и педагоги не только в России, но и вообще повсюду, с тех пор как за последние двести лет мир начал уделять массам известную долю своих социальных благ, и сравнить это с положением интеллигенции за сто, двести и триста лет до того. В России и в меньшей степени в наиболее демократических странах мира, где торговый, промышленный и денежный класс обладает по крайней мере некоторым уважением к массам, интеллигенция используется сейчас (и с каким успехом!) на разнообразной художественной или творческой работе в области архитектуры, науки, воспитания, исследований, искусства, литературы, как индивидуального, так и мас-

сового характера, получая за это определенное вознаграждение. В целом поддержка масс, обладающих огромной покупательной способностью и щедрых на похвалу, оказывается более прочной, чем классовая поддержка. А в дополнение к этому надо вспомнить, что в прежние времена, если интеллигенция не работала на монархистов и монархов ради их тщеславия и возвеличения, ей оставалось только влачить такое же жалкое рабское существование, как и ее угнетенным товарищам – рабочим, стоящим у машины и плуга.

Вдумайтесь только в финансовое положение художника, архитектора, писателя, поэта, мыслителя, изобретателя, ученого в эпоху Шекспира и до него. А если их положение в то время было отчаянным (каким оно, конечно, было), тогда чем объяснить то страшное равнодушие, с каким теперешний интеллигент или эстет относятся к положению своих ближних, к положению широких масс в целом – этих щедрых и до сих пор почти не признанных друзей и утешителей мыслителя, поэта, всякого творца вообще?

Я должен сознаться, что я не могу этого понять. Ведь для каждого должно быть очевидно, что вплоть до самого последнего времени – до начала прошлого века – массы и в Америке, и во всех других странах не имели ни достаточных средств, ни подготовки для того, чтобы понять значение и, более того, социальную необходимость искусства во всех его многообразных формах. А заметьте, что произошло за это время: огромное распространение интереса к эстетике и всему, что с этим связано, к науке, к изобретениям, к образованию, к декоративному искусству, к архитектуре. А между тем до настоящего времени массы находятся далеко не в таких хороших социальных условиях, в каких они должны были бы находиться, чтобы использовать продукты интеллекта и гения во всех их различных проявлениях и тем самым поощрять их дальнейшее развитие. Есть все основания предполагать, что, когда массы будут поставлены в такие условия, для художника, мыслителя, поэта, эстета наступит эра величайшего расцвета, какую когда-либо видел мир; ибо только от масс (с их великой, настойчивой потребностью жить и окружать себя разумным миром и довольством) зависит создание реальных экономических ресурсов, а также умственные и художественные запросы по отношению к тому, что могут предложить миру мыслители, изобретатели, ученые, интеллигенция и гении. Таково мое мнение. Даже самые эмоции, возникающие у масс, когда они видят, читают, переживают, приветствуют и используют произведения этих больших мировых умов, могут исходить только от масс, а не от маленького отдельного класса.

Чем же объяснить в таком случае, что художники, мыслители, ученые и интеллигенция в целом уклоняются от поддерж-

ки их в борьбе? Я могу только повторить еще раз, что в прошлом класс богачей установил свое господство над массами с помощью хитрости и жестокости, а не в результате каких-то подлинных усилий, и с помощью показной щедрости убедил художника, мыслителя, изобретателя, поэта и прочих в своем значении – и тем самым использовал их творчество ради своей личной выгоды, в противовес общей выгоде масс.

Но это время уже прошло. Оно прошло, несмотря на миф о великой щедрости, с какою богатство якобы относилось к искусству и мысли, противопоставляя свое классовое покровительство инстинктивной любви масс к искусству и мысли. В действительности это классовое покровительство было более иллюзорным, чем реальным. Современный художник, творец и мыслитель должен был бы уже понять это, пересмотреть заново свою прежнюю веру в одинокий хищнический индивидуализм, противостоящий коммунизму, и повернуться к массам, включиться в их борьбу за развитие красоты, мысли и искусства вообще. Иной путь невозможен.

Вследствие этого я считаю, что сейчас наступило время обратиться не только к американской, но и ко всей мировой интеллигенции с призывом объединиться с массами в их борьбе против одного класса, за установление лучшего и более справедливого строя. И я лично выступаю с этим призывом, как бы мало он ни был полезен.

Я говорю вам: забудьте о вашем либеральном индифферентизме эпохи королевского и капиталистического владычества и подумайте, с кем действительно ваше будущее. Перестаньте поддерживать вашим молчанием, равнодушным одобрением или классовым безразличием планы неопределенной "реорганизации" общества, которые сохранят на их теперешнем месте хищника наживы, промышленного туза и диктатора или ограничатся лживым "компромиссом" с рабочими.

Выступайте теперь же открыто от лица тех масс, из которых вы вышли и к которым вы принадлежите в действительности – вы и ваши предки и ваши теперешние родные и соседи, не говоря уже о ваших потомках, которые будут жить после вас и судьба которых ничем не будет отличаться от судьбы этих масс.

Пересмотрите заново ваше мировоззрение по вопросам политики и экономики; неужели ваш ум не может охватить этих важнейших свидетельств взаимоотношений между массами и господствующим классом и их связи с вашими собственными творческими и культурными проблемами? Если вы подумаете над этим, вы увидите, что ваши собственные бедствия порождены самой природой капитализма, связаны с его корнями и что они будут ликвидированы настолько гуманно, насколько возможно, в результате уничтожения капитализма и

установления нового социального строя. Ибо не только ваши экономические, но и ваши социальные и художественные мечты совпадают с мечтами миллионов рабочих всего мира. Итак, думайте о них и боритесь за всеобщую справедливость и благосостояние для этих миллионов, а не для самих себя и кучки избранников, на которых вы смотрите как на своих господ, покровителей и хозяев. Эта борьба обеспечит вам самим не только справедливость и благосостояние, но и духовную честь, а может быть, и мир. Во всяком случае, она уяснит вам роль культуры не только в жизни миллионов, но и в вашей собственной жизни. Включайтесь теперь же в ряды борцов. Пишите, выступайте, боритесь за тех и вместе с теми, чье будущее есть ваше будущее. Прогресс развивается в этом направлении. А рука об руку с прогрессом идет искусство.

1933

Внешность и сущность

Тот, кого согнули,
выпрямился.
Тот, кого победили,
объединился
с тем, кто стал
победоносным.
Тот, кто был прекрасным,
соединился с уродливым,
чтобы разъединиться
и выпрямиться
вновь.

Как-то – это случилось в 1913 или 1914 году – появился критик, работы которого меня глубоко заинтересовали. Они были исполнены гуманности и в то же время художественны. Этот критик привлекал своим широким кругозором, а его природная проницательность углублялась жизненным опытом человека отнюдь не счастливой судьбы. Тем не менее наряду с глубиной в его сочинениях ощущались живость, оптимизм, высокое чувство прекрасного и подлинная поэзия стиля. Время от времени я ловил себя на желании написать короткое письмо Рэндолфу Борну, но по разным причинам так и не сделал этого. Время шло, разразилась великая война, и примерно в этот период я приступил к написанию книги "Каникулы уроженца Индианы", завершил ее и опубликовал.

Во время работы над книгой, до того как она увидела свет, произошел случай, который произвел на меня сильное впечатление. Это было поздним вечером, в ноябре-декабре, а возможно, и в январе. Я находился в районе ночной судебной палаты, расположенной на перекрестке Десятой стрит и Шестой авеню. Было темно, валил снег, я повернул за угол на Шестую авеню, когда столкнулся с ужасно изуродованным и, как мне показалось, пугающего вида карликом, какого мне не доводилось встречать. Его тело было деформировано, ноги тонки, грудь широка, руки длинны, а голова глубоко посажена между костлявыми плечами. Более того, голова была неестественно велика; что же касается выражения глаз, я его не уловил в тот момент, пораженный странностью этой фигуры в целом. Правда, я успел отметить, что форма головы и рот, кажется, были немного асимметричны; большие глаза светились на крупном лице, на голове была мягкая шляпа, не помню, какого цвета. Даже в снегопад в темноте я мог различить, что человек был хорошо одет.

Проходя мимо, я почувствовал, как меня пронизывает легкая дрожь; не знаю только, какими мыслями и чувствами, рожденными в глубинах души, она была вызвана. Но так уж случилось. Помнится, поравнявшись с ним, я отступил на шаг или два в сторону – позже я спрашивал себя, почему я так сделал, – и проследовал дальше. И хотя я не надеялся снова повстречаться с этим человеком, тем не менее позднее я не раз упрекал себя за то, что поступил таким образом. Почему таинственному велению природы было угодно напугать и взбудоражить меня? И почему, вместо того чтобы отпрянуть в сторону, я не почувствовал симпатии к этому человеку и понимания, способного контролировать мои действия? Но что было, то было, и я поспешил выбросить это из головы, надеясь, что не причинил кому-то боли. Постепенно я перестал о нем думать.

Как-то в 1915 или 1916 году, когда книга "Каникулы уроженца Индианы" была опубликована, может быть, спустя несколько месяцев, как-то после полудня раздался стук в дверь моей студии. Открыв ее, я увидел, что на пороге стоит тот самый карликового роста человек. Я сразу же узнал его – и, наверно, потому, что повстречался с ним вторично, да еще в дверях собственного дома, я, как и тогда, отпрянул в сторону, движимый тем же чувством, из-за которого испытываю теперь стыд. Тем временем он внимательно рассматривал меня своими большими, ясными, удивительными голубыми глазами, затем он представился. Это был Рэндолф Борн, и он хотел бы поговорить со мной. Когда я осознал, что передо мной и есть тот самый человек, которому я собирался писать, я испытал искреннее сожаление. Вот в каком теле был заключен ум, столь

меня восхищавший, и таким образом я убедился в том, что дух иногда развивается за счет телесной оболочки. Я сделал все возможное, чтобы выказать ему свое расположение, предложил кресло у камина, приготовил напитки и стал красноречиво распространяться о том, какое впечатление произвели на меня его работы, как высоко ценю я их красоту и проницательность, наконец, как горжусь тем, что принимаю такого гостя.

Каким-то замысловатым образом (вследствие особенностей телосложения) он уселся в кресле, ему предложенном, заложив ногу за ногу, продолжая не сводить с меня глаз. В этот момент я видел только его глаза. И не знаю, чем это объяснить – химизмом, мистицизмом, глубинными непознаваемыми жизненными силами, таящимися во мне, – но тело этого крохотного человека совершенно для меня исчезло, словно его вообще не существовало, а вместо него я ощущал ум, сильный, нежный и проницательный. Ум, который страдал и обретал через муки познание. Да, он подарил мне прекрасный час общения! Мы беседовали об Америке, о социальных и духовных фазах развития нашего народа, о чем я писал в своей книге "Каникулы уроженца Индианы", поговорить о которой он ко мне пришел. Он судил обо всем, исходя из собственного жизненного опыта. По его словам, бедность не была ему знакома. Семья имела самые престижные связи. Он учился, не помню точно, то ли в Гарварде, то ли в Йеле и Принстоне. Там пережил он немало горьких часов, что в той или иной степени было обусловлено его физическим состоянием, но что дало ему больше, чем любой колледж. Откровенно говоря, именно поэтому он понимал меня, мое творчество и пришел сказать мне об этом. Между нами установилась теплая симпатия и взаимопонимание, и тогда, что совсем странно, я увидел перед собой – и вижу с тех пор – не карлика, отнюдь нет, а высокого, сильного, крепкого человека, облик которого гармонировал с его блистательным интеллектом.

И это совершенная истина: взглянув на него подобным образом, я уже не воспринимал его таким, каким увидел в первый раз. Я просто не мог его таким видеть. Где бы он ни был – а я встречал его по разным поводам, неизменно в обществе наиболее интересных, привлекательных мужчин и женщин, – я мог ощущать в нем могучий ум, заключенный в хилое тело, которое в свою очередь обретало значительность и по какой-то таинственной причине его фигура обретала правильные очертания. В результате я постиг истину: как прекрасно, что ум, эта главная движущая сила, заключенная в человеческом теле, способен сотворить подобное чудо, и это было чудо для всех, кто знал его. Однажды я повстречал его в одном из ресторанов, где он был в обществе редакторов двух ведущих в стране ежене-

дельников. В другой раз при тех же обстоятельствах он был центром заинтересованного внимания со стороны трех юных и привлекательных девушек, о знакомстве с которыми любой мог только мечтать. А когда я как-то чаевничал с ним в его холостяцких апартаментах, то заметил, что квартира находилась под присмотром столь обязательного человека, который отвечал бы требованиям самого привередливого хозяина. Он не был обделен вниманием, и в этом, как мне довелось по крайней мере дважды ощутить, выражалось понимание его истинной ценности.

Вскоре до меня дошел слух, что он серьезно болен, находится при смерти, – это подтвердилось. В тот самый момент, когда я узнал о его болезни, я поспешил к нему, но он был так плох, что никого не принимал. Тогда я сел и написал письмо, в котором высказал, как я ценю его дружбу, его личность и его дар критика, надеясь, что при жизни он успеет прочесть об этом.

Однако по какой-то причине я неверно написал адрес, и уже после его кончины, когда письмо было возвращено мне почтой, я понял, что самое сильное и светлое мое побуждение, касающееся его и его дружбы, так и не было им услышано.

Тот, кого согнули,
выпрямился.
Тот, кого победили,
объединился
с тем, кто стал
победоносным.
Тот, кто был прекрасным,
соединился с уродливым,
чтобы разъединиться
и выпрямиться
вновь.

1933

Я обнаруживаю подлинную американскую трагедию

Это произошло в 1892 году, в то время, когда я, приступив к работе репортера, впервые обратил внимание на преступления особого характера в США. Причина их заключалась в том, что едва ли не каждый молодой человек был одержим мечтой добиться успеха и престижа как в материальном, так и в общественном плане. Он стремился не просто достичь благосостояния и осчастливить своих близких, но обрести богатство, которое давало бы влияние, превосходство в социальном плане и

даже приобщение к власть имущим. Все это поразило меня как некое отклонение от нормы, ибо демократия по-христиански, как учит нас церковь, основывается на братской любви. Разумеется, в бытность школьником мне доводилось слышать немало историй о патриотах, которые беззаветно жертвовали собой во имя родины. Они сражались и умирали в борьбе против неравенства за свободу, за право каждого человека на жизнь, счастье. Однако спустя несколько лет, когда я сам пытался утвердиться в жизни в материальном плане, мне стало очевидно, что в окружающем мире коренятся противоречия, на которые невозможно смотреть сквозь пальцы. Большинство людей отнюдь не были ни патриотами, ни поборниками свободы, ни просто носителями благородных помыслов. Жизнь была борьбой за существование, и борьба эта отличалась жестокостью. Справедливости ради следует заметить, что функционировала так называемая общественная система, которая под контролем закона должна была обеспечить хотя бы в малой степени порядок и справедливость. Но на деле все обстояло иначе. В каждом городе, большом или малом, господствовали люди, обладавшие богатством, притесняя тех, кто был победнее. Богатые контролировали все отрасли производства, диктовали рабские условия труда и нищенскую плату. Они не без самодовольства демонстрировали свое богатство на только что освоенных землях перед лицом бедности и нужды, выпавших на долю тех, кто не только не уклонялся от работы, но, наоборот, страстно желал трудиться и практически на любых условиях.

Я был свидетелем того, как создавались в Америке большие состояния. Владельцы этих состояний сформировали паразитический класс: нью-йоркские четыре сотни, рабовладельческая аристократия Юга и те, кто им следовал в других штатах. Этот класс, по моим наблюдениям, представляли люди, которых не интересовал ни труд, ни государственные дела, ни интеллектуальные проблемы в какой-либо форме; но их интересовали лишь праздность и богатство, фанфары и демонстрация роскоши – при полном пренебрежении к рабочим, которых обездолили, и к интересам страны в целом. Я наблюдал, как подобные привилегии присваивались и теми, кто, не обладая наследством, обладал энергией и честолюбием, проявлявшимся во всех жизненных сферах. В результате в период с 1875 по 1900 год это явление приобрело характер национального безумия, которое привело к первой мировой войне 1914–1918 годов, и достигло высшей точки во время финансового краха 1929 года. На протяжении всего этого периода, по-моему, мало кто из американцев был одержим мечтой стать выдающимся ученым, исследователем, геологом, философом или благодетелем рода человеческого в какой бы то ни было форме. Человек мог посвятить себя работе врача, адвоката,

ростовщика, изобретателя, а возможно, ученого, но его не покидала настойчивая мысль, как, впрочем, и всех ему подобных, что для быстрого продвижения необходимы деньги. И один из самых надежных способов получить их – жениться на девушке с приданым, вместо того чтобы совершенствоваться в своей специальности и зарабатывать честным путем.

Так возникла охота за приданым. Она стала для американцев навязчивой идеей.

Имеют место факты убийства девушки честолюбивым молодым человеком. Но известно немало случаев, когда людей лишают жизни ради денег. Дело Альберта Т. Патрика в Нью-Йорке – это дело об убийстве коварным поверенным богатого старого клиента. Т. Патрик был приговорен к пожизненному заключению. Вот случай, который произошел в семье миллионера Суопа из Канзас-Сити. Его зятя-врача обвинили в том, что он причастен не только к заболеванию Суопа, но и к его смерти, также к смерти нескольких наследников миллионера. Доктор был в конечном счете оправдан, но в свидетельских показаниях обрисовывалась удручающая картина раболепия многих американцев перед золотым тельцом.

В следующем случае речь идет о близких отношениях честолюбивого молодого человека с бедной девушкой; в начале его карьеры она вполне отвечала его представлениям и в личном плане, и в плане ее социального положения. Но проходит время, юноша, естественно, набирается определенного опыта, и тут появляется особа более привлекательная, с деньгами и положением. Он быстро приходит к выводу, что с его первой возлюбленной следует порвать. Но это сделать не всегда легко – и в результате совершается преступление. Обычным препятствием оказывается беременность бывшей возлюбленной, ее искренняя любовь к юноше и желание его удержать. Ее стремление удержать (ее упорство) обыватели, вероятно, сочли бы разумным, люди более дальновидные расценили бы как бессмысленное, как стремление удержать то, что удержать невозможно.

Убийства при подобных обстоятельствах случались довольно часто в мое время, и я нередко сталкивался с ними в бытность свою репортером. Один из наиболее трагических эпизодов произошел в 1894 году, когда я впервые приехал в Нью-Йорк. Это была действительно страшная история Карлейля Харриса, студента-медика, интерна одной из крупнейших клиник Нью-Йорка, соблазнившего девушку, которая была гораздо беднее его. И стоило ему сойтись с ней, как дьявольская или какая-то иная сверхъестественная сила, таящаяся в нашей жизни, заставила Карлейля встретить обаятельную девушку с более высоким, чем его, общественным положением, к тому же богатую и красивую. Чтобы избавиться от своей первой пассии,

Карлейль дал ей несколько пакетиков порошка, четыре из которых содержали смертельную дозу яда. Один из них возымел действие.

И вот результат: расследование, суд и смертный приговор. Мне довелось познакомиться с матерью Карлейля, доброй и любящей женщиной, но уж чересчур решительной и властной. Бедная вдова, она мечтала, что ее сын станет состоятельным человеком, добьется успеха на общественном и на профессиональном поприще. Она говорила, что ей хотелось увидеть его знаменитым, женатым на богатой наследнице. Я упрекнул ее за то, что она проявляла излишнюю нетерпеливость и настойчивость, заставляя сына добиваться успеха. И теперь я возлагаю вину на Америку за ее безумие в погоне за общественным престижем и материальными благами.

Вскоре трагедии такого рода стали довольно обычным явлением. Действительно, начиная с 1895 года вплоть до сегодняшнего дня не проходило года, чтобы в том или другом месте страны не случалось преступление подобного рода. Нечто сходное, например, произошло в Сан-Франциско в 1899 году. В Чарльстоне (Южная Каролина) в 1900 году девушка была убита любовником, которому предстояло подняться вверх по социальной лестнице, женившись на представительнице высшего общества из Чарльстона.

Летом 1905 года было совершено убийство на озере Биг-Муз в горах Адирондака, о чем я написал спустя 20 лет в романе под названием "Американская трагедия" Это история некоего Честера Джиллета, молодого рабочего на фабрике воротничков в Кортленде, штат Нью-Йорк, и Грейс (ее называли также Билли) Браун, дочери фермеров, живших близ Отселика, штат Нью-Йорк, которая работала вместе с Джиллетом. Впервые американцы узнали о происшедшем из заметки, напечатанной в небольшом журнальчике Олд-Форджа, городка, расположенного вблизи озера Биг-Муз. Согласно сообщению, юноша и девушка, приехавшие на Биг-Муз провести выходные дни, катались по озеру на лодке, и оба утонули. Перевернутая лодка и плавающая соломенная шляпа были обнаружены на большом расстоянии от берега.

Озеро было тщательно обследовано, но найдено лишь одно тело, в котором опознали Билли Браун. Затем последовало сообщение о юноше, которого с нею видели. Он проводил время в веселой компании на вилле, расположенной на берегу одного из близлежащих озер. Он оказался не кем иным, как Честером Джиллетом, племянником владельца фабрики воротничков в Кортленде, тем самым молодым человеком, который катался с Билли Браун на озере. Далее, из писем девушки, найденных в его комнате, выяснилось, что они были близки, а она ждала ребенка и умоляла его жениться на ней. В одном из писем, са-

мом последнем, она даже угрожала ему, заявляя, что, если он не явится немедленно в Отселик, куда она уехала в связи с ее положением, не заберет ее и не женится на ней, она приедет в Кортленд и разоблачит его "перед всеми важными друзьями" Его задержали и предъявили ему обвинение в убийстве. Итак: опрокинутая лодка, соломенная шляпа (какую он обычно носил), рана на лбу девушки, согласно его версии полученная от удара перевернувшейся лодкой; однако окружной поверенный устанавливает, что рана нанесена либо веслом, либо поломанной теннисной ракеткой, обнаруженной под бревном в ближайшем лесу. Доказано, что она была куплена Джиллетом: этого оказалось достаточно, чтобы окружной суд признал его виновным в совершении преступления. Его ждала казнь на электрическом стуле в каторжной тюрьме Оберн, и перед смертью он признал свою вину.

Все, что я рассказал, объясняет, почему я определил подобное преступление как "американскую трагедию". После этого произошло еще несколько случаев такого рода. Попробую вкратце перечислить их.

В 1907 или 1908 году – дело Роланда Молино из Нью-Йорка. В 1914 или 1915 – дело Эвис Линнел – Ричардсона из Хианниса, штат Массачусетс. И в этих случаях факты полностью оправдывали название "Американская трагедия" Ричардсон – молодой священник, глава маленького прихода в Хианнисе. Он вырос в нищете, почти не учился, у него не было денег, и он отчаянно боролся, чтобы прожить на крошечный доход. Разумеется, он обладал приятной наружностью, был общителен и покладист, прекрасный оратор и т. д. Как выяснилось, Эвис – очаровательная девушка, живая и привлекательная, однако столь же низкого происхождения, как и Ричардсон. Сначала любовь, безоблачное счастье, обещание жениться, совращение, а затем появление Мефистофеля, предлагающего Ричардсону не что иное, как место в одной из богатейших и пользовавшихся почетом конгрегаций Бостона. Он получает назначение пастора, и одна из его новых прихожанок, богатая красавица, останавливает на нем свой выбор, решив, что он будет принадлежать ей. Однако в отдалении живет Эвис, которая скоро должна стать матерью и на которой он обещал жениться. Новая возлюбленная между тем рисовала ему картины столь соблазнительные, что они превосходили все его ожидания, и он решил бросить Эвис. Продолжая его любить и находясь в затруднительном положении, Эвис, однако, настаивала на том, чтобы он либо помог ей избавиться от ребенка, либо женился на ней. И тогда были использованы ядовитые порошки, приведшие к смерти. Ричардсон с церковной кафедры проследовал за решетку. Затем последовали суд и казнь на электрическом стуле – расплата за убийство Эвис.

Но затем 31 июля этого же года на озере Харви вблизи

Уилкс-Барра, штат Пенсильвания, произошел случай, который газеты охарактеризовали как буквальное повторение "Американской трагедии". Это было убийство, которое приписывали некоему Роберту Аллену Эдвардсу, жителю Эдвардсвилла, части Уилкс-Барра. Жертвой его оказалась Фрида Мак-Кенни, дочь супругов Мак-Кенни из Эдвардсвилла. Репортеры разных газет обращались ко мне с вопросом: не подсказано ли это преступление сюжетом моего романа, или: не послужило ли мое произведение вообще причиной убийства. Я отвечал, что пока у меня нет никаких сведений на этот счет, но, поскольку до настоящего времени произошло немало подобных случаев, я глубоко сомневаюсь, чтобы преступление было вызвано моим сочинением. Причина его мне виделась, скорее, в условиях жизни в Америке, которые порождают, точнее, порождали преступные деяния подобного рода.

Я говорю это с уверенностью потому, что когда я решился написать и действительно написал "Американскую трагедию", то есть в 1924–1925 годах, я уже пришел к выводу, что факты, приведенные в начале этой статьи, бесспорно истинны. Более того, изучая документы, предоставленные мне в 1924 году по делу Честера Джиллета и Билли Браун, я убедился, что все неверно оценивали, или, точнее, понимали обстоятельства, в которых находились убийца и его жертва накануне преступления. Эти обстоятельства стали мне известны не только из материалов суда, но и из газетных сообщений и отчетов, предшествовавших дознанию, и свидетельствовали о том, что данное убийство не сможет получить глубокой и справедливой оценки в пропитанном религиозным духом и высокоаморальном американском суде и что его необходимо описать. Я был убежден, что множество причин общественного, экономического, равно как морального и религиозного, характера помешают присяжным (а они сами являются представителями, можно сказать, даже жертвами аналогичных экономических условий и общественных запретов) вынести справедливое решение о виновности или невиновности предполагаемого убийцы.

Изучая дело Честера Джиллета, я вскоре пришел к выводу, проанализировав обстоятельства его жизни, что он был, во-первых, не настолько проницателен и расчетлив, чтобы самостоятельно прийти к такому страшному поступку, как убийство. Он был слишком молод, слишком неопытен в жизни, чтобы спланировать преступление, которое, будучи вызовом обществу, окажется роковым для него самого. Его родители были до крайности бедны, не способны обеспечить себе даже скромный прожиточный минимум. Уличные проповедники, они возглавляли маленькие миссии, не приносившие никакого дохода, словом, были изгоями общества. Они постоянно переезжали с места на место, но так и не сумели обзавестись полезными знакомствами,

и у честолюбивого Честера Джиллета вызывало благоговение то, что он считал признаком высшего преуспеяния у других. Его честолюбивые стремления еще больше укрепились, когда он узнал о своем дяде, брате отца, состоятельном фабриканте воротничков в Кортленде, штат Нью-Йорк. Тогда-то им, по-видимому, и овладела мысль, что, если ему удастся приобщиться к красивой жизни своего дяди, он, естественно, поднимется на более высокую ступень социальной и финансовой лестницы. А это, как вы успели заметить, неотделимо от мечты американцев о престиже и богатстве, о сказочном преуспеянии, которое обеспечивают деньги.

Мечта американцев шла вразрез с нормами морали, но отвечала господствующим в обществе воззрениям. Поступки Джиллета, если бы он не совершил убийства, американцы должны были бы квалифицировать как вполне разумные, не нарушающие морали. В его характере не было ничего, что обычно свойственно нарушителям закона, скорее, с юридической точки зрения, он обладал задатками добропорядочного и достойного человека.

Приехав в Кортленд, Честер увидел, что не так-то просто добиться престижного положения, к которому он стремился. Он оказался в ситуации весьма двусмысленной: юноша, племянник человека с большим общественным весом и богатством, трудится на фабрике воротничков, перебиваясь на восемь или десять долларов в неделю. Его будущее, очевидно, зависело только от его собственной предприимчивости. А ее он лишен, он не обладает организаторскими способностями, романтически настроенный и в известной мере тщеславный, плохо разбирается в вопросах производства.

К тому же его положение рядового рабочего на фабрике воротничков предоставляло ему в общественной сфере лишь те возможности, которые определяют жизнь людей этого круга. Его знакомства ограничивались средой фабричных рабочих, где он и встретил Билли Браун, приятную девушку с открытым характером. Ее привлекала внешность Джиллета и то, что он был родственником владельца фабрики, на которой они оба трудились. На суде он не отрицал, что вначале любил Билли. И его вполне устраивало ее общество, пока окружающие – ведь он был племянником состоятельного человека – не дали ему понять, что он достоин внимания девушки с более высоким общественным статусом, чем Билли Браун. И, наконец, одна из богатых девушек стала проявлять к нему особый интерес, и он легко увлекся ею. Женитьба на этой девушке открывала ему доступ в ту самую среду, к которой принадлежал его дядя и которая была для него воплощением идеала. В ходе расследования, ведущегося с целью установить и доказать, какие мотивы побудили Джиллета к убийству, меня поразил тот

факт, что им двигало отнюдь не желание убить, но, скорее, нечто прямо противоположное. Джиллет, как было доказано, надеялся достичь такого общественного положения, которое исключало бы подобный замысел. Я убедился, что в своих намерениях и действиях юноша отнюдь не проявил себя как антиобщественная личность. Наоборот, он повиновался требованиям общества. И его стремление подняться вверх по общественной лестнице с помощью женитьбы доказывает лишь то, что он ни в коей мере не намеревался идти наперекор господствующим нравам. Действительно, с точки зрения общественных норм он совершил ошибку, связав свою жизнь с Билли Браун, и он решил исправить эту ошибку путем законного брака с другой девушкой, более соответствующей его идеалу. Поначалу такое решение не предполагало даже мысли о том, чтобы лишить кого-то жизни для достижения цели, мысли, которая перерастет потом в твердое намерение. Он всего лишь хотел избавиться от бедной возлюбленной ради другой, более обеспеченной. И можете не сомневаться, будь он побогаче и поопытнее, он нашел бы способ избежать неприятных последствий в своих отношениях с Билли Браун.

Но денег у него не было. А бедность сама по себе, хотя и считалась препятствием для счастливой женитьбы на богатой избраннице, отнюдь не являлась чем-то преступным. Шаг к преступлению был сделан в тот момент, когда он, захваченный, с одной стороны, желанием жениться на богатой, а с другой — беспомощный что-либо сделать для Билли в ее тяжелом положении, впервые подумал об убийстве. Но и тогда, по-моему, убийство для него отнюдь не желанное избавление. Он стремится найти выход из создавшегося положения. И до последнего момента, пока он не опрокинул лодку и не ударил Билли теннисной ракеткой (если так на самом деле было), Джиллет не хотел идти против устоев общества, а, напротив, хотел жить в соответствии с ними. Он не вынашивал плана убийства, как многоопытный преступник. Намерение возникло как бы само собой, оно было противно его натуре, оно возникло тогда, когда он окончательно понял, что не сможет избавиться от Билли.

И здесь я снова задаю себе вопрос: "Было ли это убийство ради убийства?" Любой, имеющий хоть каплю здравого смысла, ответит, что оно таковым не было. Джиллет мучительно искал любую лазейку, чтобы ускользнуть от него, пока идея убийства не родилась как самое крайнее, тяжелое средство. Он оказался в положении, вызывавшем в нем острое чувство страха. Возможно, оно подействовало на его психику. Наверняка это выбило его из колеи, привело к эмоциональному шоку, потому что, находясь во власти своих романтических иллюзий, он подчинялся и давлению тяжелейших обстоятельств, материальных, общественных и моральных. В итоге наступил ду-

шевный кризис, который привел его к решению совершить преступление, ужаснувшее наше общество.

Почему же это преступление вызвало такой сильный резонанс? Почему сердца миллионов людей прониклись печалью, любовью, состраданием не только к Билли Браун, но и к нему самому? Я объясню. Причина в том, что чувства гораздо быстрее, чем банальные доводы, позволяют постичь глубинную правду событий.

Не Честер Джиллет виновен в преступлении, говорил я себе, но обстоятельства, которые он не в силах был преодолеть, – обстоятельства, законы, правила и общественные нормы, которые для него, человека незрелого, представлялись ужасными – они-то его и погубили. Ни больше ни меньше. Если бы в ту секунду, когда он, стоя в лодке, собирался ударить Билли ракеткой, раздался голос: "Остановись! Ты не должен делать этого ради избавления от нее. Найди девушке врача. Помоги материально и объясни, почему ты хочешь с ней расстаться, – она не станет тебя удерживать!" – он, без сомнения, отшвырнул бы ракетку и с радостью подарил бы девушке жизнь. Найдется ли на земле здравомыслящий человек, готовый оспорить закономерность подобного финала? Но жизнь и обстоятельства сложились иначе.

И однако, несмотря на все эти факторы и обстоятельства, очевидные для всех, юноша был осужден на мучительную смерть. Он стал объектом ненависти, его осыпали проклятьями и даже собирались линчевать, наконец дело передали в суд, где ему предъявили обвинение в убийстве и приговорили к смертной казни.

Затем его дело было направлено в апелляционный суд, далее губернатору (впоследствии верховному судье) Хьюзу, но и они не смогли разобраться в истинных причинах того, что он совершил. Он должен был умереть.

1934

Два Марка Твена

Как и многие другие, изучавшие американскую литературу, я часто задумывался над той психологической и литературной загадкой, какою является Марк Твен. Американец из среднезападных штатов Теннесси – Миссури, выросший на уединенной ферме, в семье мелких рабовладельцев, он до сих пор в представлении большинства американцев остался не крупнейшим и оригинальным мыслителем-пессимистом, каким был на самом деле, что доказывает ряд его наиболее ценных вкладов в американскую литературу, но неисправимым шутником и

неистощимым юмористом, который и при жизни и после смерти так забавлял читателей всего мира, что они даже теперь не могут отнестись к нему настолько серьезно, чтобы понять, сколь мрачно и механистично было его мировоззрение.

Если бы ему случилось познакомиться с Жаком Лёбом!

Если бы он мог предвидеть направление научной мысли за последние двадцать лет!

Как бы то ни было, для большинства он остался насмешливым, остроумным биографом Тома Сойера, Гекльберри Финна, Пустоголового Вильсона, Американского Претендента и только для немногих – тонким и глубокомысленным создателем "Таинственного незнакомца" (книга эта все еще продается как рождественский подарок для детей) и "Что такое человек" – произведения, которое Лёб приветствовал бы как материал, дополняющий его механистические выводы в области биологии.

Как это могло произойти? Не было ли с самого начала двух Марков Твенов, как предполагали некоторые критики по прочтении книг "Что такое человек" и "Таинственный незнакомец"? Помнится, еще в 1910 году в редакции издательства "Харперс энд бразерс", которое и теперь еще выпускает произведения Марка Твена, я узнал, что действительно было два писателя, носивших это имя: один – прославленный, пользующийся огромным успехом автор произведений, которые все знали и одобряли как произведения, полные здорового юмора, хотя и несколько резко изображавшие более или менее простительные недостатки американского характера; и другой – неизвестный Твен, который приносил свои изумительные рассказы в духе Рабле тогдашним представителям издательства "Харперс энд бразерс" – Ф. А. Дюнеку и Ф. Г. Лею. Обоим им пришлось бы пустить в ход все свое дипломатическое искусство, осмотрительность и настойчивость, чтобы, как они говорили, "защищать Марка" от яростного и непреклонного консерватизма американцев – если не всего мира – в том случае, если бы какой-либо из его рассказов дошел до читателей. В подтверждение этого у меня имеется рукопись его произведения "1601 год. Беседа у очага во времена Тюдоров" с предисловием Альберта Биглоу Пейна и комментариями Дейвида Грея, Джона Хэя и других. Этим все сказано. Те, кто в курсе дела, поймут. Остальные – спросят.

Но мое внимание, как и внимание многих, привлекал не особый, поистине раблезианский по силе дар юмора, парадокса, преувеличения и острой шутки, встречавшийся и у других писателей того времени (Билл, Най, Петролиум В. Нэсби), а его менее заметный для широкой публики и, так сказать, затаенный дар, его талант изображать мрачное и разрушительное, его лирические и скорбные размышления о смысле или бессмысленности жизни, а также сила и ясность его реализма и критики. Все это

находило отражение не только в таких опубликованных его произведениях, как "Жанна д'Арк", "Человек, который совратил Гедлиберг", "Таинственный незнакомец" и "Что такое человек", но и в различных отрывках и критических замечаниях, которые можно найти в его переписке и в еще не опубликованной автобиографии – теперь читатель сможет с нею ознакомиться, так как уже прошло двадцать пять лет со дня смерти писателя – срок, который по желанию Твена должен был пройти, прежде чем эта автобиография увидит свет.

Но будет ли это сделано? Дождемся очередного тома собрания сочинений Твена, который выйдет в этом году.

Слишком еще велика финансовая заинтересованность в его ранних, более соответствующих духу условностей произведений.

И тем не менее в 1895 году, хотя и под псевдонимом, была опубликована "Жанна д'Арк"; Твен сам потребовал, чтобы она вышла под чужим именем – настолько отличалась она от тех его произведений, которые в то время нравились ему самому. Он опасался неблагожелательного приема и, прежде чем поставить свое имя, хотел узнать, как отнесется читатель к его книге. И если бы ее приняли плохо, книга так и осталась бы под псевдонимом вплоть до смерти Твена. Но, как ни своеобразно было это произведение, общее мнение было благожелательным, и Твен признал свое авторство. Однако "Жанна д'Арк" никогда не расходилась так хорошо, как "Простаки за границей", "Гекльберри Финн" или "Том Сойер".

Вскоре после этого (1898) Твен написал две вещи, совершенно непохожие на все то, что он создал раньше; это "Таинственный незнакомец" и "Что такое человек". Твен воздержался от опубликования их, и они вышли лишь в 1916 году – через шесть лет после его смерти. А пока они лежали в ящике его письменного стола, Твен издал – за период между 1898 и 1911 годом, годом его смерти, – "Монолог короля Леопольда", "Двустороннюю детективную историю", "Дневник Евы", "Христианскую науку" и затем книгу более смелую, но зато более смешную, а потому и более безопасную: "Человек, который совратил Гедлиберг"; здесь впервые прорвался иной юмор, непохожий на привычный смех Твена, в котором он находил спасение от окружающего его гнусного мира. Кроме этого, вышла его не менее смешная книга "Путешествие капитана Стормфилда на небо".

Однако, кроме "Таинственного незнакомца" и "Что такое человек", имеются и другие, еще не опубликованные произведения Твена. Когда же они увидят свет? В наше реакционное время? Сомневаюсь.

Чтобы дать вам возможность составить себе мнение об этих произведениях Твена и доказать, что после его смерти были

опубликованы строки, которые он никогда не решился бы опубликовать при жизни, я приведу отрывки из его автобиографии, которая увидела свет лишь в 1924 году, но в которую не вошли, однако, все его высказывания о жизни и его эпохе (полная автобиография Твена должна появиться в 1935 году). Позвольте процитировать то, что приведено в виде факсимиле на заглавном листе его биографии: "Я пишу из могилы. Только при таком условии человек может быть *до некоторой степени откровенным.* Вполне и безгранично откровенным он не может быть ни в могиле, ни вне ее" (курсив мой. – *Т. Д.*).

Далее (также из 1 тома его автобиографии):

"На свете ничего не дается даром; вы платите за все, хотя бы на пятьдесят процентов дороже, в знак же благодарности – на тысячу. Благодарность – это долг, который обладает способностью возрастать подобно требованиям вымогателя: чем больше платишь, тем больше с тебя требуют. Со временем вы начинаете сознавать, что любезность, оказанная вам, превратилась в проклятие, и вам уже хочется, чтобы ее вовсе не было".

И дальше: "Что касается человека, то это слишком обширная тема, чтобы обсудить ее полностью, а потому на этот раз я коснусь лишь одного или двух вопросов, относящихся к этой теме. Мне хочется рассмотреть человека вот с какой точки зрения: предположив, что он не был создан для какой-либо определенной цели – ибо он не служит ни одной из таких целей, – что он, по-видимому, даже не был создан преднамеренно и что когда он развился из простейшего организма и превратился в то, чем он является сейчас, то это, вероятно, удивило и огорчило создателя... Ибо история человека во всех странах, во все эпохи и при всех обстоятельствах дает бесчисленное множество доказательств того, что из всех живых существ он – самое отвратительное. Из всех земных существ только он один наделен коварной злобой.

А ведь это самый низменный из всего множества инстинктов, страстей, пороков и самый омерзительный. Одно это ставит человека ниже крыс, червей, трихины. Он – единственное существо, которое причиняет боль ради развлечения, зная, что это боль. Правда, если кошка знает, что она причиняет боль, играя с перепуганной мышью, то мы должны допустить исключение для человека и считать, что в моральном отношении он сравнялся с кошкой. Все живые существа убивают – тут, по-видимому, нет исключений; но только человек убивает ради забавы; он один убивает коварно, он один убивает из мести. Таким образом, из всех живых существ у него одного гнусная душа.

Так, значит, его следует превозносить за благородные качества – привлекательность, нежность, мягкость, ласковость, мужество, преданность, терпение, выдержку, осторожность, за

разнообразные чарующие и привлекательные черты, присущие его духовному облику? Но другие животные также обладают всем этим, однако им чужда гнусность и испорченность человека".

А вот еще:

"На свете распространена ложь, сладкая как сахар, которую все политики, по-видимому, молчаливо сговорились поддерживать и постоянно распространять. Одной такого рода ложью является утверждение, будто в мире существует независимость: независимость мысли, независимость мнения, независимость действия. Другая ложь – будто люди любят независимость, восторгаются ею, приветствуют ее. Ложь также, будто в мире существует терпимость – в религии, в политике и так далее; и это сопровождается другой ложью – о том, будто терпимостью восторгаются и приветствуют ее. От этой основной лжи, как ветви от ствола, идут одна ложь за другой: ложь, будто не все люди рабы; ложь, будто люди рады, когда другие добиваются успеха, когда они благоденствуют, достигают больших высот, и ложь, будто люди опечалены, когда эти другие падают вниз. И другая ложь – будто человек обладает героизмом, будто иногда он бывает не трусом, будто в нем есть нечто, долженствующее вечно существовать – на небе, в аду или еще где-то. И еще ложь, будто совесть, средоточие моральных устоев человека, не только сотворена создателем, но вложена в человека уже готовая, вместе с чувством справедливости и сознанием единственно верных правил поведения, и будто те же моральные устои, с такими же правилами поведения, незыблемые, неизменные, присущи всем нациям и всем эпохам.

И еще другая ложь, будто я – это я, а вы – это вы, будто каждый из нас представляет собой особую единицу, индивидуальность, и обладает самостоятельным характером, тогда как на самом деле мы не что иное, как кончик хвоста ленточной глисты, последнее звено бесконечного ряда предков, непрерывной процессией уходящих в глубь времен, все дальше и дальше, к источнику нашего происхождения – обезьянам, а наша так называемая индивидуальность – прогнившая и протухшая смесь инстинктов и привычек, наследственно, атом за атомом, переданных нам всем этим рядом наших жалких предшественников, и в этой индивидуальности не найдется и крупицы нового и оригинального, хотя бы вы поместили эту крупицу на конце иглы и принялись рассматривать под микроскопом. Поэтому совершенно фантастично предполагать, будто у человека есть нечто свое, личное, оригинальное, самостоятельное, что можно отделить от всего неоригинального, и притом это наличествует в таких количествах, что наблюдатель может сказать: перед нами человек, а не бесконечная процессия живых существ".

И далее:

"Все разговоры о терпимости, к чему бы они ни относились, просто благородная ложь. Терпимости не существует. Ее нет в человеческом сердце, но бессознательно, по исстари унаследованной привычке люди продолжают бредить ею. Нетерпимость значит: все для себя и ничего для других. Основа же человеческой природы как раз в этом и состоит – в эгоизме".

Конечно, это только отдельные отрывки, подобранные с целью возбудить любопытство и заинтересовать читателя, ибо в них нашли отражение наименее известные, хотя и существенные черты этого изумительного гения. В этих отрывках меньше мягкости, грусти и даже яда и злости, чем в некоторых его более пространных и уничтожающих суждениях. Но для настоящей статьи весьма существенно то, что их идеологическая направленность именно та, о которой я здесь говорю.

"Что такое человек" – книга более глубокая и жестокая. В "Таинственном незнакомце" Твен смотрит на жизнь как бы из глубины безграничного отчаяния. Этим утверждением я всячески стараюсь доказать, что Марк Твен ни в какой мере не получил еще у нас должной оценки, и я сомневаюсь, чтобы он вообще был по-настоящему оценен в Америке при ее современном интеллектуальном развитии. Дело в том, что с сохранением "доброго имени" Твена связаны значительные финансовые выгоды, которые принимаются и (можете не сомневаться) будут приниматься в соображение.

Для деятелей Голливуда и молодых анархо-сексуалистов в литературе и искусстве такие произведения, как "1601 год" и несколько неопубликованных рассказов, будут изданы тайком, в определенном количестве экземпляров. И несмотря на все утверждения лабораторных исследователей, доказывающих механистичность мироздания и обосновывающих детерминистскую философию, ни "Таинственный незнакомец", ни "Что такое человек" никогда не получат широкого распространения и не будут серьезно обсуждаться в Америке, да и вообще где бы то ни было. И объясняется это несколькими причинами: догматической религией, социальными и моральными взглядами американцев, сознательно поддерживаемыми невежеством масс – в школах и вне школ, в университетах и вне университетов, в биологических и физических лабораториях и вне их. Я подозреваю, что восстали бы и возмутились не только Милликены, но и Гельдены и даже Джулианы Хаксли. Вспомните о судьбе Ж. Лёба, самой крупной фигуры после Дарвина, или вернее, о его механистической теории, и вы поймете мою мысль. Знакомо ли вам что-либо из двенадцати томов его сочинений, описывающих механистические процессы жизни, как он их понимал? Я твердо уверен, что общество "Надзор и опека", оберегающее наши библиотеки, скорее закроет их, чем будет распространять эти книги.

Что меня, однако, чрезвычайно интересует – так это кажущаяся двойственность Твена, ибо на самом деле было, конечно, не два Марка Твена, а один. С самого начала был, конечно, лишь Твен, окруженный условностями, которому до сорока лет не удалось прочитать "Дневник" Пэписа и чей напряженный интерес к Спенсеру, Дарвину, Хаксли, возникший после его первого путешествия за границу ("Простаки за границей", 1869), привел его, хотя и не сразу, к знакомству с жрецами литературы и науки Восточной Америки, к женитьбе на девушке из консервативной и богатой семьи Ленгдон, жившей в Эльмире, штат Нью-Йорк, к дружбе с такими консерваторами и моралистами, как Уильям Дин Хоуэллс, Чарлз Дадли Уорнер, Томас Бейли Олдрич и, конечно, "Харпер энд бразерс", и к созданию таких умеренных по своему социальному протесту книг (некоторые места в них, правда, были вьпущены издателем), как "Принц и нищий", "Янки при дворе короля Артура", но отнюдь не таких книг, как "Личные воспоминания Жанны д'Арк" или вьшедшие значительно позднее "Человек, который совратил Гедлиберг", "Таинственный незнакомец" или "Что такое человек". Как я уже говорил, последние две книги, хотя и были написаны в 1898 году, не были опубликованы при жизни Твена. И его современники не дожили до выхода в свет этих книг.

Чего же так боялся Твен? Ведь его современниками были Золя, пользовавшийся не меньшей славой, д'Аннунцио, Чехов, Достоевский, Мопассан, Стриндберг, Ибсен. И Твен, конечно, слышал об Уитмене и Германе Мелвилле, подвергшемся остракизму за свой роман "Тайпи", и, конечно, о Максиме Горьком, хотя, когда в 1905 году Горький вместе со своей очаровательной спутницей-актрисой прибыл в Америку, ни Твен, ни Хоуэллс не присутствовали на приеме в его честь – им не позволяли этого их недостаточно высокие репутация и общественное положение. И все-таки Твен создал не только "1601", но и рассказы, которые, по мнению его издателей, никогда не должны быть опубликованы! И дочь Твена, Джин, писала, что "дома он много говорил о серьезных вещах и лишь изредка вставлял шутливые замечания".

Письма его к друзьям из Восточной Америки, к жрецам науки и к сильным мира сего, были другого рода.

Я подозреваю, что социальные силы и условности, во власти которых очутился Твен после своего раннего литературного успеха, и женитьба оказали такое влияние на этого отзывчивого и чуткого, но порой, пожалуй, слабохарактерного гуманиста, что на некоторое время совершенно отвлекли его от реалистического, так сказать, по-достоевски серьезного изображения пережитков прошлого, жестокостей и человеческих страданий, которые, в сущности, наиболее интересовали его.

Я думаю, что именно к этим темам обратился бы Твен, если бы не шумный и поверхностный успех, который создала ему, как гениальному юмористу, американская бубуазия. (Под этим я подразумеваю почти всех американцев того времени.) Твен был слишком мягкосердечным человеком, он был одним из самых чутких гуманистов и, как таковой, сам являлся нагляднейшим опровержением худших обвинений, направленных им в адрес человека.

Твен родился в 1835 году в стране, на Юге которой существовало рабство, а на Западе пробивали себе дорогу первые поселенцы. В Америке того времени – и это не могло не иметь влияния на умонастроение Твена – общее положение несколько смягчалось, а кое-где даже приукрашивалось благодаря неисчерпаемым природным богатствам страны, а также оптимистическому взгляду на развитие ее экономики, порожденному этими богатствами и продолжавшимся расширением ее границ. Но даже если это и так, Твен не мог не знать о развращенности нравов, о несправедливостях, лишениях и страданиях большинства окружавших его людей.

Не забывайте, что в детские годы Твена рабство было обычным явлением в Миссури, Флориде и Ганнибале и что в юности он видел, как он сам рассказывает, негров-рабов – мужчин, женщин и детей, прикованных друг к другу цепями и ожидающих на берегу Миссури парохода, на котором их должны были отправить на Юг для продажи. И среди этих мужчин, женщин и детей были такие, которых разлучили с женами, мужьями и родителями. Однако во всех своих описаниях Америки, за исключением приведенных выше строк из автобиографии, Твен нигде ни разу не говорит об этом с возмущением, что не помешало ему позже трогательно писать о принце и нищем и о том, что переживал или мог переживать принц, познакомившись чисто случайно с нищетой! Более того, он мог трогательно и прекрасно, даже трагически изображать страдания Жанны д'Арк, описывать, как мучили крестьян при династии Романовых! Но он не описал, например, ни одного эпизода Гражданской войны, в которой он не принимал участия, если не считать попытки организовать партизанский отряд, ничем себя так и не зарекомендовавший. Самое большее, что он сделал для негров, это выступил против "Хижины дяди Тома" Гарриэт Бичер-Стоу и создал образ негра Джима, который вместе с Гекльберри Финном находился на плоту, где разыгрывались мастерски описанные сцены юности Гекльберри Финна.

Но почему? Ведь, несмотря на свою склонность к юмору, Твен был еще и реалист, и притом реалист совершенно исключительный. Стоит только перелистать такие книги, как "Простаки за границей", "Закаленные", "Том Сойер", "Гекльберри Финн", "Позолоченный век", чтобы на каждой странице, в каж-

дой сцене найти блестящие описания окружавшей его жизни, и это несмотря на бробдингнегский юмор Твена[1].

Едва ли нужно напоминать историю удач и неудач семьи полковника Селлера, где, несмотря на чрезвычайно комическое изображение честолюбивых устремлений полковника и средств, к которым он прибегал, в волнующем рассказе о судьбе его, судьбе его жены и детей отчетливо звучит печаль.

В "Закаленных" Твен дает сильную, яркую картину фантастической и все же совершенно реальной эпохи американской истории. Правдивая, поразительно смешная карикатура на фоне хладнокровно изображенной действительности, трагедия охваченного серебряной лихорадкой города и в то же время комизм положения останутся навеки правдивой картиной для любознательного потомства. Вспомните вражду между Грейнджерами и Шефердсонами в "Гекльберри Финне" и весь трагизм ее, несмотря на юмористическое описание событий. Легкий поворот пера в каком-либо месте этого повествования – и получился бы рассказ, который поражал бы, ужасал, волновал и увлекал самых страстных любителей реалистической правды. То же можно сказать и о сцене, изображающей полковника Шерберна, обращающегося с речью к толпе, которая пришла линчевать его. Здесь нет юмора – только суровая, беспристрастная, правдивая картина, где показан мужественный человек, противостоящий безрассудной, обезумевшей толпе. Эта сцена могла бы быть написана и Бальзаком, и Толстым, и Салтыковым. Здесь Твен не поддается своей склонности к юмору, к преувеличенным шуткам – в своих серьезных писаниях Твен выступал всегда как реалист, и притом великий реалист. Однако вследствие этой своей склонности к карикатуре и преувеличению, преобладавшей у него в молодые годы и в начале его зрелого творчества, он лишь постепенно переходил к более спокойной манере своих позднейших произведений. Иногда хотелось бы, чтобы Твен, подобно Шекспиру, сумел найти правильную пропорцию между подлинной трагедией и фантастической нелепостью и в увлекательном описании американской жизни правдиво передал бы современную ему действительность такой, какой он ее знал.

После тщательного исследования и размышления я пришел к следующим выводам: начать с того, что Твен получил весьма скудное – даже по условиям того времени – образование. С одиннадцати лет он перестал посещать школу. Затем его окружали американцы с Запада и Среднего Запада, положительно помешанные на религиозном вздоре и на идеях о финансовом и "моральном" преуспеянии. И эти социальные и

[1]Драйзер сравнивает юмор Твена с юмором Свифта во второй части "Путешествия Гулливера", озаглавленной "Путешествие в Бробдингнег".

психологические факторы оказали влияние на чувствительную, отзывчивую и в то же время склонную к безудержному юмору натуру! Шутить! Шутить! А вокруг в американских газетах и на американских подмостках царили такие кумиры современной ему Америки, как Артимес Уорд, Дж. Биллингс, Билл Най, П. В. Нэсби. И все они имели такой потрясающий успех! Америка того времени могла смеяться. Она была еще достаточно свободна и счастлива для этого. А вспомните о жестокой бессмысленности той жизни, какою жили его родные города – Флорида в Миссури и Ганнибал в Миссури! Прочтите об этом в "Гекльберри Финне". Вспомните о его родственниках, фермерах, которых он так и не описал, – иные из них имели рабов, которых дурно кормили и с которыми дурно обращались, а ведь он, школьником, играл с детьми этих рабов! А потом юношеские годы, проведенные в качестве ученика штурмана на Миссисипи, – суровая жизнь на этой среднезападной реке отразилась на чутком, чувствительном, хотя и любящем пошутить и посмеяться, двадцатилетнем мировом гении – юноше, в котором объединились Фальстаф и Диккенс. И несмотря на все это, он никогда не был романистом – никогда. Он не мог бы написать роман. Возьмите хотя бы "Позолоченный век"! Здесь перед нами скорее анализирующий гуманист, не описавший, однако, до конца трагическую жизнь разбитого, несчастного человека, судьба которого до глубины души трогала его. Почему? Он, который мог писать о таинственном незнакомце? О страданиях Жанны д'Арк? Почему?

И вот после такой юности – быстрый успех, огромная, мировая слава. Смех Англии, Америки, Германии, Франции! И наш простой, наивный гений попадает в общество богатых, знатных, титулованных, признанных духовных авторитетов и жрецов науки. И повсюду его встречают рукоплесканиями и дружескими приветствиями. О, наш дорогой Марк – великий гений Америки и всего мира!

Вспомните его первое путешествие. И затем – "Простаки за границей". И все, что было сказано мной выше. И вспомните, как на пароходе, увозящем его за границу, он увидел сначала фотографию той девушки, которая должна была стать его женой, а затем встретился и с самой девушкой, мисс Оливией Ленгдон, на которой и женился 2 февраля 1870 года, в разгаре своего быстрого и неожиданного успеха. И вместе со славой и любовью получил отлично обставленный дом и, в качестве свадебного подарка, пай в одном из газетных издательств Буффало. И вот слава, любовь, деньги посыпались на нашего юного гения – все больше и больше славы и денег, – и затем дружба и поклонение признанных авторитетов и знаменитостей ультраизысканного литературного мира Восточной Америки: Уорнера, Олдрича, Хоуэллса, Кейбла, Гея!

И бережные заботы новых родственников, которые хотя и относились к нему с некоторой снисходительностью, все же гордились внезапно прославившимся гением, который, конечно, нуждался во всесторонней шлифовке! Чарлз Уорнер, известный критик того времени, уже в 1873 году сотрудничал с Твеном: они написали тогда поразительно плохой роман "Позолоченный век" А Хоуэллс в своей книге приветствует Твена, называя его "дорогой Марк". Собственный дядя Твена с материнской стороны, Джеймс Лемптон, был увековечен в образе полковника Мелберри Селлерса.

Затем последовали другие книги Твена, имевшие большой успех: "Том Сойер", "Жизнь на Миссисипи", "Гекльберри Финн", "Принц и нищий" и др. Европа и Америка того времени делали все возможное для того, чтобы этот гений оставался неизменно таким, каким он был им нужен, а не таким, каким он был на самом деле, по существу своей натуры. Отсюда письма и беседы, настраивающие писателя в определенном духе. Жена Твена, издавая его книги, выпускает "опасные места". Хоуэллс превозносит его за нравственность – его, написавшего "1601"! И все же, несмотря на это, существовал тот Твен, который обдумывал "Таинственного незнакомца" и "Что такое человек" и в глубине души ненавидел все эти ограничения. Нужно ли просить вас еще раз прочесть цитаты в начале этой статьи?

Но так как он не любил ссориться с людьми и его издатель вложил большие средства в издание его книг, и у его добрых друзей было определенное мнение о нем – Твен не осмелился восстать. Он боялся того, что скажут его друзья. Его ждал остракизм, как он ждет всякого, кто не хочет идти в ногу с толпой, и неприятности, и страдания. Он не мог сделать того, не мог сделать этого – не мог, скажем, выступить с резким обличением какого бы то ни было явления американской жизни. Ибо в глазах окружающих он погубил бы этим свое искусство, пал бы с той высоты, на которой стоял, как гений смеха и забавы! И потому Твен совершенно не касался того, что действительно происходило в Америке, – ее продажных и бессовестных политиков (лишь слегка задетых в "Позолоченном веке"), ее хищников-финансистов, увенчавших свое господство созданием железнодорожной, телеграфной, нефтяной, угольной, серебряной и золотой монополий, безумной роскоши "четырехсот семейств" с их Пятой авеню, с их курортами в Ньюпорте и Саутгэмптоне, с их яхтами, золотой упряжью, обедами для любимых собак, с их сумасбродными наследниками второго и третьего поколения. В то время они были священны и неприкосновенны. Слишком священны и неприкосновенны для Твена и для его искусства.

Я не могу требовать от Твена, чтобы он был не тем, кем

он был. Ибо он все-таки рассказал все то, что боялся опубликовать при жизни, и этими своими произведениями сам сказал, что хотел бы стать другим и творить иначе. Но условность, условность, вздорное, ничтожное общественное мнение – вот что сдерживало его. Из-за таких людей, как Хоуэллс, Роджерс, Гей, Олдрич, Уорнер, Ленгдон, он не сделал того, что мог бы сделать. И он сам признается в этом. Он громко кричит из могилы: "Я подвергся насилию. Я потерпел поражение. Я ненавижу трусливый, лживый мир, окружавший меня. Человек плох. Он нечестен. Жизнь – ложь! Жизнь – ложь!"

Прочтите "Что такое человек".

Прочтите "Таинственного незнакомца".

На самом деле, как вы видите, Твен – не два человека, а один – вдохновенный, на какое-то время отклонившийся от своего пути, гений, который все-таки стал самим собой. Твен видел мир таким, каким он был в действительности, но, увы, он попал в социальную среду, которой и по характеру и по существу своему был чужд и против которой в глубине души был озлоблен. Одним словом, этот простой, непосредственный, гениальный малый с речного парома и из рудничного поселка, а затем из западноамериканской газеты растерялся и одно время был положительно ошеломлен, очутившись в том наглом, настойчивом, властном, полном условностей мире, к которому он необдуманно примкнул. И общество сбило его с пути. Ибо в то время – но не позже – в этом обществе воплощались для непосредственного, жизнерадостного молодого человека все стремления и соблазны того мира, который он еще неясно представлял себе, – слава, любовь, женитьба. Но позже явился угрожающий перст общественного мнения. Непослушный шалун! Веди себя смирно! Будь хорошим! Иначе бабушка Грэнди побьет тебя! И еще как!

Я часто думал: во времена Твена жил Уитмен. Слыхал ли о нем Твен? Герман Мелвилл был его современником. Слыхал ли о нем Твен? Говорил он о нем? Об этом нет сведений. Эдгар По умер незадолго до того. Разве По был запретным писателем? Для Хоуэллса – да. Для Олдрича – да. Но для Твена?

У Твена был здравый смысл и яркий темперамент, и он крепко на них опирался. Это было его силой и отправной точкой, и благодаря этому, несмотря на поверхностную и пустую жизнь, окружавшую его, он в конце концов пришел к убеждению, что большая часть того, что он видел и чем был занят, – только бессмысленная суета, пестрая лживая мишура, которая отвлекает его от истинного признания. Об этом откровенно говорит Твен в своей автобиографии и в тех действительно бессмертных произведениях, которые так и остались неизвестными его блестящим, но пустым современникам. Я опять имею в виду "Таинственного незнакомца", который все еще продается –

трудно поверить этому – как рождественская книга для детей, и "Что такое человек" – книги, которые читает, допустим, даже в течение года, лишь небольшая кучка любителей.

1935

Горький будил мысль

Горький был последним представителем великой мировой плеяды реалистических мыслителей, глядящих на наше настоящее и будущее с тех духовных высот, которых так трудно достигнуть и с которых открываются самые широкие и самые ясные перспективы. Коммунизм, прогресс техники, широчайшие пути, которые сулят нам астрономия, физика и химия, успехи науки в области социологии и экономики – все это открывает мир, в котором нет насилия, в котором свободно развиваются человеческое чувство и разум.

Только та литература, мастером которой был Горький, которая видит великие горести и радости нашей реальной жизни, – только такая литература пробуждает и направляет человеческую мысль. Человек благодаря такой литературе может найти пути для своего экономического освобождения и построения счастливой жизни. Но неужели наши писатели будут пренебрегать знанием жизни, которым так владел Горький? Я в этом сомневаюсь. Я мысленно возлагаю венок на могилу этого великого человека.

1936

Четыре инсценировки
"Дела Клайда Гриффитса"

Существует мнение, что в моем романе "Американская трагедия" скорее предполагается, чем доказывается и обосновывается идея экономического расслоения общества, при котором богатые, составляющие верхний слой, подавляют и угнетают бедных и люди неудачливые и обездоленные оказываются в трагическом положении. Я согласен с этим, ибо это и входило в мои намерения. Я считал – и это имело для меня немаловажное значение, – что каждый классово сознательный человек, прочитав эту книгу, ясно и отчетливо увидит, каковы социальные и экономические силы, воздействующие на людей различных классов и приводящие их к благоденствию или гибели. С меня достаточно того, что в пьесе "Дело Клайда Гриффитса" обрисованы те основные, определяющие общественные условия, которыми вполне объясняются поступки Клайда и результаты этих поступков.

* * *

Недавно было высказано мнение, что мой роман является своего рода классовым эпосом, в котором отражен классовый антагонизм, охватывающий в наши дни весь мир. И если судить по четырем инсценировкам этого романа, уже появившимся в Соединенных Штатах, в Германии, во Франции и в Советском Союзе, я склонен думать, что это так и есть. Хотя источником этих инсценировок является одна и та же книга, в них весьма определенно выражены четыре совершенно различные точки зрения на те внешние экономические силы, которыми обусловливается трагическая судьба человека.

В первой инсценировке, сделанной Патриком Кирнеем, автор подошел к теме, к сожалению, с позиций полумелодраматических, ибо инсценировка эта была создана по близкой американскому сердцу схеме: от нищеты к богатству и обратно. Если не теперь, то в ту пору это наиболее соответствовало требованиям, предъявляемым американцами к трагедии. Ибо это вполне отвечало характерному для американских зрителей стремлению к быстрому обогащению и благоденствию. Необычайно легко было воздействовать на американскую публику патетическим изображением бедняка, борющегося за то, чтобы стать богатым. Кирней, хорошо знавший настроение американцев того времени, с замечательным умением выделил именно те сцены, в которых ярко выражены все прелести богатства и "ужасные лишения" человека, не имеющего дорогого гардероба или сшитого по заказу костюма.

* * *

Инсценировка Эрвина Пискатора – упомянутая выше пьеса "Дело Клайда Гриффитса", переведенная с немецкого Луизой Кэмпбелл, – совершенно лишена такого мелодраматического подхода. Скажу, кстати, что Пискатор – драматург, несомненно наделенный дарованием, остро реагирующий на экономическое и социальное неустройство и несовершенство мира, – является к тому же первоклассным режиссером, как это доказывает постановка и оформление спектакля. Клайд, хотя такой же слабый и немощный, как и в книге, словно непроизвольно становится выразителем многосторонней, глубокой, уничтожающей и в то же время полной трагизма критики общественного устройства. Ибо и при помощи текста, и при помощи намеренно подобранных сценических положений и противопоставлений Пискатор блестяще оттенил и подчеркнул экономическую несправедливость и неравенство, господствующие в Америке и во всем мире. Те, кто "трудятся и мучаются", стал-

киваются лицом к лицу в вымышленной стране, созданной художественным воображением, с теми, кто "не сеет, не жнет, а богато живет".

В противоположность моей книге, инсценировка Пискатора проникнута не покорностью, а, наоборот, протестом, местами довольно резким, против жестокости и бесчеловечности, присущих той социальной системе, которая, по мнению Пискатора, должна быть изменена и оздоровлена.

В то время как действующие лица "развивают и доказывают математическую теорему, по которой судьба или рок в настоящее время управляют родом человеческим и руководят им так же беспощадно и полновластно, как рок в греческой трагедии", публика невольно сама делает вывод о характере социального строя. Связующим звеном между пьесой и публикой является придуманное драматургом действующее лицо – Ведущий, который, по-видимому, воплощает в себе высшую, непритупленную общественную совесть и способен предвидеть и пояснять все те тяжелые переживания, которые должен испытывать по ходу трагедии главный герой пьесы. И Ведущий предвидит, поясняет и в наиболее добродетельном и гуманном духе истолковывает не только поступки всех участников пьесы, но и действия тех классов, к которым они принадлежат. Пискатор уверяет, что Ведущий является "необходимым драматическим персонажем, который дает возможность развиваться сюжету драмы".

Эта инсценировка, которую я смотрел в "Хэджроу-тиэтер" Гаспара Дитерса близ Филадельфии, договорившись с ним предварительно о просмотре, произвела на меня огромное впечатление.

В результате этого просмотра Мильтон Шуберт, самый молодой режиссер из той театральной "династии", которая по традиции избегает касаться социальных проблем, заинтересовался пьесой. К чести его, должен сказать, что в своей постановке он старался не только сохранить то, что было сценически ценного у Пискатора, но и тщательно воплотить социальный смысл моего произведения. С этой целью он привлек к постановке коллектив "Хэджроу-тиэтер", который я считаю замечательной в общественном и художественном отношении американской театральной труппой.

* * *

Что касается других инсценировок "Американской трагедии", то инсценировка, сделанная по соглашению со мной во Франции Жоржем Жаменом и Жаном Серве, является самостоятельной драматической переделкой книги и в противополож-

ность инсценировке Пискатора посвящена волнующим человеческим отношениям между представителями мира богачей и бедняков, изображенным в весьма поэтическом свете. Это прекрасная инсценировка.

* * *

В Советском Союзе Базилевский в своей пьесе "Закон Ликурга" кладет в основу развития трагедии Клайда Гриффитса социальную несправедливость. В этой пьесе Клайд изображен как жертва общественного порядка, который не в состоянии обеспечить ему законного права на работу и на должное вознаграждение за труд. Драматург превозносит высокое значение и необходимость труда или права на труд и подчеркивает, с каким безграничным уважением и почетом следует относиться к труду. К сожалению, инсценировка эта далеко не так хороша, как можно было ожидать.

Это особенно досадно, потому что в идее Базилевского, по-видимому, больше потенциальных возможностей для сильного и волнующего сценического воплощения, чем во всех других драматизациях "Американской трагедии".

1936

Да здравствует свободная Испания!

На протяжении столетий испанский народ страдал под гнетом изощренно лживой грабительской церкви, загнивающей аристократии и капитализма. В наши дни этот старый враг принял новое обличье – обличье фашизма. Все, кому дорога идея равенства, кому ненавистен строй, основанный на социальной несправедливости, на страданиях и преследовании человека, должны радоваться мужественной борьбе испанских коммунистов против фашизма. Победа коммунизма в Испании принесет народу новую жизнь и дарует надежду тем, кто живет во мраке и угнетении. Сторонники свободы добились уже такого влияния в испанском правительстве, что ничто не могло бы поколебать прочности их позиций, если бы не помощь, оказываемая испанскому фашизму государствами, идущими по пути фашизации, и не внутренняя слабость, являющаяся результатом длительного господства упомянутых сил реакции. Помощь испанским коммунистам извне может, разумеется, вызвать международный конфликт. Но поддержка различными государствами фашизма, их интервенция в Испанию ради его защиты, как раньше, так и теперь, представляет еще большую

угрозу миру. Поэтому я приветствую народы России, Франции и других стран, которые оказывают испанскому народу всяческую, материальную и моральную, поддержку в его борьбе за освобождение.

1936

Благодарю Маркса и Красную Россию

Позвольте мне отказаться от обычных поздравлений по случаю юбилея Октябрьской революции и вместо этого выразить Союзу Советских Социалистических Республик свою горячую благодарность.

Прошло двадцать лет с тех пор, как Октябрьская революция в России потрясла мир. Двадцать лет в яростных дискуссиях по поводу социальной несправедливости и социального неравенства, по поводу борьбы имущих и обездоленных; двадцать лет человечество живет надеждой на то, что социальная несправедливость будет ослаблена или вовсе исчезнет, и во многих странах за пределами России, а не только в самой России, существует твердое намерение добиться счастливого будущего.

Посмотрим на мир, каким он стал через двадцать лет после Октябрьской революции. Пусть в Италии диктаторствует господин Муссолини. Но этот диктатор вынужден заявлять, что он стремится к благу всех итальянцев, а не только кучки богатых и разжиревших бездельников да безнадежных выродков королевской династии. Пусть в Германии кайзер и его наследники были выброшены в мусорный ящик истории только затем, чтобы теперь пришел новый властитель того же порядка; но ведь и этот диктатор добился успеха только настойчивым повторением обманных утверждений о том, что он стремится к благу всего народа, что он защищает интересы масс против привилегированных классов. Конечно, хладнокровное и жестокое убийство, которым занялись Гитлер и Муссолини в Испании, где они ведут войну против законного демократического правительства, опровергает все их демагогические тирады. Но демагогия стала необходимой и Гитлеру и Муссолини; они также вынуждены неуклюже склоняться перед мнением народных масс. Почему? Почему диктаторы не в силах пренебречь этим мнением?

Даже Япония, изволите ли видеть, говорит о своем "священном долге" перед китайским народом – спасти его из "лап коммунизма" и облагодетельствовать его "подлинным демократизмом" империи микадо.

Судите сами об искренности японского империализма.

Но японский империализм вынужден гримироваться, скрывать свое истинное лицо.

В Мексике идет настоящая гражданская война.

В Испании также.

В Южной Америке вооруженная диктатура выступает против всякого образования для народа, ведет борьбу с грамотностью – все это для того, чтобы помешать пробуждению масс, помешать им выступить против своих угнетателей – финансовых баронов, против представительницы тирании и плутократии – католической церкви.

У нас, в Соединенных Штатах, несмотря на подрыв нашей традиционной свободы аристократией денежного мешка и ее наемными адвокатами, с 1917 года сорокачасовая рабочая неделя, минимальная зарплата, попытки планирования в сельском хозяйстве стали вопросами дня. Мы поставили вопрос о запрещении детского труда. На очереди вопросы здравоохранения, государственного страхования от безработицы и по старости, вопросы помощи потерпевшим от таких стихийных бедствий, как засуха, наводнения, неурожаи и прочее.

Откуда этот внезапный интерес к социализму в стране, которая в 1914 году не слишком отличалась своим демократизмом от какой-нибудь Германии или царской России?

Откуда, в самом деле?

Виною этому вы, большевики.

Виною этому Октябрьская революция.

Виною этому старик Маркс, красный доктор Маркс, автор "Капитала", его беспредельная любовь к справедливости, его требование объединить ресурсы труда в сельском хозяйстве, промышленности и государственной деятельности во имя всеобщего благоденствия.

Старик Маркс стал красным пугалом в глазах богатых наследников и богатых наследниц, жалких и пустых представителей старого мира. Их юристы и банкиры, их лакеи и маклеры приходят в священный трепет при одном упоминании имени красного доктора.

За все это я благодарю Маркса и красную Россию, и я надеюсь, вопреки диктаторам современности, дожить до того момента, когда справедливость Маркса победит повсеместно, когда наступит триумф марксизма там, где ныне антисоциалисты Европы, Азии, Африки и Южной Америки посылают свои проклятия и угрозы человечеству, там, где они подавляют природную любовь человека к труду за справедливое вознаграждение, там, где они лишают человека честных и простых радостей свободного творчества.

1937

Уроки, преподанные мне старым человеком

Как-то, когда я сотрудничал в одной из газет на Западе, известной и весьма влиятельной в своем регионе, редактор городского издания послал меня к отошедшему от дел промышленнику, человеку очень богатому, чтобы узнать его мнение относительно долгосрочного проекта, который тогда разрабатывался и должен был обойтись в миллионы.

Полезен ли проект? Нуждается ли в нем город? Легко и выгодно ли его финансировать? Объяснив мне, что́ я должен был расспросить, редактор не упомянул ни слова о том, стар или молод этот человек, сказал лишь, что он отошел от дел и я сумею застать его дома.

В ту пору я был молод, не старше двадцати двух лет, и больше всего меня интересовала жизнь как зрелище, разгадка ее тайн, а отнюдь не проблемы финансов и коммерции. Но вопросы, которые мне предстояло задать, я постоянно имел в виду и настраивал себя на то, что вернусь, получив ясные ответы от своего промышленника.

По дороге к нему, отчасти потому, что он был очень знаменит, а я был пока еще новичком в городе, я мысленно нарисовал образ интервьюируемого.

Я представлял себе человека средних лет, в силу своего богатства несколько высокомерного и прямолинейного, скорее всего равнодушного к репортерам. Мне следовало держаться крайне официально, изложить кратко и ясно цель своего визита, четко фиксировать его ответы, стараясь как можно больше запомнить, чтобы не вызывать раздражения, записывая, что он говорит.

Многие репортеры сетуют на то, что им уделяют слишком мало времени.

Когда я оказался в районе, где он жил, и увидел внушительные дома, я начал сомневаться в своих предположениях. Его особняк находился вместе с семью другими на большой огороженной территории, с огромными чугунными воротами с двух сторон. Он поразил меня своим величием. Продолговатый, сложенный из желтого камня, с красно-коричневой черепичной крышей, с благородным фризом и глубоко посаженными окнами, затейливо украшенными во французском стиле, с красивой входной дверью, он производил впечатление обители лица состоятельного, могущественного и влиятельного.

Приблизившись к нему, я ощутил, что только важные особы достойны быть допущенными за его порог. Я внутренне сосредоточился, словно бы для того, чтобы достойно выполнить возложенную на меня миссию. У дверей меня приветствовал лакей важного вида в коротких штанах, голубой ливрее со сверкающими латунью пуговицами и белыми бархатными ман-

жетами. Он осведомился, что мне угодно. Я изложил свое дело. Не допуская меня внутрь, он исчез, но тотчас же возвратился. Меня провели по широкой лестнице: площадки украшали роскошные ковры, портьеры и резная мебель. Везде было так просторно, что возникало ощущение какой-то безмерности, безграничности, даже в чем-то тягостной. Дверь с глубоким проемом вела в большую библиотеку, где на полках, богато украшенных резьбой, располагались в еще более богатых переплетах книги.

Перед огромным пылающим камином рядом с возлежавшим на ковре белым волкодавом сидел, к моему удивлению, очень щуплый и слабый старик. Его волосы были совершенно белы, плечи худы, а руки и лицо так бледны и прозрачны, что его вид невольно поразил меня. У него были глубоко посаженные глаза, голубые, немигающие, а кожа тонкая, вся в морщинах.

– Мистер Икс? – осведомился я.

Он слегка кивнул.

Я незамедлительно приступил к делу, разъясняя как можно обстоятельнее все, что мне было поручено разузнать, одновременно не уставая удивляться его старости и немощи. Он с мрачным видом выслушал все, положив неподвижно руки на шерстяной черный плед, покрывавший колени. Порой он пошевеливал пальцами.

– Да, – произносил он медленно и затрудненно, как мне показалось, время от времени, прерывая мой рассказ. – Да.

Когда я изложил дело, он, помедлив и опустив глаза, не глядя на меня, произнес: "Да, сын мой, я отвечу на все ваши вопросы, но меня так мало интересуют сейчас подобные вещи, что едва ли стоит об этом говорить. Не понимаю, почему их волнует, что я обо всем этом думаю".

Я словно окаменел, ошеломленный его словами. Он был так стар, так немощен. Жизнь, великая творческая сила, воплощением которой он когда-то являлся, покинула его.

Огонь, горевший в нем, страсть, воздвигнувшая этот величественный дом, огромное дело, благодаря которому он был окружен почестями, увенчан блеском и славой, – все это обратилось в немощь и бессилие, и вызывало недоумение, что он способен еще кого-то интересовать. И все же богатство и известность этого человека были столь внушительны, что имя его все еще сохраняло свою значимость.

Хотя физически он уже почти не принадлежал этому миру и казался лишь тенью, все же слова, им сказанные, могли служить доказательством того, что он все еще жив. Медленно, как мне показалось, с усилием, он давал ответы на каждый из вопросов, сжимая и разжимая свои костлявые пальцы и время от времени покашливая.

Между тем подлинное значение моего визита, как я почувствовал, пока я записывал его слова и позднее, когда оставил его дом, состояло вовсе не в том, что я получил ответ, может или не может осуществиться и приносить прибыль подобный внушительный проект (по его мнению, он был осуществим), и не в том, что богатейший человек в городе высказался по этому поводу. Главное для меня было в том, что я увидел, как возраст и одряхление безжалостно сокрушают человека, некогда воплощавшего силу и власть.

Жизнь, конечно же, будет продолжаться, наш проект будет осуществлен, и тысячи – более того, миллионы от этого выиграют. Но этот некогда молодой, а теперь такой старый человек! Что для него все это? Что для него прекрасный дом с роскошью, возведенный для того, чтобы украсить жизнь этого увядшего человека. К чему теперь все его богатство? Бесполезно! Тщетно все, созданное когда-то им.

И именно это, в значительно большей степени, чем тщательно записанные его ответы, которых ожидали в моей газете, впечатляло меня и переполняло настолько, что я уже не мог думать ни о чем другом.

Однажды, оказавшись неподалеку от своего офиса, я стал раздумывать (достаточно смутно, учитывая мой юный возраст), почему такое странное впечатление произвел на меня этот визит и почему заинтересовало меня совсем не то, что интересовало редакцию и что должно было лечь в основу материала.

Возраст этого человека, величие его дома, крушение его здоровья, как мне стало ясно, не имели никакого значения для редактора, отправившего меня с заданием, хотя именно это и поразило меня. "Почему газета оставила совершенно без внимания то, что заинтересовало меня? Как использовать факты и явления, с которыми я столкнулся?" – спрашивал я себя.

Причина заключалась, очевидно, в том, что я сделал для себя открытие: меня интересовала не журналистика в ее чистом виде, не по-репортерски поданный материал, который от меня ждали, а нечто более увлекательное и прекрасное, нечто более глубокое.

Этот дряхлый старец, некогда физически крепкий и все же обладающий весомым именем, владеющий богатством, который теперь, посреди всех соблазнов своего состояния, мог лишь вяло разжимать и сжимать костлявые пальцы, глядя себе под ноги, говорил: "Сейчас все это меня так мало интересует, что едва ли стоит об этом говорить...". Это было зрелище для бога и для людей.

Вокруг меня кипела жизнь города. Звенели троллейбусы, грохотали трамваи. Сотни тысяч людей, молодых, энергичных, жадных до жизни, напористых, таких, каким и он был когда-то, пробивали в толчее себе дорогу. А тот, кто был живой частью

цей этого процесса, находился вне его, одиноко сидящий перед очагом в своем громадном доме, ничем не занятый, забытый, и его единственным компаньоном был белый молчаливый пес.

Я поспешил в редакцию.

"Так что же сказал Икс?" – поинтересовался редактор.

Я изложил ему полученные мною ответы.

– Отлично! Замечательно! – вскричал редактор. – Это как раз то, что нам надо! Будет хороший зачин. Напишите все, что вы мне сказали, вопросы и его ответы.

– Не написать ли о том, как он стар? – рискнул я предложить, все еще глубоко увлеченный своей идеей. – Он очень стар, вы знаете, очень дряхл. Он с трудом общался со мной. Все это очень важно, хотя и грустно.

– Нет, нет и еще раз нет! – почти закричал редактор, который был озабочен в это время совсем другим. – Делайте свое дело! Пишите только его ответы. Забудьте о его возрасте. Этого как раз мне бы не хотелось знать. Неужели вы хотите испортить все дело? Сосредоточьтесь на проекте и на том, что он об этом думает. А его возраст не должен нас интересовать.

Я принялся за дело и написал так, как и требовалось, избегая и малейшего намека на то, что я увидел и о чем подумал; и на следующий день на первой странице появился материал, сообщавший о решительном, безоговорочном одобрении идеи нашего проекта тем, кто, сохранив живость и энергию, был так глубоко заинтересован в этом значительном и необходимом начинании, как, пожалуй, никто другой во всем городе.

Несомненно, большинство читателей представляло его даже тогда молодым, деятельным, таким, каким его знали прежде. И все же та, другая картина не оставляла меня, и потом, спустя годы, я не мог думать о том времени, не вспоминая при этом того старика, его дом, его собаку, его костлявые пальцы, его славу.

Редактор городской газеты, желавший получить жизненно важные, практически ценные ответы относительно того, одобряет или нет он данный проект, поставил передо мной раз и навсегда вопрос: что все-таки следует делать с другими, более крупными проблемами, с подобными картинами, с трагедиями, аналогичными этой.

Как можно не оставить без внимания подобные факты и ситуации, если о них не принято сообщать в газетах?

Наконец после нескольких лет размышлений я получил ответ.

Мне стало ясно, что журналистика не является для этого подходящей сферой, что требуется иной тип мышления, нежели тот, который повсеместно преобладает в редакциях газет, что необходим другой способ подачи материала. Он связан с изображением жизни во всей ее полноте и объемности, ее не

столь видимых глазу и общеизвестных закономерностей, ее более резких и горьких контрастов.

А конкретные факты, заботившие редактора городской газеты, как я в этом теперь убежден, относились к вещам преходящим, представляющим чисто прагматический интерес, они имели значение для данного дня, данного часа – не более.

Литература, как я теперь понял, искусство во всех его формах были той другой сферой для живописца, художника, для всех тех, кто проникал в природу всех наших устремлений и мечтаний, кто описывал жизнь в ее цельности и делал это нелицеприятно, не утаивая истины. Только в искусстве, а не где-нибудь еще, мы находим изображение обстоятельств и картин, подобных тем, о которых я размышлял и которые игнорировались нашей мелкотравчатой ежедневной прессой.

И вот теперь-то мне открылось ясное различие между журналистикой и литературой.

1938

Поездка в воюющую Испанию

В Испании все до мельчайших черточек повседневной жизни представляло для нас захватывающий интерес. Отчасти это объяснялось тем, что каждому из нас хотелось знать, как отражается на людях война. Война создает в стране какую-то особую атмосферу. Стоит переехать границу, и тотчас возникает ощущение затаившейся угрозы, чего-то страшного, что может случиться каждую минуту – а может и обойтись.

Война и люди

Испания прекрасна. Когда въезжаешь в нее с севера, из Франции, перед тобой, уходя к горизонту, расступаются горы в зеленых лесах, мелькают хутора, стада овец и пасущие их пастухи, подводы, запряженные мулами, крестьяне и крестьянки – смотришь на них, и кажется, что они такие же, какими были столетия назад. Все заняты, по-видимому, своим делом. Меня же мутит при мысли, что вот-вот в ясном небе заревут неприятельские бомбардировщики, и от этого в душе какой-то неотвязный, прилипчивый страх.

Во Франции, например, птицы, реющие в поднебесье, будят в вас только поэтические ассоциации – птицы, парящие над рекой, поющие, режущие воздух четким клином. В Испании же, завидев вдали ворону, черного дрозда, стайку галок, взлетевших над отдаленным полем или кружащих над вершинами

деревьев, вы уже думаете: вот именно так, нежданно-негаданно, могут вынырнуть из пустоты налетевшие бог весть откуда вражеские бомбардировщики.

Мы проезжали разбомбленные города, местечки, деревни, и все они красноречиво говорили о пережитых ужасах. Мы видели разрушенные бомбами обвалившиеся стены, груды щебня справа и слева от дороги, брошенные фабрики и мастерские. Мы побывали в местечке, значительная часть которого была сровнена с землей. Но больше всего поразила меня Жерона – изрядный городок с обширной торговой площадью в центре, вокруг которой расположились лавки, кофейни, рестораны. Скамьи и камышовые стулья под деревьями свидетельствуют о том, что жеронцы любили до войны посидеть здесь в свободные полуденные или вечерние часы. Теперь эту уютную площадь пересекал глубокий ров. Здесь строили бомбоубежище. Сюда, при первых гудках сирены, должно было устремиться все население города. Сирена за пять минут до налета предупреждает жителей об опасности. Сигнал передается по телефону из одного пункта в другой. Бомбежка может быть недолгой и очень продолжительной, в зависимости от объекта. Бомбежка Барселоны – вернее, целая серия бомбежек, следовавших одна за другой, – продолжалась три дня, причем налеты возобновлялись почти ежечасно. За это время было убито около 1500 человек. В городе уничтожено много зданий.

Бомбежки по-разному действуют на людей: на одних они наводят панику, других повергают в полнейшую апатию, в третьих рождают ярость и презрение к смерти. После каждого налета – десятки убитых и раненых; взлетают в воздух дома, мастерские, фабрики. Сколько бессмысленных разрушений и жертв!

Впрочем, ужасы войны не ограничиваются бомбежками. В стране уже властно заявляют о себе все муки бесприютности, лишения голода и холода. Трудности и недостаток чувствуются во всем. Гражданская война тянется так долго, что иссякли чуть ли не все источники существования, питавшие население до войны. Ко времени моего приезда никаких продуктов уже не было, за исключением овощей. Ни мяса, ни сахара, ни молока, ни масла. Большинство населения нуждалось в теплой одежде.

Изувеченный город

Барселона покорила меня своей необычайной красотой. Заново отстроенная в XX веке, она, несмотря на сравнительно скромные размеры, принадлежит к числу красивейших городов мира. Дома в большинстве новые, в деловых и жилых кварталах преобладает современная архитектура необыкновенно-

го благородства и изящества. Немало также и старинных дворцов и исторических зданий, среди которых выделяется великолепная ратуша. Очарованию города способствует его расположение на морском берегу. До войны в Барселоне имелись многочисленные доки и обширная гавань, куда заходили огромные океанские суда. Все это увеличивало значение города как крупного торгового центра. Легко представить себе то вдвойне разрушительное действие, которое произвели здесь фашистские самолеты.

Большая электростанция, снабжавшая город светом, питавшая энергией его трамваи, его моторные установки, превращена в развалины – это значит, что в городе нет освещения, трамваи стоят в парках, не работают лифты. Повсюду изрытые бомбами мостовые, обнаженные пролеты зданий, стены зияют пробоинами и трещинами, окна – пустотой. На восемь километров тянутся под городом извилистые траншеи подземных ходов, где жители ищут спасения от смерти. Зрелище изысканной и нежной красавицы Барселоны, поруганной и изувеченной насильниками и злодеями, заставляет сердце биться священным гневом.

Повседневная жизнь

Но все эти разрушения в мирных городах бледнеют перед теми бедствиями, какие приходится терпеть всему населению борющейся Испании. Ее железнодорожные пути и шоссейные дороги искорежены бомбами, ее порты блокированы, ее торговые и грузовые суда лежат на дне морском, ее магазины и склады, само собой разумеется, превращены в груды развалин. Население в подавляющем большинстве так разорено, что ни у кого нет денег на самое необходимое. Редко где можно увидеть торгующие магазины. Большинство заводов и фабрик закрыто. Одежда на всех старая, потертая; нигде ни одной частной машины – все автомобили находятся в распоряжении армии, правительства, полиции и госпиталей. Нигде ничего не купишь: в стране нет самых нужных товаров.

Ранним утром и в первые часы пополудни тянутся по улицам вереницы бедняков – женщин и детей, глубоких стариков и молодежи. Торжественно, с неподражаемым достоинством они выходят из города и разбредаются по округе. У каждого в руках корзина или мешок за спиной. Все спешат в окрестные деревни или на огороды, в чаянии на месте раздобыть то, чего уже давно не дает им город, – что-нибудь из съестного или вязанку дров. Часам к пяти вечера добытчики возвращаются кто с кочаном капусты, кто с одной-двумя головками салата, кто с охапкой дров, потому что в городе давно нет ни угля, ни керо-

сина, ни газа. Позднее в населенных беднотой кварталах вы можете увидеть, как люди готовят себе пищу под открытым небом, на допотопных железных печурках или отдыхают от забот трудового дня, прикорнув где-нибудь у ворот или на железном балкончике. Особенно тяжело приходится старикам и тем, кого война лишила крова, – целые семьи зачастую ютятся в развалинах своего бывшего дома. Здесь они живут, готовят себе пищу и спят.

Но и зажиточной в прошлом части населения, так называемым средним слоям общества (богачи давно бежали из республиканской Испании), приходится немногим лучше. Правда, жизнь их протекает в укрытии стен, им не приходится выставлять напоказ свою нужду и горе, ночуя в разрушенных подъездах. Но, где бы вы их ни повстречали, они неизменно производят на вас впечатление людей, которые героически борются с нуждой, еле сводя концы с концами. Я имею в виду представителей таких профессий, как учителя, профессора, чиновники, торговцы средней руки, мелкие служащие – с чадами и домочадцами.

Судя по одежде, эти люди давно уже махнули рукой на то, что называется хорошим тоном и приличиями. Как истрепано их платье, как помяты их шляпы – впрочем, здесь почти все ходят с непокрытой головой, – как стоптаны башмаки. И все же каждый старается не показать, до чего ему трудно. Все передвигаются, конечно, пешком – таких вещей, как автобусы, трамваи и такси, здесь давно не видно, все это, вместе с прочими жизненными удобствами, сметено ураганом войны.

Ложные и верные впечатления

Я устроился в "Рице", одном из лучших отелей города, но и здесь остались лишь жалкие следы былого величия. Сохранилась роскошь внутренней отделки, гардины, – но вы с трудом допроситесь полотенца, а уж о простынях и не помышляйте. В столовой по-прежнему прислуживают официанты в манишках и фраках. Однако такой вещи, как мыло, и в помине нет. Все в "Рице" являет собой сплошное противоречие: завтрак, состоящий из худосочной булочки и чашки какой-то коричневой бурды, именуемой кофе, вам подают на дорогом серебряном подносе. Сверкающие зеркалами лифты дремлют в своих клетках. В нарядных салонах, предназначенных для развлечений элегантного, веселого общества, суетятся журналисты да озабоченно шушукаются какие-то правительственные чиновники и иностранные наблюдатели. Добавьте сюда еще кое-кого из артистической богемы и заезжих иностранцев, тех, что слоняются по всему свету, а также парочку-другую офи-

церов и летчиков, отпущенных в город на кратковременную побывку, – этим, пожалуй, и исчерпывается та кучка избранных, от которых еще веет жизнерадостностью и беззаботностью. Только эти круги и пользуются свободой передвижения – в той мере, в какой это допускают бомбежки. Но, разумеется, не они выражают чувства и настроения народа.

Можно только дивиться необычайной выдержке и мужеству людей перед лицом тех тягот и страданий, какие терпит каждый рядовой испанец на своем участке фронта – он живет под постоянной угрозой бомбежек, под страхом голода и полного разорения, мучимый перспективой в один прекрасный день лишиться всех своих близких, преследуемый мыслью, что не сегодня завтра он не сможет дать хлеба своим голодным детям. Страдания не придавили испанцев, они выковали в них твердую, несгибаемую волю. За все время моего пребывания в Барселоне, где населению приходилось так тяжело – а может быть, и во сто крат тяжелее, чем я описал, – ни один местный житель не обратился ко мне за помощью. Испанцам присуща горделивая сдержанность, которую не в состоянии сломить никакой упадок, никакая бедность. В этом народе есть какая-то внутренняя красота. Испанец всегда внушает уважение. Пусть он мерзнет в своих лохмотьях, это не мешает ему мужественно бороться. Он не бежит от опасности. Почему это меня так восхищает, спросите вы. А вас это разве не трогает? Или вы равнодушны к этому? Что касается меня, то мне трудно объяснить это чувство. Я благоговею перед людьми, которые восстают против несправедливости и презирают опасность. Презирают даже смерть. Их пример захватывает меня...

Негрин и Дель Вайо

На третий вечер своего пребывания в Барселоне я получил приглашение поужинать с членами правительства. На ужине присутствовали Альварес дель Вайо, министр внутренних и иностранных дел, и доктор Хуан Негрин, премьер-министр, он же военный министр. Дель Вайо и Негрин рассказали мне о положении в Испании до фашистского мятежа и о теперешней своей деятельности на благо испанского народа. Дель Вайо объяснил мне, что главной целью правительства накануне франкистского мятежа было вывести Испанию на путь современного индустриального прогресса, помочь ей освоить все новейшее технические усовершенствования в области промышленности и транспорта, все достижения современной науки и изобретательства, а также провести решительную реформу в деле народного образования. Как известно, предшествующее правительство либо открыто враждовало со всякими разумными

новшествами, либо потихоньку саботировало и сводило на нет любые начинания подобного рода.

Дель Вайо и Негрин меньше всего похожи на политических деятелей обычного типа. Они скорее производят впечатление ученых или интеллигентов-профессионалов. Негрин – врач, и в душе остается им и по сей день. Это вполне светские люди и, несомненно, искусные дипломаты, однако в них чувствуется незаурядный ум и прямота высокоразвитых людей, чуждых мелкого политиканства. Испанский народ, сказали они мне, так горячо предан идеям демократии, что, вздумай даже правительство капитулировать, это нисколько не изменит дела – народ восстанет и найдет себе других правителей, чтобы под их руководством продолжать борьбу. Народ, проявивший такое мужество, заслуживает победы. Он заслуживает такого правительства, какого желает.

Готовя наступление на Эбро, правительство Испании с болью в душе осознавало, что республиканские войска снова идут в бой без того необходимого снаряжения, какого заслуживает их беспримерный героизм. Уже тогда им было известно, что Франко может выставить 521 самолет на том участке фронта, где они располагают лишь тремя. Если бы у них было хотя бы 25–35 самолетов, у бойцов создалось бы впечатление, что они не беззащитны от нападения с воздуха. Но помощи ждать было неоткуда. И Дель Вайо пришел к выводу, что бойцы должны знать правду. Войска были размещены вдоль линии фронта небольшими подразделениями – это позволяло думать, что они получат подкрепление с воздуха, как не раз бывало раньше. Все эти заботы и тревоги стоили Дель Вайо не одной бессонной ночи. Наконец перед началом наступления он отправился на фронт и на собрании представителей командования и бойцов объявил, как обстоит дело, – так и так, мол, ни о каких подкреплениях не может быть и речи. Пусть бойцы сами подумают и решат, могут ли они, готовы ли идти в бой при создавшихся условиях или не могут. "Ответ их, – рассказывал Дель Вайо, – потряс меня. Один за другим бойцы выходили на трибуну и заявляли, что будут сражаться при любых условиях".

Дель Вайо и Негрин с горечью говорили о том, что народу предстоят еще более тяжкие испытания. Поскольку о капитуляции не может быть и речи, война, очевидно, протянется еще год-полтора, независимо от того, как она кончится. Их вера в народ непоколебима. Негрин, обладающий незаурядным писательским дарованием, сам составил ряд обращений и воззваний к народу, которые широко распространяются в стране в виде плакатов и листовок. Вот содержание одной из них:

"Испанцы! Война, которую мы ведем, близка народу. Мы сражаемся за независимость Испании. Будьте же мужественны,

не давайте врагу запугать себя! Мы – правомочные наследники великих испанцев, в свое время боровшихся за волю и счастье народное. Так будем же биться до полной победы. Нам не страшны никакие жертвы, никакие испытания! Наше мужество непоколебимо. Мы победим, и Испания станет свободной!"

Задачи и необоримые трудности

Речь зашла о политической программе республиканского правительства. Я очень удивился, узнав, что церковь в Испании пользуется полной автономией и что католики не терпят здесь никаких притеснений. Правда, испанское правительство намерено создать новую систему образования, свободную от оков религии. Оно считает недопустимым вмешательство религиозных интересов и групп в дела государства. Но это вполне соответствует и нашей, американской, точке зрения, у нас церковь тоже не должна, по идее, оказывать влияние на государственные дела. Сколько в связи с этим было всяких наветов на республиканскую Испанию и всяких кривотолков! А между тем я теперь полностью убедился, что верующие люди в Америке глубоко заблуждаются, обвиняя республиканцев чуть ли не в открытых гонениях на религию.

На самом деле испанское правительство хочет одного: чтобы церковь была строго отделена от государства. Да я и сам не вижу, что, собственно, теряет католическая церковь при республиканском строе, не считая земельных латифундий и ее честолюбивых вожделений. И мне, откровенно говоря, непонятно, почему религиозная организация должна владеть такими огромными угодьями и так упорно добиваться этого.

Тяжелым ударом для молодой Испанской республики явилось резко изменившееся – сразу после мятежа Франко – отношение к ней Франции и Англии. Во Франции наложен арест на полмиллиарда песет, хранившихся в тамошних банках законным испанским правительством. Теперь оно лишено возможности распорядиться этим вкладом для необходимых ему закупок. Франко демагогически заявил, что в случае победы он потребует у французского правительства отчета об этой сумме. И такое чистейшей воды вымогательство оказывает действие несмотря на то, что республиканское правительство официально пользуется признанием иностранных держав. Французы позволили себе малоуместную шутку, предложив испанскому правительству обратиться с иском во французский суд. Нечего и говорить, что любой судья затянет это дело до окончания войны.

Испанское правительство не только давно пришло к выводу, что ему нечего рассчитывать на помощь извне, но и объяснило это народу: все, что нужно стране – продовольствие, ору-

жие, деньги, – народ должен обеспечить сам, не надеясь ни на какую помощь. Это потребовало перехода на рельсы строжайшей экономии, урезывания себя решительно во всем, что и позволило республике просуществовать до сих пор. А теперь страна на грани голода.

Возвращаясь домой через Францию, я счел своим долгом побывать у французского министра иностранных дел господина Жоржа Боннэ, чтобы рассказать ему о положении дел в Испании. Но господин Боннэ не нашел нужным принять меня. Секретарь его с готовностью отвечал "Да, да, да" на все мои заявления, и эти бесстрастные поддакивания звучали в моих ушах приговором борющемуся и страдающему народу.

Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать вам, – все, чему я сам был свидетелем и очевидцем.

1938

Память о нем священна

Ленин, за много лет до того, как он получил возможность осуществить мечту о лучшем социальном порядке, глубоко изучил все стороны и все трудности задачи. В результате, когда отживший социальный порядок рухнул, Ленин смог возглавить великую русскую революцию и произвести социальное переустройство страны, создав советскую систему.

Не часто человек имеет возможность воплотить в жизнь свои идеалы или же обладает нужными способностями, когда эта возможность представляется. Ленин отдал всю жизнь за свои идеалы; он дожил до того времени, когда новый порядок уже упрочился, доказав плодотворность его великой и пламенной борьбы. Память о нем не только священна, но и жизненно необходима всему борющемуся миру.

1938

Обращение к трудящимся Франции

Я не могу поверить, что Франция Великой революции, Франция 1848 года, Франция, победившая в первую мировую войну, подчинилась военной диктатуре, которая превратила бы французов в фашистов. Если трудящиеся, или даже только бóльшая часть трудящихся, восстанут против власти капитала, стремящейся поработить их, они отстоят свое дело и одержат победу.

1939

Заря на Востоке

Я не верю, что поднявшаяся сейчас в Европе буря сметет с лица земли "цивилизацию". Признаюсь, слово "цивилизация" имеет для меня неприятный оттенок. Оно напоминает мне звон фальшивой монеты. Это слово употребляют столько людей совершенно различного мировоззрения, различного жизненного опыта, различной социальной среды! Церковники, высказывающие самые фантастические взгляды по поводу нашего происхождения, государственного строя и прочее, безапелляционно утверждают, что их догмы являются основой подлинной цивилизации. Одновременно физики, химики заявляют, что мир идет к гибели, что будущее мира в опасности, и это несмотря на то, что никому еще не удалось разгадать загадку прошлого.

Некоторые (Джинс и Эддингтон, если не ошибаюсь) уверяют, что наша земля была в свое время гигантской звездой, которая разорвалась на части. Эти части несутся с бешеной быстротой куда-то в пространство, в какой-то хаос. Но приходится признать, что мы, люди, принимаем участие в этом полете уже по меньшей мере 200–300 тысяч лет. И самое курьезное, что в течение всего этого времени мы, оказывается, эволюционировали, прогрессировали, создавали все, что именуется цивилизацией. Я читал, что еще до этого имело место происхождение видов – нечто вроде духовного, технического прогресса, в результате которого (это говорю не я, а ученые) мы появились на земле. Во всяком случае, нет сомнения, что мы существуем и что нам предстоит выродиться или вовсе исчезнуть. Лично я, конечно, сомневаюсь в этом. Я знаю, что период с V до XIII столетия был эпохой мрачного средневековья, но только в Западной Европе. В Китае в течение всего этого времени процветала, по всем данным, прекрасная цивилизация (Конфуций). Эта цивилизация с ее чудеснейшим искусством и архитектурой существовала до последнего времени. По сей день я отношусь к ней с любовью и благоговением.

А до Китая и Японии (Япония – производное Китая) была Индия с ее замечательнейшей философией и представлениями о происхождении жизни на земле (Брахма, Будда). Эти представления отличались такой глубиной и человечностью, что оказали мощное влияние на всю современную философию Европы, на Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Гёте, Ницше и нашего Эмерсона. Теперь эта философия готова примириться с современной физикой и химией и хочет убедить нас в том, что источники интуиции и научного исследования не так уж далеки друг от друга.

Но еще прежде, или параллельно с Индией, существовала египетская цивилизация с ее богами Амоном (Ра), Исидой, Озирисом и волнующей "Книгой мертвых", старающейся утешить человека в том, что он обречен на "странное временное" пребы-

вание на земле. После Египта – Греция, после Греции – Рим. А потом мрачное средневековье. За ним последовало Возрождение. Новая жизнь расцвела в Англии, Франции, Германии, Нидерландах и в Америке. Затем пришла машина – научная эра, и с нею – современная Европа. Французская революция, американская революция – наша Гражданская война за освобождение рабов, и – недавно – великая русская революция, которая, по моему твердому убеждению, способна вознаградить мир за все ужасы 1914–1918 годов.

Вы говорите: "дикие", "радикалы", "красные"? Это как вам угодно. Наш западный мир теперь склонен питаться одной пропагандой, как было в мрачную эпоху средневековья. Никто не читает советских газет – ведь чтение этих газет почитается преступлением! Ни одна американская газета не решается напечатать правду о гигантской работе, которая проводится в Советском Союзе, о том, что там создается новый мир, о том, что все без исключения обеспечены работой и живут и работают в условиях, достойных человека. Ничего не пишут о всеобщем обучении, существующем на огромном пространстве от Берингова пролива до Китая, от Архангельска до Ирана и Афганистана; о создании новых железнодорожных линий, автострад, авиалиний, о расширении телеграфной и телефонной сети, о новых, полностью модернизированных методах сельского хозяйства, о множестве университетов, научно-исследовательских институтов, о гигантских заводах и промышленных городах, выросших на всем пространстве Советского Союза.

Только теперь – с глубоким недовольством – сам мистер Уинстон Черчилль, первый лорд адмиралтейства Англии, заявляет, что СССР является в настоящее время самой мощной державой в мире. Однако никто не объясняет, как это произошло, и кричат, что в СССР царит хаос. Но если так, то чем же объяснить тогда, что там удалось обучить, накормить, обуть, обмундировать многомиллионную армию? А ведь небольшая часть этой армии смогла нагнать такой страх на уважаемых японцев, что, охваченные паникой, они запросили мира.

Чем же это объяснить? Не тем же, что там у власти, как заявляет наша пропаганда, "обросшие волосами большевистские дикари или сумасшедшие"?

И чем объяснить, что Англия и Франция посылали в Москву делегации с просьбой о помощи?

Этот самый Уинстон Черчилль заявил мне в 1928 году, когда я вернулся из СССР, что идея большевиков порочна и что все кончится крахом не позже, чем через семь лет. Однако с тех пор прошло уже одиннадцать лет, и теперь Черчилль признает, что СССР первая в мире держава по своей военной мощи. Не объясняется ли это тем, что 170 миллионов человек живут новой жизнью, полны энтузиазма и твердо верят, что наступит

конец ужасам социального неравенства, которые я видел в Англии в августе этого года и раньше, в 1926 и 1928 годах, и еще раньше – в 1912 году (рабочие получали всего лишь 12, 15, 18 шиллингов в неделю)? Я уж не говорю о том, что видел прошлым летом во Франции (где рабочие получали около 60 центов в день) и до этого в Америке – в Сент-Луисе, Канзас-Сити, на юге США, в Западной Виргинии, в Питсбурге, Чикаго, в горняцких городах штата Юта.

Когда меня спрашивают, погибнет ли "цивилизация", я прежде всего хотел бы знать, что понимается под этим словом. Может быть, экономические и социальные ужасы, свидетелем которых я был в Европе, Америке, не говоря уже о Египте, Африке, Индии, Китае, Южной Америке, Мексике и других странах? Или вы имеете в виду "варварство", которое, по вашему мнению, царит в СССР? Если речь идет об ужасах, которые я наблюдал в Европе, Америке и других странах, такая "цивилизация" действительно погибнет в Западной Европе, как и алчная капиталистическая система в США, тесно связанная с капитализмом других стран.

После потопления испанской армады Англия не захотела довольствоваться господством на море и решила, что и на всем Европейском континенте не должно быть ни одного государства, которое могло бы с нею соперничать. Отсюда войны – наполеоновские, австро-германская, франко-германская и, наконец, великая мировая война, из которой Англия не вышла единственной победительницей (хотя воображала себя таковой). У Германии было достаточно оснований для споров о месте под солнцем. После Версальского мира Германия не могла добиться справедливости в Лиге Наций вследствие господствовавшего там англо-французского влияния. А ведь нет сомнения, что народ, сумевший, несмотря на противодействие Англии и Америки, создать довоенную Германию 1914 года, а после 1918 года создать теперешнюю Германию, не является народом глупцов и безумцев. Этот народ ищет места под солнцем, и так же, как и Англия, он понял, что ему нужно драться за это место.

Смещение интеллектуальной и финансовой аристократии – верхов, господствующих в некоторых западных странах, в Англии, Франции и даже в Америке, – принесло бы пользу всем...

Я вижу зарю только на Востоке. Цивилизация не погибнет. Она лишь будет развиваться в новой форме.

1939

Ленин

Это был человек, вся жизнь и все мысли которого были посвящены научным поискам и борьбе за лучший общественный строй, человек, который в конце концов получил величай-

щую возможность, какую когда-либо имели апостолы прогресса, – возможность руководить огромным, когда-то отсталым государством угнетенных.

Я считаю, что глубокое, всестороннее, ясное понимание и решение Лениным задач, стоящих перед огромной страной, занимающей одну шестую часть мира, страной, в результате царской тирании отставшей на сотни лет от экономического и социального развития Америки и Европы, привлекали и всегда будут привлекать внимание всего мира. Нужно было не только свергнуть старый, деспотический режим, но и мобилизовать народные массы, найти средства и возможности для создания такого социального строя, который был бы справедливым и в то же время доказал бы свою жизненность. Ибо, решая насущные задачи, нужно было в то же время преодолевать порожденные царизмом предрассудки, страхи и религиозные суеверия, довлеющие над людьми. Нужно было заставить массы почувствовать все значение для них самих того, что совершалось в стране.

Когда я был в 1927 и 1928 годах в России, мне случалось видеть на отдаленных окраинах страны, объединенной духом Ленина, крестьян и рабочих, мужчин и женщин, благоговейно склонявших или обнажавших голову перед бюстом Ленина и, насколько я понял, видевших в нем (и, по-моему, совершенно справедливо) своего спасителя.

Сейчас предстоит гигантская борьба между теми, кто стремится поработить массы, и самими массами, которые не желают быть больше рабами. Они знают теперь, что господствующие классы хотят жить в роскоши и праздности, хотят, чтобы так жили их дети и дети их детей. Французская революция, Гражданская война в Америке и русская революция многому научили массы. Русский народ, освобожденный Лениным, никогда не допустит, чтобы его снова превратили в раба. Он будет бороться, и я не сомневаюсь в исходе этой борьбы. Идеи Ленина и советского государства восторжествуют.

Каков бы ни был ближайший исход этой борьбы, Ленин и его Россия, гуманность и справедливость, которые он внес в управление страной, в конечном счете победят. И хотя Ленина уже нет в живых, созданный им социальный строй, достигший мощи и величия, навсегда останется для будущих поколений.

1940

Приветствие Советскому Союзу по поводу двадцать третьей годовщины существования

Я выступаю и выступал в течение последних двадцати трех лет за лучшее понимание американцами сущности и целей Советского Союза. Все это время наши капиталистические прави-

тели, ратующие за то, чтобы немногие пользовались неограниченными богатствами и привилегиями за счет отказа в приличной жизни большинству, стремились с помощью своей прессы, своих школ и университетов, с помощью радио, не говоря уже о попавшей в их руки кинопромышленности, с помощью своих банков, законодательства, политических деятелей и судов, торговых палат и т. д. не только скрыть от американского народа правду о целях и достижениях Советского Союза, но и заставить американцев поверить самой беззастенчивой лжи о нем.

Разоблачить это – задача тысяч и даже сотен тысяч свободолюбивых американцев, которые знают и могли бы, будь в их руках свободная печать или радио, доказать, что из всех стран земного шара Россия, и только Россия, действительно защищает сейчас подлинные интересы масс – их настоящее духовное и экономическое развитие и мир. Во всех же остальных странах мы наблюдаем бешеную погоню за деньгами и за властью горстки алчных мошенников, до отказа набивших себе карманы и настолько глупых, что они воображают, будто деньги – этот символ богатства, хранящегося в банках в стопках акций, облигаций и других ценных бумаг, – каким-то образом дают им право на почет и заслуги, которыми при справедливой общественной системе пользуются и должны пользоваться только люди действительно что-то создающие – мыслители и изобретатели, творцы всех эпох. Ибо они, и только они, никогда не стремятся к богатству, власти, славе или легкой жизни для себя за счет благополучия других, только они имеют счастье и честь создавать то действительно великое, что двигает мир вперед: изобретения, открытия, новые системы образования, произведения скульптуры и архитектуры, поэзию, музыку, живопись и все то, что делает жизнь привлекательной, прекрасной, манящей и приятной.

Как бы то ни было, борьба идет. Мир видит перед собой один-единственный, по-настоящему сильный и могучий пример того, что может сделать всеобщее равенство и социальное благополучие, – этим вечно живым примером является Советский Союз. И наступит день, который теперь кажется уже не столь отдаленным, когда Америке все-таки придется познать правду и, раскрыв дружеские объятия, присоединиться к Советскому Союзу, чтобы отстаивать и претворять в жизнь те принципы, которые стремилась установить и осуществить наша американская конституция, наши вожди и мыслители, начертавшие ее.

1940

Я очень многим обязан ему

Быть знакомым с Уильямом З. Фостером – большое счастье. Простота сочетается в нем с силой ума и необычайной проницательностью, позволяющей быстро и безошибочно разбираться в современных событиях и анализировать их. Для меня он – святой, первый и единственный, с которым мне довелось войти в общение.

Я многим, я очень многим обязан ему. Я хорошо узнал его десять лет назад в городе Сан-Франциско. Это было в те голодные годы, когда "конец радуги", обещанной Кулиджем и Гувером, окончательно превратился в серую действительность "гуверовских поселений". Фостер возглавлял тогда, как он всегда возглавляет, борьбу безработных – рабочих и разорившихся фермеров. Уильям Фостер никогда не забывал тех, кто забыт судьбой.

Вот почему я с особенным уважением приветствую этого замечательного вождя рабочего класса в день его шестидесятилетия, на сорок шестом году его участия в рабочем движении.

Фостер родился в то время, когда в Америке стали появляться крупные капиталистические корпорации. "Стандард ойл компани" только еще начинала душить мелких предпринимателей путем тайных соглашений о скидках с крупными фирмами и оплетать паутиной финансового контроля жизнь американцев. Одновременно начало развиваться и рабочее движение: ведь гигантские монополии сами порождают своего могильщика в лице рабочего класса.

В рабочее движение Фостер внес один из самых значительных вкладов. Везде, где только "желтые" профсоюзы притесняли народ или где орудовали их шпионы, он разоблачал обман, убеждая рабочих избавиться от этих предателей. С присущим ему блестящим организаторским талантом Фостер руководил крупнейшей забастовкой сталелитейщиков в 1919 году, в процессе которой американцы, быть может впервые, осознали, каково истинное положение в стране.

Сравните преданность этого человека народу, его деятельность по организации профсоюзов и призыв к независимости политических действий с действиями карьеристов и приспособленцев из руководства Американской федерации труда, и вы увидите, какая огромная между ними разница и каким выдающимся человеком и преданным народу вождем является Фостер.

Он сделал очень многое, чтобы Америка поняла значение дружеских отношений с великим Советским Союзом. Только те, кто боится усиления демократии, выступают против упрочения связей с Советским Союзом. Мы все должны быть глу-

боко благодарны Фостеру за то, что он научил нас понимать, какое значение имеет для американского народа дружба с Советским Союзом.

1941

Народы следуют примеру русских

Американский народ восхищается русским народом, который понес огромные жертвы и проявил героизм в борьбе против фашистских орд. Немцы провозгласили себя высшей расой, призванной уничтожить все другие народы и править миром. Но народы, не одержимые подобным безумием, следуют примеру русских, первыми показавших, что можно остановить нашествие нацистских палачей. Эти народы желают жить в дружбе между собой. Они борются и будут бороться против нацистов до последнего дыхания.

Американцы восторженно относятся к русским не только потому, что в 1917 году они свергли в России жестокую царскую тиранию, порабощавшую народы, но и потому, что они заменили ее наиболее гуманной и блестящей системой, которая сделала нынешнюю Россию одной из самых передовых стран – если не самой передовой страной – в социальном, экономическом и духовном отношениях.

Американский народ, вспоминая свою собственную борьбу за независимость в прошлом и наблюдая за действиями Гитлера, пытающегося уничтожить свободу человека, испытывает горячее сочувствие к русскому народу и желает ему успеха. Мы добиваемся, чтобы правительство США оказывало всемерную помощь России для разгрома безумных гитлеровцев, стремящихся возродить рабство в Европе, Азии и других частях света.

Я горжусь тем, что имею возможность направить вам это послание, так как оно правдиво. Я уверен, что Америка на деле покажет себя верным союзником России и Объединенных Наций в борьбе против порабощения человека и за улучшение его жизни.

1941

Приветствие Советскому Союзу

Считаю своим долгом выразить благодарность русскому народу за его гигантские труды на благо всего человечества, за его поразительные социальные достижения, за его героиче-

скую оборону родины от нападения обезумевших гитлеровцев. С 1917 года я следил за строительством социализма в России и всегда был убежден что, как говорил Макартур, "надежды цивилизации в настоящее время покоятся на достойных знаменах мужественной Красной Армии", а также на разуме, природной гуманности и социальном благородстве русского народа.

1942

Русские наступают

Ныне, в третью годовщину нападения фашистской Германии на Россию, совершенно ясно, что русские на своей земле наголову разбили Германию и тем самым укрепили позиции других союзных держав – их победа теперь обеспечена, и они знают это.

Россия выиграла войну, и можно не сомневаться, что она готовит сейчас огромные силы, чтобы завершить разгром Гитлера и, пройдя через Польшу, на территории самой Германии навсегда уничтожить нацизм. Гитлер понимает, что русские проявляют сейчас сравнительно небольшую активность лишь потому, что ведут грандиозную подготовку к последнему этапу войны, намереваясь вместе с союзниками обрушить на нацистскую военную машину всю свою объединенную мощь.

Испытания, через которые пришлось пройти России на протяжении последних трех лет, способны потрясти кого угодно: первая пора отчаянного, непреклонного сопротивления, тактика "выжженной земли", которой русские так неукоснительно придерживались, оборона города за городом, когда нацисты расплачивались дорогой ценой за каждый свой шаг вперед, и наконец – решение не допустить Гитлера в Москву! И Гитлер был остановлен – остановлен и разгромлен на улицах Сталинграда!

Ход событий всем известен – об этом писали газеты, писали каждый день, пока не наступил момент, когда люди, беря в руки газетный лист, уже не искали ответа на вопрос, долго ли продержатся русские, а вместо этого читали о действиях Красной Армии и советских партизан, о невероятной силе духа и стойкости русского народа...

Где бы мне ни приходилось бывать в Америке в течение последних двух лет, всюду мне говорили: "Ну-с, вы, как видно, были правы насчет России".

Наконец у нас стали появляться не только честные книги и статьи о России, но и кинофильмы, раскрывающие перед всем американским народом истинное положение дел, о котором рассказывали те, кто побывал в России.

В самом деле, несмотря на враждебность и ложь, распускаемую о России значительной частью нашей печати, американский народ стал все больше узнавать, что́ значит Россия для простого человека. Он узнал, например, что до войны рабочий день у русских длился всего семь часов. Узнал, что русским гарантированы такие возможности, о которых большинство наших рабочих при своей зарплате не может даже и мечтать, – бесплатная медицинская и зубоврачебная помощь, двухнедельный отпуск, а главное – дома, снабженные всеми удобствами, с участком под сад или огород, и предоставляются они за скромную плату, составляющую одну шестую месячного заработка. И хотя русский рабочий не может вкладывать свои сбережения в какое-либо предприятие в целях получения прибыли, поскольку все производство находится под контролем правительства, он может поместить их в процентные государственные облигации или откладывать свои сбережения, чтобы купить потом любую нужную вещь.

Коротко говоря, эта социальная система обеспечивает всему населению России работу и справедливую плату за труд, бесплатное образование, среднее или техническое, и бесчисленные возможности для культурного роста и расширения своих умственных интересов... Вот за эти-то социальные завоевания, за рожденное ими чувство уверенности в будущем, за надежду на лучшее русский народ и готов отдать не только все свои силы, но и самую жизнь, сохраняя то, что столь мудро ему дано. Нет сомнения, что разгром Гитлера силами сплоченного русского народа является доказательством благотворности социальных преобразований, осуществленных в России...

Боюсь, что в конечном счете у нас останется лишь маленький клуб, где будут собираться наши крупные финансисты-реакционеры вроде м-ра Маккормика, Форда, Херста, Дюпона и Дайса (последний, поскольку он умер, – чисто символически) и рассказывать друг другу о своих деяниях, направленных против русских в прошлом, и о тех огорчениях, которые доставляет им Россия сейчас, – рассказывать и, возможно, облегчать свою печаль слезами. Не будем завидовать горестной участи этого клуба!

Однако реакционеры, заседающие в нем, и им подобные боятся даже таких маленьких стран, у которых нет ничего, хотя они и хотели бы иметь что-то, – как Польша, или Югославия, или любая другая страна, где, по их мнению, может разразиться "революция" И в слепоте своей они снова и снова злобно клевещут на Россию.

1944

ИНТЕРВЬЮ, РЕЧИ

Познакомьтесь с писателем Теодором Драйзером

– Трудно обнаружить разумный порядок в жизненных событиях и их причинах, – говорит Теодор Драйзер, объясняя жизненную философию, вытекающую из теорий его героини Дженни Герхардт. – Жизнь неразумна. Все наши действия регулируются предшествующими обстоятельствами. Не умри сенатор Брендер, он бы стал мужем Дженни Герхардт, если бы какие-то другие события ему не помешали. А если бы он на ней женился, общество отнюдь не сделалось разумней, и Дженни все равно подверглась бы остракизму за свою вину.

И вот обстоятельства, в которых никто не повинен, привели к тому, что она оказалась на попечении своих друзей, сделалась жертвой так называемого справедливого негодования, обрушившегося на нее. Это доказывает, какое слабое воздействие оказывают на нас соображения разума по сравнению с ролью случая.

– Разве все это не звучит несколько пессимистично? – обращаюсь к нему с вопросом.

– Такое может показаться на первый взгляд, – поясняет Драйзер. – Я не воспринимаю все это подобным образом. Я не чувствую себя менее счастливым, потому что жизнь такова. Вот почему жизнь столь остро меня захватывает. Жизнь исполнена драматизма. Она увлекательней, чем самый великолепный спектакль, когда-либо поставленный людьми. И все эти события просто придают ей еще большую притягательность. Я считаю, что бедняк, сидящий на дорожной обочине, являет собой одно из самых волнующих зрелищ, какие можно себе представить. Все в его существовании ненадежно, и все определяется случаем. Поистине – глубокое волнение вызывает зрелище человека, который, еле-еле перебиваясь, ведет борьбу за существование.

– Как жизнь ни драматична, я нахожу ее прекрасной и считаю, что красота бессмертна. Если бы я думал иначе, подоб-

ное лихорадочное существование стало бы для меня невыносимым. А если я прав, то бедняк, только что упомянутый мной, прекрасен. И его грязь, и его лохмотья, и его забинтованная нога, и его болячки, по-моему, имеют свою красоту. Все это эстетично, дополняет картину и придает ей цельность и завершенность. Может быть, зрелище это неприятно, на ваш взгляд, но оно художественно. Все в жизни, по-моему, происходит подобным образом. В этом должен заключаться смысл жизни, если в ней таковой вообще заключен. Но я убежден, что жизнь просто цепь случайностей с самого́ начала.

– Если не существует какой-то иной силы, кроме случая, то как вообще Вы относитесь к прогрессу человечества?

– А я, между прочим, не убежден, что можно говорить о прогрессе в том смысле, в каком мы обычно употребляем этот термин. Есть процесс эволюции. Кто рискнет утверждать, что справедливее боготворить домашний очаг, как мы это делаем ныне, чем боготворить быка, как это было в стародавние времена? Изменились идеи, в этом все дело. Мы уверены, что для нас лучше боготворить домашний очаг, но из этого не вытекает, что и людям, жившим в древности, также надо было боготворить свой дом, а отнюдь не быка или паука. Возможно, в настоящее время разумно воспитывать наших сыновей на учении Иисуса Христа, а дочерям прививать добродетель, но мы не можем утверждать, что это станет нашим извечным принципом. Я не в силах поверить, что учение Христа бессмертно, что оно верно служило нам две тысячи лет. Конечно, сегодня трудно признать разумным принцип: если тебя ударили по правой щеке, подставь левую.

* * *

Роман "Дженни Герхардт" – достойный преемник "Сестры Керри"; в нем получает дальнейшее развитие философия случайности, воплотившаяся в первом произведении. Драйзер не всегда разделял подобную точку зрения. Он признавал, что в пору юности следовал традициям и условностям, как любой другой писатель. Но его идеи менялись по мере того, как он взрослел, а богатый опыт стимулировал расширение жизненного кругозора. Он родился в Терри-Хот, штат Индиана, откуда рано отправился в Чикаго, где начал работать.

– Я не могу сказать, что размышлял тогда о мире, меня окружающем. Жизнь была потоком, водоворотом. В ту пору я с жадностью читал, поглощал Эмерсона, Готорна, Стивенсона. Но милее всех этих книг были для меня высокие дымовые трубы, многолюдье улиц, вагонетки и кипы хлопка, река и озеро в Чикаго. Все это я любил, ощущая себя молодым и полным энер-

гии. Торжество жизни невозможно было передать в книгах. Его трудно было как-то себе представить.

– Затем я занялся работой в газетах, и это дало мне представление о царящей в жизни жестокости, о весьма сомнительных деловых операциях, о полицейских судах, о банкротствах торговцев и их махинациях. Странно, но все это представлялось мне более увлекательным, чем грустным. Это было подобно грандиозному, величественному театральному представлению. Случайно я обратился к чтению Спенсера, Дарвина, Хаксли и Тиндала, и жизнь стала поворачиваться ко мне своей новой стороной. Как говорят в просторечье, я ее оседлал. Я никогда не забуду главу Спенсера о непознаваемом в его пятой книге "Основных начал". Она буквально все перевернула во мне. Жизнь растворилась в каком-то странном тумане. Примерно в это время в Питсбурге, где я был газетчиком, я познакомился с Бальзаком и тогда увидел, что такое жизнь – спектакль богатый, яркий, броский. Она была прекрасна, драматична, печальна, восхитительна, эпична – все эти черты сочетались. Я впервые уяснил, как должны создаваться художественные произведения. Я понял, как мне следует, если я на это решусь, писать книгу. Я не надеялся писать, как Бальзак, но я решил следовать его методу создания исчерпывающей жизненной панорамы от начала и до конца.

– Увлечение Бальзаком длилось год или два, затем последовал Гарди, – говорит Драйзер, – а его сменил Толстой. Благодаря им мне стало ясно, каковы должны быть великие книги. Позднее Доде, Тургенев, а в самое последнее время Мопассан и Джордж Мур углубили мои об этом представления. К сожалению, я не прочел ни строчки Золя.

– Каковы, по вашему мнению, величайшие произведения мировой литературы? – поинтересовался я.

Наклонившись ко мне, Драйзер стал называть их по пальцам:

– К ним я отношу "Анну Каренину", "Мадам Бовари", "Эвелин Иннес", "Отцов и детей", "Отца Горио", "В краю лесов", а среди наших американских произведений – "Сыпучие пески" Хервея Уайта. Это величайшие книги мировой литературы.

1911

Беседа с Теодором Драйзером

Для Теодора Драйзера "Дженни Герхардт" – пройденный этап. Он утверждает, что никогда не напишет подобной книги, что такой тип женщин более не привлекает его как художника.

Видимо, в настоящее время он просто целиком поглощен работой над книгой для "Сенчюри компани", посвященной его заграничным путешествиям. Недавно он совершил поездку по Европе, его юношеский энтузиазм, свежесть восприятия обещают появление книги, не имеющей равных. Несомненно, какие-то стороны его многообразных наблюдений найдут отражение в первом томе трилогии – "Финансист", который будет опубликован в августе издательством "Харперс".

В сжатой форме я попытаюсь привести те новые детали, которые я узнал в течение нескольких часов беседы с ним, ибо Драйзер приступил к роману лишь по возвращении из своего европейского турне. Его рассказ убедил меня в том, что местом действия в "Финансисте" станут Филадельфия, Чикаго и Лондон, а также Нью-Йорк; будут, возможно, упомянуты Париж и Монте-Карло.

В нашей беседе обсуждалась и тема искусства, из чего я сделал вывод, что в "Финансисте" найдет отражение и страсть к коллекционированию, которая отличала Моргана и Фрика.

– Искусство! О нем много говорится в моей книге. Я имею в виду те ценности, которые долгое время не выставлялись, как, например, собрание керамики во дворце Нерона. Это выставка богатств поистине несметных. В Риме мне не потребовалось много времени, чтобы убедиться в том, что реликвии прошлого в нем проникнуты национальным духом и соответствуют климатическим условиям города; в то же время живопись в Риме не так впечатляет, как во Флоренции.

Америку весьма проницательно оценивали англичане, во многом напоминающие нас, хотя они и отрицают это. Кажется, им не по душе наша двуличная, крикливая, вызывающая вульгарность. Они интеллигенты, сохраняют хорошие манеры, даже находясь в трамвае. Но здесь, в Америке, бытует священное право оскорблять человека. И представьте себе, мне это нравится, ибо это означает в свою очередь право дать пощечину обидчику и проследовать далее.

– Я наполовину немец, – признался Драйзер, – и не хотел бы высказываться по поводу того, что думаю о кайзеровском государстве. Но, признаюсь, мне не нравится, когда принцип "Я вас сожру" определяет поведение государства. Одно из самых сильных впечатлений произвели на меня солдаты, внешне удивительно привлекательные, и я часто думаю, действительно ли все они хотели бы так красиво смотреться. Я чувствую желание повоевать с Англией, и позвольте заметить, война таки будет, если она захочет драться. Верю ли я в движение за мир? Я хотел бы в это верить, если бы наша жизнь была мирной, не правда ли!

В этот момент его носовой платок выглядел не совсем свежим, потому что Драйзер все время, пока мы обсуждали его творчество, протирал им очки.

– Вам может показаться странным, что я не выбрал местом действия "Финансиста" Нью-Йорк, – заметил он. – Я вовсе не забыл об этом первом городе среди городов, и я сделаю его местом действия романа, который когда-нибудь напишу. Сейчас меня пленяет Чикаго с его особым колоритом. Единственная причина, заставившая меня остановиться на "Трилогии", – это то, что 500 000 слов невозможно втиснуть в одну книгу. Она посвящена условиям жизни в Америке, равно как богатых, так и бедных, она затрагивает проблему рабочего класса в Чикаго. Что касается ее английской части, в ней большое место уделено традициям англичан, их культуре. Но Чикаго – это моя любовь. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь был сильнее увлечен девушкой, чем я этим городом. Как вы знаете, я уроженец Индианы, но в течение восьми лет трудился в газетах Чикаго, затем переехал в Нью-Йорк, а далее в Толедо, Кливленд и Питсбург. Я основал несколько журналов: "Эв'ри манс", "Смитс мэгэзин", "Бродвей мэгэзин", я организовал – или дезорганизовал, как уж вам угодно, – редакцию журнала "Дилиниейтор".

– Как только "Сестра Керри" была завершена, я приступил к написанию "Дженни". Я не люблю откладывать работу над рукописью, не люблю, когда перо без дела. Если тема не захватила меня, не сделалась сразу же жизненно важной, мне нелегко продвигаться вперед. Так случилось с "Дженни" И книгу эту я закончил только потому, что, приступая к ней, был свободным художником. Не переношу, когда что-то остается недоделанным.

Может быть, это некорректно по отношению к Дженни, но ее характер мне уже не интересен.. Я обнаружил, когда уже подошел к финалу, что мне следовало бы быть более правдивым в первой части книги по отношению к созданному мною образу, даже если это не совпадало с моими личными симпатиями.

С точки зрения структуры, мне кажется, книга построена разумно. Но в моем новом романе развитие сюжета будет определять мужской образ; мужчина окажется в центре последующих трех или четырех романов. Если же я вернусь к роману в духе "Дженни", то сделаю главной героиней женщину совершенно необыкновенную, хотя бы потому, что теперь знаю женщин немного лучше.

Вы можете считать "Дженни" грустным романом, если хотите, но ведь и печальная история, изображенная с подлинной художественностью, может привлечь. Удивительные события случаются и на Фолл-Ривер и в Джерси-Сити. Меня не раз спрашивали, что такое, по моему мнению, реализм, я на это отвечу, что во многом это зависит от вашего темперамента. Никто не в состоянии разрешить моральные проблемы в каком-то одном литературном произведении. Я, по-видимому, сторонник искус-

ства для искусства. Не может быть идеальных условий человеческого существования, поскольку люди наделены разными темпераментами. В одном и том же месте в одну и ту же эпоху существуют религиозная или антирелигиозная точка зрения. Природа порождает множество человеческих типов. Все они живут на нашей доброй земле. Один, обладающий добрыми качествами, должен был бы процветать, но этого не происходит. Другой в силу отрицательных черт обречен на погибель, но он здравствует. В одном и том же горшке произрастают цветы и сорняки, и от садовника зависит, что выбрать. Я принимаю себя таким, какой я есть, и выражаю то, что чувствую.

– Я никогда не поощрял всей этой болтовни об американском романе. Конечно же, я гражданин своей страны и полагаю, что существует некий национальный характер, который нельзя сбрасывать со счета. Но разве госпожа Бовари не правдива для Луисвила, равно как и для всех прочих мест? Единственное, в чем реально проявляются национальные различия, это в любви к той земле, на которой ты родился. Я стремлюсь лишь к тому, чтобы запечатлеть мой мир, оставаясь верным другим, более общим жизненным закономерностям. И если я пишу, исходя из этой концепции, то независимо от того, где живут мои герои, в Колумбии, штате Огайо или где-то еще, буду всегда правдив.

– Я написал девять коротких рассказов, но это тяжелый труд. Меня влекут широкие полотна. Как уже было сказано, прежде чем приступить к делу, я должен заразиться энтузиазмом, а новелла слишком мала для необходимого разбега перед прыжком. Я знаю, что выгляжу ультрасерьезным, что многие считают меня тяжеловесным. Будь моя воля, я стал бы иным, я хотел бы стать другим, но это невыполнимо. И "Финансист", как известно, роман серьезный. Это произведение должно вызвать множество комментариев. Первый том сам по себе – это уже крупное произведение. Я проштудировал едва ли не все труды, относящиеся к сфере финансов, книгу Лоусона, книгу Хайда и другие. И как мне показалось, все они откусили лишь край от ломтя сыра. Если моя книга окажется в центре внимания и будут спрашивать, насколько точен я в своих выводах, то могу лишь сказать, что стремился тщательно выверять сообщаемые мною факты. В свое время я писал о торговых делах, интервьюировал финансистов. Что касается достоверности фактического материала, то здесь не должно быть сомнений. Но я не критик, я не вхожу в конфликт с действительностью, какой бы горестной она ни была. Я не так остро воспринимаю собственные беды, как их воспринимают другие. Даже то, что в ней не совсем справедливо, тем не менее прекрасно. Все в жизни может быть оправдано, если вы физически хорошо себя чувствуете.

Экономия места заставляет меня закругляться. Драйзер

высказался также о двух своих любимых произведениях, о "Мактиге" Фрэнка Норриса и "За процессией" Генри Б. Фуллера. Он подробно говорил об издательских проблемах, о судьбе своей трилогии. Когда мы прощались с ним у двери, он с теплотой говорил о полученных им письмах и знаках внимания, которыми был окружен во время пребывания за границей. Он может быть серьезным и, по его словам, глубокомысленным, но, судя по тому, как раскачивался его стул, когда беседа принимала острый характер, как мял он свой несвежий носовой платок, когда что-то его радовало, как непосредственно он смеялся, я должен сказать, что Теодор Драйзер отнюдь не лишен чувства юмора, и я заметил, что его походка – живая и быстрая.

1912

Обращение к теме больших денег

Погоня за богатством, ставшая характерной чертой жизни в Америке, вызывает интерес Теодора Драйзера, романиста и мыслителя. Автор "Дженни Герхардт" и "Сестры Керри" посвятил немало времени изучению драматических обстоятельств, связанных с миром эксплуатации и крупного бизнеса, в особенности в те тревожные годы, которые последовали за гражданской войной.

В своем последнем романе "Финансист", выход которого объявлен на 24 октября его издателями, фирмой "Харперс энд бразерс", Драйзер прослеживает эволюцию "Наполеона финансов", от мелкого бизнеса накануне войны до обширных операций в сфере банков, городского транспорта, связанных с миром политики.

Его книгу отличает широта изображения, и те, кто знаком с творчеством Драйзера, помнят о богатстве наблюдений, отличающих его метод. Та новая сфера, которую он изображает, возбудила любопытство читателей, привыкших воспринимать его как ведущего поборника новейшей школы реалистического искусства. Возникла необходимость взять интервью у автора "Дженни Герхардт", дабы получить информацию о его новом произведении – "Финансисте". Уже название книги свидетельствует об изменении ее тематики по сравнению с предшествующими романами, что и обусловило характер нашего первого вопроса.

– Мистер Драйзер, вы избрали новую сферу изображения в своем творчестве?

– Да, до известной степени. Но "Сестра Керри" очень близка типу книги, центром которой является человеческий харак-

тер, и думаю, пожелай я вернуться к ней, то оставил бы в ней все по-прежнему. Как бы то ни было, я думаю, книга эта представляет убедительное свидетельство того, что в мои намерения входило тщательное исследование характера героя.

В "Финансисте" я концентрировал внимание не столько на главном герое, сколько на окружающих его условиях, хотя тот, кто следит за подробным жизнеописанием Каупервуда, мог бы заключить, что меня больше интересует этот человек, а не социальная среда. Меня неизменно поражало, что Америка после гражданской войны с точки зрения тенденций своего финансового и экономического роста в большей мере следовала природным законам человеческого ума, освобожденного от всех условностей, теорий, предрассудков и каких-либо убеждений, чем любая другая страна в любой период всемирной истории.

В Риме, во времена императорского правления, мы находим свидетельство столь же странного, безжалостного проявления интеллекта, который освободился от старых верований и иллюзий, однако не принял новых. Здесь мы наблюдаем умственную активность, подстегиваемую алчностью, честолюбием, тщеславием, лишенную каких-либо смягчающих влияний, тех, что обычно вызывают наше восхищение, – таких, как симпатия, нежность, честное состязание.

Многие императоры, это известно каждому школьнику, были убиты, а затем мир вступил в мрачную полосу религиозной ортодоксии, продолжавшейся вплоть до эпохи Ренессанса. Появился такой удивительный феномен, как средневековая Италия с мрачными фигурами Макиавелли, Александра VI, Цезаря Борджиа и других. И в ней мы вновь видели откровенные деяния ума, чуждого так называемому чувству справедливости, равно как и проявления амбиций, не ограниченных ни верой, ни страхом.

Были и другие аналогичные периоды, но менее значимые, вплоть до того времени, которое последовало за 1865 годом. И тогда у нас в Америке мы начали культивировать расу гигантов, действующих решительно, осуществляющих свои операции в финансовой сфере, ибо деньги оказывались самым прямым средством достижения власти и благоденствия.

Такие люди, как Рокфеллер, Г. Г. Роджерс, Джей Гулд, Уильям Г. Вандербилт, Э. Г. Гарриман и, видимо, Рассел Сейдж, являются тому яркими примерами. Они не признавали законов и презрительно посмеивались над теми, кто им следовал. Я не думаю, что образ мыслей Г. Роджерса, или Джона Д. Рокфеллера, или Э. Г. Гарримана сильно отличался от того, каковому придерживались Александр VI, Цезарь Борджиа, Макиавелли, а если углубиться в историю Римской империи, то любой из двадцати римских императоров, включая Гальбу и Нерона.

Эти гиганты были сильны, жизнедеятельны, энергичны и

свободны от угрызений совести. Они закрепляли свои позиции там, где это удавалось, ударом кастета заставляли умолкать врагов, не слышали их стенаний. Все это не ново в нашем мире и никогда не сделается старым или новым. Просто все меняется. Новые времена требуют новых методов и новых условий. Наши соотечественники смело шли к намеченной цели и добивались ее несмотря ни на какие препятствия.

И именно эту атмосферу я стремился передать в "Финансисте". Моя книга отнюдь не содержит исчерпывающей картины. Тема во всей ее полноте, если бы она была сконденсирована в рамках одного тома, возможно, содержала бы, я надеюсь, интерпретацию процессов, которые начались и все еще продолжаются. Будь у меня время и силы, я вывел бы и других персонажей, которые демонстрировали бы аналогичную тенденцию, но в иных условиях. Если это модификация моей прежней тематики, то я с этим согласен.

– Какова тема "Финансиста"?

– Мне кажется, я только что удачно определил ее. Место действия – Филадельфия в период между 1847 и 1873 годами, главный герой – тип национального масштаба. Обстоятельства ничем не отличаются, разве что отдельными деталями, от того, что имело место в Сан-Франциско, Сент-Луисе, Бостоне, Чикаго, Филадельфии и Нью-Йорке. Я надеюсь, что они верно воспроизведены. Если оставить в стороне немногие специфические факты, большинству из нас знакомые, то колорит и характеры в произведении созданы на основе общеамериканского материала.

Я провел некоторое время в Филадельфии, изучая места, где должны были разворачиваться эпизоды романа, знакомясь с механизмом городского муниципалитета, но, кроме того, я стремился кое-что домыслить, на что имел право. Политическая атмосфера в романе типична, но не досконально точна. Что касается исторических дат, то по большей части они верны. Я отдал немало времени чтению трудов о финансистах разного рода, стремясь постичь суть денежных операций, чтобы сделать их понятными читателю, не перегружая книгу специальными деталями, которые никому не интересны.

– Считаете ли вы типичными изображенные вами отношения между американским финансовым миром и сферой общественных услуг?

– Безусловно, и, по-моему, бывали случаи значительно сложнее, чем описанные мною. Махинации Каупервуда, если иметь в виду филадельфийский финал романа, – это всего лишь детские игрушки по сравнению с изощренными манипуляциями финансистов в других городах, как, впрочем, и в той же Филадельфии, только в более поздний период.

– Намеревались ли вы в вашей книге дать картину гражданской войны?

– Не совсем. Большинство финансистов, характерным представителем которых был Каупервуд, не интересовались ни гражданской войной, ни вопросом о рабстве, ни каким-либо иным аспектом гражданских прав. Их заботило лишь то, какие возможности для личного обогащения откроются перед ними в результате гражданской войны. Ф. Д. Армор, например, начал с того, что рассчитал, как в результате войны резко возрастет спрос на свинину. Цены достигли, по-моему, 9 долларов за баррель. Постепенно он стал накапливать запасы свинины, пока не сделался монополистом на рынке, что его и обогатило. Это лишь единичный пример. Я обратился к гражданской войне, чтобы показать, как эти люди ее воспринимают. А введение фигуры Линкольна должно было послужить подтверждением того, что я только что сказал.

– Много ли времени заняла у вас подготовительная работа к "Финансисту"?

– В целом около года. Главная трудность для меня заключалась в овладении конкретными знаниями в области финансов и правдоподобном воспроизведении точки зрения соответствующего персонажа. Я проштудировал труд, названный "История Филадельфии день за днем", который оказался очень полезным, а также биографии таких людей, как Дэниел Дру, Джей Кук и другие.

Я очень благодарен тем, кто позволил мне воспользоваться личными коллекциями газетных вырезок, содержавших целые пласты фактов, столь мне необходимых. Я легко уловил атмосферу Филадельфии, хотя я там никогда не жил. Большинство исторических трудов, посвященных этому городу, позволяют составить о нем убедительную картину. Самым нелегким для меня было заставить работать механизм моего произведения так, чтобы читатель почувствовал движение действительности, а не просто увидел внушительную, сложную, но безжизненную конструкцию.

– Каким окажется герой вашей будущей книги?

– Видимо, я буду продолжать тему, начатую в "Финансисте". Естественно, история, связанная с миром бизнеса, охватывающая период с 1873 года по настоящее время или около этого, будет более насыщенной, суровой, яростной и величественной, чем та, что падает на отрезок между 1847 и 1873 годами. Но не думаю, что она будет более гуманной или будет милее уму и сердцу.

1912

О писателях и литературе.
Интервью с нью-йоркским корреспондентом "Правды"

Драйзер – один из немногих крупных писателей США, на которых кризис капитализма произвел глубокое впечатление и заставил по-новому увидеть мир. Раньше политически неустойчивый, Теодор Драйзер видит теперь вполне отчетливо, что возврата к здоровой экономической жизни на основе частной собственности нет, что капитализм надо сломать, заменив его "основанным на справедливости строе". Еще не так давно писатель возлагал некоторые надежды на "восстановительную политику" Рузвельта. Теперь он окончательно разочаровался и в этих надеждах.

– Улучшения не наступило, – говорит он. – Проблема кризиса не решена. Корабль капитализма потерпел крушение. Он мечется в открытом море. Бушует шторм. Механики пытаются заткнуть пробоины, но спасти судно уже невозможно.

Не будучи сам революционным писателем в подлинном смысле этого слова, Драйзер является лучшим другом революционной литературы. Он требует от писателей социальной правды, он высмеивает литераторов, приукрашивающих действительность в угоду буржуазии.

– Литература, в общем, на кризис не отозвалась, – говорит Т. Драйзер. – Страдания масс не получили отражения в "большой литературе". Возможность перемены строя не рисуется воображению писателей. Произошел невиданный крах, наступил "кризис кризисов", все язвы капитализма вскрыты до самых глубочайших тайников, люди проходят через адские муки. А посмотрите наши литературные журналы и прессу: они об этом почти не пишут. Если упоминается то или иное явление, то поверхностно и мимоходом, без связи с целым. Воображаю, что сделали бы Диккенс или Достоевский, используя современный общественный материал. А почему это так? Да очень просто. В массе буржуазной публики все еще преобладает уверенность, что существующая система – лучшая в мире. Живуча романтика наживы. Голливуд мертвой хваткой держит не только кинематографию, но и всю литературу. Идеал: человек, который никогда не работает. Вообще в ходкой американской литературе никто никогда не работает. Нет бедности, нет эксплуатации, а все трудности (большей частью любовные) разрешаются самым наиприятнейшим образом. Публику 150 лет воспитывали на литературе любовных интриг и наживы. От этого так скоро не отучишь ни читателя, ни писателя.

Драйзер приводит пример из собственного опыта:

– Вот я побывал в Кентукки, я видел горняков, видел батраков, познакомился с их судьбой и написал киносценарий "Та-

бак" Я написал о судьбе батрака, полураба на табачной плантации. Ну и что же? Продать сценарий некому. Ни одна кинофирма не купит. Публике, дескать, такие вещи не по вкусу. Да и как сочетать этот материал с голливудской красивостью? Нет у меня в сюжете и любовной интриги.

Драйзер улыбается, но его глаза остаются серьезными, почти жесткими.

– Американская литература спит глубоким сном. Гром кризиса ее не разбудил. Приблизительно в таком же положении, как я, находятся Шервуд Андерсон и еще несколько писателей, обладающих не только опытом, но и общественным, политическим сознанием. Мы – ничтожнейшее меньшинство среди огромного количества писателей, угодливо разрабатывающих образы преуспевающих бизнесменов.

Переводим разговор на материальное положение писателей.

– Характерно, что, в то время как все интеллигентские профессии жестоко пострадали от кризиса, на материальном положении писателей он сказался незначительно. Конечно, заработки теперь не такие высокие, как до 1929 года, но в общем живут писатели неплохо. Положение американской литературной братии куда лучше, чем во Франции или Англии. В Англии я лично видел одного довольно известного писателя, автора нескольких выдающихся книг, который стал приказчиком. Он вынужден служить в мелочной лавке за мизерное жалованье. У нас в США ничего подобного нет. Книжный рынок переживает депрессию, но все же книги печатаются в больших количествах. Правда, все они дрянь, не имеющая никакого значения. Автору, написавшему серьезную и честную книгу, издателя найти трудно. Процветают в литературе люди, чья мысль не осознала катастрофы. Кризис не коснулся сознания подавляющего большинства наших писателей, он не потряс их. Если бы они больше пострадали, они бы писали более серьезные книги.

Не нашлось у Драйзера теплых слов и по адресу американской литературной критики.

– Наша литературная критика, – говорит он, – не имеет никакой цены. Рецензенты вдруг начинают расхваливать автора без всяких оснований. Так было с английским писателем Майклом Арленом, так было с Олдосом Хаксли. Произведения Хаксли читаются не без удовольствия, но изюминки в них нет. Так было, между прочим, со Шпенглером, который, по-моему, не заслуживает шума, поднятого вокруг "Заката Европы". У нас открывают гения чуть ли не каждую неделю, чтобы о нем тут же забыть. А помните, как меня критики "отдубасили" за мою "Американскую трагедию"?

Еще бы не помнить! "Приличная" американская критика вопила, что роман Драйзера – поклеп на Америку, что так пи-

сать нельзя, что Драйзер выдумал свою страшную историю.

– Нам нужен критик, – заявляет Драйзер, – который сумел бы сорвать маску с нашей современной литературы. Двадцать лет назад это сделал Менкен. Он фаталист и реакционер, но он послужил на пользу американской литературе, согнав с нее слащавость, патоку.

Кризис, по мнению Драйзера, сказался больше всего на театре. Под прямым влиянием компартии написаны такие пьесы, как "Табачная дорога", "Им нельзя умереть", "Мир на земле", "Грузчик"

– Но буржуазный театр, – говорит Драйзер, – спит тем же непробудным сном, что и литература. Успех некоторых передовых пьес объясняется тем, что часть буржуазной публики заинтересовалась "радикальными" темами. Преобладает, однако – вернее, господствует, – театральная пьеса, пробавляющаяся все той же легкой любовной интрижкой.

Разговор, естественно, переходит на революционную литературу новейшего периода. Драйзер, не будучи сам в своих художественных произведениях революционером, очень ценит революционных писателей пролетарского типа. Он высоко отзывается о Фолкнере, Конрое, Роллинсе, Голде и других молодых. При этом добавляет, что не все у этих писателей его удовлетворяет.

– Им не хватает способности к глубокому психологическому анализу. Чтобы написать хорошее произведение, мало отозваться на какие-то социальные явления. За ними надо видеть человека. Наши пролетарские писатели отлично видят социальную среду, они понимают пружины общественной жизни, но они не трогают читателя глубоко, не захватывают, не потрясают. Причина? Молодые писатели рассматривают действительность согласно определенным формулам, тогда как писатель должен видеть действительность, и в первую очередь человека, ничем не затемненными под углом зрения своего художественного ви́дения.

Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Драйзер ссылается на Гоголя и Салтыкова-Щедрина.

– Эти великие писатели, – говорит он, – тоже были писателями социальными, они бичевали социальное зло, но какие замечательные получались у них человеческие характеры.

Драйзер тем не менее возлагает большие надежды на молодую пролетарскую литературу и на пролетарскую критику, представленную на страницах "Нью мэссиз":

– Тут здоровое начало. Тут заложены огромные силы.

Советских писателей Драйзер знает мало. В СССР он видит осуществление идеала социальной справедливости.

– Искусство – могучее средство исправления человеческо-

го несовершенства. Даже при коммунизме не все будет совершенным. Будут недостатки. Будут прорывы. Лучший корректив – свободная человеческая мысль. Можно добиться гораздо большего силою художественного воздействия, чем силою законов.

Драйзер в восторге от художественного гения русского народа.

– Рядом с русским средний американец похож на худое и поджарое животное рядом со слоном. У нас всегда берутся за мизерную, тоненькую темку, и всегда-то мы что-то проповедуем, и всегда мы за чем-то гонимся, а ничего у нас не выходит. Русская масса – это вроде золотой руды. Американцу не хватает универсальности, которой так богаты русские, даже простые крестьяне. Всей душой я чувствую это богатство русской народной среды. Поэтому-то я и предсказываю огромное будущее новой русской литературе на новой социальной базе.

Драйзер пользуется случаем передать сердечный привет Всесоюзному съезду писателей и выражает сожаление, что не может присутствовать на съезде.

1934

Беседа с французским журналистом

– ...Я не думаю, что роман отжил свой век, как и повесть и новелла. Но появились новые формы, которыми стремятся заменить роман. Кино ослабило и испортило литературную форму в Соединенных Штатах. Заранее известно, что любой роман, если он будет пользоваться успехом, немедленно купит кинематографическая фирма. Мне кажется, что постановщик фильма, режиссер приобретает большее значение, нежели автор печатного произведения. Если он истинный художник, то драма жизни интересует его так же, как писателя. Скоро наступит такое время, когда новый Шекспир кинематографии сможет взять плохую драму и превратить ее в "Макбета". В былое время книги, пользовавшиеся успехом, легко расходились в количестве ста или двухсот тысяч экземпляров. Теперь тираж в семь тысяч экземпляров считается большим успехом, тогда как в кино ежедневно бывают семьдесят миллионов американцев.

– Вы думаете, что кино убьет литературу?

– Кино ничего не сможет поделать с теми, кто твердо решил пользоваться печатным словом. Я не думаю, что кино окончательно убьет литературу.

Жизнь непрестанно меняется. Нет ничего постоянного и в искусстве. Работаешь для своей эпохи, для современной жизни и веришь, что труд не погибнет. Хочется, чтобы миллионы людей читали тебя и чтобы твои произведения были близки и понятны им. Подражать кино – этому модному и доходному искусству – в книгах, которые не будут расходиться? Зачем? Книга должна что-то давать автору. Не доллары, я не говорю о долларах. Но автор ждет поощрения, одобрения.

Мне очень хотелось бы, чтобы и роман и сказка продолжали существовать – это прекрасные литературные жанры. Но, знаете, я не уверен в том, что они выживут... Теперь следом за кино и радио идет телевидение. Я присутствовал на одном сеансе. И у меня создалось такое впечатление, что стоит поставить экран перед моей постелью, и я смогу видеть и слышать Рузвельта или Тосканини, дирижирующего оркестром, смотреть фильм или спектакль, лежа в постели. Это было бы так удобно. Возможно, весьма возможно, что благодаря телевидению я увидел и услышал бы столько разнообразного и интересного, что у меня не было бы уже ни времени, ни охоты читать книгу.

– Есть ли у современного писателя возможность заинтересовать читателя, найти в нем отклик?

– Во-первых – вы сами должны это знать, – большинство современных романов написано по шаблону. Вот возьмите с одной из полок моей библиотеки только что появившуюся книгу и какой-нибудь роман, вышедший лет десять-пятнадцать тому назад, – это ведь совершенно одно и то же. Молодой человек рассказывает о своей несчастной юности и не понимает при этом, что так дело обстоит во всех семьях. Некоторые делают попытки как-нибудь по-новому выразить свои наблюдения и впечатления, но великие романы редки, так всегда было. Бальзаку удалось создать великие романы, и Гюго, и Теккерею, и Диккенсу, и Толстому, и Достоевскому. У нас в Соединенных Штатах была очень хорошая литература: Эдгар По, Марк Твен – великие писатели. Но у нас подлинный реализм в большинстве случаев не имел успеха, его просто отвергали. Писателей в некотором роде терроризировали. Некоторые из них начинали свою деятельность прекрасными реалистическими книгами, а кончали участием в "Сатердей ивнинг пост". Я веду борьбу постоянно, борюсь и теперь. Я писал, произносил речи; во время стачки углекопов отправился в Кентукки, и, когда я задал самый простой вопрос одному из свидетелей, наемный охранник пихнул меня ружьем в живот и выгнал. Окажи я малейшее сопротивление – и он выстрелил бы в меня. Кому жаловаться? Смешно. Пресса, суд – все во власти трестов. Я написал книгу "Американская трагедия". И, в сущности, получилось так, что ее как бы запретили или изъяли из

продажи. Ужасная страна, где происходят таинственные вещи, где группа дельцов Уолл-стрита контролирует кино, где нет возможности высказаться по радио по вопросам политическим, социальным. Меня однажды попросили выступить перед микрофоном. Я мог бы подготовить ряд докладов на интересующие меня темы. Я спросил, могу ли я свободно высказать все, что захочу. Мне ответили, что мои доклады будут предварительно просмотрены. Вот как, ответил я, в таком случае прощайте.

Я, конечно, очень хотел бы, чтобы коммунизм обеспечил нам мир и покой. Я сам, видите ли, начал с ничего и добился многого, даже слишком многого. Но и теперь у меня не больше возможностей, чем тогда, когда я жил в одной комнате и писал свои первые рассказы. Сейчас в Америке столько доведенных до отчаяния людей страдают и нищенствуют, а некоторым в это время великолепно живется. Необходимы и роскошь, и игры, и развлечения, но они не должны быть привилегией немногих. Это несправедливо и ни к чему.

Я хотел бы быть очевидцем близких, грядущих перемен и посмотреть, действительно ли, как утверждают, тогда не будет ни злоключений, ни трагедий.

– А гибель "Челюскина"?

– Да, трагедии будут всегда. Но содержание их изменится. Тем лучше. Посмотрите, что делается у нас. Американские финансисты быстро воспринимают повадки фашистов. Им хотелось бы заменить либеральную олигархию олигархией тираннической. Они уже контролируют прессу, радио, кино. Им хотелось бы завладеть школой и обучать молодежь исключительно по стандартному методу, так, чтобы можно было удержать людей в рабстве. Я хочу, чтобы мир был свободнее, разнообразнее. Фашизм грозит смертью, гибелью.

Я всегда боролся против фашизма, и если бы он одержал победу, мне, несомненно, пришлось бы эмигрировать. И не только я один – многие оказались бы в эмиграции. Вы знаете, мои книги запрещены в Германии. Меня, Теодора Драйзера, как писателя ценят люди, обладающие чувством реальности, люди впечатлительные и отзывчивые. Мои читатели – против социальной несправедливости. У меня никогда не было других читателей. Никогда не писал я для приверженцев существующего порядка. Жизнь по самому существу своему изменчива, печальна, трагична и прекрасна. И я люблю ее...

1936

Речь, произнесенная в Париже

Как председатель сегодняшнего заседания, я хочу прежде всего приветствовать представителей различных стран, участ-

вующих в нашей конференции, – писателей Англии, Германии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Испании, Швейцарии, Чехословакии, Венгрии, Австрии, Мексики, Кубы, Чили, Болгарии, Югославии, а также моих соотечественников – американских писателей. На нашем совещании представлено больше стран, чем я мог ожидать, это самое внушительное совещание такого рода, какое мне довелось видеть.

Мне поручено – и я очень охотно это исполняю – выразить общее сожаление нашей ассоциации по поводу того, что к нам не могли присоединиться Ромен Роллан, Эптон Синклер, Томас Манн, Жан-Ришар Блок, Альфред Дёблин, Генрих Манн и представители советских писателей. Я хотел бы также выразить нашу общую благодарность видному итальянскому писателю Амедео Уголини, присутствие которого здесь, бок о бок с испанской делегацией, лишний раз подтверждает миролюбие писателей всего мира.

Мне было чрезвычайно приятно убедиться в том, что столько известных писателей объединились в борьбе за свободу в странах, существование которых сейчас омрачено фашизмом и войной. Это доказывает, что сегодня, как почти всегда в прошлом, писатели ясно видят и понимают общественные язвы своего времени.

Мне думается, что самое важное в искусстве и в литературе, чтобы художник и писатель с интересом всматривались в жизнь и пытались ее понять; а поняв ее, они естественно включатся в борьбу за выполнение важнейших задач, стоящих перед их родиной, в особенности если речь идет о борьбе за существование.

В самом деле, с тех пор как литература стала важным фактором в жизни народов, великие писатели много раз пытались отразить в своих произведениях страдания людей. В России примером тому служат Достоевский и Толстой. В Германии – Гёте, Шиллер, Гейне, Зудерман и Гауптман; а Англии – Диккенс, Теккерей, Троллоп, Уэллс, Шоу и другие. Для Франции можно, разумеется, привести почти весь список наиболее видных писателей от Гюго до Роже Мартен дю Гара. Что касается Америки – этой страны богатства, моей бедной родины, то со стороны может показаться, что там человеческие страдания, во всяком случае те, что вызываются материальными причинами, сведены до минимума, а значит – отпала необходимость в таких книгах, какие Достоевский писал в России или в каких Диккенс выступал заступником английских народных масс, – они даже утратили свое огромное значение. Нужно сказать, что до самого последнего времени лучших представителей американской литературы занимали не экономические лишения народных масс, а проблема личности и чисто личных человеческих переживаний. Больших писателей у нас не

так уж много, но все же они есть: взять хотя бы Эдгара По, фигуру всемирно известную, и его анализ мучительных личных переживаний, на которые порой обрекает человека жизнь. Герман Мелвилл, автор книг "Тайпи", "Ому" и "Моби Дик", всегда проявлял самый острый интерес к тайне и иронии жизни. Те, кто читал "Моби Дика", помнят, что это полумистическое, но облеченное в форму реальности изображение того, какой должна быть жизнь. Натаниел Готорн – вот еще один писатель, который на раннем этапе американской литературы воплотил в художественных образах личную драму мужчины и женщины. Тогда же творил Торо. Он не был романистом, но и его темой была несправедливость – не только несправедливость общества, но также несправедливость природы и человека. Четырнадцать томов его сочинений свидетельствуют о том, каким всеобъемлющим пониманием и сочувствием был отмечен его талант. Приведенный мною список легко увеличить, прибавив к нему имена Хоуэллса, Марка Твена, Генри Джеймса и Уитмена. Они тоже понимали человека и сочувствовали ему. Однако – и это, может быть, ново – они уже сознавали многое такое, что в их время не вмещалось в рамки религиозной морали и взглядов, определявших американскую жизнь до 1920 года (хотя в своих действиях Америка с самого начала, со времени основания первой колонии – Виргинии, отличалась большой трезвостью и самой настоящей безнравственностью). То была очень жестокая мораль, поскольку она принимала и покрывала рабство как нечто естественное и нравственное, и не только рабство негров, вывезенных из Африки, но и белых, которые с промышленным развитием Новой Англии оказались рабами машин. Существует мнение, по-моему справедливое, что спор из-за рабства был отчасти спором между промышленниками Новой Англии и вообще Севера, с одной стороны, и плантаторами Юга – с другой: Новая Англия постепенно убеждалась, что аристократия Юга, используя труд негров, приобретает такое же, если не большее, значение, как и сама аристократия Новой Англии, а отсюда возникла вражда, в которой существенную роль играла цена на хлопок. Однако было немало американцев, выступавших против рабства по религиозным и этическим мотивам – здесь сказалась простая человеческая доброта. И это породило представление об Америке, как о стране, которая, считая себя ответственной за поведение широчайших народных масс, не захотела иметь у себя эксплуатации человека человеком.

Для отмены рабства потребовалась война, а за этой войной сразу же последовало самое агрессивное и циничное промышленное развитие, какое когда-либо видел мир. В области труда мы перешли от черного рабства к белому на всей территории страны. В период между 1865 и 1896 годами возникли

все наши гигантские корпорации и крупнейшие компании. Уже тогда железные дороги, нефтяные, упаковочные, стальные корпорации, а также их банки и их юристы столь жестоко угнетали народ, что сами же своими действиями вызвали движение социального протеста: против железнодорожной компании "Саузерн пасифик" выступали и популисты Канзаса, и рабочие крупной компании "Пульман", западных железных дорог и упаковочных фирм, и фермеры Калифорнии. Конгресс, законодательные собрания штатов, верховный суд и прессу эти корпорации подчинили своей воле. Американской публике всячески внушали, что деятельность корпораций вполне правомерна, что настало время сильной личности, что всякий может стать Рокфеллером, Морганом, Гулдом или Вандербилтом, – хотя мыслящие люди в стране прекрасно понимали, что это не так. Уже в то время рядовой американец в финансовом отношении так порабощен, что, когда в 1896 году на пост президента был выдвинут мелкий, мало кому известный юрист Уильям Дженнингс Брайан, он добился огромного успеха своей предвыборной речью, известной под названием "Речи о золотом кресте" Знаменитая фраза из этой речи, завоевавшая ему наибольшее число голосов, звучала так:

"Не венчайте этим терновым венцом чело трудового человека. Не распинайте его на кресте из золота" Этим он хотел сказать, что финансовая и юридическая политика наших корпораций обрекает трудящихся на низкую заработную плату, закрывает перед ними путь к образованию, лишает большинство из них возможности достигнуть успеха и богатства, и сами трудящиеся понимают, что всем этим они обязаны махинациям американских финансистов.

Я не предлагаю вам трактата на экономическую тему. Все сказанное мною имеет целью подчеркнуть, что вместе с промышленным развитием в Америке возник роман протеста. Неожиданно у нас появляются писатели, которые усматривают связь между страданиями человека и его экономическим положением. В своем "Позолоченном веке" великий писатель Марк Твен разоблачает бесчеловечный и всемогущий "экономический индивидуализм" Америки. Можно сказать, что Марк Твен первым пошел по этому пути, но очень скоро за ним последовал Стивен Крейн; не ставя себе задачи бичевать пороки уже развитой экономической системы, он написал, однако, повесть "Мэгги, уличная девушка", в которой заключена серьезная социальная критика. Затем появились "Проезжие дороги" Хэмлина Гарленда – горестная повесть о страданиях американского фермера. Появились и другие книги – "За процессией" Г. Б. Фуллера, "Некий богач" Уильяма Аллена Уайта, моя "Сестра Керри" и "Джунгли" Эптона Синклера.

Очень интересно и знаменательно то обстоятельство, что

с появлением этих книг в американской литературе наступил конец первого периода протеста против социальной несправедливости. Как раз тогда – в связи с тем, что американская правящая верхушка всячески противилась любому изменению социальной морали в части, касающейся положения личности и права отдельного человека брать и удерживать все, что в его силах, – пресса, уже приученная выражать мнение богачей, подняла страшный шум. Мало того, писателя стали подвергать социальному остракизму: с ним порывал его издатель; если у него было сколько-нибудь видное общественное положение, от него отворачивались прежние друзья. Судебные преследования и приговоры, обвинения в диффамации – все пускалось в ход, чтобы очернить книгу, особенно если в ней содержалась пощечина общественному строю, основанному на долларе, как на источнике всяческих благ. Уже тогда, в 1905 году, хозяева Америки и их пресса не желали, чтобы в стране существовали люди с радикальными взглядами. Всем известно, что еще в 1886 году был объявлен анархистом и повешен человек, обвиненный в том, что он якобы бросил бомбу на площади в Чикаго. За этим последовали такие факты, как расстрел рабочих сталелитейного завода Карнеги в Питсбурге, спровоцированный Г. К. Фриком. В борьбу за демократию против плутократии вступили смелые выразители мнения народа – Юджин Дебс, Эмма Голдмен, Иоганн Мост. Вышли в свет такие книги, как "Капитал" Маркса, "Прогресс и бедность" Генри Джорджа и "Взгляд в прошлое" Эдварда Беллами. Они получили широкое распространение и обсуждались так бурно, что мы наконец кое-что узнали о положении народа и борьбе классов. В литературе выявились враги и защитники этих книг из числа тех, кто раньше утверждал, будто литература вообще не должна заниматься социальными проблемами, и таким образом вопрос о народе и о классах прочно вошел в сознание американцев.

Особняком стоят два человека: Генри Менкен и Джордж Джин Натан, первый – литературный критик, второй – театральный. Оба они, каждый в своей области, ратовали за всякое произведение искусства, независимо от того, касалось оно экономических проблем или естественной трагедии жизни, и никогда не ополчались против произведения искусства только потому, что оно отражало какой-то социальный перелом. Работы Менкена и Натана, книги ряда писателей, таких, как Абрам Кахан ("Происхождение Дэвида Левинского"), Уилла Кэсер ("Моя Антония"), Шервуд Андерсон ("Уайнсбург, штат Огайо"), знаменуют дальнейший отход американского романа от традиционного описания светской жизни и поворот к проблемам существования человека в условиях американской псевдодемократии. Во время мировой войны и сразу после нее появилось еще несколько книг такого рода. Самые зна-

чительные из них – "Прекрасные и проклятые" Скотта Фицджеральда, в которой разоблачаются бессмысленные прихоти богачей, и "Главная улица" Синклера Льюиса.

Последовавшая за мировой войной социалистическая революция в России снова изменила направление американской литературы, или, вернее, разделила ее на два потока: с одной стороны – условный роман, по-прежнему занимающийся переживаниями отдельных людей, с другой – роман социальный, освещающий многообразные проблемы трудовой жизни рабочих и фермеров, причем в этом втором потоке мы находим несколько по-настоящему сильных произведений, имеющих свой круг читателей. Вступление России на путь социализма озарило существующее в Америке социальное неравенство таким ослепительным светом, что наряду с книгами, имеющими единственной целью развлечь читателя и старательно обходящими социальные проблемы, неизбежно должны были появиться другие книги, показывающие необходимость изменения общественного строя. Количество и тех и других книг очень велико.

Лично мне книги, содержащие какой-то рассказ ради рассказа, доставляют очень мало интеллектуального или эстетического удовлетворения. Что же касается книг, в которых освещены экономические и социальные условия нашего времени, то здесь я могу назвать по меньшей мере два замечательных произведения: это – "Акр господа бога" Эрскина Колдуэлла и "Святилище" Уильяма Фолкнера. Эти книги, а наряду с ними несколько пьес, поставленных за последние годы ("Люлька будет качаться" Марка Бейтсштейна, "Грузчик" Пола Питерса, "Табачная дорога" – инсценировка романа того же Эрскина Колдуэлла, не сходящая со сцены в течение пяти лет), безусловно, свидетельствуют о новой тенденции в американской литературе, хотя они и подвергаются жестоким нападкам со стороны консервативных критиков, состоящих на службе у нашей плутократии. Именно эти писатели и представляют в наше время подлинную литературу Америки. А о тех, других, забудут через день, через неделю или через три месяца.

Мне неизвестно, каково положение в литературе большинства представленных здесь стран. Я не знаю ни одного языка, кроме своего родного, но думаю, что сказанное мною может отчасти осветить проблемы, стоящие перед писателями любой страны. Мне кажется, что у нас, в Соединенных Штатах, борьба за социальную справедливость еще только начинается, но в своем развитии эта борьба будет находить все большую поддержку не только в лице самих писателей, но и в более высоком идейном и эстетическом качестве их произведений. А ведь в конечном счете этим мы, главным образом, и можем служить делу справедливости.

1938

ДРАЙЗЕР СМОТРИТ НА РОССИЮ

Главы из книги

Я получаю приглашение в Россию

Невзирая на то что я известен как неисправимый индивидуалист и подобные взгляды коммунизму противны, советское правительство пригласило меня посетить Россию, познакомиться с жизнью страны. Я принял приглашение и предложил свои условия:

1. Я сам выбираю маршрут и имею право задавать любые интересующие меня вопросы.
2. Меня должен сопровождать секретарь-переводчик.
3. Если в моих отзывах о стране возникнут нелестные суждения, прошу не рассматривать это как неблагодарность в ответ на гостеприимство.
4. Прошу не настаивать на публикации моих отзывов о поездке, если я почему-либо не склонен этого делать.

Мне вежливо ответили телеграммой, что мои условия приняты, и вот 19 октября 1927 года я отплыл из Нью-Йорка на восток. В общей сложности я пробыл в России два с половиной месяца, сначала жил в Москве и Ленинграде, потом отправился путешествовать в глубь страны, посетив Пермь, Новосибирск, Нижний Новгород, Киев, Харьков, Сталино, Ростов, Тифлис, Баку, Батум и объехал все черноморское побережье от Батума до Одессы.

Не хочу спешить с окончательными выводами, ведь ни я, ни советское правительство не могли ожидать от столь беглого знакомства со страной исчерпывающего и внушительного отчета о величайшем в мире социальном эксперименте. Поэтому я просто делюсь своими впечатлениями и наблюдениями.

Приехав с Запада, привыкший к относительно мягкому климату Соединенных Штатов, я смотрю на Россию как на страну вечного холода, где постоянно надо заботиться о судьбе всего живого. Разъезжая по России, я не раз проникался глубоким сочувствием к людям, которым приходится возделывать столь необъятную землю в столь суровых условиях. И вместе с тем

я не переставал удивляться: почему именно эта страна, с ее колоссальным, разбросанным по огромным просторам населением да еще при таких неблагоприятных климатических условиях, стала местом созидания нового, доселе невиданного государственного строя – хотя мне и говорили, что, по мнению Ленина, именно здесь, в России, сложились все предпосылки для создания первого в мире социалистического государства, включающие и особенности характера русского народа.

Мне кажется, что советская форма государства, возможно, изменяясь со временем, выстоит в России; более того, станет распространяться, оказывая политическое воздействие на другие страны. Но хотя советская система имеет свои преимущества, должен признаться, я не полностью разделяю советскую идеологию и методы ее претворения в жизнь. Иногда мне кажется: не новая ли это форма самодержавия? И в то же самое время я живу с ощущением, что и Америка постепенно начнет советизироваться – возможно, это случится уже на моих глазах. Не думаю, что стране магазинных, гостиничных, газетных, промышленных и торговых концернов было бы очень сложно перейти к государственному концерну советского типа, у руководства которого, как в России, стоит правящая партия.

В целом, я думаю, русский народ доволен советской системой, и люди верят, что она будет совершенствоваться день ото дня. Но я не могу поверить, что подавляющее большинство населения России, как бы интенсивно ни действовала пропаганда, полностью осознает суть и смысл программы построения коммунизма. Да этого и нельзя ожидать от неискушенных масс; их, несомненно, впечатляет столь широкий размах процесса индустриализации, проходящий весьма успешно, чего они не могут не одобрить. Россия, возможно, станет когда-нибудь одной из мощнейших экономических держав мира, а не только военной державой, какой она, пожалуй, сейчас является.

Хочу перечислить основные, на мой взгляд, преимущества советской системы.

Первое. Идеологи и руководители страны считают, что главное для человека – труд в любой форме, умственный или физический, и худший порок – лень, бездеятельность, намеренная или вынужденная; перед государством поставлена задача обеспечить население работой и искоренить праздность. Я голосую за это обеими руками.

Второе. Считается также, что человек должен работать ровно столько, сколько необходимо, чтобы построить высокоразвитое государство в экономическом, культурном и научном плане со справедливым социальным строем, возможно, самое лучшее в мире, потому что блага и богатства этого государства станут доступными для всех граждан: при достижении этой цели каждый сам решит, чем ему заниматься в дальнейшем.

Третье. Меня поразил и до сих пор поражает тот факт, что советское правительство проявляет глубокий интерес к творческим возможностям человеческого разума, который, будучи свободным от предрассудков и догматизма, укажет человечеству путь от невежества и нищеты к знанию и счастью. И, учитывая эту перспективу, советское правительство очень серьезно занимается просветительской деятельностью.

Правда, на мой взгляд, слишком рано начинают забивать неискушенные умы принципами коммунистической морали, зато достигают безоговорочного приятия коммунистических идей. Но параллельно с давлением на молодежь действует новая система образования, лучше которой я не знаю. Она настолько великолепна, что, мне кажется, пройдет время – и она поможет освободить коммунистические идеи от догматизма, будет способствовать переходу на самый рациональный путь развития, иными словами, даст нам наиболее прогрессивную форму государственности. Очень хочется верить, что так и будет.

И вот еще, что есть сейчас в России, – это запрет всякой частной наживы, поскольку, считают коммунисты, богатство одного порождает бедность другого, а такое недопустимо в коммунистическом обществе. Чтобы исключить это, в народном хозяйстве организована общегосударственная система управления и контроля. Нет необходимости пересказывать здесь сущность этой системы, это хорошо известно. Действенность ее обеспечивается, как говорят коммунисты, широким участием народных масс в ее работе. Я не могу целиком с этим согласиться, поскольку в настоящее время форма государственного управления в России – диктатура, при которой я не вижу возможности для самовыражения народных масс. Однако улучшение благосостояния в России, несомненно, свидетельствует в пользу этой системы. Кто мне не верит, советую съездить в Россию и убедиться.

Мне хотелось бы упомянуть еще об одной из черт новой России: стремясь к идеальному обществу, где все будут иметь право на труд, в стране взяли курс на воспитание сознательности, чтобы каждый понимал, что в его же интересах иметь ровно столько, сколько необходимо для удовлетворения основных жизненных потребностей не в ущерб потребностям другого. Кроме того, чтобы уравнять эти потребности, общественный труд – умственный или физический либо сочетание того и другого – тоже должен быть распределен поровну, только при этих условиях будет успешно развиваться общество и правительство сможет проводить необходимые коллективные мероприятия, которых ждут от него граждане, будучи членами единого социального организма.

Далее: по согласованию с трудящимися, как мужчинами, так и женщинами, правительство занялось разработкой долго-

срочного плана или программы социальных преобразований, в которой должен участвовать каждый гражданин, осознает он сегодня необходимость этого или нет. Новая индустриальная программа России предусматривает необходимое условие: кто не работает, тот не ест. Работают кто как может, труд полностью не механизирован. Но главное, самое привлекательное в этой программе: стремление сделать труд приятным, радостным, необходимым и хорошо оплачиваемым. Возникает вопрос о продолжительности рабочего дня (детям до шестнадцати лет работать, разумеется, запрещено), но сокращение рабочего дня не должно идти в ущерб обеспечению нужд сегодняшнего дня: необходимости обеспечить население продуктами питания, одеждой, жилищем, местом проведения досуга, медицинским обслуживанием и организацией отдыха с выплатой пособий по болезни или в связи с несчастным случаем, оплаченным отпуском, пенсией по старости и так далее. В настоящий момент, по мнению руководителей советского государства, в силу многих причин: недостаток инженерного образования, истощение экономики в результате первой мировой войны и гражданской войны, отсутствие капиталов в казне к моменту прихода к власти большевиков, необходимость срочно изыскивать средства на приобретение техники, наем инженерных сил и развитие ресурсов внутри страны – предстоит работать по восемь часов в день, причем работать интенсивно; однако даже частичная реализация программы технического и экономического развития в России устранит необходимость работать интенсивно по восемь часов в день. И если через какое-то время станет ясно, что для дальнейшего выполнения программы достаточно работать по семь часов в сутки, все трудящиеся перейдут на семичасовой рабочий день. И действительно декретом ВЦИК, принятым в октябре 1927 года, для рабочих промышленности с будущего года повсеместно вводится семичасовой рабочий день. Остается в силе шестичасовой рабочий день для служащих, а также для тех, кто занят на вредном производстве. Пройдет еще немного времени, и окажется, что все желаемые жизненные блага – одежда, квартиры, поездки, библиотеки, развлечения, образование – все станет доступно, и работать для этого придется всего шесть часов в день. Наступит момент, когда для этого понадобится трудиться по пять, четыре или даже три часа в день, и тогда повсюду – на заводах, в конторах, в сельском хозяйстве, где появится новая техника, – будет объявлен соответственно пяти-, четырех- или трехчасовой рабочий день.

Более того, поскольку работа в любой ее форме является составной частью общей программы, условия труда рабочих должны быть максимально благоприятными. А для этого необходимо строить удобные для работы и красивые здания заводов, учреждений, общежитий, жилых домов, причем по воз-

можности в предельно сжатые сроки. Иными словами, помещения для работы должны быть максимально благоустроены с учетом специфики труда.

Именно эта сторона социального устройства России и все, что с ней связано, представляет для меня наибольший интерес, поскольку в России задействованы наиболее передовые методы экономики, и они, безусловно, найдут применение в народном хозяйстве. Прежде всего я имею в виду повсеместное совершенствование условий жизни и труда, сейчас в это даже трудно поверить, так как речь идет о стране с неблагоприятными климатическими условиями, с почти безграмотным населением. Но куда бы вы ни поехали – в Донецкий бассейн, на юг России, где находятся месторождения угля, калийной соли, или в Сибирь с ее буровыми, с ее открытыми ветрам просторами, или в Кузбасс с его угольными шахтами, сталеплавильными и газовыми заводами, электростанциями, или в Одессу, Ленинград, Киев, Нижний Новгород, наконец, Ташкент – в самый центр Азии, – повсюду вы почувствуете заботу о трудящихся, которая сказывается и в строительстве каждого нового здания и в его оснащении.

Например, на шахтах Сибири и Донбасса (до чего суров климат в тех местах, я там побывал!) я увидел все необходимое для обеспечения техники безопасности и условий труда: невоспламеняющиеся лампы, система усиленной подземной вентиляции, электрическое освещение, современные электрические отбойные молотки, противогазы и так далее. Специальное обмундирование шахтера выдается за казенный счет. А когда шахтер поднимается наверх после шестичасовой рабочей смены, его ждет не только комната отдыха, но и горячий душ. Забойщик, работающий в шахте, трудится всего шесть часов в сутки, потому что правительство расценивает этот труд как наиболее опасный для жизни. Шахтеры, которые не спускаются в забой, работают пока по восемь часов в сутки – их работа менее опасна. Забойщик получает двести пятьдесят рублей в месяц (это больше, чем оклад Сталина или Луначарского), шахтеры, занятые на более простой работе, – по сто–сто пятьдесят. Добавлю, что жизнь шахтеров застрахована на весьма значительную сумму.

Кроме того: шахтеры, как почти все категории промышленных рабочих шахты, живут в новых трех- и четырехкомнатных домах, с ванной, верандой и небольшим садиком. В качестве развлечений и отдыха для них существуют прекрасные дома-клубы с бассейном, с площадкой для игры в городки, бильярдной, актовым залом, читальней, библиотекой, спортивным залом и столовой. Клубы не только для мужчин, но и для женщин! Неподалеку от шахты, от завода, от управления почти всегда расположены больница, профилакторий, библио-

тека, детский сад и ясли – иными словами, культурно-оздоровительные учреждения для рабочих, для их жен и детей. Летом все трудящиеся имеют месячный оплачиваемый отпуск, который могут провести у Черного или Каспийского моря, на Волге, в любом курортном месте страны.

Я ничего не выдумываю, я это видел своими глазами. И в целом, как бы ни относиться к коммунистическому учению, это заслуживает одобрения. Подобная забота распространяется почти на все категории трудящихся – на железнодорожников, кораблестроителей, лесорубов, шоферов, служащих, грузчиков Ташкента, бакинских нефтяников и рабочих рыбоконсервного завода на Каспии, на Черном море, за полярным кругом. Однако мне пока не ясно, распространяется ли то же самое на крестьян, а их в России сто двадцать миллионов, и положение их совсем иное. Я еще остановлюсь на этом вопросе подробнее.

Кроме того, я всецело одобряю новую систему образования в России, за исключением той установки, которая нацелена на искоренение индивидуальных интересов. Не представляю, что такое возможно. Даже если возможно, то зачем? Однако в целом общий подход к проблемам образования настолько интересен, настолько прост и ясен, что, пожалуй, его можно назвать самым разумным в мире.

Я бы даже выразил пожелание, чтобы существующую у нас школьную систему "выбросили на помойку", заменив ее новой системой образования, ведущей к знаниям, к мысли. Нет необходимости исследовать систему школьного образования Америки, достаточно пообщаться с молодежью, сотни тысяч которой ежегодно заканчивают школу, – и на многочисленных примерах можно убедиться в том, что менее всего наша школа учит мыслить. Несмотря на постоянные потуги расширить и усовершенствовать учебные программы школ и колледжей, без внимания остается такое ценнейшее и продуктивное свойство человеческого разума, как умение и необходимость концентрироваться на обдумывании вопроса, как развитие самостоятельного мышления. Можно сказать, любые попытки культивировать эти свойства оказываются безуспешными. Разумеется, существуют личности, от природы наделенные способностью самостоятельно мыслить, естественно, независимо от погрешностей школьного образования. Но ведь существуют и другие, менее способные, для которых даже самая блестящая система образования может оказаться бесполезной, потому что самостоятельно мыслить они не умеют. В России создана система образования, которая учит школьника мыслить. Уже одного этого вполне достаточно, чтобы голосовать за такую систему обеими руками, и я надеюсь, что доживу до того дня, когда и у нас в Америке займутся тем же.

Детей учат запоминать буквы и цифры от одного до десяти с помощью карточек, кубиков с изображением букв или цифр, а также повторением вслух. Освоив это, малыш в группе своих сверстников начинает изучать предметы – книгу, игрушку, деревянный брусок, обрывок веревочки, что угодно, хотя бы свою собственную панамку. Скажи, что у тебя в руке? Панамка. Что это такое? Зачем она? Из чего сделана? У нее есть цвет? Какого она цвета? Какие бывают цвета? Какая у панамки форма? Какие бывают еще? Потом следуют вопросы о величине, о том, тяжелая она или нет, из чего сделана. Или: выкладываются панамки в ряд – сколько панамок?

Вот так, шаг за шагом, ребенок знакомится с жизнью. Одновременно охватывается множество аспектов знаний – язык, грамматика, арифметика, физика, химия, общественные науки, биология, и, как видите, ребенок может самым естественным образом, с помощью привычной для детей наглядности сразу постичь очень многое. И коль скоро он проявит особый интерес к чему-то, его дальнейший путь, возможно, определится в этом направлении. Я не слышал на уроках тупого зазубривания, хоть в программе есть и обычные и специальные предметы, которые вводятся постепенно. Постепенно формируется и коллектив класса, его нравственный облик. Из собранных мною данных, из общения с детьми следует, что результаты этой методики необычайно эффективны. Во всяком случае, подход к проблеме образования очень разумен, поощряется правительством – и это ценно. Разумеется, все преподносится сквозь призму коммунистической морали. Но в пользу этой морали говорит уже то, что она предоставляет всем членам общества равные права и поддерживает человека в его жизненной борьбе. Если это начинание заглохнет, будет очень обидно.

И еще я не могу не приветствовать экономическую, правовую и социальную эмансипацию женщин. У нас слишком много болтают о свободных нравах женщин в России, однако, насколько я могу судить, здешние нравы ничуть не отличаются от тех, которые бытуют в любой стране. Если и существуют какие-то перемены в нравах, то они повсеместны в мире, а не локальны. Теперь в России, это каждому известно, брак не связывает больше нерасторжимыми узами. Развод не проблема, достаточно заявления о желании разойтись. Ни церковь, ни государство не властны над этим процессом: ушли в прошлое стряпчие с их темными делишками, переполненные залы судов с судьями-обывателями, церковные ритуалы и обряды, выкачивавшие деньги в карман раздобревшей, погрязшей в праздности церковной знати, поборника религиозной морали. И поскольку о частной собственности теперь говорить почти не приходится, нет больше судебных тяжб и обид по поводу раздела имущества. Отпала причина, не позволявшая супругам,

уже давно не любящим друг друга, расторгнуть брак, боязнь потерять свою долю наследства. Больше того, поскольку и муж и жена работают и каждый может при необходимости обеспечить себя, кончились извечные стенания по поводу несчастий брошенной с ребенком жены. Женщина способна найти себе работу, способна содержать себя, так должно быть и так уже есть. Если она больна и нетрудоспособна, бывший супруг выплачивает ей четверть зарплаты до тех пор, пока она не сможет работать; помогает ей и государство. Но это не все. Если у женщины есть дети, опять на помощь приходит государство, и делается это естественно и вполне разумно. Когда ребенку исполняется шестнадцать лет, он может работать и обеспечивать себя. До шестнадцати детям требуется материнская опека, они должны учиться – содержание поровну берут на себя отец и мать вплоть до совершеннолетия. Заметьте, никаких тяжб по поводу наследуемой собственности, потому что ее не существует. Мне лично все это представляется замечательным. Должен сказать, что впервые в жизни в этой единственной в мире стране я попал в обстановку, лишенную газетных сплетен о разводах, судебных процессах из-за нарушений супружеских обязательств, семейной вражде, о выплате алиментов на несчастного малыша – короче, в обстановку, лишенную того единственного чтива, которым увлечен сегодня недалекий американский обыватель.

Ну а теперь на основе всего сказанного я перейду к вопросу об отношении полов, вопросу, который повсюду в мире, кроме России, вызывает столько трескотни и пересудов! (Тут и обсуждение аморальных книг и пьес, всякие общества по борьбе с пороками и их добровольные последователи, общественная цензура нравов, полицейские облавы, побеги любовников, убийства, насилия, садистские выходки – и чего только нет!) Я с радостью и чистым сердцем заявляю своим читателям: ничего подобного вы не встретите в России. Здесь газеты не печатают такого. И поскольку брак и развод или решение пары о совместном сожительстве происходят беспрепятственно и не подвергаются общественному осуждению, постольку нет и почвы для накала страстей вокруг проблем пола. Любовь здесь не запретная тема. Здесь не вычеркнут акт из пьесы, фрагмент из книги, не станут замалчивать реальные события по соображениям нравственной цензуры, как сделали бы власти в Америке. Взаимоотношения между мужчиной и женщиной нормальны и естественны. Любовь может быть постоянной, а может и оборваться. На человеческие отношения уже не оказывают влияния вопросы материального или общественного положения или законы религии, в такой ситуации мужчина и женщина должны сами решать свою судьбу. Истинное преступление – насилие, убийство. Супружеская неверность уго-

ловным преступлением не является, люди устраивают свою личную жизнь по собственному усмотрению... Думаю, что такой взгляд, пожалуй, самый здравый из всех, какие мне известны.

Вместе с тем я столкнулся с новым, особым подходом русских к решению множества экономических и социальных проблем, о чем расскажу ниже. В общем, могу сказать: эту страну, несомненно, ждут огромные перемены. Но сколько это продержится? Сколько бы ни продержалось, все равно никогда уже не умрет в людях стремление к лучшей жизни, в какой бы форме демократии или усовершенствованной диктатуры оно ни воплотилось. Учитывая все вышеизложенное, мне не на что сетовать, я приветствую новую систему. Более того, я хотел бы дожить до того дня, когда верную своим принципам Россию признали бы во всем мире, оказывая ей поддержку, стимулируя ее порыв к лучшей жизни. Ведь русские – думающий народ. И именно России, а никакой другой стране, суждено, как мне кажется, произвести величайшие свершения, как в духовной, так и в материальной областях. По крайней мере я верю в это. И раз уж в нашем неспокойном, полном лишений мире появилась такая возможность, разве не разумно всячески содействовать ее воплощению?

Столица государства большевиков

О Москве я наслышался всякого и до и в особенности после поездки в Россию – в частности, что город непригляден и производит крайне унылое впечатление, что по улицам бродят полуголодные, бедно одетые люди. Пожалуй, можно согласиться, что на улицах много бедно одетых людей, но назвать Москву унылым местом, уверяю вас, никак нельзя! Нигде, ни в Европе, ни в Америке, не видел я второго такого города, настолько поражает он своей уникальностью – самым сильным из всех привлекательных свойств, – колоритом и разнообразием городского пейзажа.

Представьте себе хаотически разбросанные улицы и площади! Идешь – и то и дело открываются взору симпатичные дворики в обрамлении деревьев, встают памятники, убегают вдаль бульвары. Мрачноватые, обветшалые, но все еще весьма колоритные дворцы, некогда величественные особняки, бывшие резиденции капиталистов, купцов, "общественных паразитов", "кровопийц"! А уж церкви! Множество – не сосчитать! Их в Москве триста восемьдесят четыре. Изумительны их чешуйчатые, как ананас, купола – зеленые, золоченые, коричневые, красные, белые, лиловые. А колокольни с неповторимым разнообразием колоколов: такого перезвона мелодичного, то полнозвучного, то печального, то грозного, не услышишь боль-

ше нигде в мире. А булыжниковые мостовые! И русская легкомысленная беспечность! (Но это, как я понимаю, в официальные достопримечательности не входит.)

И еще автомобили, трамваи, дрожки, грузовики и нелепые громыхающие телеги, в которых возят почему-то по крохам (ох уж эти беспечные, непрактичные русские!) – один бочонок, пара рыбин, дюжина стульев или ванна! А как-то раз мимо проехал открытый катафалк, оказавшийся в это время свободным, видно, не при деле, и немедленно по российским порядкам пущенный в ход: его нагрузили сеном! Ей-богу! Вот так у них, у русских. Надо – значит надо! А что такого? Уверяю вас, для Москвы, да и для всей России, это дело обычное. И на козлах восседает, словно на тройке, русский мужик; натянул на себя все что есть теплого, напялил на себя, укутался, только усы торчат, и вовсю дымит махоркой – зловонней этого табака нет на белом свете. Чертово зелье, я чуть не стал жертвой его смертельных паров: зазевавшись, пялясь на катафалк, застрял посреди заснеженного тротуара, и вдруг почувствовал, как ударили в нос ядовитые пары. (Представляю себе – падаю замертво, усатый кучер кидает мое тело в катафалк, поверх сена. Работенка попутно подвернулась...)

И еще: зимой и мужчины и женщины облачаются в теплые пальто на вате – ни дать ни взять пухлые матрасы снуют по улицам. А на голове меховые шапки или шапочки, как меховые цилиндрики или муфточки. У нас в Америке такой головной убор вполне польстил бы членам какой-нибудь масонской ложи или кавалерам ордена Святого Патрика. В палатках бородачи в тулупах и валенках продают пирожки с мясом, папиросы и крымские фрукты. Женщины в платках с лотка торгуют всем, что хотите, – от яблок до бюстгальтеров. И это на фоне памятников старины, византийской культуры: царских дворцов, над которыми горят золоченые купола церквей, играют кобальтовой синью, нефритовой зеленью и изумрудом с позолотой их маковки, дополняя изящество форм неповторимостью своего облика и смелостью орнамента, сияют, как яркие восточные каменья среди неброских стареньких зданий.

Вспомним, что новая Россия объединяет то ли сто шестьдесят три, то ли сто шестьдесят семь (даже будучи в России, я не смог узнать точную цифру) разных народностей, или национальностей, или народов – как угодно, – и что народы России различаются по цвету кожи и по внешнему виду, по языку и по костюмам и даже по особенностям характера и темперамента. На огромной территории Советского Союза проживают и пользуются равными правами турки, туркмены, армяне, персы, афганцы, монголы, казахи, киргизы, грузины, узбеки, таджики. Если при этом учесть, что Москва признана единой для всего государства столицей, можно представить, сколько

разного люда со всей страны привлекает она к себе. Ежедневно в Москву приезжают представители разных национальностей, многие остаются жить в столице. Такое стихийное людское наводнение города порой ставило меня в тупик. "Неужели, – недоумевал я, – человек издалека так быстро осваивается? Нет, серьезно, объясните мне, неужели он не чувствует, как на него... скажем, косятся, потому что он иначе говорит, иначе одет?" И мне объяснили, что только я, человек другого мира, привлекаю к себе внимание, а приезжие из разных концов этой удивительной страны – нет. Словом, готов утверждать: если я нахлобучу на голову медную кастрюлю, суну ноги в деревянные башмаки, обернусь в одеяло племени навахо, или в простыню, или в матрас, затянувшись поверх кожаным поясом, и буду ходить в таком виде, никто и внимания не обратит; иное дело, если я выряжусь во фрак и шелковый цилиндр. Такова Россия. Таков СССР – этот удивительный союз племен и народов, единодушно избравших путь к лучшему будущему.

Возвращаясь к Москве: здесь вам скажут, что многолюдно в городе стало после войны, точнее, после того как Москва снова сделалась столицей. Но это не так. Еще в 1902 и в 1907 годах в городе остро стояла жилищная проблема, более 10% бедного населения жило в подвалах. С 70-х годов прошлого века город начал быстро расти, и его рост продолжается и по сей день; у нас много шумят о том, что сейчас в столице России на одну комнату приходится по два и более человек, однако в 1907 году четверть жителей Москвы, десять тысяч семей, ютились по четыре человека в комнате. И все же, подтверждая, что люди живут по двое и больше в комнате, коммунисты испытывают неловкость. Просто они не знают, как жилось в городе до революции.

В целом, после множества пеших прогулок и езды в санях по Москве, могу сказать, что это относительно чистый, оживленный, полный энергии город. Улицы здесь мостят, – когда тает снег, грязно. Но с ноября по апрель в городе снежно; чаще всего снег сдувается вьюгами и разносится бог весть куда, тогда приходится его привозить, чтоб могли ездить сани. И всю долгую зиму Москва чистая, белая, снег придает мягкие очертания желтоватым, серым и белым домикам, и только красные, зеленые, желтые, коричневые, позолоченные купола-луковки веселят зимний пейзаж. Правда, штукатурка на фасадах иногда в трещинах или в пятнах плесени, симпатичные чугунные балкончики ржавеют, а краска на дереве лупится. Роскошные старинные дворцы, музеи, дома зажиточных купцов превращены в библиотеки, художественные галереи, мемориальные музеи, больницы, клиники. Вы нигде не увидите ни лихих экипажей, ни роскошных автомобилей. Никакой пышности, никакой показухи. Сколько бы ни бродили по городу, вы встретите

людей, одетых более чем скромно, таких тысячи, а одетых хорошо очень мало, может быть, сотня. И все же в целом здесь царит атмосфера благополучия – нет и следа того тягостного ощущения человеческой нужды, подавленности, которое характерно для Западной Европы и Америки. В России этого нет.

Но в Москве можно встретить и нищих. Они попадаются на улицах. И немало. До чего колоритны эти фигуры, до чего живописны их многослойные лохмотья! Словно многоцветный плащ библейского Иосифа, только сильно поношенный и грязный. Но в основном, если присмотреться, большинство из них – люди упитанного вида, явно не умирающие с голоду, явно не страждущие, как могло бы показаться на первый взгляд. Напротив – и в этом нетрудно убедиться при надобности – они попрошайничают, чтобы поиметь легкий заработок. Ведь это проще, чем обращаться в соответствующую государственную контору, доказывая, что у тебя нет, как у нас выражаются, "видимых средств поддержания существования" (И что за чертовщина это "видимое поддержание", кто его знает!) и в результате получить пособие для "неимущих", то есть пятнадцать рублей в месяц, и место в ночлежке. Да не просто так – для этого надо чуть-чуть поработать либо приложить усилия, чтобы найти работу. А просить милостыню – это просто торчать на улице, пусть в холод и в метель, что для русских, должен заметить, гораздо проще, чем для американцев.

Безработица существует. Большинство безработных – это прежде всего крестьяне, приехавшие из деревни в город, а также чиновники, уволенные в результате сокращения государственного аппарата в связи с попыткой уменьшить расход на его содержание.

Как я уже говорил, среди массы попадается и прилично одетая публика, хотя такой и немного. Старые дворцы и здания имеют обветшалый вид, но строятся новые, свидетельствуя о более радужной перспективе. Например, новое здание Центрального телеграфа, пусть мрачноватое снаружи и похожее на больницу внутри, зато достаточно просторное, высокое, внушительное, во многом напоминающее коммерческие центры в Чикаго, хотя это не небоскреб; как знать, быть может, архитектурный стиль заимствован именно у этого столь популярного в России города из края Великих озер. Из городов России, которые в будущем могли бы поспорить с Чикаго, можно назвать целых девять! Чита, Харьков, Сталино, Новосибирск, Баку, Владикавказ, Пермь, не говоря о Москве и Ленинграде. Или внушительный комплекс зданий издательства "Известий", официального рупора советского правительства. Это огромный комбинат, куда поступают новости со всего света и далее передаются советскому читателю. Создано много больших торговых хранилищ, государственных складов оптовой торговли, где есть все:

пенька, зерно, чай, сахар, бакалейные товары, скобяные изделия, сало, мануфактура, медикаменты, кожа, лес, шерсть, железо, а также продукты из этого сырья.

До революции все склады, банки, вся оптовая торговля и многое другое находилось в частном владении; мне рассказывали, что Китай-город, деловой центр Москвы, был местом проведения оживленнейших базаров. Здесь орудовали тысяча двести биржевых маклеров, и здесь же располагалось издательство Святейшего Синода русской православной церкви. Сейчас биржевых маклеров нет, издательство Синода утратило былое великолепие. И все же Китай-город, являясь районом государственной торговли, по сей день место довольно бойкое. Район занимает площадь до пятидесяти гектаров и расположен к северу от Красной площади. Название "Красная" площадь имела давным-давно, оно не связано с приходом к власти большевиков. В поисках официальной информации я постоянно оказывался в этом районе, захаживал в учреждения, где кабинеты начальников огромны, как номера в отеле. Вы полагаете, что несчастные большевики ничего в ведении дел не смыслят, что они абсолютно лишены коммерческой жилки и исключения из этого правила крайне редки? Мой дорогой читатель, умение торговать и стремление к обогащению по сути явления разные. Родившись торговцем, можно оным сойти в могилу, не накопив солидного капитала! Так вот: и оптовая и кооперативная торговля в государственных магазинах России ведется в соответствии с деловыми и коммерческими принципами. Магазины расположены в прекрасно оборудованных и освещенных зданиях нового типа, оснащенных всем необходимым для современного массового торгового предприятия – телефонами, звонками, громкоговорителями, лифтами, счетными и кассовыми аппаратами, киосками, упаковкой, бухгалтерией, сейфами, всевозможным арсеналом средств, обеспечивающим оживленную торговлю. Меня поражало обилие всевозможных товаров, множество служащих, снующих туда-сюда, постоянные торговые переговоры, производственные совещания, масса мехов, одежды, зерна, скобяных изделий, бакалейной продукции. И все это разложено на длинных добротных прилавках, по одну сторону от которых покупающие граждане, а по другую – нам и вообразить невозможно! – государственные продавцы. Я смотрел на их лица, и мне трудно было постичь, что эти люди, работая, не стремятся ни к какой прибыли для себя. И я подумал: либо коммунистическая теория не так плоха, либо все-таки что-то не совсем так в этом отказе от личной выгоды. Ведь идет же торговля, и неплохо идет! И определенно привлекает тысячи покупателей. Вот загадка так загадка!

Кроме того, меня поразило количество московских фабрик. Начиная с XV века Москву стали окружать мелкие при-

городные мануфактуры. Первые крупные мануфактуры по производству хлопчатобумажных и шерстяных тканей, фарфора и стекла возникли в Москве в XVII или в XVIII веке. После введения в 1870 году покровительственного тарифа пригородные мануфактуры стали быстро разрастаться, и перед первой мировой войной Москва превратилась в ведущий мануфактурный центр страны. Сейчас мануфактур стало поменьше, но все же фабрик очень много, и повсюду в городе можно встретить их дымящиеся трубы, увидеть обширные рабочие кварталы, в основном новостройки.

Знаменитая Тверская (та самая улица, по которой царь въезжал в Москву и с которой начинается дорога на Ленинград) ничем не отличается от торговой улицы наших провинциальных городков. Ни одного многоэтажного здания, ни одной современной витрины. Но на каждом шагу вы не перестаете удивляться красочности ассортимента, богатству выбора, порядку и изобилию, царящим на прилавках некоторых кооперативных советских магазинов. Здесь и черная малосольная икра, и крымский виноград, сладкий, как мед, и крупный, как слива; груши, яблоки, сливы, апельсины, гранаты, мандарины, инжир. А какие вина, коньяки, ликеры, водка! Но прекрасней всего изумительное крымское шампанское, и по нынешним временам недорогое, дешевле, чем у нас до войны. Я слышал, что в России голод (так говорили в Германии, когда я ехал в Москву), но, увидев московские магазины, как, впрочем, и магазины в других городах России, я просто не мог в это поверить. Я готов был считать, что некоторые семьи недоедают из-за недостатка средств, но представить себе голод в стране трудно, разве только правительство неумело или халатно проводит в жизнь законы о распределении.

В магазинах обращаешь внимание на длинные очереди. Объяснить это легко: многие работают по совместительству и имеют два-три заработка. Кроме того, следует учесть, что в СССР для рабочего многие услуги обходятся дешевле их реальной стоимости. Квартирная плата невысока, развлечения бесплатные либо очень дешевые, бесплатное медицинское обслуживание, к тому же он еще и застрахован от несчастного случая. Следовательно, у рабочего есть деньги, и он может тратить их по своему усмотрению.

Обратим наш взгляд на Москву – в этом городе столько примеров гармонии и красоты, что рядом с этим забываешь о жизненных невзгодах, о нищете, обо всем, что омрачает человеческое существование. Вот Кремль, этот величественный, обнесенный стеной архитектурный комплекс, где некогда обитала боярская знать, а теперь расположилось советское правительство. Какое великолепие! Над высокой, массивной стеной красного кирпича, обращенной с одной стороны к Москве-

реке, с другой – к Красной площади, с третьей – к одному из московских парков, красуется удивительное соцветие остроконечных башен, куполов, колоколен; столь изысканные своды, сказочные резные карнизы открывались разве что взору Аладдина, обладателя волшебной лампы. И, право, невозможно забыть неповторимый вид Кремля, когда смотришь на него, облокотившись на парапет моста через Москву-реку, пусть в солнечный, пусть даже в пасмурный день: Кремль – словно восточное чудо Европы.

У северных стен Кремля раскинулась Красная площадь, названная Красной, как я уже говорил, очень давно, задолго до прихода к власти большевиков, совпадение случайное, но удачное. У стены расположен совсем небольшой Мавзолей В. И. Ленина, сюда каждый вечер направляется многотысячная толпа людей, свято чтя его память. Для каждого русского память о Ленине священна. Многие рассказывали мне, что уже возникли разные суеверия, связанные с сохранением в открытом гробу тела вождя. Пока оно в Мавзолее нетленно – коммунизму ничто не грозит и новую Россию ждет светлое будущее, но если с телом вождя что-нибудь случится – страшная беда обрушится на всех и настанет конец мечтам о счастье.

Мистика? Славянский образ мышления?

В центре Красной площади, как раз напротив мавзолея, сохранилось расположенное на возвышении "лобное место", когда-то здесь зачитывались царские приговоры и свершалась казнь. (Смотреть страшновато, будто и по сей день здесь происходят экзекуции.) Чуть дальше к северу, за "лобным местом", тянется параллельно Кремлю белый фасад огромного государственного универмага "ГУМ", в дневное время буквально забитого покупателями. С запада площадь замыкает мрачноватое здание исторического музея с арками по обеим сторонам – выездами на запад и на восток. А прямо за зданием музея – маленькая, аляповатая, бело-голубая с позолотой часовенка Иверской Богоматери, слывущей целительницей недугов. Часовенка гудит внутри, как пчелиный улей, ее заполняют загадочные русские прихожане, которые постоянно крестятся, целуют лики святых, Библию, шепчут сокровенные свои молитвы. Интересно, что как раз напротив часовенки, на стене здания государственного финансового управления, висит лозунг, который может прочесть каждый грамотный верующий, – самый дерзкий лозунг нового времени: "Религия – опиум для народа" Хотя лично я переписал бы этот лозунг так: "Религиозный догматизм – опиум для народа".

У восточной границы Красной площади возвышается собор непостижимой красоты, который русские называют Собором Василия Блаженного: его ананасоподобные купола ярко, но весьма гармонично разрисованы, интерьер собора живописно

украшен медным, серебряным, золоченым орнаментом. (Сколько времени и усилий затратили неизвестные мастера на такую неблагодарную работу?) Верхнюю часть собора, где некогда располагалась священная обитель, занимает художественный музей. Часть нижних приделов сохранилась без изменения, сюда ходят верующие, как правило пожилые люди, один за другим прикладываются к стопам святых, деревянных или рисованных. О боже, какой источник микробов! Инфекции! Заразы! Чумы!

Когда стоишь на Красной площади, повсюду видишь купола, колокольни-мечети, башни Кремля, остроконечные и с флажками, над куполами сияют на солнце золоченые орлы, полумесяцы, православные кресты.

А сколько здесь галок! Московские галки совершенно особенные птицы с истинно русским темпераментом: упитанные, беспечные, добродушные, похоже, склонные к созерцанию и общительные, как все русские. Галки кружат, садятся стаями, сгоняя друг друга с высоких куполов. Их тени лениво тянутся по земле. На Красной площади можно увидеть дрожки и сани, грузовики и машины. Старое и новое... Здесь все интересно. Тот, кто хоть однажды побывал на Красной площади, ее никогда не забудет.

Опять эти галки... В России они попадаются повсюду. Мне кто-то говорил, что галка у русских чуть ли не священна. Большие стаи флегматичных птиц летают медлительно, как бы во сне, изредка лениво играя на лету. Стаи птиц над Москвой придают этому полувосточному городу какой-то особый уютный облик. Кружащие над Кремлем галки вызывают в моей памяти ушедшие в прошлое мрачные и смутные времена. Я гляжу на галок над кремлевскими соборами и представляю себе сходящего по ступеням царя Федора, слышу его вопрос, обращенный к богу: "За что царем меня ты сделал?" Взмах черного крыла, и на моих глазах Иван Грозный убивает сына, убийцу вяжут приближенные. Даже сегодня этот мир под крыльями птиц суров, решителен и властен, он проявляет власть в своем стремлении избавиться от всякой власти, но там, где летают птицы, им привольно и спокойно и нет дела до земных проблем. Когда-то здесь царили нищета, фанатизм, отсталость, заблуждения средневековья, а над землей летали птицы, не признавая земных богов, являя собой пример единства, радушия, беспечной радости. Какие исподволь природа подбрасывает неожиданные контрасты, как могут свобода, вольность и покой в природе совпасть с закрепощенностью духа, со страданием на земле!

Если говорить о досуге, Москва, пожалуй, по крайней мере сейчас, скучнейший из всех городов мира, включая даже Канзас-Сити. В театральном мире выделяются три фигуры, три

гения России – Станиславский, Мейерхольд и Таиров. Их постановки достойны похвалы, временами талантливы, отличаются выдумкой, артистизмом, оригинальностью. Прекрасна игра актеров. Но ничего принципиально нового я в театре не обнаружил. По существу, то же самое происходит на театральных подмостках разных стран. Я видел "Любовь под вязами" в постановке Таирова. Изумительные декорации, но все остальное не лучше, чем в нью-йоркском театре. Я видел гоголевского "Ревизора" у Мейерхольда. Надуманная, с выкрутасами сценография. Что-то подобное сотворили с "Ревизором" в нью-йоркском Ист-сайде. Что же касается Станиславского, его режиссерский талант известен всему миру, однако скован пропагандистскими задачами театра, режиссер мало что может предложить. По тем или иным политическим мотивам ни "Гамлет", ни "Строитель Сольнес", ни "Вишневый сад", ни "Ткачи" Гауптмана, ни "Дикая утка" в России не ставятся – либо они слишком мрачны по содержанию, либо в них фигурируют в качестве главных персонажей короли, либо не так отражена расстановка классовых сил. Вместо этого на сценах идут мелодрамы из жизни большевиков в послереволюционный период, где коммунист всегда положительный герой, всегда добр и всегда торжествует или его нагло и бесстыдно чернят враги. И народ валит валом!

Ну а как, спросите вы, сами по себе живут граждане этого большого города? Как они развлекаются? Признаюсь, кроме перечисленных развлечений да еще дешевых кинотеатров и чтения, причем всякого, хорошего и среднего, – не знаю, как. Позволю себе заметить, что в новой России такие писатели, как Зейн Грей, Джеймс Оливер Кервуд, Рекс Бич, Этель М. Делл, а также Джек Лондон, Фанни Херст, Эдна Фербер, пожалуй, более популярны, чем Толстой, Гоголь и Достоевский. Вот вам новые массы, свободно мыслящие. Здесь не существует высшего общества, если, конечно, будучи демократичным, не включать в это понятие ученых, интеллектуалов, руководящих работников, партийных лидеров, писателей, художников, журналистов и т. п. Мне говорили, что в Москве можно встретить людей, принадлежавших к высшим слоям старого общества, которые по тем или иным причинам не успели уехать за границу, и что пообщаться с такими персонами небезынтересно. Возможно. Я столкнулся лишь с двумя – бывшим офицером царской армии, ныне коммунистом, и дочерью состоятельного купца. И он и она жили в коммунальной квартире, занимая одну-единственную комнату. Если и говорили что о людях своего круга, то называли их в числе умерших либо канувших в неизвестность. В Москве о таких почти никто ничего не знает. Тут нет обладателей крупных капиталов, нет развлекательных заведений, вместе с тем и коммунисты и беспартийные, буквально все, обожают всякие чествования и празднования производственных

достижений, такие события всегда собирают толпу. Квартира человека с приличным окладом и положением состоит из двух, в лучшем случае трех комнат. Если он общителен, к ним с женой приходят весьма немногочисленные гости, скажем, сослуживцы с женами или приятельницами, прислуживает домработница, готовящая обед на коммунальной плите в коммунальной кухне. За столом много и оживленно обсуждают дела страны, положение России на мировой арене, а также рассуждают о связи человека с природой. О проблемах пола почти не говорят – о чем тут говорить, если никаких особых запретов нет?

Впрочем, существует, конечно же, у рабочих-коммунистов свое общество: в рабочих клубах или рабочих районах устраиваются свои праздники, множество всякого рода занятий, лекций, организуются кружки – драматический, изобразительного искусства, бального танца и прочие. Я посещал различные клубы и должен заметить, что все в них так же, как и везде, где есть молодежь, которой хочется жить и любить. Никаких отклонений от нормы в наборе древних как мир приемов знакомств и ухаживаний я не обнаружил: все, как обычно, начинается с заигрывания, потом идет галантное ухаживание (недолгое), прогулки рука в руке, шепот за дверью, поцелуи, объятия, танцы вдвоем, ну а кончается все это, разумеется, брачным союзом нового типа.

В более высоких кругах, если можно так выразиться, существовало и, наверно, существует некое общество, удручающе скучное, ограниченное лишь составом дипломатического корпуса, члены которого живут в огромных, роскошных особняках при изобилии серебра и фарфора (где можно было бы разместить уйму народу) и, приглашая друг друга на скуповатый ленч, только и говорят о том, как бы поскорей "вырваться отсюда" в Париж или в Лондон.

Ползут слухи о том, что потихоньку собирается и старая буржуазия – при иностранных миссиях или в своих тесных комнатушках, на этих встречах говорят о прошлом или о желании все повернуть вспять. Рассказывают байки про то, как некий князь в саду вокруг "старого поместья" зарыл свои бриллианты до поры до времени... Или другой вариант: подумывают, как бы самим уехать из России либо вернуть на родину своих близких.

Есть еще артистическая богема – явление столь же любопытное, как и в любой другой стране, ее представители, как правило, противопоставляют себя окружающему обществу; однако в Москве подавляющее большинство представителей богемы, как я уловил, вполне разделяют свободолюбивые, однако, не исключено, направленные на психологическое обезличивание идеалы коммунизма. Пожалуй, кружок любителей искусств и культуры – самое любопытное и самое симпатич-

ное в Москве заведение. Это место, где можно и пообедать, и потанцевать, и поиграть в бильярд. Здесь вполне приличная кухня и относительно недорогие цены, среди инкрустированной ампирной мебели красного дерева и бронзы, украшавшей в свое время чьи-то особняки, прохаживаются известные писатели, сюда приходят артисты оперы и балета, воздушные дивы в легких шелковых платьях – в Нью-Йорке, на 14-й улице, эти платья продаются по девять долларов, однако в Москве они смотрятся вполне изысканно. Художницы, поэтессы и еще те самые женщины с неповторимой внешностью, которые вдохновляют художников и поэтов.

Но интереснее всего бывать в компании журналистов, они много могут порассказать. Говорят все как есть, без налета пропаганды, открыто. Никакого манерничанья, журналисты – весьма отзывчивая публика, всегда готовы помочь, если обращаешься к ним с вопросом, и вообще очень симпатичны. В их среде встречается столько разных людей, и лояльных, и критически настроенных.

Существует также общество иностранных специалистов, инженеров с семьями, с дамами, а также коммерсантов, представителей банков или фирм, рассчитывающих на предоставление концессии. Правительство большевиков с ними весьма обходительно, и не только на словах, но и на деле. Часто устраиваются официальные приемы, обставленные, надо сказать, по всем правилам этикета. Еще можно упомянуть нэпманов, мелких торговцев и коммерсантов, деятельность которых контролируется государством. Обычно мрачноватые физиономии нэпманов можно встретить в ресторане "Гранд-отель" Они попивают отечественные вина, поглядывают на танцующих и рады несказанно, если какая-нибудь балеринка согласится потанцевать с ними. Есть еще игорный дом, где тоже можно потанцевать или сыграть партию в баккара в компании русских партнеров с непроницаемыми лицами, которые, глазом не моргнув, выигрывают кучу денег и так же легко проигрывают. Похоже, азартные игры не запрещены. Существуют игорные дома, устраиваются лотереи, бега. А победители или выигравшие облагаются определенным налогом, и если им не удается провести государственных чиновников, их доход в результате не превышает среднюю норму заработка – хотя эта норма, прямо скажем, весьма непостоянна даже в советское время. Уверен, есть люди, которые умеют устроиться получше, чем простые рабочие.

И наконец, существуют путешествующие, приезжающий и отъезжающий люд, наводняющий Россию, и в особенности Москву. Иностранец, как я, имеет возможность общаться с такими приезжими. Мне приходилось встречаться с иностранными коммунистами и сочувствующими советской власти – англичанами, американцами, французами, немцами, итальянцами. Они

обитают в третьеразрядных гостиницах, либо занимают себя сами, кто чем может, либо их культурную программу организует правительство, выплачивая им даже какое-то жалованье. Некоторые коммунисты, имеющие средства, приехали сюда, чтобы оказать моральную поддержку. В большинстве своем это люди, которым пришлось покинуть родину и обратного пути для них нет. В Москве они собираются в гостиничных номерах друг у друга, рассаживаются на кроватях или прямо на полу, поют песни, рассказывают всякие байки, пьют чай, выказывая единодушие к тому, что происходит в России. Они единственные и верные ее сторонники и защитники на Западе. Они в курсе того, что происходило и происходит в России, они твердо знают, что здесь должно произойти. Некоторые публикуют статьи. К приезжим иностранцам относятся покровительственно, особенно к коммунистам. Разъясняют, что такое социалистическая революция.

Поистине Москва почти во всех смыслах город необычный, и жизнь в ней, бесспорно, бьет ключом, и активность ее возрастает. Иногда может показаться, будто что-то не так, будто все летит в тартарары... Ибо в Москве можно уловить и трагизм, отразившийся в судьбах людей, некогда обладавших состоянием, но теперь они лишились всего, что имели, утратив достаток и положение. Это ощущается в Москве острее, чем в других городах России, накладывает на столицу особую печать драматизма. Уходит старое. Создается новое. Нет больше богатых. Нет больше богатств. Не осталось и следа от материальных различий, которые у нас на Западе заставляют страдать одних и процветать других. Смотришь на Россию, улыбаешься. Но то, что видишь, вовсе не разочаровывает. Это не тоскливое, не уныпое зрелище, отнюдь. Перед глазами разворачивается какая-то новая жизнь, неведомая, полнокровная и, мне кажется, многообещающая.

Характер русский и характер американский

Русские поразительно отличаются от американцев особенностями мышления и характером. Наверное, ни один народ мира так не отличается от другого. Американцы в своей массе люди предприимчивые, однако их способности в умствовании и в философствовании весьма ограничены. Если вообразить, что в своем духовном или интеллектуальном росте мы поднимаемся, скажем, до тридцать второго этажа, то американцев устроит десятый-одиннадцатый, где сосредоточена вся материальная и техническая основа многоэтажного сооружения, а что там выше – никого, во всяком случае, большинство абсолютно не интересует. Зачем, когда у твоих ног все, что необходимо для жизни, – все важное, все материальное, все практически при-

меняемое, новейшее, так здорово, и умно, и умело сработанное, как ни в какой другой стране, – вот что есть у нас, на наших нижних этажах.

Представим, что и в России существует точно такой же подъемник, только у русских все не так, их повлечет выше десятого, потому что выше гораздо интересней, чем внизу. И пусть никто из них не знает, что там, на верхних этажах, пусть верх скрыт дымкой неизвестности, все равно тысячи русских устремятся именно туда, потому что витать в облаках гораздо приятней, чем расхаживать по ярко освещенным оживленным залам материального бытия. Сравнение неожиданное, но точное, я убежден.

И это может показаться тем более удивительным и странным, если принять во внимание, что в России, где у власти стоят коммунисты и рабочие, коммунистическая партия деятельностью своей постоянно убеждает нас: первейший интерес для страны представляет теперь именно то, что находится в Америке на уровне десятого-одиннадцатого этажа. И, не веря глазам своим, с восторгом и любопытством взирает русский рабочий на сверкающую, новейшую технику (образцы которой, произведенные в разных странах, демонстрируются в России) и твердит: "Вот это да! С такой техникой не пропадешь! Нам бы такую, да побольше, тогда бы всю работу можно было сделать в два счета, времени оставалось бы уйма, витай себе в облаках, раздумывай да мечтай!" Только ради этого, и не ради чего другого, русский рабочий примется изучать инженерные премудрости, благоговея перед ними, полностью освоит до мельчайших деталей сложное управление. Что касается американцев, обосновавшихся на десятом этаже, они, глядя на те же самые машины с не меньшим восторгом, скажут следующее: "Вот это да! Побольше бы таких машин, а если б они действовали побыстрее, можно было бы совсем не работать и ни о чем не думать! Садись тогда в богатое авто, бери красоток и катись куда хочешь – хоть во Флориду, хоть в Калифорнию, хоть в Нью-Йорк! Забыть про все, ни о чем не вспоминать, ни о чем не думать! Вот это да!"

Вот в чем разница в мышлении, а может, и в душевной организации между американцем и русским, они словно принадлежат к разным расам человеческим.

Один из моих русских друзей, человек весьма наблюдательный и сведущий в этих вопросах, подтвердил мои рассуждения на этот счет: да, славянская душа, славянский характер именно таковы. Он пояснил, что тяготение к отвлеченным мечтаниям свойственно русским в силу природных особенностей страны: после короткого лета, когда крестьянин работает до восемнадцати часов в сутки, наступает очень долгая зима, период относительного бездействия, делающий человека пассивным, малоподвижным.

Теперь о другом. Я был потрясен, с каким благоговением относятся в России ко всему, что исходит от Соединенных Штатов. С каким детским восторгом и наивностью взрослые люди, побывавшие в Китае, изъездившие всю Европу, не говоря уже о зеленой молодежи, воспринимают любые сказки о богатствах, чудесах и технических достижениях Америки: "Там есть заводы, где работают сотни тысяч рабочих!" – "Да что вы говорите? Как здорово!"; "Там небоскребы в сто этажей, и лифты молнией взмывают до самого верха, стоит лишь нажать кнопку – тотчас очутишься на нужном этаже!" – "Да-да, нам рассказывали. Прямо чудесно!"; "У них есть штаты в тропиках, и есть – за Полярным кругом, а между ними всего каких-нибудь две тысячи миль!" – "Вы подумайте!"; "А дороги у них шириной в сотню футов, ровные, как зеркало, и длиннющие, вся страна дорогами такими перерезана!" – "Потрясающе!"; "В Америке все прекрасно одеты и все богаты; каждый, в том числе и рабочий, имеет и машину, и квартиру, а то и домик, телефон, радио, фонограф, электричество, газовую плиту, плюс еще время и деньги на путешествия" – "Да, мы знаем, знаем, Америка – страна чудес!" Русские в восторге от нашего джаза, обожают современный жаргон – выспрашивают иногда о всяких новых словечках, выражениях, с гордостью вворачивают их, когда говорят по-английски! И каждому хочется попасть в Америку, и каждый надеется, что тогда можно будет насладиться всеми прелестями американской жизни, какие демонстрируются в кино! Ах, ах, ах!

На самом деле технические новшества не для русского темперамента, ибо, если американец стремится все успеть, везде поспеть, русский не торопится. В большинстве своем русские очень медлительны, они не спешат делать дела, это касается и использования машин, экономящих человеческий труд, хотя хорошо знают, что получат выгоду и в средствах и во времени. Руководство негодует: да что ж он такой непонятливый, этот рабочий! Неужто трудно лишний раз пошевелиться, ускорить наступление светлого дня, его же заветной мечты? Повсюду на фабриках России вывешены лозунги, призывающие активнее работать. Между тем русский рабочий не очень-то торопится. "Успеется! Успеется!" – говорит он себе, невозмутимо принимаясь за дело со скоростью, которая давно бы довела до исступления любого американского мастера. Но это в Америке, здесь рабочий уверен, что все идет как надо и спешить ему некуда.

Зайдите в банк, в магазин, в учреждение, на завод – вы полагаете, что кто-то, заметив ваш приход, немедленно подойдет к вам с вопросом: что вам угодно? Не угадали! Вас, возможно, скорее всего заметят – я всегда уверен, что меня видят, – но это ничего не значит, и все же вам следует стоять и ждать.

Будто вы где-нибудь в Китае или Индии, таков церемониал, таков обычай – ничего не поделаешь; или, точнее, как в химии, требуется определенный период времени, чтобы возникла какая-то реакция. На вас смотрят, проходит некоторое время, прежде чем к вам обратятся.

В подобном же темпе работают грузчики, загружая и разгружая вагоны в Ташкенте или Баку, в Москве или Ленинграде, стрелочники на сибирской железной дороге, каменщики, штукатуры, токари, плотники в Киеве или Нижнем Новгороде. На то существует современная оговорка: рабочий класс России перестал быть угнетаемым. Пришел конец его рабской зависимости от хозяина-кровопийцы. Движения рабочего неторопливы и спокойны. Машинист так медленно подводит паровоз к составу, что человеку с моим темпераментом хочется крикнуть: "Да быстрее же!" И что странно, с какой бы просьбой ни обратился к русскому, неизменное слышишь в ответ: "Сейчас, сейчас!" – значит, сию минуту, немедленно. Но, если вы вздумаете понимать это восклицание буквально, вы допустите ошибку! И какую! Придется просить еще и еще раз, порой терпения не хватает. И вот когда вы уже кипите от гнева, к вам кто-нибудь подойдет и с безмятежным видом отдыхающего курортника выслушает вашу просьбу. Куда вам спешить? Да и ему? Вон сколько времени впереди, почитай целая вечность...

Своими впечатлениями я поделился с одним из очень опытных и знающих Россию американских корреспондентов в этой стране:

– Может быть, я не прав?

– Нет, что вы, абсолютно правы! Русские, по крайней мере сейчас, больше рассуждают об активности и материальном благополучии, нежели делают что-либо, поэтому, возможно, в глубине души они не так сильно этого хотят, как им кажется. Стоит вам зайти в учреждение узнать имя какого-то человека, адрес, попросить рекомендательное письмо, да мало ли что понадобится, – вам придется очень долго ждать. Однажды мне три недели пришлось ждать от чиновника список фамилий, на который нужно было затратить минуту. И этот же чиновник может хоть пять часов посвятить праздной, витиеватой беседе, которая не требует ни малейшего движения. Потому что во время отвлеченного теоретизирования его мысль свободно блуждает в изощренных лабиринтах возвышенных философских рассуждений.

Вместе с тем нельзя не ощутить мощнейшего импульса к движению вперед, охватившего всю Россию, только мне кажется, что импульс этот исходит сверху, от мыслящей интеллигенции, а не из глубин русского народа, живущего чувством и мечтой. Ибо, где бы вы ни оказались, вы можете увидеть, что с инициативой выступают главным образом коммунисты либо их сподвижники, они ведут за собой огромные массы народа. Учи-

тывая эту особенность русского характера – медлительность, коммунисты стремятся подбадривать рабочего, чтоб трудился быстрей, стимулируя интерес к работе соблазнами сдельщины, а также многочисленными лозунгами и плакатами, сулящими прекрасную жизнь, если рабочий будет трудиться активно и с пониманием дела. В любом магазине, на фабриках, в учреждениях очень много подобных плакатов. И все же мне кажется, что русский рабочий если и работает быстро, то только потому, что имеет дело со станком, на котором нельзя работать медленно. Что же касается личной заинтересованности, необходимости проявить активность – где угодно, только не в России! Личная заинтересованность и активность проявляется в отношении к учебной или научной программе – к занятиям, лекциям, ко всякого рода театральным представлениям и торжествам, отражающим достижения советской власти. Вот что привлекает русских рабочих. Ибо их занимает не столько материальная сущность или материальные преимущества настоящего момента, сколько мечта о совершенно необыкновенном будущем.

Впервые я оказался в стране, обладающей незначительными средствами и возможностями для осуществления государственных планов или хотя бы для удобства граждан, живущих в городе или путешествующих. Несомненно, грядут огромные перемены. Возводятся новые заводы, строятся магазины; повсеместно вводится новейшее инженерно-техническое оборудование. В весьма отдаленных городах России мне приходилось встречать кооперативные магазины, не менее современные, чем в Калифорнии или Нью-Йорке. Невероятно, но это так. И все же наряду со многими достижениями постоянно сталкиваешься с нерасторопностью, безразличием, испытываешь досаду, что постоянно чего-то нет. Мою поездку по стране организовывали весьма ответственные люди, члены партии; они стремились сделать для меня все как можно лучше, но даже при наличии письма от государственного отдела международных связей и рекомендательных писем, адресованных в местные советские и партийные органы, создать элементарные условия и обслуживание оказалось практически невозможным. Повсюду на железной дороге нарушалось расписание движения поездов, трудно было предвидеть, где придется задержаться в гостинице. Много раз я оказывался в ужасном положении: на вокзалах, за исключением Москвы и Ленинграда, иногда по нескольку часов ждал поезда (однажды прождал почти двадцать часов), чтобы, не дай бог, не пропустить свой поезд или любой другой, идущий в нужном направлении.

Словом, путешествовать по России пришлось много, и ни разу на моей памяти ни один поезд не приходил и не отправлялся точно по расписанию. Опаздывать на час, а то и на пятнадцать часов – для здешних поездов норма. То мешают заносы,

то что-то случается на линии, то внезапно начинают загружать какой-то багаж; а бывает и такое, я сам свидетель: вздумается машинистам остановиться перекусить в обеденный перерыв – подумаешь, пассажиры опаздывают! Айда, товарищи, в привокзальный ресторан, посидим, вкусно покушаем! Законное наше время! А поганая буржуазия, у которой есть денежки разъезжать, пусть подождет! Наконец выходят, лениво оглядываясь по сторонам и ковыряя в зубах, а пассажиры ждут, обливаясь потом, нервничая. Это вам не буржуазная страна, у нас рабочим слава и почет. Воистину так.

И без конца на железной дороге что-то случается. На пути из Баку в Батум я был свидетелем шести катастроф, происходивших, как правило, из-за халатности. Скажем, в одном случае под товарным составом, груз которого явно не превышал нормы, разошлись рельсы. Четверо погибших, сотни тысяч рублей пущены на ветер. Вдоль дороги валялись мешки с мукой, ящики с мебелью, какие-то продукты в коробках. В другом случае обходчик состава с горючим шел с лампой, поскользнулся, горящая лампа ударилась об цистерну, облитую мазутом. Вспыхнул пожар. Сгорел весь состав, движение остановлено на сутки. Дальше: пассажирский поезд второго класса врезался в хвост запоздавшего товарняка. Отсутствовал предупреждающий сигнал – в результате трое погибло. Последующие три катастрофы произошли только потому, что не были устранены последствия трех предшествовавших, и все это на одном и том же отрезке пути за полтора месяца. Я только диву давался, как при таком хозяйствовании вообще ходят поезда! Мне объяснили, что в России из-за невысокого уровня общественной сознательности аварии в одном и том же месте пока явления нередкие, однако государство старается усиливать контроль за работой железной дороги, профсоюз железнодорожников также взялся за дело, и вот-вот наладится аварийная служба. В дальнейших своих путешествиях по России я вожделенно мечтал об этой перспективе.

Теперь о железнодорожном билете: если не позаботиться заблаговременно, за несколько дней, о билетах, ни отдельного места в вагоне, ни отдельного купе получить не удастся. В маленьких городишках даже на заказ рассчитывать нечего. Только за час, иногда за полчаса до прихода поезда можно узнать, есть или нет свободные места или купе. На станции суета и давка! Столпотворение! Борьба не на живот, а на смерть, ибо работает всего одно-два билетных окошечка на колоссальную толпу жаждущих уехать. Почему так происходит, спрашиваю я. Ведь в России достаточно безработных, неужели нельзя использовать больше людей, чтобы ускорить продажу билетов? Мне отвечают, что виной всему русский характер – медлительность начальства, медлительность исполнителей: "Сейчас, сейчас!

Успеется! Успеется!" Неужели эти люди сами никогда не попадают в подобное положение? До сих пор удивляюсь, как я тогда не свихнулся.

Позволю себе заметить, по России ездит много людей – миллионы путешествуют поездом, просто пешком, словом, по какой-то неведомой причине – кочевой дух проснулся, что ли, – людям буквально не сидится на месте. Отсюда нервозные, а порой и опасные столкновения у кассовых окошек! Крики, вопли, случаются драки! Несчастные рыдают! Мне повезло, я был огражден от этого ада, обо мне заботились. Но бедные мои сопровождающие! Сколько мук они вынесли! Иначе не назовешь то, что им приходилось терпеть! И все это из-за полной неспособности государственных органов поставить дело. Однако критические высказывания с моей стороны нередко возмущали иных из моих хозяев, болевших за честь мундира. Кто я такой, чтобы критиковать? Ради этого приехал, что ли? Меня никто не спрашивает! Развели тут либерализм, приглашают всяких буржуазных критиканов, а они нос воротят! Скажи спасибо, что вообще в Россию приехал! Такое я услышал однажды, и далее последовал хохот...

Не могу не вспомнить свой визит к Мейерхольду, директору театра, носящего его имя, одного из самых известных театров в Москве. Он живет, по крайней мере жил тогда, в большом красивом доме, выделенном после революции для него и для артистов и администрации его театра. Это многокомнатный дом с кухней, несколькими ванными комнатами и огромной гостиной в полтораста квадратных метров. Лишь две комнаты и ванную занимал в этом доме Мейерхольд с женой. Маленький примус позволял им готовить завтрак, обед и ужин в своей квартире. Другие комнаты, в основном изолированные, занимали в том же доме ведущие актеры и актрисы мейерхольдовского театра. В общей кухне у каждого был свой уголок, где готовилась еда – впрочем, можно было готовить и на примусе в собственной комнате, – хранились кастрюльки и сковородки. У Мейерхольда была отдельная спальня, в этом смысле он находился на особом положении, с налетом буржуазности.

А как используется огромная гостиная? Можно предположить, что там собирается общество актеров, обсуждаются проблемы театрального искусства. Ничего подобного! Гостиная сплошь заставлена койками, у каждой слева – тумбочка для одежды. Такая койка с тумбочкой и есть угол, предназначенный для актера и члена труппы. Правительство считает, что для руководителя и его штата вполне достаточно одного дома. Подобным же образом, вместе со своими сослуживцами, поселен и начальник телеграфа, начальник телефонной сети, управляющий торговым флотом и другие; все живут скученно, как сельди в бочке, в одном здании помещается все – и жилые комнаты, и кабинеты, и мастерские.

Но вернемся к жилищу Мейерхольда. Туда-сюда по дому снуют члены "его колоссальной семьи" – кто в кухню, кто в ванную, кто в кабинет, кто в одно прелестное местечко, буквально натыкаясь друг на друга; об уединении здесь не может быть и речи. Бог мой! Но ни у хозяина дома, ни у кого из членов труппы не возникает ни малейшей неловкости в связи с обстановкой, в которой они живут. Так принято. Таков новый общественный порядок, установленный правительством. Не станем же мы ожидать жалоб от генерала, которому пришлось расположиться с войском под открытым небом?

Вы думаете, я намерен вступать в полемику? Отнюдь! Конечно, усмехаюсь слегка, не хочу раздражать людей, никогда этим не занимаюсь! Притом эти люди мне симпатичны. Они мне нравятся. Я принимаю их со всеми достоинствами и недостатками, прощаю, что здесь скверно кормят, что вода – дефицит. Я бы не смог так жить, но меня никто и не заставляет. И все-таки инстинктивно, несмотря на психологию коллективизма, эти люди чувствуют, что другие живут иначе. И они умеют уважать взгляды других, как свои собственные. Самое сильное впечатление произвело на меня то, что не коммунисты, а простые рядовые граждане говорили мне много хорошего об этом новом социальном эксперименте. Большинство так сильно захвачены перспективой великих преобразований в России, что готовы ждать и терпеть годы.

Учитывая это, могу ли я обрушиваться на них с критикой? Я думаю, нет. Кто знает, может, через какие-нибудь десять-пятнадцать, пусть двадцать пять, самое большее через тридцать лет благодаря усилиям советского руководства и рабочих новейшая мировая техника станет достоянием России, в этой стране сформируется новый, неутомимый, ищущий характер, который сможет оценить по существу все лучшее, чем богат западный мир. Мой русский друг, которого я неоднократно цитирую в своей книге, считает, что современное поколение в России свидетельствует о становлении новой расы реалистов, избавившихся от идеализма отцов. Он утверждает, что теперь молодежь в большинстве своем не стремится к чистой науке, а тяготеет к изучению медицины, политехнических наук и занятие спортом предпочитает чтению Достоевского. Но я-то знаю, что молодежь зачитывается книжками Этель М. Делл, Зейна Грея и Рекса Бича, а не писателями своего Золотого века. Я вижу, какие книги раскупаются больше других.

В предвоенной царской России почти не уделялось внимания физической подготовке, в Советской России она поставлена на широкую ногу, через профсоюзные и другие организации миллионы молодежи вовлекаются в массовый спорт.

Не могу еще раз не отметить, что Россия предстала передо мной в целом как страна неразвитая и отсталая, где люди мед-

лительны, малоактивны, склонны скорее к созерцательности, чем к активному труду, но вместе с тем я повсюду ощущал пробуждение сил, которые заставят массы встряхнуться. И я убежден, что им предстоит спуститься со своих мечтательных высот и создать твердую материальную основу для своей жизни. Я хочу надеяться, что и мы, американцы, хоть изредка будем отрываться от насиженных этажей, подниматься выше, чтобы видеть, какая жизнь течет вокруг.

Изобразительное искусство, литература и музыка в стране большевиков

Большевистское искусство – явление не простое. Я многое видел и позволю себе усомниться в его особой ценности. В нем слишком много экспериментаторства, чтобы оно могло впечатлять по-настоящему. Кроме того, оно до такой степени пронизано классовым сознанием и коммунистической идеологией, что нередко предстает образчиком чистейшей пропаганды, утрачивая истинно художественные достоинства. Основные темы – революция, гражданская война, и очень редко – текущая жизнь страны, что, на мой взгляд, гораздо интересней. Я все недоумевал, почему так? Почему не показать коммунальные кухни, жизнь заводов, взаимоотношения мужчин и женщин – ведь это так необычно и так интересно для тех, кто приезжает в страну. Почему бы это не показать?

Современное советское искусство представляют две организации, две группы: АХРР – Ассоциация художников революционной России – и ЛЕФ – Левый фронт искусств. Между группами имеется расхождение во взглядах. АХРР отдает преимущество идеологическому началу, а не форме и стилю. Ее представители, например, зачастую воплощают новое революционное содержание в старых формах. Достоинство их полотен, на мой взгляд, исключительно в прославлении нового строя, эстетически же это довольно слабо. Как раз накануне моего отъезда из России в Москве открылись две выставки: десятая выставка АХРР в помещении Московского телеграфа на Тверской и общая выставка на Моховой. Первая была устроена в связи с десятилетним юбилеем Красной Армии, на ней демонстрировались картины, иллюстрирующие историю революции и гражданской войны. Интерес представляет лишь как документальное свидетельство – в остальном это старый стиль в малохудожественном исполнении.

ЛЕФ, организация, к которой примыкают наиболее талантливые, неординарные молодые художники и писатели, показалась мне более интересной. ЛЕФ охватывает не только изо-

бразительное искусство, но и литературу и философию. Из бесед с представителями ЛЕФа, а также с их поклонниками, я вынес, что форме лефовцы уделяют такое же внимание, как содержанию, если не больше. Но при этом тема творчества неизменно революция. Сама форма, в которой лефовцы воплощают свои идеи, революционна по сути и часто построена на принципах конструктивизма, здесь весьма популярного. Беседуя с Третьяковым, одним из лефовцев, драматургом, автором шедшей в те дни в Москве с огромным успехом пьесы "Рычи, Китай!", я узнал, что лефовец не станет писать полотно ради красоты, ему важно воплотить какую-нибудь идею. (Как это может быть!) Припоминаю другое высказывание Третьякова: чисто декоративное искусство не выдержит проверки временем. Скажем, если здание украшает колонна, которая ничего не поддерживает, она не может олицетворять собой непреходящую красоту. Помнится, нечто подобное заявлял Рёскин, и все же это еще не истина, даже не часть ее. А как же Ватто, Энгр, Коро?

ЛЕФ выпускает ежемесячный журнал "Новый ЛЕФ", небольшое, ярко иллюстрированное издание, публикующее статьи о литературе, театре и кино. В редколлегию журнала входят такие известные личности, как Мейерхольд, директор и режиссер театра, Эйзенштейн, директор объединения "Совкино", наиболее известной и заметной из всех советских киностудий; Маяковский, самый популярный в России поэт; драматург Третьяков; литературный критик Брик; фотограф Родченко, оригинальный и, я бы сказал, впечатляющий мастер своего дела. Однако все работы Родченко, которые мне довелось видеть, характеризуют его как любителя всяких вывертов. Он всегда снимает под каким-то невообразимым углом. Иной раз трудно представить себе, что из такого положения можно снимать. Все у него необычно. Что касается представителей архитектуры и живописи, их слишком много, чтобы перечислять.

ЛЕФ весьма популярен в стране, поскольку его деятельность распространяется на рабочие клубы, а их в России много. Особо следует отметить актерскую труппу "Синяя блуза", которая в своей деятельности воплощает принципы ЛЕФа. Такие маститые лефовцы, как Третьяков и Маяковский, пишут сценарии для "Синей блузы" Обычно представление включает несколько сюжетов, как бы воплощая собой "живую газету" – стиль, популярный в России. Весьма оригинальна и постановка – никаких особых декораций, простейший реквизит, который сами актеры переносят из клуба в клуб. Недавно труппа в неполном составе побывала на гастролях в Германии, мечтает поехать в Америку, но их туда не пускают.

Следует подчеркнуть, что театр является сегодня важнейшим фактором массового коммунистического просвещения,

никогда еще театральному искусству не придавалось такого большого значения. Среди рабочих ЛЕФ очень популярен, правительство одобряет его деятельность. Именно благодаря ЛЕФу, благодаря живой форме воплощения идей времени коммунисты имеют доступ к сердцам масс. В подтверждение этому скажу: если за билет в театр иностранец или "буржуй" платит до 3–4 долларов, рабочий получает от профсоюза билет бесплатно или по минимальной стоимости. Но спектакли, которые я смотрел, показались мне довольно скучными. Тематика пьес исключительно революционная. Лучшим спектаклем сезона считался "Разлом", пьеса, повествующая об одном из эпизодов начала революционных событий. Она была поставлена в театральной студии на Арбате. Действие пьесы происходит в Одессе. Командир боевого корабля и его дочь медсестра симпатизируют большевикам. Муж дочери, морской офицер того же корабля, напротив, монархист. Он организовывает заговор с целью взорвать судно, чтобы оно не могло выйти в Петроград на помощь восставшим. Дочь командира раскрывает заговор; матросы, уже организовавшие на корабле комитет, выбрасывают офицера за борт, боевое судно устремляется на Петроград. Пьеса завершается намеком на зарождение пылкого чувства между дочерью командира и председателем судового комитета. (Ну совсем как в американском кино!) Мне показалось, что в пьесе много заимствовано из «Броненосца "Потемкина"». Декорации оригинальны – за действием следишь как бы через окна дома или иллюминаторы корабля, и оно как бы дробится на кадры. Вероятно, из желания создать настоящую, по мнению постановщиков, перспективу сцена вместе с декорациями наклонена в сторону зрительного зала. Есть ли в этом художественная надобность...

В современном театре чрезвычайно трудно четко определить левые веяния, правые и золотую середину, потому что существует слишком много вариантов подхода к режиссуре. Я встречался с Мейерхольдом, которого я бы назвал основной фигурой на левом фланге. Этот содержательный, интересный человек, занимает, как я уже говорил, вместе со своей труппой большой, красивый дом, выделенный для него вскоре после революции. Он утверждает, что цель его театра – активное содействие культурному прогрессу в СССР. Под культурным прогрессом он разумеет, однако, его только исключительно коммунистическую направленность. В театральной жизни именно Мейерхольд является рупором советской идеологии. Достаточно послушать его. Однако при этом он утверждает и художественность в искусстве.

Специфика его театра в особом акцентировании социальных моментов в драматургической канве пьесы. Этот метод диаметрально противоположен эстетике режиссеров, которые,

не заботясь о содержании пьесы, стремятся поразить зрителя особой театральной формой или, наоборот, игнорируя важность постановочного замысла, обедняют этим содержание пьесы. Лично мне кажется, что Мейерхольд немножко "хулиганит", переиначивая русскую классику и шокируя старых театралов. К примеру, в своей интерпретации драмы Островского "Лес" он дробит действие на тридцать три эпизода, выставляя на первый план образ властной русской помещицы второй половины XIX века. В постановке старой пьесы "Великодушный рогоносец" его новаторство, я бы даже сказал "коммунизация", дошло до того, что актеры играли в рабочих комбинезонах, а сцена была преобразована в конструкцию, напоминающую водяную мельницу, в комбинацию помостов, лесенок, скатов и крутящихся колес. Остается гадать, насколько все это серьезно, значимо, ново и соответствует идеологии. Мне кажется, подобная режиссура демонстрирует отчаянную попытку изобразить что-то необычайное, чтобы удивить, изумить театральных снобов.

Мне довелось видеть и "Ревизора" Гоголя в постановке Мейерхольда, ничего общего не имеющей с классической постановкой этой пьесы во МХАТе. Текст изменен, добавлены несуществующие сцены, чуть-чуть мистики, чуть-чуть символики причем все это, по утверждению Мейерхольда, вполне соответствует первоначальному варианту рукописи и отвечает духу Гоголя. Однако декорации, по-моему, никуда не годятся. Крохотные, они выкатываются на колесиках на пустую сцену к каждому действию. Превосходно играют актеры, но постановка мне не понравилась.

При ЛЕФе, во всяком случае при московском его отделении, есть только один театр, театр Пролеткульта (Пролетарской культуры), который использует исключительно новые сценические формы. Остальные, театр Революции, например, театр Профсоюзов и Малый театр, показывают пьесы революционного содержания в традиционной постановке. Театральные студии при Художественном театре, руководимом Станиславским, в основном следуют системе Станиславского и особым новаторством не отличаются, тяготея к старым, испытанным театральным формам, почти классическим. В одной из таких студий на Арбате я смотрел спектакль "Виринея" о жизни русской деревни в период революционных преобразований. Пьеса неплохая, но мне показалась слишком растянутой. Похоже, эти театры придерживаются золотой середины.

В Камерном театре, который не принадлежит и не тяготеет к известным школам, а существует сам по себе и при этом весьма любопытен, я посмотрел несколько эксцентрических комедий, хотя они мне, впрочем, не понравились. При театре, которым руководит Таиров, есть театральное училище, где

семьдесят студентов обучаются основам оперного, драматического, комедийного искусства, пантомимы и трагедии. Свет и декорации, считает Таиров, играют в театре важнейшую роль, придавая спектаклю особый ритм, динамику, пластику, дополняя композиционное решение. Что ж, вполне возможно. Этот театр чужд художественного буквализма, здесь каждый актер имеет возможность максимально проявить себя во время спектакля. По убеждению Таирова, декорации должны служить актеру, должны быть тем подспорьем, на которое он опирается в своей актерской работе. Я спросил Таирова, как бы он поставил шекспировского "Макбета", – он ответил, что максимально бы расширил сценическое пространство для актеров, а декорации свел до минимума: один уровень для реальных персонажей, другой – для нечистой силы. От Таирова я узнал, что Камерный театр ставит и зарубежные пьесы. При выборе учитываются заложенные в драматургии возможности для сценической композиции, внутренний динамизм, новейшая сценография, а также соответствие содержания духу времени. Мне кажется, что ярких драматургов в современной России мало, советская драматургия находится на стадии становления. По мнению Таирова, наиболее интересна сейчас американская драматургия. На второе место он ставит английскую драматургию и на третье французскую. Менее высокое мнение у него о своей, отечественной драматургии...

В заключение я хотел бы отметить, что советский театр отличается революционностью, смелыми поисками, экспериментами, и все же постановки советских режиссеров не превосходят постановок наших крупнейших режиссеров, а иногда и ниже по уровню, хотя с таким мнением вряд ли согласится кто-либо из представителей современной русской революционной интеллигенции, убежденной в том, что Америка и Европа должны учиться у России.

Думается, положение дел в искусстве в России сейчас обстоит гораздо сложнее, чем в любой другой области. Обсуждаются художественные достоинства театра, качество пьес, постановочные решения, особенности прочтения, возникают дискуссии о характере самой литературы, которая, по мнению многих, должна соответствовать коммунистическим идеалам, а не буржуазным. Это настораживает. Можно ли в искусстве прибегать к подобным противопоставлениям? Истинное искусство всегда истинно, независимо от политического строя.

Без сомнения, тема книги, картины или пьесы может и даже должна отражать коммунистические, религиозные, нравственные, буржуазные воззрения, иметь соответствующую окраску, – но как может целиком зависеть от них форма воплощения, то есть чисто художественная сторона? Книга, картина или пьеса на религиозный сюжет бывает талантлива или без-

дарна. Это зависит от способностей ее творца, а не от темы и взглядов, в ней воплощенных. Любое доступное восприятию произведение – независимо от того, каких взглядов придерживается его автор, – можно оценивать как высокохудожественное или как недостойное внимания. Тема и принципы, отраженные в ней, не есть искусство, если уж на то пошло; искусство – в индивидуальном, личном видении художника, в его самовыражении в процессе раскрытия темы, оно не может иметь ничего общего с какой бы то ни было идеологией, мировоззрением, проблемами государственной власти. Если я не прав, почему же по сей день мы восхищаемся "Декамероном", "Озорными рассказами", "Книгой Иова", "Песнью песней" и "Кандидом", этой драгоценной жемчужиной, произведением, далеким от того, что прославляется большевиками? Разве не опровергают эти слова научную теорию развития общества? – слышу я. Разве не очевидно, что коммунистический строй – самый разумный и человечный из всех существующих? Следовательно, и литература, и искусство обязаны отразить этот факт. Ну а как же с теми, кто и понятия не имел о коммунистических идеалах? Художники-атеисты эпохи Ренессанса, писавшие лики святых, нередко не скрывавшие своего иронического отношения к предмету, являются истинными мастерами живописи. Свободные язычники эпохи Перикла ваяли статуи богов и героев, не веруя больше ни в тех, ни в других. В наши дни перед коммунистическим искусством ставится задача отражать только коммунистические идеи. А как же быть с индивидуальным восприятием?

Признаюсь, мне не ясно будущее искусства, призванного служить интересам коммунистического общества, зарождающегося в России. Хотя о нем только и говорят, от него многого ждут. Именно Ленин выдвинул мысль о том, что России крайне необходимы новая литература и новое изобразительное искусство, вдохновленные идеями и свершениями коммунизма, что они станут художественным выражением духа, образом коммунизма, искусством, равного которому еще не бывало. Что ж, может быть. Но только подлинным искусство становится не благодаря идеям коммунизма, а благодаря тому, что в эту эпоху родился истинный художник, как рождались великие художники в Италии, Голландии, арабских странах – повсюду. Я не могу не согласиться с мнением Станиславского о том, что белая срединная линия искусства на дороге жизни вечна и, что бы ни встречалось в пути, ее не перечеркнешь. Жизнь идет своим чередом; сосуществуют в ней и те, кому выпало бороться и страдать, и те, чей удел успех и процветание, какая бы идеология ни нависала тучами над ними, то сгущаясь, то рассеиваясь, то исчезая по велению высшей мудрости, источник которой столь же загадочен, как и тот химико-физический процесс, в силу

которого мы, нежданно-негаданно рождаясь, начинаем жить на земле.

Примерно такие мысли владели мной, когда я отправился в Московский Художественный театр на встречу со Станиславским. Меня встретил высокий величавый старик с белоснежной сединой, темными живыми глазами, с крупными, необыкновенно выразительными чертами мужественного лица. На вид я бы дал ему лет шестьдесят пять.

Его секретарь немного говорил по-английски. Я задал Станиславскому первый вопрос: как работается ему, режиссеру, в новых условиях социалистического строя? В ответе я не почувствовал особого воодушевления, однако острого недовольства тоже не ощутил. По ходу рассказа заметил, что ему, его труппе и его ученикам, естественно, не очень легко работать в новых условиях. Время тяжелое. Но сейчас как будто наметился переход к лучшему. И все же со свободой творческого выбора дело пока обстоит неважно. Однако, как утверждает режиссер, белая срединная линия искусства на дороге жизни вечна, ничему преходящему ее не перечеркнуть.

"Разумеется, могут возникать разные отклонения, – продолжал он, имея в виду современные крайности, – как правило, в области формы. Но все-таки мало-помалу искусство станет самим собой, прекрасным отражением жизни. Необходимо взять от революционного времени все лучшее и воплотить в искусстве".

"Как вы считаете, созданы ли уже при новом строе выдающиеся пьесы?" – спросил я. "Пока нет. Но среди пьес, документально отражающих события, я бы отметил поставленные у нас "Дни Турбиных" и "Бронепоезд 14-69", а новая пьеса Леонида Леонова, которую мы сейчас готовим к постановке, просто одна из лучших. Но как скоро удастся ее поставить, не знаю" И добавил: "Драматургия и театральное искусство будут играть и уже играют огромную роль в культурной и политической жизни России. При каждом заводе есть самодеятельный театр, при каждом клубе театральный кружок. И это по всей России"

Он высказал мнение, что при нынешних радикальных взглядах в искусстве нельзя, например, ставить Шекспира, подгоняя его под современное мировоззрение. Это обедняет, искажает его драматургию.

– Я не хочу сказать, что современная молодежь не имеет собственного отношения к Шекспиру. Пусть ставят, как они себе его представляют. Только, если браться за Шекспира, зачем же переиначивать его пьесы, ведь это полное непонимание творческого начала в искусстве. Искусство, произведение искусства, – единый живой организм. Нельзя же отрезать человеку руку и приставить на это место ногу! Хотя в чем-то даже крайнее экспериментаторство может пойти на пользу. Самое страш-

ное для искусства в любую эпоху – отсутствие новизны. Тогда искусство останавливается в своем развитии.

В отличие от левых и правых театральных деятелей Станиславский считал, что в сценическом искусстве декорации важны как фон для раскрытия актерского образа.

После беседы меня проводили в музей Художественного театра, располагавшийся в огромном вестибюле первого этажа. Здесь хранится бесценное собрание рукописей известных пьес, великолепные портреты и фотографии знаменитых актеров прошлого, коллекция костюмов, макеты декораций, реквизит и тому подобное.

В Москве мне довелось посетить Большой театр, я видел балет "Эсмеральда" по мотивам романа Гюго "Собор Парижской богоматери" Постановка и хореография великолепны, музыка мне понравилась меньше. Прима-балерина Гельцер, которой, как говорят, пятьдесят восемь лет, грациозна, полна энергии и смотрится юной.

В Ленинграде я побывал в цирке и в Театре юного зрителя. Последний – образец пропагандистского, идеологического театра, цель которого – воздействие новой идеологии на юные умы. В тот вечер у дверей театра гудела толпа мальчишек и девчонок от восьми до четырнадцати лет. Показывали "Разбойников" Шиллера; режиссер и директор театра Александр Брянцев дополнил пьесу своеобразными прологами к каждому акту, в которых в связи с драмой излагались факты биографии Шиллера. Театр сконструирован очень удачно – широкие кресла располагаются амфитеатром, так что отовсюду одинаково хорошо видно сцену. Мне очень понравились декорации. Сцены быстро менялись благодаря перемещениям свисавших на веревках посеребренных колонн и легкому преобразованию реквизита. Судя по бурным аплодисментам, смеху, переживанию в рядах юных зрителей, спектакль понравился. Перед началом в антрактах детям были розданы анкеты с вопросом: чем им понравилась пьеса? Подобные анкеты, а также критические статьи в периодической печати помогают театру формировать репертуар.

Но вернемся к проблемам сегодняшней русской литературы и театрального искусства, не будем гадать, каким образом и когда возникнет будущее коммунистическое искусство. По сравнению с Гоголем, Тургеневым, Достоевским, Толстым, Чеховым – словом, со всей знаменитой плеядой русских писателей прошлого – современные советские писатели выглядят гораздо скромнее. Я неоднократно говорил о том, сколько горя и страданий перенесла Россия, и именно потому бросается в глаза невнимание, равнодушие писателей, на мой взгляд весьма пагубное, к стране и ее судьбам. Исцелит ли коммунизм все недуги человечества? Не знаю... Но, судя по моим встречам с писателями, драматургами, поэтами, критиками сегодняшней

России, все они настроены оптимистически. Третьяков, например, считает, что все так и должно быть в жизни – и трудности и невзгоды, но при коммунизме все изменится к лучшему – и в этом его историческое значение. После этого между нами разгорелся весьма горячий философский спор, однако мы вели его за столом, не теряя чувства юмора. Третьяков – несгибаемый лефовец, и из его высказываний я заключил, что он не приемлет в литературе, даже в маленьком стихотворении, ничего, что не несет в себе возвышающей и полезной идеи. Оценивая строгую, простую архитектуру дома, я подумал, что и в ней отражены подобные утилитарные взгляды, функциональность. Простая, бесцветная постройка. Коробка. Как здание Института В. И. Ленина, как новое здание "Известий": вытянутые окна, прямые линии, никаких украшений внутри, наружные стены мрачно-серого цвета. В вестибюле дома, где жил Третьяков, стены были покрашены в ярко-голубой цвет – неужели из соображений функциональности?

Подобных взглядов придерживается и Маяковский, самый популярный сейчас в России поэт – высокий, энергичный, с внешностью борца-чемпиона, одевающийся экстравагантно, как актер. Поклонник машинного века, он с нетерпением ожидает его наступления, считая, что техника даст возможность высвободить творческие силы русских на нечто более значительное. (Может быть. У нас в Америке машинный век наступил, но я что-то не замечаю творческого раскрепощения.) Однако, в отличие от других, Маяковский серьезно опасается политики уравнивания, считая, что она может пагубно сказаться на развитии личности. Маяковский, будучи коммунистом, считает, что коммунизм не должен нивелировать личность. Но как он себе это представляет, я так и не узнал.

Рядом с Маяковским – Брик, литературный критик, его очаровательная супруга Лилечка, красивая женщина, хотя не слишком молодая, с усталым взглядом и тенями под глазами – что так характерно для московских интеллектуалок. Высокий красивый лоб – привлекательная черта русских женщин, – ясные, умные и выразительные глаза, загадочная улыбка. Она, словно царица, вызывала за чаепитием восхищенные взгляды и членов ЛЕФа, и членов АХРР.

К лефовцам, сторонникам утилитарного подхода к искусству, принадлежал и Леонов, автор пьесы "Унтиловск" и романа "Вор", молодой человек, не достигший еще и тридцати. И другие писатели и поэты – Кармен, Хлебников, Брюсов, Пильняк, о талантливости которых я могу судить только по отзывам, зато лефовские принципы они излагали мне неоднократно. Я ни разу не слышал, чтобы о каком-нибудь современном произведении – романе, поэме, пьесе – говорилось как об истинно художественном. Некоторые критики и читатели консерватив-

ного толка считают, что за последние десять лет, несмотря на высокие идеалы коммунизма, в литературе не было создано равного художественным образцам эпохи прошлого – не говоря уже превосходящего их, что, вероятно, должно быть особенно обидно идеологам нового времени.

В живописи, скульптуре и музыке не появилось ничего особо значительного. Однако жизнь в сфере литературы и искусства бьет ключом. Не только в Москве и Ленинграде, в любом городе, где мне довелось побывать, я видел выставки живописи, гравюры, скульптурных работ и разнообразных видов творчества молодежи, этого нового, не лишенного одухотворенности общества. Я полагал, что молодые художники могли бы продемонстрировать необычные формы нового искусства, призванного олицетворить, воплотить, насколько это возможно, коммунистические идеалы, показать что-нибудь сверхфантастическое, немыслимое, подобно французским футуристам конца прошлого, начала этого века. Увы! Я посещал выставки повсюду – в Киеве, в Харькове, в Ростове, в Тифлисе, в Одессе, не говоря уже про Москву и Ленинград, но нигде не нашел ничего оригинального. Почти все, что я видел, было связано с революционной тематикой, но по стилю и форме революционностью не отличалось. Есть симпатичные пейзажи, однако они ничем не отличаются от работ современных мастеров европейской и американской живописи. Ни в портретной живописи, ни в скульптуре я не находил того, что свидетельствовало бы об особой уникальности характера или момента этого переворота в общественном сознании. И вместе с тем сколько дискуссий о левых и правых течениях, о том, должно или нет искусство приносить практическую пользу обществу. Разумеется, я не мог увидеть абсолютно все. Но если бы мне посчастливилось встретить здесь гения, второго Эйнштейна, Ван-Гога, Матисса или Гогена, с каким жаром я принялся бы трубить об этом на весь свет – какие изумительные плоды принесли величайшие социально-экономические перемены. Но пока – возможно, я слишком холоден или равнодушен – я не нашел здесь той искры, что могла бы озарить сумерки капиталистического мира, беспокойным детищем которого я, увы, являюсь.

То же можно сказать и о музыкальной сфере. Здесь, как и в мире изобразительного искусства, все бурлит, особенно это касается деятельности рабочих клубов. Чтобы привить вкус к хорошей музыке, по всей стране организуются для крестьян и солдат выступления симфонических оркестров, хоров, инструментальных ансамблей. Однако ни второго Римского-Корсакова, ни второго Чайковского пока не появилось. Что ж, может быть, я многого хочу после такого созвездия талантов в прошлом. Насколько я мог разобраться, до революции в музыкальные школы и консерватории принималась привилегированная

публика. Сейчас, наоборот, при Народном комиссариате просвещения создаются концертные бригады и оркестры для выступления по всей необъятной территории Советского Союза. Совсем недавно в Ленинграде, Одессе, Тифлисе и других крупных городах страны проводился Бетховенский фестиваль. В Ленинграде и Одессе есть свои городские симфонические оркестры. Государство весьма поощряет открытие музыкальных училищ в различных республиках.

Остается рассказать лишь о советском кино, и тут, я должен сознаться, мне необычайно трудно отразить это ярчайшее, я бы сказал, высокохудожественное и вместе с тем общедоступное явление. В отношении этого вида искусства государственная точка зрения совпадает с мнением сторонников служения искусства, в особенности кино, практической цели, скажем, идее коммунизма. Разве не является кино, говорят они, величайшим из средств просвещения, прежде всего пропаганды? Конечно, является! Вот почему сейчас в стране не только перестраиваются имеющиеся киностудии, но создаются новые, огромные, доселе здесь невиданные. Государство считает, что прежде всего нужно создавать фильмы, которые бы способствовали пробуждению сознания отсталых слоев России, раскрывали бы преимущества коммунистических отношений, сопоставляя их с тяжелыми условиями жизни в прошлом при царизме.

Некоторые фильмы мне удалось посмотреть в Америке: «Броненосец "Потемкин"», "Иван Грозный", "Власть тьмы", "Конец Санкт-Петербурга" По-моему, они сделаны очень талантливо (смею утверждать, что по своим достоинствам эти фильмы намного превышают качество наших голливудских). В Советском Союзе – в Москве и других городах – я посмотрел еще несколько фильмов. Такие, как "Шторм" и "Бабы рязанские" Первый – об одном из эпизодов гражданской войны на юге России, второй – о крестьянской жизни. Оба фильма сделаны на высочайшем профессиональном уровне. Признаюсь, я считаю их лучшими из того, что есть в мировом кино.

Ленинградское "Совкино", самая крупная из киностудий в Советском Союзе, осуществляет контроль за постановкой и демонстрацией фильмов в восьмистах кинотеатрах Ленинграда и других городов Ленинградской губернии. Павильоны студии занимают около трех гектаров, территория крошечная в сравнении с Голливудом, однако производительность "Совкино" весьма велика. Главное здание до революции представляло собой огромный увеселительный центр с аттракционами и катком. Бывший каток преобразован теперь в крупнейший постановочный павильон, где можно одновременно снимать сорок фильмов. Во время посещения студии я отметил огромный энтузиазм коллектива в связи с грядущими планами, увидел, как серьезно они относятся к работе, к будущему страны. Тут,

конечно, нет ни высоких жалований, ни вилл для режиссеров и кинозвезд. Директор киностудии Гринфельд получает триста рублей в месяц, самая знаменитая звезда – пятьсот (то есть двести пятьдесят долларов. О, Голливуд!). Но, как и у нас, автомобили, мальчики на побегушках, помощники режиссера, ассистенты и яркое, шумное зрелище съемки.

Я беседовал с Гринфельдом, мне хотелось узнать о его творческих планах, но он оказался человеком несовременным, малоразговорчивым. Только показывал. Зато директор московского "Совкино" Сергей Эйзенштейн, автор сценария и постановщик «Броненосца "Потемкин"», явился прекрасным собеседником. Самый пылкий сторонник коммунизма из всех известных мне режиссеров, настоящий большевик. Молодой, ему нет и тридцати, – хорош собой, хотя немного полноват и не очень высок. Какое прекрасное лицо в обрамлении копны курчавых волос, мальчишеская улыбка, голубые глаза. Он занимает одну комнату в общей шестикомнатной квартире, где живут шесть семей, – по нью-йоркским меркам жилище для ведущего кинорежиссера весьма скромное, но по московским вполне нормальное. Чтобы как-то облагородить и оживить свое жилище, Эйзенштейн расписал стены яркими спиралями, похожими на глаза фантастических софитов. А над его письменным столом, вероятно как декоративный элемент, висел американский рекламный плакат с изображением новейшего сепаратора. На стенах – фотографии известных русских киноактеров.

Меня интересовало, покупают ли русские заграничные фильмы, и мой первый вопрос касался организации киноиндустрии в Советском Союзе. Эйзенштейн объяснил мне, что кино находится в ведении государства, вопросами кино занимается Наркомат просвещения, возглавляемый Луначарским. Кроме того, имеются и особые кинокурсы. В России, также как и в США, репертуар кинематографа строжайше контролируется, но если в Америке это в основном цензура нравственности, то здесь – политическая. Эйзенштейн считает, что за последние три года в стране появилось только три-четыре выдающиеся ленты, среди которых он называет своего "Потемкина", "Мать" Пудовкина по роману Горького и еще какой-то незнакомый мне фильм. Эти фильмы Эйзенштейн называет реалистическими, в отличие от продукции западного кинематографа, в особенности той, которая подражает Голливуду и далека от изображения событий повседневности. (Должен заметить, что творчество самого Эйзенштейна носит исключительно документальный характер.) Он сказал, что в России, разумеется, есть и режиссеры, которые с согласия правительства заняты производством научно-популярных фильмов, предназначенных для целей образования и просвещения.

С точки зрения художественной для Эйзенштейна самое

важное в кино не сценарий, не драматизм сюжета, а образность кадра, его особая поэтичность, а также предпочтительное участие непрофессиональных актеров. Он подчеркнул, что в его картинах открывается широкая возможность для использования людей с улицы, поскольку он главным образом стремится воспроизводить реальную повседневную жизнь с присущим ей драматизмом, а не искусственно выдумывать сюжеты. В качестве примера Эйзенштейн назвал только что отснятый, но еще не вышедший на экраны свой фильм "Генеральная линия", который, как ему представлялось, является иллюстрацией процесса перерастания бедной деревни через кооперацию в крупное хозяйство. Вот что считает Эйзенштейн истинным искусством.

Заинтригованный его рассказом, я отправился на закрытый просмотр "Генеральной линии" Фильм состоит из серии реалистических эпизодов деревенской жизни: крестный ход в деревне, снятый с натуры; современный государственный маслозавод; бедная крестьянка идет к местному богачу одолжить лошадь, чтобы убрать урожай, и так далее. Богатый крестьянин и его жена лоснятся от жира, их сундуки ломятся от добра, они погрязли в своей деревенской роскоши, как какие-нибудь средневековые феодалы. Вслед за каждым появлением в кадре толстухи жены камера кокетливо кружит вокруг восковой свинки. Это сопоставление неожиданно комично. Истинное достоинство картины, утверждает Эйзенштейн, в нахождении чисто жизненных параллелей. Ну а с точки зрения классических высот... не знаю.

В отношении произведений менее утилитарного характера рассуждения Эйзенштейна показались мне наивными. Он считает, например, "Кабинет доктора Калигари" иллюстрацией порочного метода кино. Я обвинил его в пропаганде советского искусства и спросил, что бы он стал делать со своими взглядами где-нибудь в Южной Африке. Эйзенштейн ответил, что стал бы в политическом и социальном плане просвещать население, заострив их внимание, скажем, на колониальной проблеме. В Америке он, пожалуй, принялся бы освобождать негров, выступая в их защиту. "Ну и смутьян!" – сказал я ему.

Между прочим, производство фильма "Октябрь" обошлось в пятьсот тысяч рублей. Эйзенштейн при этом получил всего шестьсот рублей за сценарий. Производство "Генеральной линии" стоило семьдесят пять тысяч рублей. Исполнительница, игравшая главную роль, получает жалованье сто пятьдесят рублей, то есть семьдесят пять долларов. (Не мешало бы это учесть в Голливуде.) Между тем известный актер Художественного театра Леонидов получает сто рублей в день. Можно ли при таких деньгах не ощущать аристократического превосходства в коммунистическом мире?

Я все-таки заметил Эйзенштейну, что для меня в искусстве

главное – драма индивидуума, его личные переживания, горести и радости, только через индивидуальное можно почувствовать и передать чувства масс. Но с этим Эйзенштейн не согласился.

В общем, мне кажется, что подъем коммунистических настроений в России внес некоторую сумятицу в ряды служителей различных видов искусства, выдвинув новое понимание его задач. Правительство, стремящееся к утверждению своей социальной политики, не очень умело, хотя и с деловой хваткой, берется покровительствовать искусству и тем самым ставит его в зависимость от себя. Однако пока это не дало видимых результатов, быть может, в силу особых свойств, присущих искусству, в силу его внутренней независимости. Выпускаются прекрасные книги, создаются прекрасные полотна, пишутся прекрасные пьесы и делаются прекрасные фильмы, отвечающие задачам пропаганды и требованиям времени. И только.

Но, кроме пропагандистской ориентации служителей искусства, правительство поддерживает деятельность музеев, где хранятся рукописи и прочие документальные свидетельства жизни величайших русских писателей, поэтов, художников, скульпторов, творчество которых отнюдь не созвучно задачам пропаганды сегодняшнего дня. Значит ли это, что коммунисты не намерены перечеркивать достижения искусства прошлого при всем своем стремлении создать новое? В Ленинграде, например, открылся музей Гоголя, музей Чехова. В Москве – музей Толстого. И в этом музее огромная коллекция фотографий писателя и членов его семьи, бюсты, скульптурные изображения, экземпляры опубликованных книг Толстого, реликвии, иллюстрации, посмертная маска писателя и огромная картина, на которой он изображен уже старым, сидящим среди скал со взглядом, устремленным на море. Я бы назвал эту картину "Все в прошлом"

Всюду, в любом уголке России, в больших городах и малых, вы обнаружите, что музеи и галереи, старинные государственные здания, особняки зажиточных буржуа и банкиров, несмотря на отрицание советским правительством буржуазной культуры, содержатся в порядке и охраняются государством. Этим занимается специальное Управление музеев. Странно. Мне кажется, подобное отношение может оказать определенное воздействие на умы подрастающего поколения, привлекая внимание к нежелательным, а порой и соблазнительным сторонам отошедшей в прошлое буржуазной действительности. Воздействие это может быть довольно сильным, заставляя восхищаться не только разнообразием архитектурных форм и стилей, но и роскошью отделки, избытком украшений, аляповатой безвкусицей. Будем надеяться, что коммунистическое сознание, одухотворенное высокими идеалами, выстоит; вместе с тем государствен-

ная поддержка оказывается только таким художникам, которые либо защищают принципы утилитарного искусства, либо отражают в своем творчестве современную идеологию, мечты и идеалы нового строя.

* * *

P. S. В продолжение рассказа об искусстве России, о его настоящем и задачах на будущее, мне хотелось бы рассказать о своей поездке в Ясную Поляну, бывшее имение Толстого, занимающее территорию более тридцати гектаров, в ста пятидесяти верстах от Москвы. Сейчас здесь мемориальный музей, охраняемый государством. Тогда было очень холодно, стояла суровая русская зима. Я увидел заснеженное имение. Ясная Поляна окружена деревьями: сосны, березы. Было десять градусов мороза. В старых санях, которые я нанял на ближайшей станции – в те годы денег с приезжих гостей не брали, – мы подъехали к белому двухэтажному дому. Дверь открыл старый сторож со слезящимися глазами, провел нас по комнатам, где все было так, как при жизни Толстого. В ту пору верх не отапливался, и комнаты казались заброшенными, пустыми и неприглядными, как жилище бедного американского фермера. Огромная столовая, она же гостиная, длинный обеденный стол, концертный рояль, на стенах изображение семейства Толстых кисти Репина; спальня писателя, при ней крохотный кабинетик – вот почти и все, что есть на втором этаже. В спальне Толстого простая узкая кровать, старый умывальник, на стене поношенный халат, рубище, да и только. Однако как просто он жил в старости!

Но в обитаемой части дома, где поселилась дочь писателя Ольга с племянницей, оказалось гораздо уютней. Дочь Толстого директорствовала в новой сельской школе, открытию каковых способствовали власти; племянница преподавала музыку и пение в этой же школе. У них было тепло и славно, по-домашнему. Племянница Толстого, пожилая женщина, немного говорившая по-английски, очень радушно приняла нас, угостила чаем. Она рассказала, что с приходом революции лишилась всего своего имущества, более того, просидела два месяца в тюрьме без всякой причины, только потому, что у нее обнаружили деньги и сочли ее богачкой. И когда наконец поняли, что она не враг, – выпустили. И вот без копейки, в единственном поношенном платье, она пустилась на поиски работы. С трудом нашла. Однако к новой власти относилась вполне философски, ничего против нее не имела. Чувствовалось, что она верит в светлое будущее России. Готова была прожить в одной комнате здесь, в имении Толстого, до конца своих дней, но охотно бы посетила Аме-

рику. Ольга, младшая дочь Толстого и здешняя хозяйка, отнеслась к ней с добротой и отзывчивостью.

Мой приезд в Ясную Поляну совпал с семнадцатилетней годовщиной со дня смерти Толстого, и меня пригласили посетить могилу писателя. Толстой был погребен в роще, под сенью берез и сосен, сейчас припорошенных снегом. Следуя его завещанию, не поставили никакого надгробия. В тот день его могилу обложили сосновыми ветками. Незадолго до нашего прихода у могилы собрались ученики из находившейся неподалеку школы, основанной Толстым. Они украсили могилу поздними осенними цветами. Дружной толпой пришли крестьяне из ближней деревни, человек двести, наверное. Как только явились взрослые, дети затянули дивными ребячьими голосами поминальную – "Вечную память" Один из друзей Толстого произнес речь, подчеркнув огромное значение социальных и гуманистических взглядов Толстого. После него о писателе говорила его дочь Ольга. За ней выступил несколько странноватый, маленького роста, крестьянин с всклокоченной бородой и добрыми, лучистыми глазами, он поделился своими взглядами на жизнь, сложившимися под влиянием Толстого. Затем в усадьбе состоялся поминальный ужин, после которого все гости собрались в гостиной, прослушали записанные на фонограф выступления Толстого, он говорил по-русски, по-английски, по-немецки, по-французски, племянница писателя исполнила его любимые фортепианные произведения – "Патетическую симфонию" Чайковского и "Похоронный марш" Шопена; хор местных крестьянских детей так же трогательно, проникновенно исполнил произведение, посвященное Толстому. Позже вечером известный ученый, женщина, в прошлом друг семьи Толстого, зачитала отрывки из воспоминаний о жизни Толстого в Ясной Поляне, а также воспоминания Станиславского о Толстом и его отношении к драматургии. Еще она прочла неопубликованный рассказ Толстого о своих маленьких племянницах, одной из которых была наша пианистка, и о том, как жили Толстые в Ясной Поляне. В завершение вечера выступил похожий на Толстого крестьянин в поношенной одежде, который только семь лет назад научился читать и писать, он вышел и, смущаясь, прочел собственное стихотворение о Толстом. Мне сказали, прекрасное. Он служил сторожем при школе. Тулуп на нем был ветхий, потрепанный, за плечами мешок, на ногах валенки. А лицо как у ребенка, светится улыбкой. Пока еще не признанный, безвестный талант, но кто знает...

Поздно ночью в санях меня везли верст двадцать по снежной, обдуваемой ледяными ветрами дороге в центр губернии, город Тулу, откуда я двухчасовым ночным поездом отправился в Москву.

Зарисовки с натуры

Москва, декабрь, четыре часа дня – в этот час должно состояться мое знакомство с совершенно новым жилищем рабочих, с очередным благом коммунистического общежития. Трудовой день в России восьмичасовой, он начинается, как правило, в семь тридцать, заканчивается в четыре дня. Здесь в двух корпусах живет, наверное, семей двадцать. Каждая в одной или в двух комнатах, в зависимости от количества членов семейства. Не менее троих в комнате, чаще по пять и больше. Обстановка настолько убогая и неприглядная и бестолковая, что просто слов нет.

Рабочие в России всегда влачили нищенскую жизнь и мебели толком не имели, так что спрос на мебель пока в себе не воспитали. Семья, куда нас пригласили отужинать, состоит из двух сводных братьев и их жен и занимает две комнаты, в каждой одна узкая кровать, люлька для ожидаемого младенца, швейная машинка, небольшой стол, три стула и сундук. На стенах разные агитационные плакаты, фотографии Ленина, репродукции картин старой буржуазной эпохи.

Ванны нет. Есть одна, коммунальная, на нижнем этаже дома, где живет двенадцать семей. Кухни тоже нет. Удивленно поднимаю брови, будто слышу в первый раз, – мне рассказывают, что есть одна коммунальная кухня на каждые шесть семей, что означает: каждая семья имеет свой кухонный уголок со столиком или шкафчиком, где имеется табличка с фамилией, и все это в одной кухне, расположенной на этаже в конце коридора.

– Ведь это же такое неудобство для женщины – выходить из комнаты, идти по коридору и готовить в общей кухне вместе с соседками, – заметил я своему секретарю-сопровождающему, с которым вместе оказался в гостях.

– Не беспокойтесь! Надо знать русскую натуру. Какое там неудобство, для нее это радость общения, вместе гораздо веселее. Вот, например, наши хозяйки, собираются готовить нам ужин. Пройдемте вместе с ними, посмотрим, как это делается. Наше присутствие нисколько не помешает ни им, ни их соседкам. Чуть-чуть расширит их компанию.

И мы вместе пошли в эту общую кухню, довольно просторное помещение, где стояли две большие дровяные плиты, шесть шкафчиков, находилось несколько раковин для мытья посуды. Вокруг всего этого толпилось человек двенадцать – женщины, дети и даже несколько мужчин разного возраста. У печек стояли матери, жены, дочери, бабушки, занятые премудростями готовки. Одна налила и поставила на огонь чайник, другая, я бы даже сказал – другие, колдовали над неизменным в России чугунком, в котором варилась какая-то еда для всей семьи.

Тут же кипела картошка, жарились блинчики. Очень дряхлая бабушка жарила на сковородке любимую в России колбасу и одновременно следила за поставленным на огонь чайником.

Кухонный разговор! Хоть я не понимал ни слова, эта картина напоминала мне диковинный говор толпы у Достоевского. Я ощущал их жизнь – хоть появление в кухне иностранца, разумеется, не прошло для всех незаметно, никакого особого смущения в жильцах я не ощущал. Совсем нет; пожалуй, нормальное и даже как будто веселое любопытство: "Вон, американец, узнать хочет, как русские живут!"

– Тот старик, – сказал мой сопровождающий, – говорит, что русская кухня – место для этого вполне подходящее.

Судя по нарочито серьезному виду, старый крестьянин высказался иронически.

– А о чем говорят те женщины? – спросил я.

– Эта, – пояснил мой секретарь, кивая на девушку, стоявшую рядом со старухой, – спрашивает у соседки, нашел ли ее сын работу. Та говорит – нет. А вон толстуха возмущается, что в кухне слишком много народа, полагается только по одному от каждой семьи. Ну а... – подождал, послушал, – те женщины обсуждают, сколько людей кругом болеет гриппом. А вот эта жалуется, что плохой купила салат. Обычные кухонные пересуды, только и всего.

– Вы в самом деле считаете, что им всем удобно в коммунальной кухне, что ни у кого не возникает недовольства по поводу такого житья?

– Напротив, уверяю вас, у русского крестьянина, да и вообще у русских, в крови именно тяга к коммунальному быту. Склонность к общению. В кухне они угощают друг друга, обмениваются своими печалями и радостями. Поживете у нас с годик, сами поймете. У нас любят есть в компании, путешествовать в компании, любят шумные игры, даже спят все в одной комнате. Никаких неудобств. Даже приятно.

Наш ужин подтвердил его слова: то и дело заходили соседи, просто посидеть с гостями или принести к столу чего-нибудь вкусненького, откушать вместе. Но, несмотря на все сказанное и увиденное, я все же не могу допустить, чтобы сборище на кухне, только что описанное мною, явилось олицетворением будущего коммунистического жилища.

Идет постоянное сравнивание России с Западом, поскольку в России только и говорят о том, какой станет страна в будущем, когда именно произойдет полная индустриализация, после чего каждого человека будут окружать сплошные технические новшества. И действительно: в самых экзотических частях Советского Союза – в сердце Сибири, в Ташкенте и Самарканде, крупных городах Средней Азии, простирающейся к востоку

от Каспия, в Дагестане, Азербайджане, Грузии, – где бы вы ни оказались, повсюду можно встретить сочетание древнего и новейшего. В Самарканде увидите развалины военных укреплений Александра Македонского и современный спальный вагон; в Баку или Ташкенте – современные гостиницы и рестораны, с электрическим освещением, с ваннами, – и тут же мечети, гробницы династии Аббасидов, зачинатели которой знавали Магомета; автобусы, автомобили, трамваи разъезжают рядом с гробницей таинственного, почти мифического Тимура. Но самое необыкновенное ощущение, острое чувство новизны и вместе с тем неподвластности переменам и времени, когда все случается и ничего не происходит, испытываешь, идя по улице Карла Маркса в Самарканде – путь не больше полумили, от могилы легендарного Тимура и дальше, и вдруг в обычном для подсобного помещения окне за зелеными занавесками видишь не один, а целых четыре линотипа Мергенталера, которые стоят в ряд вдоль стены и за которыми сосредоточенно трудятся четыре самаркандца-линотиписта, лишь изредка кто-то поворачивается на стандартном вертящемся табурете к коллеге, если возникает вопрос по рукописи, отпечатанной на машинке на узбекском языке. Ибо газета, которая печатается здесь, "Зеравшан", выходит ежедневно на узбекском языке в Самарканде, городе с населением в сто тысяч, по данным на 1926 год. Последние новости советской жизни немедленно поступают сюда, как и во все уголки страны, и их выкрикивают на углах мальчишки-газетчики точно так, как где-нибудь в Нью-Йорке, Лондоне или Париже.

Однако встречаются женщины и девушки в белых или черных покрывалах, чьи лица скрыты от взоров. Русские ходят в блузах, беретках и высоких ботинках. Персианки – в длинных одеждах, с разноцветными платками на головах, но носят и современное платье. Узбечки, афганки и таджички носят такие замысловатые головные уборы, такие непонятные накидки или халаты, что я не рискую описывать словами, легче нарисовать. И тут же изогнутые электрические фонари на углах, магазины, торгующие фотоаппаратами, радиотоварами, фотографическими принадлежностями, пишущими машинками и всякими другими современнейшими вещами. И автомобили, грузовики, автобусы, трамваи, которые разъезжают рядом с русскими дрожками!

* * *

Я живу в гостинице "Большая Московская", самой большой и самой дорогой в Москве, а может, и во всей России. У меня неполадки с ванной. В гостинице на сто номеров их всего восемь

или десять. Мне повезло, мне достался номер с ванной. Но слишком мала затычка и попеременно текут то холодный, то горячий краны, вероятно, сносилась прокладка. Словом, нужно заменить какие-то мелочи, что в Америке вам моментально сделает любой водопроводчик или просто умелец с плоскогубцами или разводным ключом. Я вызываю служащего и знаками объясняю, что мне нужно. Белесый, смахивающий на немца парень – тип, распространенный в России, бормочет: "Сейчас, сейчас", то есть "сию минуту", – самое употребляемое и злоупотребляемое выражение в России, ибо здесь ничего сию минуту не делается.

Я завтракаю, затем отправляюсь гулять по городу. Возвращаюсь днем и слышу: кап-кап! Снова нажимаю кнопку. И снова меня уверяют: "Сейчас, сейчас" Приходит моя переводчица и подкрепляет мои усилия просьбой на русском языке. Но наступает утро, и все остается по-прежнему. Я сам иду к начальству. Находится человек, который говорит по-английски.

– Будьте спокойны, в течение дня к вам зайдут. У нас всего один техник, он всегда нарасхват. Но сегодня – обязательно!

Ухожу, возвращаюсь в три и застаю в своей ванной сборище из восьми человек. Ванная крохотная, им явно тесно – трое в комбинезонах, остальные в спецовках, поверх полушубки, а на головах шапки. Совещаются. Я ахнул, не веря глазам своим, и тут же стал убеждать себя, что, должно быть, я ничего не смыслю, что на самом деле все гораздо серьезней, чем кажется. Совещались десять, пятнадцать, тридцать пять минут, после чего вся компания с достоинством удалилась, не произнеся ни слова, лишь двое или трое кивнули мне на прощанье. Из ванной доносится: кап-кап. Затычку никто не сменил. Значит, и сегодня принять ванну я не смогу.

Наступает следующее утро, я весь киплю.

Послушайте! – обращается моя переводчица по-английски – чтобы я понял, о чем разговор, – к служащему, который знает язык. – Мистеру Драйзеру необходимо принять ванну! Он уже три дня не может мыться. Он сказал вам, что нужна лишь затычка и новая прокладка. Неужели нельзя обеспечить?

– Подождите минутку, я перезвоню!

Звонит через десят минут.

– Значит, так: у техника затычки нет. Это дело водопроводчиков, не его. У нас каждый рабочий занимается своим делом, с этим строго. Но они сказали, утром придут. Вчера мне сказали.

– Кто сказал?

– Водопроводчики.

Последние две реплики – мой вопрос и ответ переводчицы. Я в недоумении: "Водопроводчики? Мне нужен всего один! Да что это за бред, в самом деле! Чем эти восемь человек занимались здесь вчера?"

На это переводчица ответить не смогла. Зато принялась разъяснять, какое существует положение насчет водопроводчиков и других рабочих профессий. В России рабочие одной профессии не могут посягать на функции рабочих другой профессии. Такова заповедь профсоюзов, а значит, и общегосударственная, поскольку профсоюзы участвуют в решении государственных вопросов. Надо спокойно подождать, сегодня же все устроится, заверила меня переводчица.

В два часа дня возвращаюсь в номер, чтобы отыскать нужное письмо, к тому же я жду гостя. В ванной застаю троих в комбинезонах и с инструментом. Орудуют при свечах. В данный момент беседуют. Беседа, сопровождаемая каким-то звяканьем, продолжается до четырех, после чего они уходят. Конец рабочего дня. Сгорая от любопытства, бегу в ванну посмотреть. Ей-богу, к цепочке приделана новая резиновая затычка, и кран перестал течь. В том месте, где отворачивалась гайка, я вижу следы разводного ключа. Но почему втроем! А накануне – ввосьмером! Проявляя любопытство к российским порядкам, я попытался снова затронуть эту тему со служащим, говорившим по-английски. Но мой вопрос поставил его в тупик, он сказал, что в водопроводном деле не специалист.

– Видите ли, наша гостиница – государственное учреждение, – все же попытался объяснить он. – Наверно, водопроводное дело, техническое обслуживание, электропроводка – это все разные ведомства. Мы звоним в контору, а там они сами знают, кого присылать. Бывает, приходится долго ждать. Очевидно, дел у них много.

– Но неужели из-за такой ерунды восемь человек, пусть даже трое, должны совещаться?

– Ничего не могу сказать, но если хотите, наведу справки.

– Будьте любезны!

Справки он так и не навел. И я остался в неведении. Снова пытал его, пытал других. Пока наконец один мудрейший американец не высказал предположение: все это не что иное, как проявление русского характера.

– Хотите верьте, хотите нет, – заявил он, – но в этом суть русских. Обожают трудиться коллективом. При этой форме государственной власти никто не желает брать на себя ответственность. Проще, безопаснее все делать вместе – так спать спокойнее. Ну а правительство, коллективное по духу, ничего против не имеет. Задачи коммунистического строя выполняются, народ обеспечен работой, и все довольны. Нет, я не идиот, это чистая правда!

И пока жил в России, я все время думал, до чего точно и ясно он охарактеризовал и государственное устройство в России, и некоторые черты русского характера.

Отдельные воспоминания о России

Моя книга подходит к концу, позвольте теперь привести несколько отдельных наблюдений. Повидал я много. Но так мало мне удалось рассказать о величайшем явлении, происходящем в мире.

В России я понял то, о чем никогда не задумывался дома, в Америке: невозможно определить сущность человека, исходя из его материальных потребностей. Они мало что объясняют. Истинная сущность человека раскрывается в потребностях духовных – в его мышлении, мировоззрении, и истинное человеческое величие идет от интеллекта, лишь это свойство рождает отклик в людях и способно воодушевлять умы. Я прекрасно понимаю, что вдохновенная мысль, глубокий ум присущи незаурядным людям, и если появляются такие, их воздействие на массы огромно, достойно восхищения. Здесь в России осознаешь это особенно ясно. Ведь если человек не способен высоко мыслить, ему остается стремление к наживе и стяжательству, и, так как его не заботит благосостояние других, ум его сосредоточен на одном: накоплении материальных благ. Это дико. Это противоречит всякому человеческому, всякому здравому смыслу. Лишенная стяжательства жизнь прекрасна, многолика, духовна. Вот что я так остро почувствовал в России.

* * *

Русским присуща любовь к разноцветию. Ярко раскрашены купола церквей, фасады и интерьеры особняков (старого царского времени и эпохи буржуа-"кровопийц"), часовенки, дрожки, даже лошадиная сбруя. Да и сами русские, стоит лишь пригреть солнышку, одеваются ярко. Естественно ожидать той же веселости в новой русской архитектуре, но сторонники новой культуры призывают к строгости. Увы! Рядом со старинными постройками, яркие цвета и позолота которых так оживляют хмурые зимние дни, сереют больничного вида коробки нового телеграфа, огромного комбината "Известий" (официальной правительственной газеты) и Мосторга (Управления московской торговли), словно бы заявляя всем своим обликом, что перед лицом суровой необходимости обеспечить страну хлебом грешно увлекаться украшательством, яркостью и позолотой.

Неужели грешно? Неужто всеобщим признаком коммунистического достояния явится этот нищенски серый цвет? От него так и разит фанатичным монашеским аскетизмом. Такая архитектура безжизненна. И каким бы ни был строй, нельзя насаждать среди людей мрачный, чисто функциональный подход к жизни. Если коммунистический строй не откроет дорогу красоте, ему не выстоять.

Еще одно наблюдение. И весьма важное, оно касается многообразия народов и народностей, населяющих новую Россию. Тут я не могу удержаться от восклицаний. Какая глупость – бытующее на Западе мнение, что Азия выродилась! Какое невежество! Какое заблуждение! А ведь всю жизнь мне внушали это! Малообразованный, угнетаемый, технически отсталый, неразвитый азиатский народ – да, но только не выродившийся! Сколько бы ни твердили, что там уже не осталось энергичных, боевых, даже грозных удальцов, не верьте!

Внешность представителей разных республик, наводнивших Москву в начале ноября в дни празднования годовщины Революции, потрясала меня на каждом шагу. Каковы грузины! Высокие черноволосые красавцы с матовой кожей, величественные, как породистые скакуны, движутся легко, грациозно, словно любуясь своей силой. А казаки! Высокие, бравые, черные глаза свирепо буравят встречного, на плечах длинные черные овечьи бурки. Ну а монголы! Обитатели пустыни Гоби, торгуя шнурками, орехами, яркими безделушками, разглядывают вас с не меньшим любопытством, чем вы их. И афганцы хороши – длинные черные кудри вокруг ушей со вздетой серьгой, подпоясаны полосатым платком, пронзительный кошачий взгляд, смуглые, заросшие черными бородами лица. Или камчадалы, или жители Новой Земли: у народов Севера по сей день жив обычай убивать человека в час надвигающегося недуга или беды, для этой цели припасают новый нож или ружье, лишают соплеменника жизни с согласия клана, а оружие погребают вместе с убитым, соблюдая при этом все торжественные траурные почести.

* * *

Вот еще одна подробность из жизни нынешней России: я увидел здесь думающее правительство, не просто правительство, поглощенное мыслительной работой, заботой о будущем, но занимающееся решением вопросов экономического устройства страны. Ну разве это не удивительно – правительство работает над экономической программой общества! Имеем ли мы что-либо подобное? Раньше я бы дал утвердительный ответ, мне казалось, что хотя бы умозрительно мы заботимся о своем будущем, пытаемся поднять свою культуру и нравственность на уровень более высокий, который способствовал бы развитию интеллекта, пытливости ума, знаменовал бы собой торжество разума. Похоже, я глубоко заблуждался, приписывая американцам столь сильное стремление к духовному развитию. Порой, сдается мне,

я чрезмерно идеализировал прошлое и будущее Америки. Позднее мне пришлось почти полностью утратить иллюзии на этот счет – такая уж мы материалистически приземленная и в большинстве своем инфантильная нация.

В России все иначе! Здесь я обнаружил поразительную духовную жизнь, безграничное, неподдельное, лишенное всякой меркантильности стремление к духовному обогащению! Только представьте себе: в состав Центрального Комитета коммунистической партии входит сто шестьдесят семь человек, мужчин и женщин, представителей всех, даже самых отдаленных районов страны, и все они думают не только о судьбах России, как мы, американцы, думаем только о судьбах Америки, но и о судьбах всего мира. Достаточно побеседовать с любым из современных государственных деятелей России – забываешь, что говоришь с политическим или государственным деятелем или с высокопоставленным человеком; в беседе отсутствует официальный тон – что так утомляет и раздражает у нас в Америке. Вы видите перед собой человека, не только осознающего значительность происходящих процессов, но убежденного в их необходимости, и говорит он с вами сам по себе, а не по поручению "партии" или от имени какой-нибудь финансовой, политической, социальной группировки, как это имеет место в Америке, Англии, Германии, Франции. Иными словами, перед вами человек, думающий прежде всего о том, как воплотить в жизнь идеалы коммунистического общества, и не только в России – во всем мире. Он ставит перед собой цель: удовлетворить все материальные и духовные потребности народов России, чтобы явить миру торжество этих идеалов.

Самое поразительное в этом – отсутствие всякого политиканства, отсутствие интереса или намека на выгоду для какой-нибудь социальной группировки. Напротив, с кем бы из ведущих деятелей страны я ни разговаривал, меня всегда поражала чистота и одухотворенность их жизненных принципов, забота о всех и каждом члене общества на благо и процветание государства, стремление к победе разума и мира на всей земле, на благо всех народов. Возможно, коммунисты заблуждаются, возможно, допускают ошибку в понимании человеческой сущности, возможно, это приведет их к политическому и философскому краху. Но как высоки их порывы! Как чисты их помыслы! Как свежи и благотворны их идеи! И как ничтожны в сравнении с ними наши вздорные, ограниченные политиканы с их мелкими личными интересами, с их зависимостью от самодовольных хозяев, финансовых воротил и магнатов, как омерзительны их кулуарные игры, глупое и бесстыжее обожание политических регалий и атрибутов!

* * *

И еще об одной особенности взглядов большевиков: они считают, что не следует преувеличивать роль индивидуальных способностей. Найдется немало людей в обществе – тем более в такое время, – потенциально весьма одаренных, им необходим лишь некоторый стимул. Если и не найдется особо одаренного, можно заменить его коллективом в десять, в двадцать человек. Отмена частной собственности меняет прежнее благоговейное отношение к ней. Людей убеждают в том, что они, даже самые выдающиеся из них, должны довольствоваться малым и что нельзя, пользуясь силой или преимуществами, угнетать других. Все ценные человеческие качества должны служить всеобщему благу.

Рузвельт неоднократно повторял: американцы преодолели в себе жадность, пора изживать в себе мошенничество. Что-то не замечал, чтоб мы преодолели жадность, а уж о мошенничестве и говорить нечего. Но слова Рузвельта отразили суть. Что же касается России, то здесь поставлена цель избавиться от обоих этих качеств и уже разрабатываются методы борьбы с ними. Думаю, что самым страшным препятствием на пути этого величайшего современного государственного эксперимента может явиться сама человеческая природа с присущими ей неизменными свойствами – корыстолюбием, жестокостью, тщеславием и еще бог знает чем. Однако теоретики и идеологи коммунизма отметают подобные сомнения, заверяя, что все эти жалкие – если бы так! – недостатки со временем изживут себя благодаря воспитанию новых поколений в новом духе. Изживут ли? А если нет, коммунистический эксперимент может закончиться провалом. Но ни один коммунист в мире и мысли такой не допустит, будучи уверенным, что строительство коммунизма ждет грандиозный успех.

* * *

И все же, путешествуя по стране, наблюдая жизнь русских в Москве, малороссов на Украине, жизнь азиатского населения Сибири, узбеков в Узбекистане, армян, арабов, персов, турок в Прикаспии, я не мог отделаться от мысли: а что, если большевики заблуждаются? Что, если прав Дарвин и все в жизни зависит лишь от игры случая? Что, если человек в поисках толики удовольствия в этом загадочном, непостижимом мире должен то и дело метать и передергивать карты, шельмовать и проигрывать, а выигрывая, презирать партнера, который, быть может, назавтра выиграет еще больше? Что, если это так? Разве не может случиться, что этих самых людей, воспитанных в справед-

ливости к распределению собственности и жизненных благ, вдруг потянет в прошлое, вспомнятся счастливые старые времена, когда нормальным считалось, фигурально говоря, сбить человека, повергнуть его и взять у него все что хочешь? Или же благодаря новой системе просвещения они навсегда останутся честными, щедрыми, справедливыми по отношению к ближнему? Вот о чем думаю я.

Сталин, Бухарин, Калинин и Чичерин на мой последний вопрос ответят утвердительно. Дарвин, Геккель, Спенсер, Вольтер ответили бы отрицательно, добавив, что русские попросту наивные мечтатели и что в будущем их прозрение неотвратимо.

Вот о чем я думаю.

* * *

В то же время вполне возможно: едва лишь нерасторопный русский справится с задачей обеспечения общества материальными благами и станет производить предметы роскоши (подобные тем, какими мы уже с удовольствием пользуемся в Америке), это привнесет с собой как неотъемлемое свойство любовь к вещам и оттеснит на задний план стремление к мысли, к духовному развитию. Либо я ничего не понял, пожив на этой земле, либо русские в массе своей обожают, даже слишком обожают – что уже плохо – погружаться в размышления. Они склонны к рассуждениям и мечтаниям. Это бросается в глаза. Русский готов тотчас же бросить любое дело, даже сейчас, в период индустриализации, когда везде нужны скорости, но ему кажется, все продвигается достаточно быстро и можно порассуждать на любую приятную тему: об искусстве, литературе, науке, политике, о том, что делают и говорят соседи, о смысле или бессмысленности бытия (мне сдается, последняя тема особо любима). И из уст его как бы невзначай слетают такие выразительные поговорки, которые может породить лишь ум, склонный к созерцанию и теоретизированию. "Собака лает, ветер носит", "Старость не радость", "Молчи да слушай", "Чужой беде не смейся" – вот лишь несколько метких выражений, которые то и дело роняли мои русские друзья, говорившие по-английски.

Хочу заметить, что даже в рассказах о грандиозном материальном процветании в будущем, которого все с нетерпением ждут, русские неизменно чужды стремления к личной выгоде, к личному благополучию. Напротив, они всегда говорят о всеобщем благе, об обществе, где всего будет вдоволь для каждого, где все будут счастливы и свободны в выборе занятий. И почти всегда, говоря об отдыхе, они относят сюда и возможность "думать". Если у нас в стране достаточно будет для общего

блага – для общего! – работать восемь, семь, шесть часов в сутки, говорят русские, тогда у каждого останется больше времени, чтобы делать то, что ему хочется, – учиться, развлекаться, думать, путешествовать. А если для общего блага достаточно будет всего трех-четырехчасового рабочего дня – сколько времени высвободится для таких прекрасных и достойных занятий, которые ничего общего не имеют с изнурительным трудом или с накоплением богатств! Один волжский крестьянин сказал моим переводчикам:

– Я-то сам не доживу, но сын рассказывает, будто настанет такой день, когда работать станут по четыре, по пять часов, тогда каждый станет учиться, сможет получить хорошее образование.

Вот что так важно для этого крестьянина, а не какие-то материальные блага.

Честное слово, каждый раз, когда я разговаривал и с государственными деятелями и с простыми рабочими, меня всегда поражало то, что экономическое развитие страны воспринимается каждым как усовершенствование всего общества и каждый видит в будущем не перспективу личного благосостояния, но перспективу интеллектуального досуга, который станет возможен при достижении определенного материального уровня. Я начинал беседовать с одним, подтягивались другие, десять, двадцать, тридцать человек, но ни от кого из них не слыхал я осуждения этой программы общественного благосостояния и культуры для всех.

Вот почему я пришел к выводу, что если в России успешно осуществится намеченное, то в недалеком будущем в этой стране будет возможен такой интеллектуальный труд, который, вполне возможно, станет ключом, доселе не найденным, к разгадке величайшего таинства – смысла жизни на земле.

Вот о чем я думаю...

ПИСЬМА

УИЛЬЯМУ ЛЕНДЖЕЛУ

Нью-Йорк, Бродвей 3609,
15 октября 1911 года

Милый Ленджел,

Спасибо за заботу. Вы просите меня рассказать о себе. Я в затруднении, не знаю, какие сведения могли бы Вам пригодиться. В издательстве "Харперс" есть два тома выдержек и писем, которые Вы, помните, собирали для меня (кстати, я нашел все письма, считавшиеся потерянными), а у меня найдется 14 или 15 писем от критиков и издателей, которые я мог бы Вам выслать, – это письма, упоминавшиеся в той газетной вырезке, что я Вам послал. Если у Вас в редакции есть справочник "Кто есть кто", вы найдете там некоторые сведения о моих литературных успехах; что касается моего характера, у Вас была возможность узнать кое-что о нем, пока мы работали вместе. Я мрачный и замкнутый человек и совершенно не согласен с современными представлениями о жизни. Я считаю, что существующие на Западе представления о добре, порядочности и прочих ценностях не стоят и медного гроша, но, если Вы напишете об этом, вряд ли это поможет мне и моим книгам. Я бы хотел хотя бы один раз, в виде исключения, встретить на этой земле таких людей, которые могли бы, как Никколо Макиавелли, смотреть судьбе прямо в глаза. Я не выношу лицемерия и притворства и всегда восхищаюсь художественным совершенством в любом его проявлении.

Не удивляйтесь, если узнаете, что меня почти не интересует американская литература. В детстве мне нравились "Хижина дяди Тома", "Гекльберри Финн", "Налегке" и "Бен-Гур". Когда стал постарше, я с интересом прочел "Алый знак доблести" Крейна, "Проезжие дороги" Хэмлина Гарленда, "За процессией" Генри Фуллера, "Мактига" Фрэнка Норриса, "13-й округ" Брэнда Уитлока, "История Евы" Уилла Пейна, "Сыпучие пески" Хервея Уайта и "Их свадебное путешествие" Дина Хоуэллса. Этим, пожалуй, и ограничивается список моих любимых американских книг.

За пределами Америки все по-другому. Бальзак, Золя, Мопассан, Доде, Флобер и Анатоль Франс – это, на мой взгляд, вершины французской литературы. Из русских писателей я восхищаюсь Толстым, Тургеневым, Горьким и Из немецкой литературы люблю Хайнца Товоте, Эдварда Штилгебауэра, Густава Френсена и Бильзе. Из английской – прежде всего Джорджа Мура, затем Арнолда Беннетта и Герберта Уэллса – его поздние работы. В Италии мне не нравится никто, в других странах тоже.

Из старых писателей лучшими считаю Теккерея, Джорджа Элиота, Генри Филдинга, Чарлза Рида и Томаса Гарди. Я невысокого мнения о большинстве произведений Джорджа Мередита и равнодушен к Стивенсону, Дж. М. Барри и им подобным. Но на свете существует несколько великих произведений, таких, как мемуары Челлини, "Государь" Макиавелли, "Джонсон" Босуэлла, которыми я никогда не устану восхищаться. Вообще книги по истории, архитектуре, прикладному искусству мне больше по вкусу.

Я бы мог еще долго говорить о своих литературных вкусах, но думаю, что сказанного будет достаточно. Я родился в Терри-Хот (штат Индиана) и долгое время жил в Варшаве в том же штате. Я был редактором, репортером, подносчиком на складе скобяных товаров, клерком в конторе по торговле недвижимостью, внештатным сотрудником журналов, театральным критиком и драматургом. Я бы хотел только писать, но, к сожалению, не могу позволить себе такую роскошь. Я же не Джордж Бар Мак-Катчен и не Роберт У. Чемберс, хотя и хотел бы быть на их месте.

Теперь о книгах. "Сестра Керри" вышла из печати в издательстве "Даблдей, Пейдж энд компани" в октябре 1900 года, но пролежала на складе типографии и в продажу почти не поступала. Это было для меня большим ударом. В 1907 году, купив матрицы и несброшюрованные экземпляры "Керри", я стал совладельцем "Додж энд компани", и издательство было вынуждено переиздать мою книгу. Было продано около 26 000 экземпляров. Прошлой зимой, оставив работу в журнале "Дилинеитор", я закончил роман "Дженни Герхардт", начатый в 1901 году, а также вторую книгу – "Гений", которая лежит сейчас аккуратно отпечатанная и ждет своей очереди. Кроме того, на сегодняшний день я закончил 26-ю главу четвертого романа (если считать "Керри" первым), который назову, наверное, "Финансист". Работа писателя иногда наслаждение, а иногда изнурительный труд. Ну что еще сказать о себе? Мой рост – 6 футов 1,5 дюйма, вес 180 фунтов; я люблю вкусно поесть, ходить пешком, путешествовать и мечтать. Я хотел бы ни в чем не нуждаться. Вот, пожалуй, и все.

Теодор Драйзер

N. B. Окажите мне, пожалуйста, услугу и пришлите машинописную копию этого письма. У меня просят сведения и другие, и я мог бы послать им эту копию.

Г. Л. МЕНКЕНУ

Нью-Йорк, Бродвей 3609,
11 ноября 1911 года

Дорогой Генри,

Развитие событий принимает здесь неожиданный оборот. 22 марта я, может быть, поеду в Европу от "Сенчюри компани" – Лондон, Париж, Рим и Ривьера! – как тебе это нравится? Если поеду, сообщу тебе заранее. Строго между нами: тут хотят, чтобы я со своими книгами переехал на Юнион-сквер, но это еще не решено.

Грант Ричардс, английский издатель, который сейчас находится здесь, говорит, что у меня есть все возможности получить очередную Нобелевскую премию по литературе, вслед за Метерлинком, если это хорошо организовать. Он берется подготовить через Фрэнка Харриса общественное мнение в Англии, где, по его словам, меня очень любят, а здесь он собирается действовать через своих людей в "Сенчюри" Ричардс считает, что один из известных американских критиков должен выступить с предложением о присуждении мне премии, а он, Ричардс, мог бы привлечь к этому выступлению внимание общественности. Я порекомендовал тебя. Что ты об этом думаешь? Стоит попробовать?

Что касается "Финансиста", я закончил 39 глав – около одной трети всего романа. Мне кажется, получается хорошо, но о себе говорить трудно, я могу только верить в это. "Финансист" будет длиннее, чем "Дженни" или "Керри", намного длиннее. Когда я вернусь, если все-таки поеду, я хочу встретиться с тобой и показать, что получилось.

Спасибо тебе за то, что перечитал авторский экземпляр моей книги. Я рад, что там все в порядке. Если ты напишешь о ней в газете "Сан", пришли мне несколько экземпляров – или по крайней мере сообщи мне об этом.

С дружеским приветом

Т. Д.

Вырезки можешь оставить у себя, если найдешь им лучшее применение, чем просто корзина для бумаг. Если они тебе не нужны, пришли их обратно.

ДЖЕЙМСУ ХЬЮНЕКЕРУ

Нью-Йорк, Стейтен-Айленд,
Нью-Брайтон, Сент-Марк стрит, 109,
26 мая 1914 года

Милый Хьюнекер,

Приветствую Вас! Вы приносите счастье. Я обязательно пришлю Вам экземпляр "Титана" – не столько для рецензии, сколько в знак моего расположения к Вам. Вы – гигантская Горгона литературной критики, которую надо кормить... Как видите, все женщины-критики нападают на меня, да так изящно, как будто хотят казнить серебряными топориками с розовыми рукоятками. Но, как бы то ни было, вот он я, жив и здоров. Если Вы когда-нибудь решитесь приехать на Стейтен-Айленд, то, сойдя с парома, через 5 минут уже окажетесь у моей двери. Мы сможем посидеть на балконе – в тени и среди цветов. Я обещаю Вам прекрасный вид на залив.

В любом случае еще раз приветствую Вас! Теперь, наверное, мы долго не увидимся. Что ж. Такова жизнь. Но все же примите уверение в моем искреннем уважении к Вам.

Теодор Драйзер

Г. Л. МЕНКЕНУ

Нью-Йорк,
13 мая 1916 года

Дорогой Г. Л. М.,

Как мне кажется, вам хочется серьезно поговорить со мной обо всей моей работе, но, поскольку нас разделяет расстояние, я ограничусь несколькими замечаниями. "Сестра Керри" была написана зимой и весной 1899–1900 годов. Я никогда не слышал о "Мактиге" и Норрисе до тех пор, пока не закончил романа и не отправил его в "Харперс энд бразерс", которые незамедлительно отвергли его, причем в очень резкой форме. Затем я отнес его в "Даблдей, Пейдж энд К°" и оставил, как это ни странно, у Фрэнка Даблдея, сидевшего в той самой конторе, которую обычно занимал Уолтер Пейдж. Я был совершенно зеленым юнцом в подобных делах и помню, как он взглянул на меня со

снисходительной и самодовольной улыбкой. За это мне и нравится Даблдей. Он такой грузный, добродушный шутник.

Спустя неделю после того, как я передал "Сестру Керри" в "Харперс", нас навестила Роза Уайт, сестра миссис Драйзер. Она читала "Мактига", который ей нравился. Роза, женщина незаурядная как в интеллектуальном, так и во всех других отношениях, уговорила меня также прочесть ее. Эта книга потрясла меня, и в течение месяца я не говорил ни о чем, кроме нее. Она оказалась первым истинным американским произведением, которое я прочел, хотя раньше был знаком с большим количеством книг У. Д. Хоуэллса и других.

Действительно, до этого времени мое чтение ограничивалось стандартным для американцев кругом авторов: Диккенс, Скотт, Теккерей, Готорн, По, Оливер Уэнделл Дафнет, Брет Гарт, Э. П. Роу, Джордж Эберс, Лью Уоллес, Вашингтон Ирвинг, Кингсли и т. д. и т. п. В 14 лет я был увлечен Вашингтоном Ирвингом – "Дважды рассказанными историями" и "Водяными детьми" – и мог часами лежать под деревьями, читая их. Я считал "Альгамбру" совершенным произведением и до сих пор питаю к нему любовь.

Я занялся газетной работой ("Чикаго глоуб", 1892) и с этого момента впервые соприкоснулся с жизнью – с убийствами, поджогами, изнасилованиями, содомией, взятками, подкупом, мошенничеством и лжесвидетельством во всех мыслимых формах. Карты были выложены передо мной с такой быстротой, что я на некоторое время был ошеломлен. Но в конце концов я привык к игре, и она мне пришлась по душе.

Случайно в Питсбурге в 1894 году я открыл Герберта Спенсера, Хаксли и Тиндала. Они серьезнейшим образом поколебали мои прежние взгляды, укрепили мои глубокие подозрения, разрушили остатки католицизма, который я в настоящее время презираю как политическую организацию. В то же самое время я открыл для себя Оноре Бальзака – также совсем случайно, сначала наткнулся на книгу о нем, а потом достал "Провинциальную знаменитость в Париже" и начал читать это произведение.

Стоит ли говорить вам, что я словно был сражен наповал. Да, сражен. Я едва не потерял голову и запоем прочел еще три книги. Затем, покончив с ним, я принялся за Джордж Элиот и лорда Литтона, и, кажется, мое чтение подвигалось успешно. Случайно я познакомился с Генри Филдингом, которого я считал и считаю обаятельным. "Джозеф Эндрюс" и "Том Джонс" были моими любимыми произведениями в течение многих лет.

До 1897–1898 годов у меня не было и мысли о том, что я когда-нибудь стану романистом. Моей склонностью, поверьте, были пьесы, и, не окажись никого на моем пути, я продолжал бы работу в этом жанре. Как раз в это время я вторично встре-

тился в Нью-Йорке с молодым человеком, с которым познакомился в Толедо (Огайо) четыре года назад. Его звали Артур Генри. В то время, в 1894 году, он был редактором городской газеты "Толедо блейд", недавно женился и понемногу пописывал. Почему-то я вызывал у него симпатию, и мы проводили вместе все время. Он оказался удивительно начитанным, проницательным критиком и способным человеком. О нем-то я и хотел бы рассказать вам. Позднее он работал агентом "Великого Германа" и страстно интересовался романом как литературным жанром и короткими рассказами. Он часто разъезжал, а спустя год, когда я уже был женат, возвратившись из очередной поездки, поселился в моем доме. Это он уговорил меня написать первую новеллу. Истинная правда. Он подталкивал меня, пока я писал, говоря, что видит во мне задатки к сочинению коротких рассказов. Я закончил один из них, сидя с ним в одной комнате на Майми-Ривер, вблизи Толедо. Было лето 1898 года. После каждого абзаца я краснел, стыдясь своего безрассудства, – все это представлялось мне таким глупым. Он настаивал, чтобы я продолжал, говоря, что это удачно, а мне казалось, что он смеется надо мной, что я пишу бездарно и он лишь хочет пощадить мое самолюбие. Потом он взял рассказ, перепечатал и отправил в "Эйнслиз". Я получил чек на 75 долларов. Так я начал.

И то, что сказано выше, святая правда.

Позднее он стал надоедать мне, твердя, что я должен приняться за роман. К этому времени я уже написал четыре или пять рассказов, и все они были опубликованы: "Блестящие рабовладельцы", "Дверь мясника Рогама", "Мир и мыльный пузырь", "Негр Джефф", "Когда старый век стал новым" И сам Артур Генри задумал роман – "Принцесса Аркадия" (он вышел в "Даблдей энд Пейдж" в 1900 году, тогда же, когда и "Сестра Керри"). Он собирался начать писать, но, по его признанию, нуждался в моей помощи. Наконец в сентябре 1900 года я взял лист желтой бумаги, набросал наобум заголовок "Сестра Керри" и принялся за работу. С сентября приблизительно до 15 октября я быстро писал, я дошел до того места, когда Керри встречается с Герствудом. Затем я остановился, раздосадованный. Начало казалось мне неудачным. В течение двух месяцев я не притрагивался к работе, пока под давлением с его стороны снова не взялся за перо.

(Не странно ли?) После этого я продолжил работу, посмеиваясь над своим безрассудством. Приблизительно к 25 января я вновь остановился, как раз перед эпизодом, когда Герствуд крадет деньги, – я не знал, каким образом он должен это сделать. Прошло еще два месяца безделья. Я уже готов был отказаться от книги. Я никак не мог ее закончить.

Числа первого марта Генри пришел ко мне, и под его влиянием я опять вернулся к книге. Работа едва не затормозилась

снова из-за разных обстоятельств – в основном денежных. Но так как он все время находился рядом, мне пришлось сделать над собой усилие, и я закончил книгу. Последние главы увлекли меня больше, чем все остальные. Когда работа была завершена, Генри предложил некоторые сокращения, которые мы и сделали. Я думаю, мы вычеркнули около 40 000 слов. Во всяком случае, вот как все это получилось.

Генри в то время проявлял столь горячий интерес к "Сестре Керри", что забросил свою собственную книгу и никак не мог дописать последнюю главу. Поскольку он говорил мне довольно часто о ней и я весьма четко представлял себе, что он хочет сказать, я написал за него эту главу. Но не осуждайте ни меня, ни его за это публично. Это было бы негуманно.

Что касается "Гения", то я чувствую, вы весьма заблуждаетесь относительно этой книги и должны – в ваших, а отнюдь не моих интересах – найти правильный подход. Я вовсе не советую вам увидеть в ней то, что вы не можете увидеть, но хотел бы, чтобы вы перечитали ее заново, неторопливо и непредвзято. Это нетрудно сделать, поскольку рукопись у вас, хорошо сброшюрована и не столь велика. Вы нередко меняете свое отношение к книгам и могли бы скорректировать свой взгляд на данное произведение, прежде чем вынести окончательное суждение.

"Сестра Керри", как я заметил, нравится тем, кто любит блеск и волнение Бродвея и атмосферу столицы в целом.

"Дженни Герхардт" по душе людям эмоциональным, особенно женщинам.

"Финансист" и "Титан" обращены к мужчинам и женщинам, которые имеют ясное представление о бизнесе и финансах, беспристрастны в своих воззрениях или хотели бы быть таковыми.

"Гений" ориентирован на тех, кого волнуют любовь, секс, жизнь в целом, а не какие-то ее особые сферы.

Среди пьес "Смеющийся газ", безусловно, лучшая, лично я считаю ее таковой.

Привет. Я только что посмотрел свой гравированный портрет в издании "Сестры Керри"

Т. Д.

Г. Л. МЕНКЕНУ

Нью-Йорк,
14 мая 1916 года

Г. Л.,

Перечитывая Ваше письмо, я обнаружил, что не ответил на все содержащиеся в нем вопросы. После Бальзака (1894) наста-

ла очередь Гарди (1895), затем Сенкевича, особенно "Камо грядеши" (1897), который произвел на меня сильное впечатление. Как раз в это время я много занимался общеобразовательным чтением – Толстым, Стивенсоном, Барри, Дюма; я не могу припомнить и десятой доли прочитанного. Но Гарди, Толстой и Бальзак всегда занимали первостепенное место. Я никогда не читал ни строчки Золя. Примерно с 1906 года я начал знакомиться с Тургеневым, Мопассаном, Флобером, Стриндбергом, Гауптманом и др., но не могу сказать, чтобы они повлияли на меня. Я узнал их слишком поздно. Действительно, я бы первыми назвал в этом отношении Бальзака и Гарди, хотя весьма сомневаюсь, что они воздействовали на меня, потому что в Сент-Луисе (1892) я уже писал пьесы полутрагического характера. Мое мировоззрение развивалось в этом направлении.

Т. Д.

ЭДВАРДУ Х. СМИТУ

Лос-Анджелес, Калифорния,
26 декабря 1920 года

Дорогой Смит,

Интервьюировать самого себя, даже ради Вас, – дело нелегкое. Так уж и быть, попробую.

1. Думаю ли я, что намечается тенденция к либерализации литературы в Америке?

Не думаю. Несомненно, расширилась аудитория, читающая книги свободолюбивого характера. Но количественное отношение подобного рода читателей к тем, кто любят форды, кондитерские или свой маленький страховой бизнес, то есть к тем, у кого нет ни времени, ни желания заниматься чем-либо, что выходит за пределы повседневного зарабатывания на жизнь, – это буквально отношение один к десяти или двадцати тысячам. Нельзя сказать, что американцы не интеллектуальны или, скажем, не ловки (slick) в деловом, коммерческом смысле. Нет, вы не сумеете "обскакать" их в этом плане. Они всегда наперед чувствуют, что вы замышляете, и стараются предупредить вас. Но те же самые люди, способные организовать кинокомпанию, большой популярный журнал, банк, объединение по продаже недвижимости или что-нибудь в таком роде, оказываются тупыми, как волы, во всем, что касается художественной литературы свободолюбивого характера. У них нет ни малейшего пред-

ставления об искусстве, в истинном смысле этого слова. Я имею в виду Мопассана, Флобера, Чехова, Франса, Уайлда, По, Д'Аннунцио, Шоу, Гауптмана – Вы и сами можете продолжить этот список. И действительно, почти все – а я смело могу сказать – все, кто стремился в Америке к созданию истинно художественных произведений свободолюбивого характера, терпели неудачи – и не из-за творческих промахов, а из-за отсутствия поддержки и признания со стороны публики.

Начнем с самого начала. Обратимся к По. Разве его художественные создания не поразительны? Можете ли Вы противиться их художественному обаянию? А разве он не был оклеветан, ложно истолкован и буквально подвергнут духовной пытке грубой и невежественной публикой его времени? Вспомним Грисуолда, этого злобного и лживого праведника от литературы, питавшего мелкую зависть и вражду к человеку, который был настолько выше его в духовном смысле, что Грисуолду следовало бы приближаться к нему не иначе, как на коленях. И по сегодняшний день дрянные газеты и еще более дрянные журналы охотятся за такими же старыми сплетнями, дешевой фальсификацией и ложью, с помощью которых они терзали и преследовали его в то время. Я удивляюсь, как этот человек вообще сумел что-то написать. Прошел всего год или два с тех пор, как "Атлантик мансли" в статье, написанной высокочтимым критиком Блиссом Перри, нехотя признал за ним право находиться за одним столом с Хоуэллсом, Марком Твеном и, если я не ошибаюсь, с Брет Гартом. Насколько я припоминаю, в одном из абзацев этой блистательной критической статьи изображалось, как По говорит себе, что он достоин сидеть рядом с этими мастерами, и (как полагает блистательный Перри) он прав. Но прав ли он?

Перевернем еще одну страницу и взглянем на Уолта Уитмена. Вспомним благородную и даже религиозную точку зрения конкордской школы литературы и искусства – как высокомерно покровительствовали ему Эмерсон, Холмс, Лоуэлл, автор "Прю и я" и вся их братия. Но мне, конечно, незачем излагать вам ни его историю, ни свое мнение о нем. И по сегодняшний день самое искреннее признание приходит к Уитмену из-за границы.

Сидни Ланир был поэтом незаурядных способностей. Пора его расцвета (или, скорее, безвестности), если не ошибаюсь, падает на 70–90-е годы. "Топи Глинна" (точно не помню заголовок) и "Зерно" – на мой взгляд, неплохие поэмы, даже превосходные, неизмеримо более достойные, чем все, какие когда-либо написали мистер Лонгфелло, мистер Холмс, мистер Лоуэлл или мистер Эмерсон (как поэт, конечно). Но разве Ланир был признан? Разве достиг чего-нибудь? Нет. Ни признания, ни популярности. Такова эта нехитрая история.

Благородный Марк Твен, пошедший на компромисс с общепринятыми условностями, всего лишь шутник с художественной точки зрения, если поставить его рядом с По, высокомерно третировался журнально-преподавательской братией Бостона, Нью-Хейвена, Франклина и Юнион-сквера почти до самого конца своей жизни. Помню, как однажды в конторе Скрибнера я обнаружил историю американской литературы (ту самую, что была переиздана мистером Скрибнером), написанную каким-то брамином из колледжа. В ней творчество разнообразных писателей излагалось до 1898–1900 годов, но я не обнаружил даже упоминания о Марке Твене, за исключением самого конца книги, буквально последней страницы, где перечислялись наименее значительные авторы и где, с явной неохотой, как это можно было заметить, признавалось, что за несколько последних лет произведения некоего Марка Твена приобрели популярность. Это было в том самом томе, в котором длинные и серьезные критические статьи были посвящены Э. П. Роу, Луизе Олкотт, Айку Марвеллу, Нэту Уиллису и многим другим, ныне полностью забытым. Я видел эту книгу в 1901 году.

Но это еще не все. В мое время, начиная с 1885–1886 гг., когда я стал следить за текущей литературой, я знакомился со всеми книгами, представляющими художественную ценность, равно как и с их авторами (я имею в виду американцев), которые явно, а в некоторых случаях сознательно игнорировались. Я имею в виду таких писателей, как Генри Б. Фуллер (автор романа "За процессией"), Хервей Уайт (автор романа "Сыпучие пески"), Уилл Пейн (автор "Истории Евы"), Стивен Френч Уитмен (автор "Обреченных"), И. К. Фридман (автор "Хлебом единым"), Хэролд Фредерик (автор романа "Проклятие Терона Уэйра") и Судья Грант (автор "Горького хлеба"), т. е. тех, кто наиболее активно замалчивались. Бурные восторги по адресу таких литераторов, как Ричард Хардинг Дэвис, Оуэн Уистер, Уинстон Черчилль, преподобный Сайрус Таунсенд Брейди, Ф. Хопкинсон Смит, Роберт У. Чемберс и т. д. и т. п., – и ни одной серьезной критической оценки вышеназванных писателей. Они были и остаются за пределами американской литературы, считающейся добропорядочной. Почти все они имели успех, написав одну книгу, после чего рука условностей схватила их мертвой хваткой. Уилл Пейн опубликовал "Историю Евы", этот отличный образец американского реализма, а затем замолчал и начал поставлять чтиво для "Сатердей ивнинг пост" Стивен Френч Уитмен написал "Обреченных" и заглох. Ни одной книги с той поры. Норрис написал "Мактига" и "Спрута" Затем он попал в руки благородного Даблдея, который подвиг его на создание "Омута", этой псевдоромантической книги в духе популярных бестселлеров. Хэмлин Гарленд написал "Главные проезжие дороги", свою единственную достойную книгу,

после чего стал вносить в свой ясный реалистический метод украшательство и фальшь, дабы прослыть респектабельным в глазах американских дельцов, производящих плуги, элеваторы и пилы, а это позволило ему продать еще несколько книг. Ну, а что было потом, вы знаете. Даже Чемберс написал одну хорошую книгу "Король в желтом", доказав, что он мог бы написать еще несколько произведений такого же уровня. Затем он сознательно пошел по пути создания бестселлеров популярного характера. Совершенно очевидно, что так же поступал и Джек Лондон. Я прочитал несколько его новелл, свидетельствующих о его возможностях. Но чувствовалось, что он не желал мириться с бедностью и равнодушием читателей. Отсюда и появление его многочисленных блестящих романтических произведений.

Нет, несомненно, наша американская действительность враждебна литературе в истинном, лучшем смысле этого слова. Американец вне сферы своего бизнеса не смеет взглянуть в лицо жизни. В торговле он будет лгать, обманывать, надувать, ставить ловушки, сокрушать и грабить всеми мыслимыми способами, идти на все, лишь бы одолеть конкурента и в то же время казаться себе гораздо лучшим, чем он есть на самом деле. Но когда он читает или пишет (если допустить у него такую способность), он желает и ожидает, чтобы мир изображался в виде царства непревзойденного совершенства. В его книгах все мужчины должны быть честными, добрыми и правдивыми; все женщины, а особенно его жена и дочери, чистыми, как свежевыпавший снег. Нет грубых, раболепных и лживых бизнесменов в любой из сфер благородной торговой деятельности, которую он столь красочно описывает, – нет по крайней мере в его книгах. Попробуйте сладкую кашицу передовых статей в обычной американской газете. Как все бизнесмены добропорядочны или какими хорошими они должны быть! Но обратитесь, если желаете, к статистике судебных процессов, на которых такой вот бизнесмен вынужден отвечать за свои преступления. Конечно, это смешно. Но ни одно произведение американской литературы не должно изображать подобных вещей. Это считается низким, грязным родом литературы, которую не следует читать людям, потому что в лучшем случае оно создает неблаговидное представление об американском бизнесмене, американском отце семейства, американском сыне, американской матери и американской дочери. Таким образом, писатель, подходящий к изображению жизни со всей серьезностью, в той или иной степени должен быть отнесен в разряд низких людей, скандалистов, к числу которых, надеюсь, я имею честь принадлежать.

Что касается критиков, то при подобной ситуации наиболее серьезные и вдумчивые из их среды не могут преуспеть

так же, как и серьезные и глубокие писатели. Самый талантливый критик, как и писатель, не только должен что-то исследовать – ему необходимо иметь на это разрешение; иными словами, ему нужно иметь рынок сбыта для своих критических работ. В Америке честному и серьезному критику остается лишь выразить сожаление по поводу того, что у него слишком малое, если оно вообще есть, поле деятельности. Произведения, которые он может хвалить и превозносить, встречаются нечасто. Весьма примечательный факт, что наши современные критики, как литературные, так и театральные, с горечью и во всеуслышание негодуют не только на нашу ежегодную литературную продукцию, но и на ту огромную массу публики, которая непрерывно поглощает эту продукцию. Они осмеивают и проклинают наших беллетристов и драматургов, но еще громче осмеивают и проклинают они читателей, которые принимают их с таким восторгом. О выдающихся, ныне работающих писателях критике приходится говорить совсем мало, потому что таковых в Америке очень немного. Один критик искренне жалуется, что он устал снова и снова слышать немногочисленные имена одних и тех же писателей. Но кого или что надо в этом винить? Критиков, писателей или саму страну? Я думаю, что страну.

Мы живем в неблагоприятное время, Америка слишком занята созиданием материальных благ, а искусство – в лучшем случае это побочный продукт. Это свободная, избыточная, жизнерадостная энергия, нечто такое, что возвышается над повседневной материальной необходимостью. Наверно, американец еще не достиг такого состояния обеспеченности, когда он может передохнуть и отвлечься от бытовых проблем. Может быть, после того, как однажды он построит все необходимые мосты, выроет все необходимые шахты, возведет все необходимые небоскребы, проложит все необходимые дороги, создаст заводы, машины, он прервет свой труд, чтобы осмотреться и поразмыслить над теми многими вещами, которые он сотворил, и над тем, как он их сотворил. Может быть. Но, может быть, и нет. Если высказать на этот счет свое скромное суждение или сказать о моем личном вкусе, то я хотел бы видеть великие работы, великие коммерческие и финансовые начинания и свершения рядом с великими картинами, пьесами и книгами, которые могли бы как-то изображать и объяснять все это. Может быть, я ошибаюсь. Может быть, это и не тот путь. Наверно, все это будет создано в дальнейшем. Но будет ли? Я чувствую, что если не сегодня – оно вообще вряд ли когда-нибудь появится. Рим не получил отражения в искусстве, он так и остался эстетически непознанным. Греция познала себя во многих отношениях, и поэтому мы знаем Грецию. Россия, Англия и Франция сделали очень, очень много, особенно Россия. Ну, а как тогда

быть с Америкой, чей великий век только что завершился, как быть с ее новым веком, в котором мы живем?

Итак, я высказал все, что мог в данное время. Я много размышлял о положении литературы в нашей стране, но не пришел к какому-либо удовлетворительному выводу. Несмотря на многие недостатки, художественные фильмы являют собой больший прогресс, чем беллетристика и драматургия. Насколько я могу судить, большинство книг и пьес получают более разумное воплощение на экране, чем на театральных подмостках или на страницах "дайджестов" в бумажных обложках. Некоторые кинорежиссеры проявляют больше понимания и вкуса, чем авторы экранизируемых ими произведений. Конечно, и кинематограф развивается отнюдь не просто и безболезненно. Перед ним тернистый путь. Но он дает некоторые доказательства того, что им выбран правильный курс. Главная проблема в кинематографе та, что талантливые исполнители пользуются чужими идеями. Но при всем при том в фильмах заметна большая верность жизненным фактам, чем в книгах и пьесах, от которых они отталкиваются.

Драйзер

К именам тех писателей, лучшие произведения которых не были приняты нашей американской читающей публикой, я бы добавил также Харриса Мертона Лайона и Джорджа Стерлинга. Я считаю Стерлинга ведущим американским поэтом, крупнее любого своего соотечественника.

Для меня было бы крайне желательно, если бы Вы упомянули в своем труде, что Курт Вольф в Берлине, один из двух ведущих немецких издателей, только что принял для перевода и публикации "Финансиста" и намерен выпустить его в серии "Новый роман", включающей наиболее значительные произведения, написанные в разных странах. В этой серии вышли книги Франса, Гамсуна, Ибаньеса и других. Я уже подписал контракт.

Во Франции фирма "Ридер и Сай" (Плас де Сюльпис, 7) планирует печатать сборник "Двенадцать мужчин" в серии "Иностранные прозаики" Последняя имеет такой же характер, как серия "Новый роман" Курта Вольфа. Другой французский издательский концерн, "Эдисьон де ла сирен" (Рю Паск, 7), заключил со мной договор на издание "Сестры Керри", "Дженни Герхардт" и "Титана", которые они намерены выпускать, начиная со следующей осени, по одному тому в год. "Дженни Герхардт" была уже переведена и печаталась в нескольких номерах газеты "Юманите" в Париже. Что касается серии "Иностранные прозаики", то ее редактором и главным вдохновителем является Леон Базальгетт, хорошо известный в Париже и за его пределами как критик, редактор и переводчик.

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

Пятое января [1927] года

Уважаемый г-н Динамов!

Разрешите поблагодарить Вас за крайне интересное письмо от 10 декабря, а также за статью, которую Вы написали обо мне. Статью переводят, так что скоро я смогу понять и полностью оценить то, что Вы сделали.

К сожалению, мне не удалось побывать в России летом. В этой поездке у меня было слишком мало времени. Надеюсь, что когда-нибудь совершу большое путешествие по Вашей стране.

Относительно Ваших вопросов: мне кажется, что влияние или воздействие одного писателя на другого едва ли происходит сознательно. Конечно, существуют определенные типы людей, мысли и взгляды которых во многом схожи, например они одинаково воспринимают жизнь и относятся с глубоким пониманием к различным ее явлениям, и поэтому, когда двое или более таких людей излагают свои мысли на бумаге, многие тотчас же начинают видеть в этом подражание. Но чаще всего писатели даже не знают произведений друг друга. Что касается Фрэнка Норриса, то впервые я познакомился с ним и его книгами, когда он был рецензентом в "Даблдей, Пейдж энд компани", а я принес им "Сестру Керри" Книга увлекла его, и при всех трудностях, с которыми я столкнулся, он стойко поддерживал меня, так что должен признать, он скорее помогал опубликовать мою первую книгу, нежели вдохновлял на ее создание.

Теперь по поводу социальной действительности. Могу сказать, что у меня нет никаких определенных теорий о жизни или же решений экономических и политических проблем. Жизнь я понимаю как живой процесс, который в конечном итоге никак от нас не зависит. Конечно, наука, искусство, экономический прогресс облегчают, улучшают и совершенствуют материальные условия жизни, и для огромного большинства людей это кое-что значит. Но со времен христианства, мне кажется, не существовало теорий, которые были бы чем-то большим, чем просто теория. А сфера бытия человека – сфера практическая, а не умозрительная. Ничто не властно изменить его чувства, его примитивное животное отношение к жизни. Алчность, эгоизм, тщеславие, ненависть, страсть, любовь в той или иной мере присущи каждому из нас, и, пока они живы, идеальное общество – утопия. Каждое новое поколение, новый век порождают новые обычаи, идеи, теории, но бедность, нищета, несостоятельность существуют рядом со счастьем, силой, мощью, богатством, и,

без сомнения, так будет всегда. И до тех пор, пока высший разум, который творит этот мир, не сочтет нужным изменить природу человека, я думаю, жизнью всегда будет управлять закон выживания наиболее приспособленных, будь то в монархической Англии, демократической Америке или Советской России.

В заключение хочу сказать: я так мало знаю о событиях, происходящих сейчас в России, что мне трудно составить какое-либо определенное мнение о них, однако надеюсь, что из этого получится нечто прекрасное, величественное и впечатляющее.

Искренне Ваш

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

[*Место написания не указано*]
18 марта 1927 года

Мой дорогой Динамов!

Посылаю Вам два письма -- копии тех, которые я направил моему доверенному лицу. Посылаю их Вам в надежде, что Вы сможете помочь мне. Во-первых, я хотел бы знать, не переводились ли какие-либо из моих книг в России и, если да, какие и на что в таком случае я могу рассчитывать в смысле гонорара. Во-вторых, я хотел бы знать Ваше мнение относительно постановки "Американской трагедии" в Московском рабочем художественном театре.

Позвольте Вас заверить, что буду искренне благодарен за любые сведения по этим вопросам.

Искренне Ваш

Драйзер

ДЖЕКУ УИЛГУСУ

20 апреля 1927 года

Уважаемый м-р Уилгус,

Ваше письмо от 6 апреля показалось мне в высшей степени интересным. Если вообще возможно проследить происхож-

дение любой творческой идеи, я охотно расскажу, как создавалась "Американская трагедия" В течение долгого времени я вынашивал этот замысел, потому что, как мне казалось, он не только отражал все стороны нашей национальной жизни – политику, общество, религию, бизнес, секс, – но представлял историю, типичную для любого молодого человека, выросшего в маленьком американском городке. Эта история казалась мне правдивой с точки зрения того, как жизнь воздействует на личность и как беспомощен человек против жизненных сил. Моей целью было не морализировать (да простит мне бог), а изображать, насколько это возможно, характер и дух действительности, что помогло бы раскрыть причины подобных преступлений – а они случаются в Америке, насколько мне известно, удивительно часто. Не знаю, что еще рассказать вам, но желаю вам всего наилучшего.

С уважением

Драйзер

С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ

Москва, 1927 год

Я вижу, что любой реалистический показ действительности, так же как и изображение мечты о будущем, мечты, неотделимой от этого гигантского эксперимента, любое изображение усилий и борьбы русского народа во имя советской идеологии и прогресса России может возыметь огромное значение.

К сожалению, в связи с тем, что я видел только фрагменты обеих картин – "Октября" и "Генеральной линии", – я не могу оценить их в целом. Но, судя по тому, как насыщены отдельные эпизоды, я чувствую, что ощущение реальности и драматизма жизни должно быть в них очень тонким. Это чрезвычайно ценно.

Теодор Драйзер

ФРАНКЛИНУ И БЕАТРИСЕ БУТ

Москва, 23 ноября 1927 года

Дорогие Бут и Беатриса,

Сегодня 23 ноября, а я все еще в Москве. Причина этого – темп официальной жизни. Я интервьюирую советских руково-

дителей, что требует времени. В следующую среду я планирую выехать – сначала в Ленинград, затем в Нижний Новгород, далее в Омск, Новосибирск и Кузбасс в Сибири; потом отправлюсь вниз по Волге до Самары, Саратова и затем до Тифлиса (Грузия), Баку (Азербайджан) и Батума. Что касается двух последних пунктов, то Баку на Каспийском, а Батум на Черном море. После этого я направлюсь в Севастополь, Одессу, Киев, Харьков, а также Донецкий бассейн, ставший ныне крупным центром угледобычи. Оттуда я либо возвращусь в Москву, либо поеду в Берлин – или через Одессу поплыву до Константинополя и далее – трансконтинентальным экспрессом – в Париж. Надеюсь выехать из Одессы к 10 января – и числа 20 января отправиться из Парижа или Лондона в Нью-Йорк. Жизнь здесь крайне интересна для меня, гораздо интересней, чем в большинстве европейских столиц. Видеть коммунизм в действии – волнующее зрелище. А наблюдать, как многие сотни людей азиатского типа вливаются в этот город и выливаются из него, – еще удивительней. В прошлую субботу я побывал в старом доме Толстого в Ясной Поляне – километров 130 к югу от Москвы. Это было прекрасно. Они (его дочь и племянница, а также крестьяне) отмечали 17-ю годовщину со дня смерти писателя. Я стоял у могилы и слышал, как крестьяне пели "Вечную память" Он похоронен среди высоких деревьев. На могиле – ни плиты, ни какого другого памятника. Вокруг был глубокий снег, но они покрыли могилу вечнозелеными растениями и усыпали цветами. Мне понравились их голоса. Все русские любят петь хором, и это создает естественную гармонию. Солдаты – целые подразделения – поют во время марша. После церемонии я провел весь день с дочерью и внучкой, осматривал школу, больницу, сельскохозяйственную ферму и др., которыми они заведуют, а также старые семейные альбомы Толстого. Слышал его голос, записанный на фонографе по-английски, по-немецки и по-русски. Потом меня усадили в русские сани, и я ехал восемь миль, чтобы успеть на скорый поезд. Было очень холодно, меня закутали в тулуп (это новое наименование для восьми одеял, превращенных в огромное пальто). И все-таки я мерз. Выглядывая время от времени, я видел пролетавшие мимо дома, снежные поля, современную деревню и, наконец, Тулу – город с населением в 200 тысяч, с электрическим освещением, легковыми автомобилями, огромным депо, грузовиками и т. д. Я начал замечать, какие происходят здесь перемены, потому что Тула выглядит более современно, чем Москва, больше напоминает настоящий американский город. Это мой первый выезд из Москвы на далекое расстояние. Но, как я говорил, скоро отправлюсь в путь. Государственное издательство приобрело почти все мои книги (шесть из них уже опубликованы), и Стани-

славский из Московского Художественного театра берется за "Американскую трагедию" и "Руку гончара" Мы стали с ним добрыми друзьями.

Итак, на сегодня хватит. У меня осталось пять минут, чтобы одеться. Эта поездка с точки зрения полученных впечатлений не сравнится с какой-либо предыдущей. Здесь все ново, и это позволило пролить свет на некоторые явления в Америке, которые я не замечал.

Желаю вам обоим всего наилучшего.

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

200 Вест 57-я стрит, Нью-Йорк,
14 октября 1928 года

Дорогой Динамов!

Вы мне льстите. Пусть это не покажется Вам тщеславным, мне очень хотелось бы, чтобы Вы оказались правы. Рад, что Вы получили книги в целости и сохранности. Теперь у Вас должно быть все, кроме "Пьес о естественном и сверхъестественном", "Руки гончара", "Двенадцати мужчин" и "Красок большого города" Возможно, я ошибаюсь, сообщите, чего у Вас нет, и я вышлю Вам недостающие книги.

Если Вы действительно хотите оказать мне услугу, выясните, как обстоят мои дела в Госиздате. Вы знаете, что я заключил с ним договор, который находится в Союзе писателей в Москве. Вы сможете ознакомиться с договором, когда захотите, – он, очевидно, находится в Госиздате. Согласно договору, издатели должны принять к печати большинство моих книг – старых и новых – и платить мне аванс за каждое издание. Более того, они обязуются на тех же условиях принимать для публикации новые мои работы, за исключением "Галереи женщин", за которую по представлении в издательство они должны заплатить мне 1000 долларов. Рукопись готова, и я могу по Вашей просьбе выслать ее Вам, но прежде хотелось бы знать, что́ они думают по этому поводу. Вы знаете русских, их привычки, их легкомыслие в коммерческих делах. Так, согласно договору, я должен был в июле получить официальный ответ, но до сих пор его не получил. К 1 января мне должны были дать еще один ответ, но, если Вы не поможете, маловероятно, что я получу и его. Поэтому для меня очень важно, чтобы Вы или кто-то еще разо-

брались наконец в этом деле. Напомните издателям, что нас связывают договорные отношения и они должны выполнять обязательства, которые приняли. В противном случае я, естественно, откажусь передавать им свои новые произведения.

Судя по письмам, которые я получаю, мои произведения вызывают значительный интерес. Если это так, Госиздат, приступая к изданию всех моих книг, должен четко представлять себе их взаимосвязь. Например, необходимо знать, что "Финансист" и "Титан" – это две части трилогии, работа над которой еще продолжается. Третья часть будет называться "Стоик", я вот-вот начну работать над ней. И намерен закончить ее самое большее через год. Если к этому времени Госиздат опубликует "Финансиста" и "Титана", следует объяснить, что продавать их необходимо все вместе, как трехтомник. Так было в Германии, так было в Англии, и нет причин Государственному издательству в России отказываться от этого разумного опыта.

Другую серию книг, частично уже написанную, можно рассматривать и как серию, и как отдельные тома. Это "История моей жизни", которая по завершении будет состоять из четырех или более книг. У Вас уже есть второй том. Он называется "Книга о самом себе" Но это название будет заменено на "Когда я работал в газете" Таким и было первоначальное название этого тома, но "Бони энд Ливерайт" опубликовали его здесь, не дожидаясь первой и последующих книг, и настояли на изменении заглавия на "Книгу о самом себе". Теперь первый том серии написан и готов к печати. Он называется "Заря" и должен предшествовать книге "Когда я работал в газете", или "Книге о самом себе" Как только я закончу "Стоика", я намерен взяться за третий том автобиографии, под названием "Мои литературные опыты". Возможно даже, это будут два тома, но скорее всего один. Вот почему так важно, чтобы Госиздат рассматривал эти тома как единое целое и считал "Книгу о самом себе" не отдельным произведением, а лишь одним из томов серии.

Я надеюсь, что Вы все поняли и сможете объяснить это в Госиздате. Мне хотелось бы, чтобы Вы поддержали мою идею о полном издании серий в хронологическом порядке и сообщили мне об отношении к ней издательства. Когда моя работа будет закончена, возникнет субъективно окрашенная, в какой-то мере аллегоричная картина развития Америки начиная с 1875 года, если вообще возможно создать в этой стране такую картину в наши дни. Отражая мое личное отношение к событиям тех времен и событиям сегодняшним, это скорее будет художественное произведение, чем историческая хроника – история развития мысли, жизни нашей страны, что, на мой взгляд, чрезвычайно важно для русских читателей и, вероятно, будет иметь широкий резонанс. Однако, пока мои отношения с Госиздатом не будут выяснены и согласованы, я не вышлю им ни первый

том, уже готовый, ни третий, когда его закончу. Поэтому прошу Вас помочь мне. Мне бы хотелось, чтобы Вы представляли мои интересы в России. Если мое предложение Вас устраивает, отнеситесь к нему со вниманием и сообщите мне о состоянии моих дел как можно скорее. Не буду повторять о моих глубоких симпатиях к Вам. Мне кажется, Вы слишком остро воспринимаете свои неудачи. Вы, Сергей, фигура заметная и, я думаю, еще займете достойное положение в Вашей стране. Любая большая карьера является своеобразной формой подвижничества. Вы уже немало претерпели, и, прежде чем достигнете того, чего, вероятно, заслуживаете, Вам придется претерпеть еще больше. От этого в жизни, как известно, никуда не уйдешь. Впереди Вас ожидают большие дела, так что Вы будете вознаграждены духовно, я в этом абсолютно уверен.

Если у Вас появится возможность провести отпуск в Соединенных Штатах, приезжайте и останавливайтесь у меня. Если Вы пожелаете выступить с лекциями, я позабочусь о том, чтобы Вы могли выступать там, где Вам хотелось бы.

С любовью

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

200 Вест 57-я стрит, Нью-Йорк,
11 апреля 1929 года

Дорогой Динамов,

Вкладываю в конверт статью о цензуре в Америке, которая, возможно, Вас заинтересует.

Мне кажется, относительно книги "Это безумие" Вам лучше не беспокоиться, пока не получите ее полностью, а она появится года через два-три – достаточно времени, чтобы успокоиться. К тому же она будет настолько отличаться от того, что Вы слышали о ней, что это может вызвать у Вас некоторое замешательство.

Как Вам понравилась авторучка? Пишет? Директор "Красного путиловца" из Ленинграда заезжал ко мне, прежде чем отправиться в поездку на Запад для знакомства с фабриками и всем прочим. Он сказал, что будет возвращаться в Москву через Нью-Йорк, и я пообещал передать для Вас прекрасную авторучку. Считайте, что это взятка. Да-да, взятка, чтобы Вы никогда не смогли написать ничего плохого обо мне.

Как всегда Ваш

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

200 Вест 57-я стрит, Нью-Йорк,
13 сентября 1929 года

Дорогой Сергей,

Я был рад узнать, что Ваша диссертация об Эдгаре Аллане По успешно продвигается. Но, к сожалению, не могу предварительно, не просмотрев рукописи, сказать, в какой форме ее публикация могла бы быть интересна здесь или в Англии – в виде отдельной книги или в периодическом издании. Если Вас не затруднит, пришлите мне экземпляр рукописи. Я хотел бы прочитать ее, чтобы сообщить Вам свое мнение о возможности ее распространения. Без этого, боюсь, не смогу сказать ничего об издании ее где-нибудь здесь или за границей.

С большим огорчением узнал, что Вы нездоровы. Искренне верю, к тому времени, как Вы получите это письмо, деревенский покой и тишина вернут Вам здоровье.

День и ночь сижу над "Галереей женщин", которая должна выйти в свет в октябре, поэтому у меня не много времени для отдыха, хотя в целом я чувствую себя значительно лучше, чем летом.

Я только что получил экземпляр "Эдгара Хантли" Чарлза Брокдена Брауна и высылаю его Вам сегодня же.

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

200 Вест 57-я стрит, Нью-Йорк,
6 января 1930 года

Дорогой Сергей,

Я все отправил мистеру Чарлзу Норрису и надеюсь, он сам Вам напишет.

Я не знал, что Фрэнк Норрис приступил к работе над третьим томом, хотя он говорил мне о своем намерении. Кажется, он даже говорил, что книга будет называться "Голод", но боюсь ошибиться.

Счастлив, что Вы поправились и как всегда активно работаете. Когда закончите свою рукопись о По, пришлите мне ее,

как и говорил, я прочитаю ее и, если смогу здесь кого-нибудь заинтересовать, порекомендую к изданию.

Рад за Вас, что Вы получили новую квартиру, надеюсь, коммунизм достаточно укрепился и государство в состоянии обеспечить Вас всеми удобствами, независимо от того, что будет дальше. Я хочу, чтобы когда-нибудь Вы объяснили мне точнее, какую собственность и в каких формах граждане России 30-х годов могут иметь и приобретать в свое пользование.

Драйзер

ГАРРИСОНУ СМИТУ

Нью-Йорк,
25 апреля 1931 года

Дорогой мистер Смит!

Вы, вероятно, знаете из газет о моем конфликте с "Парамаунт пабликс мувинг пикчер корпорейшн" относительно предполагаемого выпуска озвученного фильма "Американская трагедия" Я постараюсь представить Вам суть этого конфликта, потому что его итог или урегулирование будут, несомненно, зависеть от непредвзятого мнения критиков, которых я хочу пригласить, чтобы помочь мне в решении возникшей проблемы.

Существует контракт между мной и "Парамаунт пабликс", датированный 2 января 1931 года, из которого следует, что за определенную сумму я передал права на создание данной фирмой звуковой картины и что в соответствии с контрактом фильм "Американская трагедия" будет скоро показан широкой публике.

Параграф десятый указанного контракта гласит:

"Покупатель соглашается, что до создания им чернового варианта фильма он передаст продавцу сценарий, являющийся основой, используемой при создании данного фильма, для комментариев, советов, предложений или критических замечаний, которые продавец пожелает сделать, и покупатель проявит к ним внимание, а также будет содействовать тому, чтобы продавец имел возможность обсудить со сценаристом рукопись указанного фильма. Покупатель соглашается использовать наилучшим образом советы, предложения и критические замечания, которые сделает продавец, в той мере, в какой, по мнению покупателя, это будет возможно осуществить"

Помимо этого, во всем контракте, копия которого может

быть выслана согласно вашей просьбе, нет ничего, что хоть в какой-то мере указывало бы на то, что покупатель прав на экранизацию волен изменять структуру или, лучше сказать, идеологический план книги, вследствие чего фильм донес бы до зрителей искаженное представление, которое не соответствует ни духу книги, ни моим собственным идейным и художественным принципам, нашедшим в ней воплощение.

Идейный замысел моей книги еще до ее написания был следующим.

Роман ставил целью изображение трех основных этапов, как социальных, так и экономических, в карьере чувственного и не слишком интеллектуально одаренного юноши, болезненно ощущающего в самом начале жизненного пути нищету и низкое общественное положение, из которых он, побуждаемый различными внутренними стремлениями и мотивами, пытается выбиться. В данном случае любовь и материальный комфорт, а также наивная мечта о социальном преуспеянии являются для него главными движущими силами.

Первая часть книги должна быть посвящена, вполне намеренно и определенно, изображению тех социальных невзгод, которые, естественно, лишь угнетают, подавляют, разбивают, а следовательно, и обостряют эмоции и желания исключительно впечатлительного и почти экзотически чувственного юноши, слишком плохо подготовленного к той великой жизненной битве, в которую вступает молодость.

Часть вторая ставила своей целью изобразить, как подобный темперамент непосредственно сталкивается с миром роскоши, в котором лишь сильнее обостряются его затаенные стремления к богатству и любви. Я хотел также показать, как в неравном поединке между нищетой, невежеством и стремлением к обладанию высшими благами жизни он оказывается полностью и вопреки собственной воле побежденным и даже обвиненным в убийстве, так, как это и случилось в деле Клайда Гриффитса.

Третья часть тщательно и вполне определенно планировалась так, чтобы показать, как подобный неустойчивый характер, оказавшийся игрушкой сначала своих же собственных мечтаний, а затем жертвой закона, может быть жестоко осужден невежественными, пошлыми и мстительными провинциалами. Последние в свою очередь, в силу собственной ограниченности и усвоенных ими социальных и религиозных предрассудков и убеждений, меньше всего способны понять и осознать возможные смягчающие обстоятельства, которые могли бы помочь сохранить жизнь этого юноши. А потому они судили его гораздо более жестоко, нежели это могли бы сделать люди проницательные и наделенные здравым смыслом.

Но, создавая фильм, имеющий целью дать представление о книге и о самом авторе, режиссер "Парамаунт пабликс мувинг

пикчер корпорейшн", мистер Джозеф фон Стернберг, опираясь на советы и согласие тех, кто поддерживает режиссеров своей властью, решил, что прежде всего необходимо – по соображениям экономического порядка – сократить серьезный и обстоятельный сценарий, написанный Сергеем Эйзенштейном, который был приглашен в Америку для создания картины в восьми или десяти частях. Далее и, возможно, с той же целью было обусловлено, по моему совету, между сценаристом и режиссером, что часть первая, а также часть третья романа должны быть опущены, а все внимание обращено лишь на вторую часть, начиная с момента появления Клайда Гриффитса в доме богатого дяди в Ликурге и кончая его осуждением в Верховном суде по обвинению в намеренном убийстве Роберты Олден. Сценаристы изъяли всю предшествующую часть, рассказывающую о том, как герой пробился в общество, а также последующую, третью, объясняющую, как в глухой провинции, где его судили, он оказался жертвой предвзятого общественного мнения, а потому ему был вынесен несправедливый приговор.

Иными словами, фильм, насколько я понимаю, имеет тенденцию показать перед всем миром – далеко не самым безупречным образом – более или менее чувственного и никчемного юношу, который, оказавшись в условиях, когда его плотские желания легко удовлетворялись, вступает в связь с несколькими девушками и в итоге губит одну из них, чтобы достичь успеха с другой, более богатой и красивой.

А это, я настаиваю, как настаивал перед официальными лицами "Парамаунт пабликс", а также перед теми, кто консультировался со мной в связи с постановкой фильма, ни в коей мере не выражает, даже приблизительным образом, проблем, поднятых в книге. Более того, миллионы людей, которые никогда не слышали обо мне, а может быть, и не услышат, получат искаженное, а в равной мере и недостаточное истолкование моей книги, которая, как это явствует из ее названия, отражает гораздо более глубокую концепцию жизни и судьбы.

Я прочитал сценарий, присланный мне в качестве окончательного варианта картины, и чувствую, что его можно было бы расценить как сознательное извращение не только своеобразия моего метода, но и присущего мне интеллектуального и художественного подхода к жизни. Я сожалею об этом и лично высказал сотрудникам и директорам "Парамаунт пабликс", что при подобном искажении мое произведение, исходя из условий контракта, не может быть предложено публике.

Конечно, мне необходимо дождаться премьеры фильма здесь, в Нью-Йорке, чтобы получить возможность вместе с критиками и другими авторитетными людьми, которых мне удастся привлечь к просмотру, решить, прав я или не прав в своем суждении. Если мои возражения окажутся несостоятельными,

а фильм явит образец глубокого воплощения замысла книги, я с радостью сниму свои возражения и, более того, буду поддерживать такую трактовку. Если же подтвердятся мои опасения, а приглашенные консультанты согласятся со мной, я намерен предпринять законные действия не только в соответствии с условиями контракта, но и исходя из нового принципа справедливости, который я буду защищать в юридических инстанциях страны.

Цель настоящего письма, следовательно, – просить Вас, если Вы уже прочли книгу, а если нет, то оказать любезность сделать это, а затем по прочтении сообщить, согласны ли Вы войти в группу, которая вместе со мной будет присутствовать на премьере фильма. Затем я попросил бы Вас сообщить в письменном виде, удачно или нет, по Вашему мнению, выражает фильм идейный замысел книги, – это защитит меня как личность и как художника в глазах мировой общественности от возможного ущерба.

Я вкладываю предварительный список консультантов и буду Вам крайне признателен за возможно скорый ответ.

Искренне Ваш

P. S. Дата премьеры еще не сообщена, но, по-видимому, она состоится через неделю или десять дней.

АССОЦИАЦИИ ЖЕНЩИН-ЮЖАНОК, БОРЮЩИХСЯ ЗА ЗАПРЕЩЕНИЕ СУДА ЛИНЧА

Нью-Йорк, 200 Вест 57-я стрит,
13 июля 1931 года

Я с большим интересом прочел сообщение Ассошиэйтед Пресс об успехах, которых добилась ваша Ассоциация.

При всем моем уважении к закону, судебным решениям и приговорам, я всегда считал, что суд, как над неграми, так и над белыми, должен быть справедливым и либеральным, одним словом, гуманным. Сто–двести лет назад негры, не по своей вине, оказались в рабстве у белых, и это вместо сочувствия вызывает теперь презрение и ненависть к ним. Поскольку негры не являются господствующей расой, некоторые недальновидные представители господствующей белой расы относятся к ним и к их поведению с предубеждением. Более того, в число предубежденно настроенных людей входят сейчас даже наиболее умные общественные деятели, так как они не дают себе труда проанализировать те представления и идеалы, которые

с детства влияли на воспитание и развитие негров. Таким образом создаются слишком суровые законы для негров, однако эти законы кажутся населению южных штатов настолько безупречными, что оно готово оправдать даже самосуд, чтобы только провести их в жизнь.

А теперь о деле девяти негритянских юношей в Скотсборо, штат Алабама, которое обстояло так. Две белые девушки, работавшие на фабрике в Скотсборо, где они были заняты неполный день и получали гроши, поехали в Чаттанугу в поисках другой работы. Не найдя ничего подходящего, они сели в товарный полувагон и поехали обратно. Обе девушки были в рабочих комбинезонах. В вагоне ехало много парней, и они стали заигрывать и шутить с девушками, которые всем были известны как проститутки. Затем в вагон село 19 негров в возрасте от 14 до 20 лет, беззащитных и ничего не подозревающих. (Цифра была подвергнута сомнению, но подтверждена свидетелями.) Между неграми и белыми началась драка, в результате которой в вагоне остались только девушки и 9 негров, все остальные выпрыгнули на ходу или были выброшены из вагона. Властям было сообщено, что белые девушки остались в вагоне с неграми и потому нужно остановить поезд. Для южан с их психологией известие о том, что негры остались наедине с белыми девушками, равносильно сообщению о свершившемся изнасиловании. Поезд, естественно, был остановлен, и девять негритянских юношей и две девушки задержаны вооруженными представителями власти. Девушки отрицали, что они были изнасилованы. Как известно, это преступление в Алабаме карается казнью на электрическом стуле, что само по себе чудовищно и противоестественно. На теле этих девушек не было следов нападения или насилия. Пока их везли в Скотсборо, где все население было взбудоражено вестью об изнасиловании, а затем к шерифам, которые настаивали на том, что изнасилование было совершено, девушки молчали и не предъявляли никаких обвинений. В конце концов их заставили сделать это. При медицинском обследовании ни синяков, ни следов насилия не обнаружили. Правда, были обнаружены следы недавнего полового акта, но, по признанию самих девушек, он был совершен не в результате изнасилования. По свидетельству негритянских юношей, виновники этого сошли с поезда раньше. Поскольку на Юге существует предубеждение против всяких отношений между неграми и белыми девушками, вполне возможно, что эти молодые люди, боясь быть пойманными, заранее выпрыгнули из поезда.

Судебный процесс был завершен за 15 дней, и все 8 юношей (по поводу девятого мнения присяжных разделились) были приговорены к казни на электрическом стуле. Из-за спешки защита не была проведена должным образом. Остальных моло-

дых людей, находившихся в вагоне, не пригласили в качестве свидетелей. В свидетельских показаниях двух девушек, оказавшихся достаточными для вынесения смертного приговора, обнаружились противоречия. Одна из них, которая заявила, что "для нее все негры на одно лицо", не могла с уверенностью сказать, что это именно те негры, которые совершили "насилие" О том, что девушки слыли проститутками, на суде предпочли не упоминать. Согласно законам Юга, виновен в такой ситуации всегда мужчина, а не женщина, даже если последняя и спровоцировала его на это.

К концу процесса чувства так накалились, что губернатор вынужден был послать войска. Десять тысяч человек специально приехали в город и собрались вокруг здания суда. Эти люди так фанатично верили в то, что произошло изнасилование, и так настойчиво требовали правосудия, основанного на порочных расистских предрассудках, что смертный приговор был встречен радостными криками, воплями и аплодисментами. В то время как толпа восторженно приветствовала приговор суда, присяжные заседатели решали за закрытыми дверями судьбу девятого юноши. Как вы думаете, что бы эти люди сделали, если бы осуждение не состоялось? Конечно, прибегли бы к суду Линча! Но разве не ясно, что эта десятитысячная разъяренная толпа, окружившая здание суда и оголтело навязывающая всем свое понимание справедливости, превращает суд над неграми в нечто, очень похожее на линчевание в собственном смысле.

Отношение к неграм в южных штатах стало национальным бедствием. Оно не подчиняется рассудку и чрезвычайно несправедливо. Прежде чем судить негров, этим людям следовало бы вспомнить о том, что негры были силой привезены в Америку. Вместо этого некоторые газеты поощряют суд Линча. А уж та атмосфера расизма и жестокости, которая создалась вокруг этого судебного процесса, вообще противоречит 14-й поправке к Конституции, гарантирующей неприкосновенность суда.

Судья отклонил два ходатайства о новом рассмотрении. Поэтому дело пошло теперь в Верховный суд, и в ближайшие недели должны быть собраны новые свидетельские показания, найдены новые свидетели, которые помогут обосновать необходимость нового рассмотрения. Если Верховный суд отклонит это ходатайство, можно еще подавать апелляцию в Федеральный суд, но мотивированную апелляцию. Я лично твердо верю в то, что с передачей дела в инстанции, не зараженные жестокостью предрассудков южан, будет обеспечен более трезвый взгляд на обстоятельства дела. Эти восемь юношей заслуживают по крайней мере справедливого суда, которого им не дождаться в Алабаме, с ее неправомерно суровыми законами, подкрепляемыми эмоциями.

Мне кажется, для вашей организации здесь наиболее подхо-

дящее поле деятельности. Мне будет интересно узнать, предприняла ли ваша Ассоциация какие-нибудь шаги, чтобы предотвратить убийство негритянских юношей.

С уважением

Теодор Драйзер

С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ

Нью-Йорк,
1 сентября 1931 года

Дорогой Эйзенштейн!

Меня очень заинтересовало Ваше письмо, и я признателен Вам за сообщение Вашей точки зрения на существующие трудности. Ничто не огорчило меня более, чем их отказ поручить Вам съемку картины. Меня устраивало то, что у "Парамаунта" нет никого, кто бы мог ее сделать так же хорошо, как Вы; и их абсолютно узкопрактический и коммерческий подход, в результате которого они отбросили этот оригинальный план, привел меня в ярость.

Как Вы видите, я сделал все, что было в моих силах, чтобы предотвратить съемку фильма, но прилагаемое судебное решение разъяснит Вам, что произошло. Вам будет известна точка зрения суда на кино как таковое в Америке, когда Вы ознакомитесь с этим юридическим толкованием.

Что Вы делаете в Мексике? Снимаете ли картину, и если да, то какого типа, и удается ли Вам, находясь там, чувствовать себя хорошо?

Как Вы думаете, смогут ли когда-нибудь в России экранизировать "Американскую трагедию"? Мне бы этого хотелось. Во всяком случае, я хочу, чтобы Вы знали, с каким величайшим восхищением отношусь я к Вам и к Вашей работе. Я надеюсь, что придет время, когда какое-нибудь из моих произведений не только попадет в Ваши руки, но что Вы будете иметь возможность осуществить его постановку.

Читали ли Вы мою трагедию под названием "Рука гончара"? Если нет, буду рад выслать Вам экземпляр.

Как всегда, с наилучшими пожеланиями

Теодор Драйзер

БРУНО ЯСЕНСКОМУ

Отель "Ансония", Нью-Йорк,
15 января 1932 года

Уважаемый г-н Ясенский!

Благодарю Вас за письмо от 27 декабря, которое я только что получил, и за ту честь, которая мне была оказана Вашей организацией.

Высылаю Вам статью; она, я уверен, подойдет для ежедневной газеты, которую Вы собираетесь выпускать. Я буду рад время от времени снабжать Вас такими материалами.

Экземпляр "Трагической Америки" Вы скоро получите. Мне очень хотелось бы узнать Ваше мнение об этой книге.

Искренне Ваш

Теодор Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

Отель "Ансония", Нью-Йорк,
13 апреля 1932 года

Дорогой Динамов!

Вот статья, о которой Вы спрашивали в телеграмме. Надеюсь, Вы вовремя получите ее для специального номера Вашего журнала.

Драйзер

ТЕЛЕГРАММА БЕЛЕ ИЛЛЕШУ

Нью-Йорк,
3 июля 1932 года

Горячо протестую против всяких военных приготовлений в любой стране, которые ведут к войне с Советами или к подрыву их деятельности.

Т. Драйзер

ГОВАРДУ СКОТТУ

Нью-Йорк, Маунт-Киско, Р. Ф. Д., 3,
Олд-Бедфорд-роуд, "Ироки",
17 сентября 1932 года

Дорогой Скотт,

2 сентября я прочел в "Нью-Йорк таймс" подборку выдержек из Вашей лекции о взаимоотношении научно-технического прогресса и государства, которую Вы читали в Джонсонбурге, Нью-Джерси. Там приводились результаты десятилетнего изучения влияния технического прогресса на развитие общества и говорилось о том, что Вы не верите в успех предложенных финансовых и денежных реформ, а также экономического планирования, так как эти меры не учитывают того, что современный уровень развития производства сокращает потребность в индивидуальном труде. Вы также говорили о том, что старая система цен – это наследие прошлого и что 300 000 технически образованных людей будут в недалеком будущем управлять государством в Соединенных Штатах.

Кажется, в той же газете были помещены выдержки и из лекции английского профессора Майлса Уокера из Манчестера, в которой он призывал образовать экспериментальное государство с населением 100 000 человек, которое управлялось бы специалистами с инженерно-техническим образованием.

Примерно 31 августа появилось высказывание англичанина сэра Альфреда Эвинга о том, что современное человечество морально не подготовлено к открытиям, которые оно сделало, и поэтому оно может погибнуть от собственных достижений. Все это меня чрезвычайно заинтересовало, но больше всего – Ваши, может быть, не очень хорошо процитированные в газете, мысли. Я помню наши с Вами беседы о техническом прогрессе, который, мне кажется, открывает поразительные возможности для человечества в целом, если только их правильно осмыслить и использовать.

Недавно я задумал рискованное, но многообещающее предприятие: создать ежемесячник "Американ спектейтор" с подзаголовком "Литературный журнал" Такой подзаголовок должен понравиться среднему интеллигентному читателю, поэтому я оставлю его, хотя для меня он не точен. Журнал, пока я его редактор, будет иметь гораздо более широкое, общечеловеческое значение.

Этот журнал еще не начал выходить, требуется какое-то время для подготовки. Его цель – публиковать в форме эссе не только критические, но по-настоящему объективные мате-

риалы, проливающие свет на разные аспекты жизни общества и возможности человеческой личности. Говоря о форме эссе, я имею в виду статьи длиной не более чем в 2500 слов. Мы с моими коллегами по журналу думаем, что авторам, хорошо владеющим материалом, такой объем статей позволит отразить наиболее важные для них моменты.

Я хотел бы Вас попросить написать для этого журнала 2000 слов, очень простым языком, о Ваших взглядах на современное развитие техники и ее роль в построении государства нового типа. Среди статей других деятелей из разных стран, которые тоже будут печататься здесь, Ваша статья, я уверен, должна быть наиболее весомой. Мне бы очень хотелось видеть ее в нашем журнале. Я должен пояснить, однако, что лично я не имею права заказывать статьи, как, впрочем, и остальные редакторы, взятые в отдельности. Только редакционная коллегия решает, что публиковать в журнале. Тем не менее каждый из пяти редакторов волен делать то, что делаю я: находить авторов и просить их писать, а иногда и настаивать, чтобы статья была по-настоящему действенной.

Оплата, конечно, мизерная – 1 цент за слово, но напечататься в таком журнале, я думаю, для Вас будет необычно и интересно. Я уже говорил с Натаном и Бойдом, которых, наверное, Вы знаете. Бойд сказал мне, что собирается Вам написать, чтобы объяснить, какой именно материал нужен журналу "Спектейтор" и как рады мы будем его иметь. Но Бойд и Натан так заняты работой над первым номером, что я опасаюсь, как бы Бойд не перепутал чего-то, и поэтому пишу Вам сам. Если Вы уже получили письмо от Бойда, считайте его дополнением к моему, а если Вы заинтересуетесь моим предложением, посылайте Вашу статью прямо мне, потому что я больше других занимаюсь этим вопросом и хочу, чтобы он был освещен наилучшим образом.

В заключение позвольте еще раз поприветствовать Вас. Я чрезвычайно рад, что Ваши усилия по созданию "Технократии" увенчались успехом, и уверен, что Ваши идеи будут иметь большое значение.

Я не знаю Вашего теперешнего адреса. Я живу в Маунт-Киско, номер моего телефона 5414. Если Вы окажетесь в моем районе или будете проходить мимо, позвоните мне. Я бы хотел поговорить с Вами о положении дел вообще и о материалах для журнала "Спектейтор" в частности.

С наилучшими пожеланиями

Теодор Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

Нью-Йорк, Бродвей, 1860,
комната 610,
22 сентября 1932 года

Дорогой Сергей,

У меня к Вам две важные просьбы в связи с моим журналом "Спектейтор".

Первое. Я бы хотел, если возможно, получить небольшое высказывание Сталина в 500–700 слов, с его подписью, на любую тему по его выбору. Например, если бы он мог убедить нас в том, что он не живет в роскоши, а, наоборот, ведет скромный образ жизни, его не окружают охранники с пулеметами, если бы он мог написать 600–700 слов о чем-то вроде этого, такой материал был бы для нас бесценным.

Второе. Мне были бы интересны небольшие очерки, написанные Вами или кем-то другим, но не о теории и практике коммунизма, не о том, как выполняется или не выполняется пятилетний план, и не о ваших великих достижениях. Мне нужны небольшие зарисовки на обычные человеческие темы, о том, например, как живет советский колхозник или рабочий, но без примеси пропаганды в какой бы то ни было форме. "Один день из жизни коммунистического рабочего" идеальный заголовок для такого очерка, который принес бы гораздо больше пользы, чем любая, даже самая изощренная пропаганда.

Другой очерк может быть о нынешней системе здравоохранения в России, но не столько о работе больниц, сколько о роли участковых лечащих врачей, которые приходят по вызову больных на дом.

Кроме того, мне бы хотелось, чтобы кто-то написал, живо, ярко и по-человечески тепло, о том, как советская система народного образования изменила жизнь народов Крайнего Севера, особенно кочевых племен, населяющих эти районы.

Я немного знаком с этой системой и считаю, что это гениальное достижение Наркомата просвещения СССР. Поэтому если кто-то из русских, принимавших участие в ликвидации неграмотности на Крайнем Севере или в молодом монгольском государстве, мог бы написать обо всем этом небольшую статью, это принесло бы неоценимую пользу мне и журналу. Здесь такой материал может приобрести гораздо большее значение, чем в любом другом издании.

Таким образом, мне подойдет любой небольшой очерк, написанный Вами или взятый из любого источника. Есть еще одна тема, для освещения которой нужен очерк подлиннее, в 1500

слов, – это иностранные писатели в России. Нас интересует, в каких издательствах выходят их книги. Мне, правда, говорили, что их книги не издаются у вас. Даже если это так, все равно вы сможете рассказать об этом лучше, чем я.

Если Вы выполните мои просьбы и сделаете это быстро, я пришлю Вам пару белых рубашек, или пачку американских журналов, или любую книжку, какую захотите.

С наилучшими пожеланиями –
В ожидании ответа

Теодор Драйзер

КОНСТАНС М. ГРИФФИН

Нью-Йорк, Маунт-Киско, Р. Ф. Д., 3,
Олд-Бедфорд-роуд, "Ироки",
10 октября 1932 года

Уважаемая миссис Гриффин,

Роман "За процессией" Генри Фуллера был действительно первым произведением американского реализма, которое мне довелось прочесть. По-видимому, он был напечатан в 1885 или 1886 году, так как, если мне не изменяет память, я впервые увидел упоминание о нем в прессе в 1886 году, а немного позднее обнаружил экземпляр книги в Чикагской библиотеке.

Я не был близко знаком с Фуллером. Я встретился с ним в январе или феврале 1913 года, когда работал над материалами для "Титана" Это было в одном из залов библиотеки. Он назвал себя, и мы заговорили с ним об американской литературе. С тех пор, хотя мы и обменялись одним-двумя письмами, я видел его всего один раз – в ресторанчике с игральным автоматом на Нассау-стрит, где мы случайно оказались рядом у стойки с пирожными. Мы еще немного поговорили об американской жизни и всякой всячине.

Я очень высокого мнения о романе "За процессией" Это один из первых и по сей день лучших образцов американского реализма.

С уважением

Теодор Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

Маунт-Киско, Нью-Йорк,
11 октября 1932 года

Дорогой Сергей,

Получил Ваше письмо и благодарю за вырезки, которые я не могу прочесть, но которые тем не менее производят на меня большое впечатление.

Ваше второе письмо, предназначенное для Уолдо Фрэнка, отправлено ему с припиской, которая заставит его ответить. Его адрес, если Вам когда-либо понадобится: Кротон-он-Гудзон, Нью-Йорк.

Я живу сейчас в деревне и работаю над "Стоиком" – третьим томом "Трилогии желания", которым завершится история Каупервуда.

Мне кажется, что Вы были введены в заблуждение насчет моего теперешнего отношения к революционной литературе. Из-за своей работы над "Стоиком" я вынужден был от многого отказаться, хотя, конечно, продолжаю, насколько могу, участвовать в наиболее значительных изданиях, а мои симпатии к рабочим и фермерам остаются по-прежнему неизменными. Однако теперь я вижу многое такое, чего не видел ранее. Например, огромное значение машин при любой форме общества, когда инженер становится необходимой частью государства нового типа. Техник, химик, физик, математик, изобретатель, экономист – не то же самое, что фабричный рабочий или фермер; а рабочая доктрина, которая призвана разрешить их затруднения, мне не совсем ясна. Я не перестаю думать о том, что образованный рабочий, фермер, служащий должен отчетливо представлять себе, какое значение может иметь техника, и, понимая это, он будет вынужден внести свой вклад в ее развитие.

У меня нет знакомых писателей, с которыми я был бы тесно связан, но я могу послать Вам фамилии и адреса писателей, участвующих в революционной...

[*Конец письма отсутствует*]

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

М[аун]т-Киско, Н[ью]-Й[орк],
31 октября 1932 года

Дорогой Сергей,

Прилагаю копию письма, недавно посланного профессору Кольцову, директору Института экспериментальной биологии

в Москве. Я весьма заинтересован в статье, упомянутой в этом письме, и хотел бы попросить Вас, не могли бы Вы встретиться с профессором Кольцовым и уговорить его написать 1200–1500 слов о своем открытии. Я был бы Вам очень признателен за это.

Почему Вы ничего не отвечаете на другие мои просьбы?

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

"Американ спектейтор"
12 Ист 41-я стрит, Нью-Йорк, Н[ью]-Й[орк],
7 декабря 1932 года

Дорогой Сергей!

Еще в сентябре я писал Вам, спрашивая, не можете ли Вы помочь кое-какими материалами для "Спектейтор". Основное среди них выступление, написанное Сталиным. Другие статьи тоже важны. Я до сих пор не получил никакого ответа.

Вы знаете, я делал здесь для Вас все что мог и хотел бы просить Вас помочь мне в моей просьбе. Это не составит для Вас никакого труда, а мне придется потратить уйму времени и сил, чтобы получить нужные материалы из других источников.

Жду Ваших сообщений.

Драйзер

СТУДЕНЧЕСКОМУ АНТИВОЕННОМУ КОНГРЕССУ

1932 год

Состоявшийся недавно конгресс, на который собрались представители 30 миллионов человек, чтобы создать единый фронт борьбы против капиталистических войн, следует считать наиболее значительным шагом на пути к миру со времени русской революции.

Эта мобилизация народов мира как нельзя более своевременна. Все возрастающее соперничество капиталистических стран стало принимать форму вооруженных столкновений. В прошлом году мы наблюдали начало новой серии войн. Подобно войнам, предшествовавшим катастрофе 1914 года, они предвещают новую, еще более кровавую резню.

Подготовка к войне усиливается

Если в 1914 году кризис в промышленности, застой в торговле побудили капиталистический мир искать выход в войне, то в 1932 году создавшаяся обстановка с еще большей силой толкает его на этот путь временного разрешения противоречий. Орудия производства значительно усовершенствовались, а рынки сбыта значительно сузились, и потому все настойчивее выдвигается требование нового передела мировых рынков. Но дело не только в этом. Успехи России, страны с иной социальной системой, которая каждым днем своего существования наглядно показывает массам, каким путем они могут и должны идти, заставляет спешить поджигателей войны.

В настоящее время кровавая война ведется уже на нескольких фронтах – в том числе на Дальнем Востоке и в Латинской Америке. В этих войнах ясно выявляются все противоречия, раздирающие на части капиталистический мир. В Латинской Америке Боливия, Парагвай, Колумбия и Перу втянуты в вооруженную борьбу, подготовленную и развязанную соперничающими силами британского и американского империализма, каждый из которых стремится установить свой контроль над этими рынками.

На Дальнем Востоке война против китайского народа таит угрозу нападения на Советский Союз, обостряя в то же время отношения между Японией и Соединенными Штатами.

Немедленно вступайте в борьбу против угрозы новой войны

Об этих вооруженных схватках было написано и сказано достаточно, чтобы стало ясным, какую угрозу представляет создавшееся положение для свободных народов России, а также для рабочих и честной интеллигенции всего мира. Против этой угрозы необходимо немедленно начать решительную борьбу. Молодежи мира, как и всегда, пришлось бы вынести на своих плечах основную тяжесть мировой войны, молодежь должна знать, что ей уготовано и как она может отвратить нависшую опасность. Промедление в этом деле подобно самоубийству.

Перед молодыми рабочими Советского Союза поставлена ясная задача. Весь мир следит за тем, как они создают новое общество, которое процветает на пути мира и свободы. Каждый уложенный ими кирпич, каждый новый успех социалистического строительства, их Магнитогорски и Днепрострои – это удары по поджигателям войны. Их бдительность, проявляющаяся в мощи Красной Армии, в разоблачении презренных интриг империалистов, служит гарантией того, что они и впредь будут ве-

сти борьбу против поджигателей войны. Энергичные и искренние предложения о разоружении, представленные лицемерным государственным деятелям советскими делегациями на конференциях по разоружению, вызвали восхищение миллионов и способствовали укреплению сил мира. Долг советской молодежи – крепить мощь Советского Союза ускоренным темпом. Выполняя этот долг, она связывает руки империалистическим бандитам.

Молодежь капиталистического мира

Перед молодежью капиталистического мира стоит иная и более трудная задача. Действуя в атмосфере, отравленной ненавистью, насыщенной мразью проституированной печати и литературы, которая служит умирающему общественному строю, сознательная молодежь должна развертывать героическую борьбу против империалистической войны, должна разъяснить тем, кто находится или может оказаться в составе вооруженных сил, что их враг не за морями, не на той шестой части земного шара, где нищета сдана в мрачный архив отжившего строя, и не на Дальнем Востоке, где китайский народ начал создавать свое управление, а в их собственном доме. Что их враг – это та кучка монополистов, тот порядок вещей, которые виновны в существовании безработицы, в истреблении человеческих жизней, в установлении террора, губящего тысячи людей, борющихся за кусок хлеба.

Здесь, в Америке, мы читаем об отцах, которые убивают своих детей, потому что они не могут видеть, как их дети умирают голодной смертью. Мы читаем о детях, умирающих с голоду, о тюрьмах, набитых молодыми рабочими. На электрический стул сажают преступников, которым едва исполнилось девятнадцать – двадцать лет. Эти преступники – порождение американского образа жизни, капиталистической системы управления обществом. Свыше пятнадцати миллионов безработных. Миллионы мальчиков и девочек вынуждены в раннем возрасте бросать школу и искать работу. Но никакой работы они найти не могут. Ни один из тех, кто окончил школу в последние три года, ни разу не ступал за ворота фабрики. В капиталистическом мире они никому не нужны, их способности и таланты остаются без внимания и гибнут.

СССР указал молодежи "дорогу в жизнь"

Когда после гражданской войны в России появились сотни беспризорных детей, советское правительство позаботилось о них, дало им "путевку в жизнь". У нас в Америке имеется око-

ло 300 тысяч беспризорных детей; они стали беспризорными не в результате революции, а в результате крушения капитализма. Большинство из них находится на дороге, которая ведет к религиозному изуверству, и многие – на пути беспросветной нужды.

Революционная молодежь Америки и других капиталистических стран должна повести за собой эти миллионы молодых рабочих и указать им, кто их враг. Международный антивоенный конгресс – это начало, борьба коммунистов против войны приносит свои плоды.

Интеллигенция откликается на призыв выступить в защиту СССР. И когда Ромен Роллан говорит, что он "готов с оружием в руках защищать Союз Советских Социалистических республик", его слова, словно эхо, подхватывают миллионы людей.

1932

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

"Американ спектейтор"
12 Ист 41-я стрит Нью-Йорк, Н[ью]-Й[орк],
10 января 1933 года

Дорогой Сергей!

Я получил Ваше письмо с развернутой критикой в адрес журнала "Спектейтор" и меня лично. Весьма признателен Вам за это и должным образом отнесусь к ней. Скоро напишу об этом подробнее.

Меня удивляет поспешность, с какой Вы сообщили мне о пространной критике "Спектейтора" и моих произведений, в то время как я не мог добиться никакого ответа и помощи по поводу нужных мне статей из России. Почему такое безразличие в одном и столь искреннее рвение в другом?

Действительно ли Вы думаете, что "Спектейтор" бесполезен как средство освещения жизни России, ее точки зрения и достижений? Если так, мне придется обратиться к кому-то другому для получения необходимых материалов, но мне казалось, что я сделал достаточно, чтобы заслужить немного внимания к своим просьбам.

Драйзер

ПЕТРУ БОГДАНОВУ

для передачи "Американ спектейтор"
12 И[ст] 41-я стрит, Н[ью]-Й[орк],
13 января 1933 года

[Дорогой Богданов,]

Вы, вероятно, знаете, что я являюсь одним из пяти редакторов, связанных с "Американ спектейтор", литературным журналом, который существует уже четвертый месяц. Последний номер его посылаю Вам. Я уверен, нет необходимости говорить о том, что журнал не носит коммерческого характера. Он представляет собой международную трибуну для выражения авторитетных мнений в области эстетики, экономики, гуманизма.

С самого начала издания журнала я стремился получить имена и адреса русских авторов, к которым можно было бы обратиться с просьбой о сотрудничестве. И не только это. Мне бы хотелось получить написанное Сталиным выступление на любую тему, в 500, 600 или 700 слов. Например, на тему о том, что живет он крайне просто, а не в роскоши, и что его не охраняют с пулеметами, как ходят слухи. Такой материал оказался бы действительно бесценным для этого журнала.

Еще я хотел бы получить очерк, несколько очерков – не по теории и практике коммунизма, не о пятилетнем плане или завершении какой-либо гигантской стройки, – очерков, по-человечески интересных, зарисовки из жизни колхозников и рабочих, но без пропаганды в какой-либо форме.

Один из очерков мог бы поведать о системе современного медицинского обслуживания в России, не столько о больницах, сколько об участковых врачах, работающих по вызовам, о тех, кто приходит к больным, которые слишком слабы.

Я хотел бы, чтобы кто-то из авторов ярко и образно рассказал о системе образования в России, о том, как охватывает она кочующие племена на Крайнем Севере Сибири.

Мне рассказывали о профессоре Кольцове, о его экспериментах в области генетики, и мне бы хотелось получить его статью в одну тысячу слов, рассказывающую о его открытиях, методах и т. д.

Я слишком подробно объясняю, какой материал нам нужен, потому что, по нашему мнению, важны вещи именно такого рода. Мне нужны имена и адреса одаренных русских писателей, поэтов, критиков, юмористов, которые могли бы сотрудничать с нами.

Вы, вероятно, знаете, что ко мне часто обращаются редакторы русских изданий с просьбой выступить по различным во-

просам. В прошлом месяце я отправил заметку в журнал "Смена". На моем столе лежат письма с подобной просьбой из "Правды" и "За рубежом". Я неоднократно удовлетворял такие просьбы и в прошедшие годы; мои книги переводятся и издаются в СССР не без пользы для вашего государства и без какой-либо компенсации для меня. Я постоянно помогаю коммунистическим изданиям здесь, в Америке, посредством личного участия или привлекая к участию в той или иной форме других лиц, и тем не менее когда я прошу оказать помощь мне, то не получаю ответа. Я написал о своей просьбе несколько писем Динамову, но ответа не получил.

На вышеупомянутые письма из газет я отвечаю, что готов откликнуться, однако, до тех пор пока мои просьбы не будут удовлетворены, я не намерен продолжать писать статьи, посылать телеграммы и т. д. за свой счет. Полагаю, что такого рода шаг с моей стороны является только справедливым.

Для СССР, мне кажется, крайне важно воспользоваться посредничеством такого журнала, как "Американ спектейтор", и я не понимаю, почему я должен тратить столько сил, чтобы получить довольно простую и всего лишь любезную помощь.

Могу ли я просить Вас представить мне людей, которых можно привлечь к сотрудничеству, рассказав о журнале? Могу ли я получить своего рода рекомендательное письмо или просто список имен и адресов, а также разрешение ссылаться на вашу рекомендацию?

С наилучшими пожеланиями

Драйзер

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ "ПРАВДА"

12 И[ст] 41-я стрит, Н[ью]-Й[орк],
14 января 1933 года

Уважаемые господа!

Я получил Ваше письмо от 25 ноября 1932 года, однако думаю, что не смогу удовлетворить Вашу просьбу.

Вы, вероятно, знаете, я являюсь одним из пяти редакторов литературного журнала "Американ спектейтор", который выходит четвертый месяц. Последний номер журнала был Вам послан, и едва ли нужно говорить, что журнал этот не коммерческий, его цель – знакомство читателей с наиболее выдающимися взглядами в области эстетики, экономики, философии.

С тех пор как он начал выходить, я неоднократно настоя-

тельно обращался с просьбой сообщить мне имена и адреса возможных русских корреспондентов, одаренных писателей, поэтов, критиков, юмористов, с которыми мы могли бы сотрудничать. Для журнала нам не нужны статьи, касающиеся теории или практики коммунизма, ваших пятилетних планов или успешного завершения грандиозных строек. Нас интересуют материалы, раскрывающие различные стороны сегодняшней жизни в СССР: очерки, написанные с общечеловеческой позиции. В них должна реалистически отображаться жизнь рабочего и колхозника, участкового врача, функционирование системы общего образования, особенно в условиях быта кочующих племен Крайнего Севера Сибири. Нам бы хотелось получить очерк о Сталине, информацию об интересных открытиях в экспериментах профессора Кольцова или других ученых.

Я все время пытаюсь найти русских авторов, которые могли бы представить материалы подобного рода, но на свои письма я не получаю ответа и никак не продвигаюсь в этом направлении.

На просьбы вроде тех, что я недавно получил от Вашей газеты, я отвечал неоднократно; мои книги переводятся и издаются в СССР, причем продаются с большей выгодой для советского государства, чем для меня; я постоянно что-то делаю, чтобы помочь вам в той или иной форме, и тем не менее мои просьбы, о которых я говорил выше, остаются без внимания.

Я хотел бы откликнуться на вашу просьбу, однако, до тех пор пока я не увижу взаимной заинтересованности, признания моих услуг и внимания к моим просьбам, я не намерен продолжать писать статьи, посылать телеграммы и т. д. за свой счет.

Сердечно и всерьез

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

12 Ист 41-я стрит, Нью-Йорк,
1 февраля 1933 года

Дорогой Сергей!

Получил Ваше письмо от 3 января. Хотелось бы знать, если Вы не можете сотрудничать со "Спектейтором", не могли бы Вы по крайней мере сообщить мне имена писателей и философов, к которым я мог бы обратиться. Я нахожусь в совершенном не-

ведении на этот счет. Вы же, без сомнения, знаете в России массу интересных и пишущих людей. Не сообщите ли Вы мне их имена и адреса?

Драйзер

ПЕТРУ БОГДАНОВУ

"Американ спектейтор"
12 Ист 41-я стрит, Нью-Йорк,
26 апреля 1933 года

Дорогой Богданов!

Прилагаемое обращение было направлено мне как первому из революционно настроенных американцев с просьбой поддержать фонд, о котором говорится в этом обращении.

Я размышляю над целесообразностью подобного шага и хотел бы знать Ваше мнение по данному вопросу. Не затруднит ли Вас вернуть обращение.

С наилучшими пожеланиями

Искренне Ваш

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

"Американ спектейтор"
12 Ист 41-я стрит, Нью-Йорк,
19 июня 1933 года

Дорогой Динамов!

Спасибо за Ваше письмо от 27 мая и подборку фотографий. Я пока бегло просмотрел их, но уверен, что при внимательном изучении они окажутся крайне интересными.

Да, я уже получил Ваш список имен и написал названным людям о "Спектейторе".

Мне бы хотелось прочитать Вашу статью о Шекспире. Если она переведена, пришлите мне экземпляр.

С наилучшими пожеланиями

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

8 августа 1933 года

Дорогой Сергей,

Большое спасибо за письмо. Я с нетерпением ожидаю материал, который Вы обещали выслать.

Некоторые из тех русских, о которых Вы писали мне, прислали материалы для "Спектейтора" Я думаю, что кое-что подойдет. Я, конечно, переписываюсь с теми, кто мне ответил.

Сердечный привет

Драйзер

Как же так – марксист, с твердой верой в пролетарский характер всей литературы будущего, и вдруг проявляет такой горячий энтузиазм к крайне прагматическому Шекспиру? Смотрите, как бы Вас не выставили из России.

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

"Американ спектейтор"
12 Ист 41-я стрит, Нью-Йорк,
26 сентября 1933 года

Дорогой Динамов!

Если Вы столь легко и свободно цитируете журнал "Спектейтор", то почему не можете написать для него?

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

"Американ спектейтор"
12 Ист 41-я стрит, Нью-Йорк,
30 октября 1933 года

Дорогой Динамов!

Отдельно высылаю экземпляр новой статьи "Вызов творческому человеку", которая должна скоро появиться в журнале

"Коммон сенс". Уверен, Вы с успехом сможете использовать ее.

Я недавно узнал, что этой зимой намечено поставить "Американскую трагедию" в Киеве. К тому же ожидается, что премьера этого спектакля в постановке Эрвина Пискатора откроет Интернациональный театр в Ленинграде. Опять возникает ситуация, на которую я так часто жаловался: мои произведения используются без моего согласия и без какой-либо компенсации для меня, несмотря на то, что я продолжаю тратить свое время, усилия и деньги на сочувственное освещение советских идеалов.

Пискатор ставил "Трагедию" в Германии, и там постановка ее принесла массу хлопот и отсрочек. Результат же отнюдь не оправдал затраченных усилий. Я хотел бы получить предложения по официальным каналам. Был бы очень Вам признателен, если бы Вы, выяснив ситуацию, сообщили мне, есть ли хоть какая-то возможность наладить официальные контакты в связи с постановкой "Трагедии". Я хотел, чтобы в случае ее постановки мне выплатили гонорар. Заплатили же мне за издание книги "Галерея женщин", и я уверен, что и этот вопрос может быть решен соответствующим образом.

Мне известно, что Пискатор собирается снять фильм по роману "Титан", опять возникнут те же трудности. Я не хочу уполномочивать его делать это, но, если к фильму существует интерес, нужно, чтобы поступило официальное предложение через Вас, г-на Богданова, который находится здесь, Эйзенштейна или другое авторитетное лицо.

С наилучшими пожеланиями

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

[*"Американ спектейтор"*
12 Ист 41-я стрит, Нью-Йорк],
20 ноября 1933 года

Дорогой Сергей!

У меня нет слов, чтобы выразить чувство признательности за Ваше письмо. Оно написано от чистого сердца, так я его и воспринимаю.

Моя поддержка Национальной администрации восстановления промышленности вызвана результатами, которых она добилась, пробудив значительный интерес американцев к проблемам развития экономики страны, который прежде не был им свойст-

вен. Я согласен, что этого недостаточно, но в сравнении с хаосом администрации Гувера, например, это уже кое-что.

Теперь позвольте попросить Вас о любезности. Я направил письмо Михаилу Зощенко, вашему известному сатирику, с просьбой прислать материал для "Спектейтора" Копию этого письма вкладываю в конверт. Я сомневаюсь, читает ли он по-английски. Было бы очень любезно с Вашей стороны перевести письмо на русский и послать ему или (если вы знакомы, как я предполагаю) убедить его прислать нам что-нибудь из его произведений. Я буду Вам за это очень признателен.

И еще я бы очень хотел получить от Вас что-нибудь для "Спектейтора С нетерпением жду Ваш материал, я надеюсь, Вы станете нашим автором, и сделаю все, чтобы так и было.

Журнал "Интернациональная литература" мне очень нравится, и я надеюсь получать все его номера.

Как всегда, с наилучшими пожеланиями

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

Отель "Ансония", Нью-Йорк,
15 января 1934 года

Дорогой Динамов!

Я получил оба Ваши письма. Спасибо за газетные вырезки, а также за сведения о перепечатке моих статей. Продолжаю читать "Интернациональную литературу", и по-прежнему журнал мне нравится.

Возможно, Вы уже знаете, что я ушел из "Американ спектейтор". Причин для этого было достаточно; но главная – невозможность поднимать в журнале важные общественные и экономические вопросы, которые более всего волнуют меня, журнал, как выяснилось, не отвечает в полной мере моим интересам; я почувствовал, что больше не могу себе позволить сотрудничать с ним.

Получил письмо от Зощенко, но оно написано по-русски. Не знаю, будет ли "Спектейтор" заинтересован в нем, надеюсь, что да. Когда мне станет известно содержание письма Зощенко, напишу ему ответ. Передаю для Натана два предложения профессора Завадовского, но так как я не помню, чтобы Вы упоминали о нем прежде, то пошлю ответ Вам и надеюсь, что Вы сможете передать его дальше.

Благодарю за сообщение о постановке моих пьес в СССР. Надеюсь, я могу рассчитывать на получение от Вас подробных сведений и в дальнейшем.

Помню, Вы выражали пожелание, чтобы я выступил в поддержку Вашей кампании в защиту социалистического Китая; я, однако, вынужден отказаться. Разумеется, я сочувствую Китаю и даже написал бы что-нибудь для Вас, если бы мог. Но я был нездоров, много сил ушло на "Спектейтор", что отразилось на моей собственной работе; кроме того, возникли разногласия с Ливерайтом, моим прежним издателем, поставившие меня в зависимость от нескольких адвокатов, которые постоянно что-то выясняют, а я ничего не хочу, кроме отпуска, мне нужен отдых. Не сердитесь на меня за отказ, думаю, что, если бы я и мог что-то еще сделать, было бы уже все равно слишком поздно для Вашей книги. Уверен, Вы меня правильно поймете.

Как Ваши дела, как Шекспир? Вы по-прежнему увлечены им или легкомысленно ему изменили?

С наилучшими пожеланиями, как всегда

Драйзер

БЕЛЕ ИЛЛЕШУ

Отель "Ансония", Нью-Йорк,
12 мая 1934 года

Дорогой господин Иллеш,

Благодарю за Вашу любезную радиограмму. Я уже написал Максиму Горькому, выражая свое большое огорчение, что не могу воспользоваться Вашим приглашением.

Тем не менее разрешите мне передать мои лучшие пожелания успешной работы Вашему съезду.

Преданный Вам

Теодор Драйзер

Х.

Нью-Йорк, Бродвей, 73-я стрит,
Отель "Ансония",
24 сентября 1934 года

Дорогая Х.,

Вся беда в том, что Вы неплохой человек, но ведете себя крайне неблагоразумно и несдержанно. Допустим, Вы не вери-

те в бога и думаете, что Вам все позволено в сексуальном и во всех других смыслах; но все же Вы должны понять, что нельзя врываться в жизнь других людей и вести себя как Вам заблагорассудится только потому, что Вы умны и обаятельны. Вы, конечно, считаете, что одного Вашего слова или взгляда достаточно, чтобы любая Ваша прихоть была исполнена. Однако Вам следовало бы призадуматься над тем, как глубоко и сильно Вы можете ранить других из-за своего минутного удовольствия, о котором Вы тут же забудете.

Возьмите, к примеру, этого молодого человека и его жену, с которыми Вы общались здесь в Нью-Йорке. Я никогда не забуду той беспечной жестокости, которую Вы проявили по отношению к его жене, открыто кокетничая с ним в ее присутствии. Вам, естественно, было все равно: Вы развлеклись и ушли, а эта женщина, возможно, будет долгие годы страдать. Но почему Вы это сделали? У Вас множество поклонников, так зачем вмешиваться в чужую жизнь и обижать того, кто уступает Вам в обаянии и красоте? Мир полон мужчин. Не лучше ли иметь дело с теми мужчинами, которые свободны и общаясь с которыми Вы не нанесете оскорблений женщинам, не имеющим Вашего обаяния и привлекательности. Возьмем другой пример, когда Вы ждали меня вечером здесь, в холле, без какого бы то ни было приглашения с моей стороны. Я ведь мог прийти не один, и моя спутница была бы очень огорчена, если бы поняла, что Вы ждете меня; но Вам ничего такого и в голову не приходит, Вы этого не чувствуете.

Далее. Помните о той записке без конверта, которую Вы подсунули мне под дверь, хотя я никакого повода Вам для этого не давал. Вы хотели прийти ко мне и намекали, что между нами существуют какие-то отношения и потому Вы имеете право на встречу, хотя все это было Вами придумано. С моей стороны никогда не было даже намека на то, что какие-то отношения между нами возможны. Хорошо, что записку нашел я, а если бы кто-то другой – сколько было бы неприятностей. Вы не имеете права делать такие вещи, несмотря на все свое обаяние и красоту. Это бестактно, и если Вы ведете себя так со мной, Вы и с другими будете так поступать, и бог знает, сколько вреда вы можете этим причинить (о котором, возможно, Вы никогда и не узнаете).

Или возьмите это Ваше предложение. Вы хотите, чтобы я Вам позвонил или назначил свидание, и считаете, что мы сразу же сблизимся. Но имейте в виду, что некоторые мужчины остерегаются иметь отношения с женщинами, пусть даже очень привлекательными, которые встречаются со всеми подряд. В конце концов, существуют всякие болезни. Есть женщины, которые меняют за ночь трех партнеров. И Вы действительно думаете, что умный человек сразу схватится за такое предложение, не

думая о последствиях, даже чисто медицинского характера?

Я признаю, что Вы интересная, живая и остроумная женщина и поэтому нравитесь мужчинам, но существует еще здравый смысл и деликатность по отношению к окружающим, о которых следует помнить и сторонникам "свободной" любви. Я полагаю, пришло время Вам об этом подумать. До сих пор, насколько я знаю, Вы не задумывались над этим, поэтому я и пишу Вам письмо. Я считаю себя вправе сказать Вам все это, потому что Вы считаете себя вправе поступать таким образом. Поймите меня правильно. Я не сержусь на Вас. Вы мне даже симпатичны. Но я действительно считаю, что Вы должны наконец задуматься над своими поступками.

Если Вы сможете понять, насколько неразумно Ваше отношение к жизни, и увидеть, чем оно чревато, Вы, вполне возможно, станете действительно очень привлекательной для всех, в том числе и для тех, кто сейчас сторонится Вас. Ваш теперешний образ жизни может привести к трагическим последствиям, гораздо более губительным для Вас, чем Вы себе представляете.

С наилучшими пожеланиями

Теодор Драйзер

АНРИ БАРБЮСУ

Нью-Йорк, Бродвей, 73-я стрит,
Отель "Ансония",
15 ноября 1934 года

Дорогой Барбюс,

То что Вы пишете об Испании, мне известно. Со времен Феррера и его школы я слежу за тем, как испанская знать, погрязшая во взяточничестве и праздности, жестоко надувает народ вместе со своим приспешником – католическим духовенством. Более того, с ранних лет, с тех пор, как я осознал несправедливость положения европейских рабочих и крестьян, которые в поте лица добывают свой жалкий хлеб, в то время как привилегированные классы живут в роскоши, пользуясь плодами чужого труда, меня мучает мысль о том, как изменить это положение.

Я с восторгом приветствовал диктатуру пролетариата в России. Во время моей поездки в Россию в 1927–1928 годах я радовался при виде того, как рабочие и крестьяне строят справедливое общество, общество для трудящихся, в котором нет

места богачам, наживающимся за счет других. К сожалению, с тех пор, как известно, положение там изменилось.

В Италии, за долгое время пребывания у власти Муссолини, который всюду кричит о том, сколько он сделал для своей страны, только несколько дней назад, а точнее, 11 ноября прозвучало сколько-нибудь разумное требование. В здешних газетах писали о том, что Муссолини объявил об упразднении привилегированного класса, о том, что все итальянцы, способные работать, должны трудиться и что будет сокращен разрыв между уровнем жизни богатых и бедных. Ну что ж, посмотрим, что из этого получится.

Точно так же в одной из речей Гитлера, безусловно тирана и самодура, была высказана мысль о том, что он якобы собирается заставить привилегированный класс уважать мозолистые руки рабочего. Уверен, что это неосуществимо.

Но вернемся к Испании. Американский посол в Мадриде, мистер Клод Бауэрс, мой старый друг, хотя и не давал никакой официальной оценки деятельности фашистов и католической церкви в этой стране, все же рассказал мне кое-что о происходящей там борьбе. Из его рассказов, а также из американских газет, особенно радикальных, я знаю, что фашисты и церковь, находясь полностью на стороне праздной, невежественной и ненасытной знати, ведут наступление на рабочих.

Я не знаю, верите ли Вы в бога, а если да, какую религию исповедуете. Что касается меня, то я отношусь к католической церкви и ее деятельности в Италии, Испании, Мексике и странах Южной Америки с безграничным презрением и ненавистью. Она напоминает мне гигантского спрута, опутавшего землю, или, скорее даже, раковую опухоль на теле земли. Она не удовлетворится ничем, кроме порабощения и духовного уничтожения рабочего класса ради того, чтобы епископы и все духовенство, вместе с их титулованными покровителями в правящих кругах, могли пользоваться достатком и властью, жить в безделье и роскоши, в то время как те, кого они обманывают, оставались бы униженными и голодными.

Я хочу выступить с призывом уничтожить католическую церковь, стереть ее с лица земли! Ведь ясно, что она стремится только к собственному господству в мире и для достижения этой цели одурманивает людей в тех странах, куда проникает.

Я считаю, в том, что происходит сейчас в Испании, целиком повинна католическая церковь, которая ничуть не заботится о процветании страны, а стремится всеми правдами и неправдами присваивать богатства, создаваемые трудящимися. В Мексике, Чили, Аргентине – повсюду она старается овладеть умами масс и использовать их, чтобы обеспечить себе поддержку в борьбе за власть.

Но я не представляю себе, как с этим бороться. Я хотел

бы знать, есть ли у Вас какой-то эффективный план действий. О моем отношении к католической церкви хорошо знают в Америке. Я всю жизнь выступал с ее разоблачением и не только говорил и писал об этом, но и участвовал в кампаниях в разных районах страны против сил, враждебных рабочему классу. Это тоже хорошо известно. Где бы ни начиналась борьба за дело трудящихся, дело коммунизма – в Чили, Германии, Италии или Испании, – ко мне почти всегда обращались за помощью. Но как и чем помочь?

Вы говорите, что у Вас есть какие-то обличительные документы, которые Вы охотно предоставите мне. Но я не совсем понимаю, как их можно использовать. Разоблачается ли в них, последовательно и подробно, антирабочая кампания в Испании? Если у Вас есть яркие свидетельства творящихся в Испании бесчинств, я мог бы опубликовать их в нашей радикальной прессе. Но что дальше? Как поддержать рабочих Испании в их борьбе и конкретно помочь им? Ведь слова, произнесенные в Соединенных Штатах, Англии или Австралии, так и останутся словами, если за ними не последует реальная помощь испанским рабочим. Может быть, Вы знаете, как ее осуществить?

Со своей стороны, я буду продолжать писать обо всем этом. Что касается этого письма, Вы вольны использовать его, как сочтете нужным, с сохранением моей подписи. Только не упоминайте фамилии Бауэрс.

Напишите, чем еще я мог бы быть полезен.

Искренне Ваш

Теодор Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

17 мая 1935 года

Дорогой Динамов!

Я только что прочитал Ваш рассказ о Тянь Хане, китайском драматурге и режиссере, и сделаю так, как Вы просите, то есть напишу китайскому послу в Вашингтоне. Я уже сделал и продолжаю делать очень многое в этом направлении, но должен сознаться, результаты меня не слишком радуют.

Как Вы поживаете? Разрешат ли Вам наконец выехать за рубеж, побывать в Америке? Я бы очень хотел посидеть и поговорить с Вами о развитии советского эксперимента. Из всего, что я прочитал, следует, что в России совершается нечто грандиоз-

ное, но ей предстоит еще сразиться с величайшим врагом – "человеческим упрямством", т. е. с человеческой природой. Если верить последним научным данным, то это не человеческая природа, а просто природа, бесконечная и вечная.

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

М[аун]т-Киско, Н[ью]-Й[орк],
19 ноября 1935 года

Дорогой Динамов!

Хотя Вы и рассердились на мое замечание, я надеюсь, что наши отношения останутся прежними. Мое замечание и Ваше оскорбленное самолюбие не столь важны, когда речь идет о наших отношениях. Вы небезразличны мне – и глубоко, а я Вам.

Как Вы и сообщали, в апреле этого года мне был перечислен гонорар. Однако за три месяца до перечисления, когда редактор "Американской трагедии" поставил меня в известность о выплате гонорара, он предупредил, что расчет будет неполным и лишь позднее мне будет выплачена остальная сумма.

Не знаю, как часто издательства России производят расчет со своими авторами, но, если это происходит раз в год, меня это устраивает.

Поскольку Вас интересует "Что такое человек?", должен сказать, что это вовсе не книга, а статья в сборнике эссе. Я постараюсь найти лишний экземпляр и послать ее Вам. Вместе с "Таинственным незнакомцем", тут дело обстоит попроще. Что касается "1601", то это очень редкий памфлет, и он у меня в одном-единственном экземпляре. Он стоит восемнадцать-двадцать долларов, и мне не хотелось бы рисковать, отправляя его по почте, однако постараюсь перепечатать его и послать Вам.

Вам стоит прочитать его, поскольку он проливает яркий свет на те черты Марка Твена, которые совершенно неизвестны в Америке.

С приветом

Драйзер

P. S. Что касается Вашего решения не просить больше ни о каких услугах – не будьте злопамятным. Я знаю, что Ваши нужды значительнее моих, и обещаю в будущем вести себя лучше.

С глубокой привязанностью к Вам.

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

Маунт-Киско, Нью-Йорк,
29 января 1936 года

Дорогой Динамов,

Наконец-то благодаря хорошей работе Вашей почты я получил два экземпляра сценария Базилевского по "Американской трагедии". Один русский, очень способный и интересный человек, живущий в Нью-Йорке, только что перевел его мне на английский язык. Оказалось, что это весьма посредственная переделка романа.

Мне всегда хотелось, чтобы русское правительство разрешило экранизировать "Американскую трагедию" по сценарию Эйзенштейна – Голливуд не позволил ему сделать это здесь. Сценарий произвел на меня глубокое впечатление, и я уверен, что русский фильм смог бы быть показан у нас. Думаю, что теперь, когда прошло так много времени, "Парамаунт" не станет возражать против демонстрации фильма здесь и в Британской империи.

Я регулярно получаю "Интернациональную литературу". Ваш журнал пользуется успехом. Во всяком случае, я часто встречаю упоминания о нем в американских газетах.

С приветом

Драйзер

P. S. Рут Кеннел живет в Бриджпорте (Коннектикут). Пэсифик-стрит, 219. Я узнаю у нее, почему она настроена против Вас. Вы, конечно, не такой человек, чтобы вызвать к себе чьюлибо неприязнь.

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

Маунт-Киско, Нью-Йорк,
23 апреля 1936 года

Дорогой Сергей!

Спасибо за прекрасное письмо. Я оценил любовь, которой Вы удостоили меня, хотя я и не заслуживаю этого. Такое ощущение, как будто я получил что-то незаслуженно. И если Вы посту-

пите, как обещаете, и пришлете мне свою фотографию, я, вставив ее в рамку, повешу ее так, чтобы постоянно Вас видеть. Я хотел бы, чтобы Вы приехали сюда и увидели все это сами. Думаю, Вас бы тут кое-что позабавило – особенно если бы Вы посмотрели на некоторые специфические этапы, которые очень показательны. К тому же я смог бы, наконец, поговорить с Вами о Ваших взглядах на мир.

Как всегда Ваш

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

М[аунт]-Киско, Нью-Йорк,
9 мая 1936 года

Дорогой Динамов!

Посылаю книги, о которых Вы писали. Пожалуйста, навестите моих издателей и узнайте, могу ли я рассчитывать на годовой гонорар.

Драйзер

[P. S.] Почему у меня все еще нет Вашей фотографии? Она будет стоять на моем письменном столе.

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

1 июля 1936 года

Дорогой Динамов!

Конечно же, Вы можете ее напечатать, и, если напечатаете, напишите мне. Получили ли Вы книги, которые, как мне ответили в издательстве "Саймон энд Шустер", они отправили Вам? Книги оплачены мной. Я считал, что Россия выступает против контроля над рождаемостью. Мне казалось, это связано с войной. Новая конституция оправдает себя, если она будет одобрена народом и люди будут следовать ей.

Драйзер

[P. S.] Ваша "Интернациональная литература" – прекрасный журнал.

В РЕДАКЦИЮ "ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ"

Маунт-Киско, США,
19 сентября 1936 года

Теперь, когда фашизм опутывает Европу сетями террора и угнетения, я взираю на Россию как на спасительницу мировой законности и справедливости. Я буду чтить тот день, когда Россия наконец открыто станет, даже с оружием в руках, если в этом будет необходимость, на защиту нужд и чаяний рабочих Европы. Ныне их единственная надежда и спасение заключены в русской силе, политической и действенной, моральной и физической. Насколько я, находясь в Америке, понимаю создавшееся положение, этот день скоро настанет, или дело справедливости в Европе будет проиграно. Поэтому я призываю русский народ и его руководителей, не теряя времени, совершить этот шаг. Успех этой неизбежной для них битвы может зависеть от решительности и быстроты их действия, чтобы предотвратить войну в Испании.

Теодор Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

["Ироки", Олд-Бедфорд-роуд],
М[аун]т-Киско, Н[ью]-Й[орк],
6 октября 1936 года

Дорогой Динамов!

Сегодня посылаю Вам экземпляр книги "Настроения". Хочется, чтобы Вы ее имели.

Ваш друг Уолт Кармон недавно был здесь, произошел очень интересный разговор о России и здешних условиях и так далее. Я был рад узнать от него, что Вы здоровы. Я передал ему заявление для русской печати.

Кармон, в частности, рассказал мне, когда был здесь, как выплачивают гонорары русские издательства. Мне кажется, если в России мои книги так популярны, как говорят, я должен был бы получить за них какой-то гонорар. Я, конечно, не могу сказать определенно, какая это должна быть сумма, но, думаю, довольно значительная. Я был бы особенно рад получить его сейчас, когда мои финансовые дела обстоят не так хорошо, как

прежде. Последние три-четыре года почти разорили меня в финансовом отношении. Хотелось бы узнать об этом. Можете ли Вы сделать что-нибудь? И, как всегда, пишите, о чем найдете нужным.

Всего доброго

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

28 фев[раля] 1937 года

Дорогие Динамов и Нина!

Большое спасибо за прелестную фотографию, которую я получил на прошлой неделе. Вы отправили ее в М[аун]т-Киско, а я весь февраль и март нахожусь в Нью-Йорке, поэтому она задержалась. Вы прелестно смотритесь – как двое влюбленных. Мне приятно, что фотография стоит у меня на камине – стережет огонь в очаге. Я надеюсь, счастье Вас не покинет.

С любовью к Вам обоим

Драйзер

[P. S.] Послушайте, Нина. Привезите Сергея в Америку. Он должен приехать сюда. И Вы тоже.

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

12 апреля 1937 года

Дорогой Динамов!

Я бы очень хотел написать статью о Горьком, но это совершенно невозможно в те сроки, о которых Вы говорите. У меня сейчас масса работы, которая отнимает много времени.

В другой раз я, возможно, смогу быть более полезным, но сейчас Вам придется обойтись без меня.

Привет

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

28 апреля 1937 года

Дорогой Динамов!

Большое спасибо за "Литературное обозрение" со статьей А. Старцева о новом издании "Американской трагедии".

Я глубоко тронут тем, что Вы перевели для меня наиболее важные места. Большое спасибо.

С наилучшими пожеланиями

Искренне Ваш

Драйзер

P. S. "Известия" и "Правда" забрасывают меня телеграммами с просьбами о статьях объемом от 50 до 750 и даже 1000 слов. Они просят, чтобы я отвечал телеграфом. Но ответ телеграфом предполагает, что я должен оплатить то, что передаю, вперед. Этого я делать не стану. Не могли бы Вы объяснить им, что это уж слишком, мне кажется, достаточно того, что текст я предоставляю бесплатно.

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

50 Вест 77-я стрит, Нью-Йорк,
26 июня 1937 года

Дорогой Динамов!

Получил Ваше письмо с просьбой о статье для юбилейного номера "Интернациональной литературы". Думаю ее закончить и выслать Вам до 15 августа, как Вы просили.

Спасибо за известие о том, что одна из моих книг находится на Северном полюсе. Изо всех мест на земле я меньше всего ожидал, что она попадет именно туда. А если серьезно, я очень-очень тронут этим известием, потому что глубоко уважаю ученых и исследователей, участвующих в этом великом предприятии.

С наилучшими пожеланиями

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

116 В[ест] 11-я стрит, Нью-Йорк,
25 октября 1937 года

Дорогой Динамов!

Вот небсльшая статья, которую я написал для журнала "Совьет Раша тудей", она, полагаю, может быть для Вас интересна.

С наилучшими пожеланиями

Драйзер

СЕРГЕЮ ДИНАМОВУ

116 В[ест] 11-я стрит, Нью-Йорк,
10 декабря 1937 года

Дорогой Сергей!

Я так давно не получал от Вас вестей, что начал беспокоиться, не случилось ли чего с Вами.

Лето я провел на прекрасной научной станции и теперь на время вернулся в Нью-Йорк. Чувствую себя не очень хорошо, но работаю, как и прежде. Мне бы очень хотелось узнать, каким выглядит мир оттуда, где Вы находитесь. Отсюда все кажется мрачным и угрожающим.

С наилучшими пожеланиями

Драйзер

С. М. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ

Нью-Йорк,
3 января 1938 года

Дорогой Эйзенштейн!

Больше года я собирался Вам написать по самым различным поводам, но оказалось, что никто ничего не знает ни о Вас, ни о том, где Вас можно найти. И вот только что я узнал из газет,

что Вы снова работаете и заняты съемкой нового фильма.

Вам, вероятно, известно, что, когда в моей стране экранизировали "Американскую трагедию", получилось так плохо, что я был вынужден добиваться переделки фильма. Я был не удовлетворен также тем, что они сделали с "Дженни Герхардт".

Здешняя киноиндустрия вызывает во мне чувство глубокого отвращения, и не только из-за искажения моих произведений, но, как Вы знаете, вообще из-за ее дешевого торгашества и угодничества перед самыми низкими и дурными вкусами.

С тех пор как появилась техника создания кинофильмов, я видел в ней средство художественного воздействия, которое благодаря силе своей выразительности намного превосходит литературу, живопись и другие виды искусства, и я надеялся, что моя собственная работа может быть удовлетворительно переведена на язык кино. Меня интересует сейчас, по-прежнему ли Вы хотите ставить сценарий "Американской трагедии", который Вы мне когда-то показывали, или экранизировать какой-нибудь другой из моих романов. Я всегда думал, что "Финансист" был бы особенно хорош для русских зрителей, потому что он затрагивает основы капитализма в Америке. Дайте мне знать об этом. Во всяком случае, я буду очень рад получить Ваш ответ. Я часто думаю о том, как Вы поживаете и есть ли у Вас возможность осуществить большие планы, о которых Вы говорили.

С наилучшими пожеланиями

Теодор Драйзер

ДЖОНУ ГОЛДЕНУ

17 июня 1938 года

Дорогой Голден,

Трудность, связанная с привлечением кого-либо для сценической обработки посланной Вам пьесы, заключается в том, что она представляет из себя вариант романа "Гений", и, следовательно, на нее распространяются права на инсценировку этой книги. А из этих прав вытекает, что подобная инсценировка не может быть осуществлена без моего участия. С другой стороны, я не могу поставить свое имя под произведением, которое не устраивает меня с драматургической точки зрения. План пьесы, предложенный Вами, возможно, был бы удачным, но это не то, под чем я согласился бы подписаться.

Тем не менее Ваши предложения показали мне, что в пьесе есть отдельные моменты, требующие разъяснения.

Прежде всего, эта пьеса отнюдь не посвящена изображению ловеласа и его сильной любви к молодой девушке. Витла, по моему мнению, человек с определенным темпераментом, очень чувственный, ищущий и, следовательно, разносторонний, а также привлекательный и незаурядный. Как всем известно, даже самые благоприятные обстоятельства не приводят неизбежно к любви и счастливым взаимоотношениям. Витла достаточно добр, хорош и не эгоистичен, чтобы оставить Анжелу, пока он не встречает Сюзанну, хотя совершенно очевидно, что подобный исход является наилучшим. И Анжела являет собой тип женщины, которая смотрит на мужчину как на свою собственность. Сюзанна и Витла иначе оценивают любовь. Витла, как бы ни воспринимался его уход от Анжелы в трудное время, не может не восстать против человека, который всегда стремился бы удержать его с помощью жалости и разных ухищрений. Я размышляю о том, как бы выразить это яснее в пьесе.

Я не намерен, как Вы предлагаете, представить Анжелу неприятным человеком, потому что она, в конце концов, не столько неприятна, сколько просто ограниченна и совершенно не создана для того, чтобы быть женой Витлы. Мне кажется, о подобных вещах мы знаем из реальной жизни. Я никогда не питал пристрастия к преувеличениям в обрисовке характера, в силу чего люди выступают в отрицательном свете, хотя вряд ли их можно извинить за то, что они таковы.

Что касается переработки данной пьесы в современную по духу, это невозможно, потому что моя пьеса основана на романе "Гений" В ней получает развитие любовная тема книги. Когда я писал пьесу, то имел в виду не конкретный образ художника, а сочетание обстоятельств из жизни, как моей собственной, так и других, по-моему, это история чувства. Вот почему слова "Ты должна быть моей теперь", против которых Вы возражали в своем письме, очень важны. Темперамент Витлы меньше всего отвечает общепринятым нормам. Ожидание было бы естественным для Анжелы, но не для Витлы, Витла жаждет, как это известно или должно быть известно каждому, того, чего нельзя ждать, что исчезает с огромной болью, что не имеет ничего общего с браком, мужьями, женами, наследствами и т. п. Драма Витлы состоит не столько в том, что он теряет Сюзанну, сколько в том, что его чувства к ней угасают, все кончается горечью, в итоге наступает полная опустошенность.

Что я хотел бы изменить в пьесе, так это второй акт, хотя я писал его непосредственно с жизни и вовсе не думал о "Галерее женщин" – книге, которая совсем не похожа на пьесу. Я хотел бы также внести изменения в третий акт, чтобы яснее показать, что́ я хотел выразить образом Витлы, и сделать его более

привлекательным. Наконец, последний акт не вполне удовлетворяет меня, я хотел бы его переписать или изменить.

Сейчас я нахожусь в Коннектикуте, в Нортоне, так что можете прислать текст сюда, на почту.

С приветом

Драйзер

НИКАНДРУ СТРЕЛЬСКОМУ

Голливуд, Калифорния,
9 октября 1939 года

Уважаемый мистер Стрельский!

Я внимательно и с интересом прочел Ваше исследование о Салтыкове и чувствую, что Вы создали труд, способный привлечь не только студентов, занимающихся зарубежной литературой, но и тех многочисленных читателей, которым по сердцу великие писатели всех наций и всех времен. Лично я, вплоть до 1915 года, ничего не знал о Салтыкове, ни как о человеке, ни как о писателе, хотя раньше, конечно, уже успел познакомиться с Чеховым, Андреевым, Гоголем, Тургеневым, Достоевским и, само собой разумеется, Толстым и Горьким. Тогда я слышал лишь об увлекательной книге под названием "Семья дворян", произведении некоего Салтыкова, писателя, романиста, автора всего одного, но весьма значительного романа. У человека, рассказавшего мне о нем, не оказалось ни одного экземпляра этой книги, но он пообещал мне достать ее, и однажды книга попала мне в руки. Можете себе представить мое удивление, когда я увидел перед собой первоклассное художественное произведение; это была хорошо знакомая автору и правдиво нарисованная картина целой эпохи русской жизни, подобной которой я не встречал ни у одного из известных мне русских писателей. Не скажу, что ее достоинства преуменьшили для меня значение других произведений, но книга, так живо и действенно изображавшая дворянское семейство и все его окружение, заставила меня увидеть в авторе не только выдающегося писателя своего народа, но фигуру мирового значения. Это мое мнение осталось до сих пор неизменным.

Однако, несмотря на мои восторги, я встретил лишь немногих, кто знал хоть что-нибудь об авторе и его творчестве. Получив экземпляр книги, я постарался познакомить с нею других, способствуя тем самым – в малой степени – расширению его

известности. И все же прошло немало времени – лет десять, – прежде чем мне стало известно, что заголовок романа был неверным и что его точное название – "Семья русских провинциальных помещиков" или что-то в этом роде. А еще позднее, спустя два года, через журнал "Интернациональная литература" я выяснил, что он и есть как раз тот самый писатель, о котором Вы пишете, и что правильное название его основного труда – "Господа Головлевы".

Но до получения Вашей рукописи я слишком мало знал о его личности, окружении, о социальной среде, из которой он вышел, и о его глубочайшей ненависти ко всему укладу жизни России той поры. Теперь для меня совершенно ясно, почему марксисты и сторонники социального равенства, борющиеся с классовым угнетением, видят в нем своего единомышленника, на которого они опираются и у которого черпают примеры, укрепляющие их веру и закаляющие ненависть к еще более грубым формам унижения человека и к социальной несправедливости, где бы они ни проявлялись.

Мне хочется сказать, что я нахожу Вашу работу в высшей степени для себя интересной – живой и ясной в той мере, в какой и следует быть подобным исследованиям. Не могу выразить словами, насколько мне приятно, что вас вдохновил этот бескорыстный труд по созданию правдивого портрета великого писателя – его эпохи, его страны, класса, ставшего объектом его изображения, – писателя, чутко реагировавшего на события своего времени. А это и обеспечило ему то почетное и видное место в глазах нашей публики, которое, надеюсь, он всегда будет занимать.

Мне кажется, Ваша работа заслуживает внимания со стороны широкого круга читателей и многие прочтут ее.

С уважением

Драйзер

И. И. АНИСИМОВУ

1426 Норт-Хэйуорт,
Голливуд, Калифорния,
27 декабря 1939 года

Уважаемый мистер Анисимов,

Ваше письмо от 11 ноября я получил где-то в конце прошлого месяца, когда мне как раз пришлось уехать на две недели в штат Юта (в Солт-Лейк-Сити), чтобы собрать материал для од-

ной статьи. С удовольствием узнал, что моя написанная по просьбе "Коммон сенс мэгэзин" статья "Заря на Востоке" пользуется таким успехом в России. Я очень рад. Мне также чрезвычайно лестно, что у Вас намереваются издать собрание моих произведений в десяти томах. Я знаю, что многое из мною написанного у Вас уже издано, но, хотя я не раз наводил справки, никто не мог мне сообщить точно, что именно в Вашей стране переведено. В общей сложности я опубликовал 23 книги – названия Вы найдете на отдельном листке. Для меня весьма важно, какие десять Вы из них выберете. Романов у меня шесть (6): "Сестра Керри", "Дженни Герхардт", "Финансист", "Титан", "Гений" и "Американская трагедия".

Я написал три книги путевых заметок: "Путешественник в сорок лет" – это о Европе перед войной, "Каникулы уроженца Индианы" – книга, появившаяся в результате путешествия в автомобиле по моему родному штату Индиана, которое я предпринял вместе с приятелем-художником. Она дает живое представление об Америке тех лет. В нашей стране ее высоко ценят. "Драйзер смотрит на Россию" – краткая запись впечатлений от моей поездки в Россию в 1927–1928 годах.

Много лет назад я начал писать пятитомную "Автобиографию", из которой сейчас готовы две книги: "Заря" (здесь я описываю свою жизнь от рождения до 20 лет), "Газетные будни" – рассказ о тех четырех годах, что я проработал в качестве репортера, фельетониста, ведущего постоянную колонку, разъездного корреспондента, театрального рецензента. Очень занятный материал об американской жизни.

У меня одиннадцать пьес-одноактовок, объединенных теперь в одном томе – "Пьесы о естественном и сверхъестественном". Еще я написал трагедию в четырех актах "Рука гончара", запрещенную к постановке в Америке, но с большим успехом показывавшуюся в 1930 и 1931 годах в Германии и поставленную (на сцене частного театра) в Англии, где цензура тоже издала распоряжение, запрещающее постановку в театрах для широкой публики. Все эти вещи – одиннадцать одноактовок и трагедию – удобно объединить в один том.

Есть у меня еще два сборника новел: «"Освобождение" и другие рассказы» (всего 11) и "Цепи" – в этой книге 15 рассказов. Все мои 27 рассказов тоже можно издать отдельным томом.

И наконец, я написал еще шесть книг, которые хотел бы перечислить и охарактеризовать каждую по отдельности. Все они, как мне представляется, значительны.

"Настроения" – 250 медитаций, которые написаны ритмизованной прозой, хорошо звучат при произнесении и рассматриваются критиками как образцы лирической поэзии. На мой взгляд, в этих фрагментах сливаются философия и поэзия, а

по содержанию они представляют собой какие-то отстоявшиеся суждения о жизни в ее многочисленных печальных, радостных и необъяснимых поворотах. Мне бы хотелось, чтобы эта книга вышла в России.

"Галерея женщин" Пятнадцать рассказов – не полностью документальных, но и отнюдь не целиком вымышленных – о девушках и женщинах, с которыми я был знаком, об определяющих чертах их душевного склада и об их окружении. Речь в этих рассказах идет, конечно, о любви и страсти, о гордости, ревности, добросердечии, жестокости, ненависти, отчаянии. Я люблю эту книгу и высоко ее ценю, и мне хотелось бы увидеть ее в переводе (если она еще не переведена) на язык Вашей великой страны, где, я уверен, ее поняли бы и отнеслись бы к ней благожелательно.

"Двенадцать". Эту книгу широко читали и у нас, и в Англии, и, думаю, она должна составить один из 10 томов.

"Трагическая Америка" – очень серьезное исследование и критика жажды обогащения как побудительного мотива американской жизни, тех зол, которые она породила в прошлом, и еще худших зол, которые эта неконтролируемая жажда может очень быстро породить.

"Краски большого города" 30 прозаических набросков жизни в Нью-Йорке между 1895 и 1920 годами. Книга великолепно иллюстрирована художником Ч.-В. Фоллсом; часть этих очерков – кажется, 10 или 12 – уже публиковалась в России лет пятнадцать тому назад. Очерки отличаются колоритом и исторической достоверностью, но Вы можете их и не включать.

"Бей, барабан!" – книга, где я излагаю некоторые свои философские идеи в форме эссе или пьес, но для перевода брать этот материал не следует, поскольку я намерен его переработать в задуманных книгах философского и литературно-критического содержания и в будущих одноактных пьесах.

"Торо". Эта книга вышла прошлой весной – в феврале 1939-го – и представляет собой критическое исследование творчества Торо и краткое изложение его философии; книгу очень хвалили и сейчас активно читают. Это произведение тоже можно не включать.

На листке я отметил 10 из всех этих книг, которые, по-моему, необходимо включить в Ваше издание, и сверх того еще шесть (они помечены: a, b, c, d, e и f); каждую из этих шести книг или все шесть в том порядке, в каком они перечислены, я хотел бы видеть в собрании сочинений, если Вам удастся найти способ их включить.

Поскольку мне хотелось бы, чтобы эти книги вошли в Ваше издание, посылаю Вам срочной почтой в одном пакете по экземпляру каждой из них:

"Настроения"

«"Освобождение" и другие рассказы»
"Цепи"
"Рука гончара"
"Двенадцать"
"Торо".

Если Вам захочется объединить «"Освобождение" и другие рассказы» в один том с "Цепями", я не возражаю.

Хочу Вас поблагодарить за проявленные Вами ко мне внимание и доброту, за то, что Вы присылаете мне книги и статьи и вообще оберегаете мои интересы. Я всегда следил за социальным прогрессом в СССР с величайшим интересом и симпатией; горячо надеюсь, что пример социального равенства, достигнутого Вашей страной, вскоре найдет всеобщее понимание и ему будут следовать во всем мире.

С сердечным приветом

Теодор Драйзер

И. И. АНИСИМОВУ

28 декабря 1939 года

Уважаемый мистер Анисимов!

Вчера я отправил Вам письмо в связи с предполагаемым десятитомным изданием моих произведений. В этом письме Вы найдете все указания. Я пишу сейчас, чтобы добавить к этому письму (оно и без того было уж слишком большим), что я благодарю Вас за перевод на 377,25 доллара от Государственного издательства. Он был получен 14 ноября 1939. Сейчас гонорары из-за границы для меня как нельзя кстати, поскольку наши издатели все как один делают кислую мину, едва к ним попадает рукопись, в которой нет ничего антикоммунистического, ничего такого, что можно было бы истолковать как выпад против борьбы за социальное равенство; так что пристроить что бы то ни было, мною подписанное, нелегко. Не хочу тем самым сказать, что у меня не осталось приверженцев, однако зарабатываю своими писаниями я очень мало. Католическая церковь и контролируемые ею организации пристально следят за всем, что я пишу, и за каждым моим публичным выступлением и добиваются, чтобы мои книги были изъяты из библиотек. Крупные корпорации посредством своих агентов в прессе, в библиотеках, в учебных заведениях, всюду и везде тоже стараются, и небезуспешно, запрещать мои книги, статьи, рассказы, брошюры, записи выступлений и т. п.

Пока не началась нынешняя война, мои книги хорошо расходились в Англии, Германии, Швеции, Чехословакии, Польше, Финляндии, Дании и Норвегии, но теперь из этих стран я не получаю ничего. Несколько издательств, которые меня печатали, закрыты. В Италии я запрещен. Франция вообще никогда не платит иностранным авторам. А в Нобелевской премии мне отказано потому, что я известен своими симпатиями к России. Даже здесь, в Голливуде, на меня, похоже, по той же самой причине наложено табу.

В прошлом году, точнее в сентябре 1938-го, Вы мне писали, что у меня в Вашей стране кредит в 25 000 рублей (за продажу моих книг), вот почему я и решаюсь описать Вам мое скверное материальное положение. Я просил один нью-йоркский банк дать мне справку, каков эквивалент 25 000 рублей в американской валюте, и они сообщили, что это около 5000 долларов. Вот я и решил объяснить Вам положение моих дел и спросить Вас, нельзя ли мне получить часть этих денег. Это меня выручило бы в теперешней моей нелегкой ситуации и дало бы возможность завершить несколько рукописей, которые, возможно, будут иметь успех. Если это нетрудно, прошу Вас выполнить мою просьбу.

Еще я хотел Вас поблагодарить за присланные мне номера "Москоу ньюс" со статьями о декаде армянского искусства и за номер от 6 ноября прошлого года, где рассказывается о различных уровнях развития культуры, достигнутых республиками, входящими в Советский Союз. Я очень заинтересовался этим материалом. Надеюсь вскоре получить от Вас ответ.

Искренне Ваш

Теодор Драйзер

Мой адрес на январь и февраль 1940: 1426, Норт-Хэйуорт, Голливуд, Калифорния.

Постоянный адрес: Маунт-Киско, Нью-Йорк.

И. И. АНИСИМОВУ

1426 Норт-Хэйуорт,
Голливуд, Калифорния,
8 января 1940 года

Уважаемый мистер Анисимов!

В посылке с моими книгами, о которой я Вам уже писал, Вы найдете связанными вместе экземпляры «"Освобождения" и других рассказов» и "Цепей"; я это сделал с надеждой, что Вы

объедините эти сборники в одну книгу, назвав ее "Полное собрание рассказов Теодора Драйзера". В той же посылке связаны вместе "Рука гончара" и "Пьесы о естественном и сверхъестественном", две книги, которые мне хотелось бы видеть в русском издании особым томом, озаглавленным "Полное собрание пьес Теодора Драйзера". Кроме этих книг, я послал три пьесы в одном акте, вышедшие уже после того, как названные мною книги были изданы. Заглавия этих пьес следующие: "Мечта", "Фантасмагория" и "Корпорация прогресса". Все три хорошо бы включить в том пьес, если, конечно, Вы решите такой том издать. Если же нет, не нужно возвращать мне эти пьесы, пусть они останутся у Вас с лучшими моими пожеланиями.

Счастливого 1940 года.

Искренне Ваш

Теодор Драйзер

ДЖОНУ СТЕЙНБЕКУ

Калифорния, Голливуд,
Норт-Хэйуорт-авеню, 1426,
24 января 1940 года

Дорогой Стейнбек,

В декабре прошлого года директор "Технократии" Говард Скотт, остановившись в отеле "Голливуд-Рузвельт", пригласил меня с женой к себе на обед, куда позвал также своих друзей. Перед обедом он угощал всех коктейлями в Гавайском зале, где освещение было неярким. Когда я сидел и пил свой коктейль, мальчик принес мне записку, в которой, насколько я разобрал, было написано: "Мистер Драйзер, я был бы весьма польщен, если бы Вы согласились выпить со мной. Джон Стемтук" (или другая фамилия вроде этой). Я близорук и плохо вижу без очков, а их под рукой не оказалось. Хотя я не понял, кто такой Джон Стемтук, я тем не менее решил подойти к нему, если он так хочет, отдать дань вежливости и освободиться как можно быстрее.

Я сунул записку в карман, но в этот момент меня, должно быть, отвлекли, и я забыл о своем намерении. Как получилось, что мы не встретились, и что Вы подумали обо мне – я могу сейчас только догадываться. Вы тоже не подошли ко мне и ничего не сказали – и были правы. Представляю, каким невежей я Вам показался!

Теперь, шесть недель спустя, я очень сожалею о случившемся. Почему именно теперь? Дело в том, что сегодня я опрокинул чернильницу и залил чернилами смятый листок бумаги, лежавший на моем столе. Как он туда попал, не знаю. Короче говоря, я взял его, чтобы выбросить в корзину для бумаг, но в последний момент решил прочитать то, что там было написано, хотя это и было наполовину залито чернилами. Я не смог разобрать это даже в очках, поэтому взял лупу, которую всегда держу на столе, и – хотите верьте, хотите нет – я и на этот раз не понял, что записка от Вас. Я опять прочел: мистер Стемтук! И вдруг, уже когда я опускал листок в корзину, "меня осенило!" – как говорит мистер Уинчелл. Конечно, это не Стемтук – какая чушь! – даже если и нет точки над "i". Боже мой, ну какой же я болван! Вы же были как раз тем человеком, с кем я действительно хотел встретиться с тех пор, как прочел "О мышах и людях", не говоря уже о замечательном, впечатляющем романе "Гроздья гнева". Мы были тогда почти рядом, а я спокойно ушел, не сказав Вам ни слова, не обменявшись с Вами даже приветствиями. Какой позор!

Ну вот я и рассказал Вам все, как было. Я понимаю, что слезами горю не поможешь. Но, может быть, мои слезы помогут Вам избавиться от справедливого, с Вашей точки зрения, но на самом деле ошибочного мнения обо мне. Я все же надеюсь на новые встречи и беседы, если, конечно, Вы будете ко мне снисходительны и великодушно согласитесь встретиться со мной.

Теодор Драйзер

Э. Л. МАСТЕРСУ

1426 Норт-Хэйуорт [Авеню, Лос-Анджелес, Калифорния], 7 марта 1940 года

Любезный Эдгар,

Прежде всего, хочу поблагодарить Вас за книгу об Эмерсоне. Она очень хорошо написана – просто прекрасно. Я давно не перечитывал Эмерсона и, начав читать Вашу книгу, не мог оторваться: это захватывающе. Вообще, я считаю, что подобные подборки, сделанные талантливо, как это удалось Вам, воспринимаются как самостоятельное, совершенно новое произведение. Ведь все скучное и несущественное опущено, и в результате создается ощущение чего-то яркого и живого, совершенно цельного, прекрасного и в то же время значительного. По крайней мере такое ощущение оставляет Ваша книга об Эмерсоне.

У меня было подобное чувство, когда я закончил работу над подборками из Торо: наиболее ценное по мысли слилось в единое целое, монолит. Я рад, что навел на Вас Менделя. Должно быть, встреча с ним доставила Вам немалое удовольствие, независимо от того, даст это какой-нибудь результат или нет.

Как только я отложил вашу книгу об Эмерсоне, пришло письмо о Гарленде. До чего же бессмысленный человек! Он такой правильный и осторожный. Я виделся с ним несколько раз, обедал у него дома в Чикаго и всякий раз уходил с чувством пустоты и потерянного времени. Он так тщательно подбирал слова, как будто сам боялся собственных чувств и мыслей. В нашем-то огромном, неспокойном мире! Как-то он рассказал мне об "ужасных" социальных выступлениях группы людей в О-Клэр, Висконсин, и, когда я спросил его, почему Вы не напишете об этом книгу, он ответил: "О нет, это не для меня. Мне кажется, это скорее заинтересовало бы Вас". (!) По-моему, я ответил: "Да, несомненно". И, уж конечно, так подумал.

Вот, Эдгар, чувствую себя лучше, уже на ногах и работаю. Весьма вероятно, что долго я тут не выдержу. Климат здесь мягкий, но жизнь – сплошная мишура и пустота. Очень важны деньги. На всем большими буквами написано "кто есть кто". Самое главное – ни с кем не сближаться и поддерживать отношения только с теми, кто преуспевает, в момент успеха. Если твое имя попало в газету, начинаются визиты. Не попало в газеты – и никаких тебе визитов. Свора злобных и мелких любителей рекламы и второразрядных дельцов от литературы. Если на произведении или имени не стоит печать общественного признания, они здесь ничего не значат. Добавь к этому солнце и цветы, смешай с машинами, выпивкой, дешевыми домами и мебелью, бесконечной болтовней, и перед тобой – вся картина в целом. Мне нужно нечто другое – исполненное мысли и чувства.

Желаю покоя, добра, приятного общества.

Т. Д.

ДЖ. Х. ХОЛМСУ

Калифорния, Голливуд,
Норт-Хэйуорт-авеню, 1426,
28 мая 1940 года

Уважаемый м-р Холмс!

Хотя на письме и нет Вашей подписи, только ее факсимиле, я все же обращаюсь лично к Вам в надежде получить некоторые разъяснения.

Насколько я понял из этого письма, Лига гражданских свобод не принимает тех, кто сочувствует тоталитарным государствам, считая таковыми не только Германию и Италию, но и Россию. Я также узнал, что ваша организация безусловно считает Англию и Францию демократиями. По-моему, такой взгляд является верхом глупости. Если Англия не тоталитарное государство, то что говорить о других? Последние триста лет власть там принадлежит избранному меньшинству, а земли и титулы передаются по наследству. Английские рабочие и служащие имеют не больше политических прав и свобод, чем немцы, русские или итальянцы, а их социальное положение еще тяжелее, чем положение рабочих в Германии, России или Италии, потому что они лишены даже возможностей улучшить его. Об этом позаботилась кучка негодяев из разных стран при посредничестве английских лордов и финансовых магнатов. М-р Морган – один из их кумиров и главарей, возглавивший отвратительную эксплуатацию масс, осуществляемую капиталистами Англии и Франции. Я неоднократно бывал в обеих странах, где изучал положение рабочих масс – меня интересовал их заработок, еда, одежда, условия жизни в целом. В результате я пришел к выводу, что говорить даже о подобии демократии в Англии и Франции будет наглой ложью. Правительства этих стран ничего не делают для улучшения благосостояния народа, а видимость демократии создают для того, чтобы держать массы в повиновении.

По-видимому, Американская лига гражданских свобод поразительно плохо информирована о положении дел в мире. Только этим можно объяснить, почему она отвергает тех, кто сочувствует России, Германии и Италии, и приветствует сторонников Англии. Если действительно таков духовный союз поборников гражданских свобод, то чем скорее он будет распущен, тем лучше.

С уважением

Теодор Драйзер

УОЛТЕРУ ШНЕЙДЕРУ

Калифорния, Голливуд,
Норт-Хэйуорт-авеню, 1426,
18 сентября 1940 года

Уолтеру Е. Шнейдеру, редактору:

Передо мной лежит Ваше письмо от 9 сентября 1940 года, в котором излагается план проведения Национальной газетной корпорацией Недели национальной прессы с 1 по 7 октября с

целью "продемонстрировать всей Америке преимущества ее свободной прессы". Среди прочих Вы выбрали и меня, возложив на меня почетную задачу "прославления одного из наиболее надежных оплотов американской свободы – прессы без цензуры". Меня охватывает ужас перед наглостью газетной корпорации, которая, безусловно, направляет и финансирует все Ваши усилия, и удивление от того, что я до сих пор нахожусь в списке ее простофиль. Я действительно поражен, но не польщен.

Вы должны знать, что я работал во многих американских газетах репортером и специальным корреспондентом в течение пяти лет; еще пять лет я был главным редактором четырех журналов, существующих на средства от рекламы, так что я кое-что знаю о преимуществах свободной прессы. Еще до того, как я стал газетчиком, помню, м-р Кливленд прислал в Чикаго федеральные войска, 3000 солдат, чтобы предотвратить разграбление железных дорог взбунтовавшимися рабочими. Я еще тогда с негодованием отметил, что все ведущие чикагские и другие газеты были на стороне пострадавших железнодорожных компаний, а не рабочих, гораздо больше страдающих от мизерного жалованья и плохих условий труда. С тех пор я всегда отмечал это и неоднократно писал о том, с каким рвением наша свободолюбивая пресса неизменно кидается на защиту капитала против трудящихся, когда трудящиеся начинают бороться за свои права. Пресса также всегда на стороне любой преступной монополистической программы наших корпораций.

Я, конечно, допускаю, что Вы никогда не слышали о моей автобиографической книге "Газетные будни", а также о "Трагической Америке"; было продано всего 5000 экземпляров, и через месяц она была изъята из продажи. В этих книгах я писал, да будет Вам известно, как раз об отсутствии свободной прессы в нашем обществе и о преступных действиях наших национальных монополий, которые, разбухнув от награбленных денег и обретя авторитет в государственных делах, особенно касающихся свободы, не стесняются намекать на то, что они открыто финансируют бесстыдную пропаганду, о которой идет речь в Вашем письме. Если бы не тот ужас, который охватил меня при виде последнего, наиболее увесистого камня, брошенного корпорацией в ни в чем не повинную публику, я бы просто посмеялся над Вашей глупостью. Однако Вы знаете не хуже меня, что американские корпорации, контролирующие газеты и радио, собираются сейчас вместе с политиками, большинством наших судей, нашими государственными законодателями, конгрессменами, губернаторами, мэрами, полицией, Торговой палатой, банками, министрами и мелкими торговцами, зависящими от займов, разыграть этот спектакль, чтобы запугать или одурачить массы, заставить их поверить, что в Америке есть, пусть небольшой, процент людей, которые могут говорить то, что они

думают, и читать то, что им хочется, без боязни быть выгнанными с работы. На самом деле постепенное подавление свободы слова, свободы собраний, свободы публикации того, что не угодно корпорациям, их банкам и их 60 почти королевским, или, скорее, царским фамилиям, настолько очевидно для всех мыслящих американцев (включая и тех, кто был грубо лишен этих свобод, а заодно и способности протестовать против существующего положения), что корпорациям остается действовать методами "блицкрига", чтобы заставить этих людей молчать.

Возьмите, к примеру, Дайса, эту политическую марионетку на службе у корпорации. Или таких гениальных поборников свободы, как мэр Джерси-Сити Хейг, католический священник отец Коглин, лейтенант Хайнз, осуществляющий на западном побережье связь полиции Лос-Анджелеса и Торговой палаты, не говоря уже о многих других. Кто вырезал выступление Аниты Уитни из радиопередачи здесь, в Лос-Анджелесе, в пятницу, 14 сентября и не дал возможности Конгрессу индустриальных организаций выступить по радио в Сан-Диего в тот же день? И почему Национальная Свободная Пресса не сообщила об этих фактах?

Попробуйте найти в газетах "Нью-Йорк таймс" или "Трибюн" или в любой газете Филадельфии, Питсбурга, Чикаго, Канзас-Сити, Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Портленда или Сиэтла благожелательный отклик на какое-нибудь самое невинное требование рабочего класса. Я пробовал. Эти газеты, как вши распространяемые корпорацией, все заодно, так как финансируются из одного бумажника, и свобода прессы означает для них свободу расхваливать деятельность и планы американских и международных корпораций, а также деятельность их семей, их детей и детей их детей и не означает ничего другого.

Если бы американцы знали, как далеко мы зашли по пути уничтожения демократии, они бы в гневе встали на защиту своего самого бесценного достояния. Но миллионы американцев не знают об этом, потому что их единственные источники информации – газеты – намеренно держат их в неведении. Национальная федерация конституционных свобод опубликовала заявление, в котором перечисляются наиболее серьезные случаи игнорирования прессой важных событий:

"Только одна крупная газета в стране упомянула о петиции против Комитета по расследованию антиамериканской деятельности, возглавляемого Дайсом, подписанной ста выдающимися американцами, в том числе шестью ректорами колледжей".

"Только две или три газеты напечатали манифест "В защиту Билля о правах", написанный 62 известными американцами".

"О размахе протеста против Комитета Дайса и воинской повинности, выражаемого Конгрессом индустриальных организаций и Американской Федерацией Труда, в прессе не было ничего".

"Около 2% прессы опубликовало сообщение о государственных и городских конференциях, осудивших законопроекты, направленные против живущих в Америке иностранцев, конференциях, в которых приняли участие делегаты, представляющие миллионы американцев".

"Большинство газет умолчало о предупреждении против некоторых действий Конгресса, высказанном в адрес американской нации одной из комиссий Американской ассоциации адвокатов"

"Была проигнорирована декларация против вступления Америки в войну, составленная 300 ведущими американскими писателями"

Позвольте добавить к этому также и то, что, когда около 6000 делегатов из 40 штатов, представляющих многомиллионную Америку, в сентябре отправились в Чикаго как участники движения за мирную мобилизацию Америки – это была, пожалуй, самая замечательная стихийная демонстрация такого рода в нашей истории, – немногие газеты упомянули об этом событии, а те, которые дали несколько строк о демонстрации, назвали ее "коммунистической" только потому, что некоторые участники были объявлены красными все тем же пресловутым Дайсом.

Если бы это была действительно страна, охраняющая свободу, а не страна, управляемая и угнетаемая бессердечной и жадной шайкой мошенников, Вас и Вашу корпорацию немедленно обвинили бы в клевете, а если бы Вы осмелились поклясться в Вашей невиновности, то и в клятвопреступлении.

Ваш

Теодор Драйзер

P. S. А почему бы вместе Недели свободной прессы Вам не провести Неделю контролируемой прессы, а также радио и публичных выступлений. Представьте себе, как в каком-нибудь из центров, принадлежащих корпорации или контролируемых правительством, например в Рокфеллеровском центре, или в Джерси-Сити, или в Питсбурге, соберутся газетные магнаты и будут слушать приветственные послания, прославляющие успехи британской или американской пропаганды за последние двадцать с лишним лет. В них будет сказано о недавних блестящих "победах" в Польше, Финляндии, Норвегии, Бельгии и Франции, сообщения о которых заполнили американские газеты, кинохронику и эфир. Большое внимание будет уделено колоссальным успехам корпорации в деле опорочивания в американских газетах борцов за подлинно демократическую свободу и благополучие народа, таких, как: покойный сенатор Бора; бывший сенатор Лафолетт; бывший губернатор Мичигана, а теперь верхов-

ный судья Фрэнк Мэрфи; последовательный борец за технический прогресс Говард Скотт; замечательный и честный лидер рабочего движения Гарри Бриджес; герой первого трансатлантического перелета Линдберг и многие другие. Добавьте к этому превознесение таких интеллектуально и социально ничтожных людей, как Уоррен Гардинг, Кэлвин Кулидж, Альф Лэндон, Мартин Дайс, Уэнделл Уилки, и других многочисленных марионеток корпорации и Уолл-стрита – и эта Неделя станет выдающимся событием. Я предлагаю Вам эту идею бесплатно – может быть, это привлечет к ней внимание охваченных алчностью финансовых воротил.

С наилучшими пожеланиями

Ваш Теодор Драйзер

Ф. В. ФИЛДУ

1426, Норт-Хэйуорт [Авеню],
Голливуд, Калифорния,
23 ноября 1940 года

Дорогой м-р Филд!

Большое спасибо за телеграмму. Наверное, это хорошая мысль – разослать экземпляры моей речи. Я тоже получил письма со всех концов страны и сейчас рассылаю копии речи.

Есть одна вещь, о которой хотелось Вам написать. Речь идет о пьесе "Час испытаний", которую дает здесь Театральный союз Голливуда в постановке Герберта Бибермана. Это прекрасная пьеса Джорджа Скляра и Альберта Мальца, отвечающая всем принципам "Мирной мобилизации Америки" Для их целей она была бы великолепна, в ней есть все, что они хотели бы довести до сознания американцев. Различные отделения "Мирной мобилизации Америки" должны связаться с Театральным союзом Голливуда и всячески поддержать эту пьесу. Ее нужно показать в каждом университетском городе нашей страны. Средствами драмы можно разъяснить – и авторам пьесы это удалось превосходно – некоторые стороны американской жизни, которые многим кажутся столь запутанными. Трудно переоценить значение этой пьесы.

Благодарю за доброе отношение ко мне, спасибо за все.

Искренне

Драйзер

М. АПЛЕТИНУ

1015, Норт-Кингс-роуд,
Голливуд, Калифорния,
6 декабря 1940 года

Уважаемый м-р Аплетин!

Только что получил Ваше письмо и вместе с ним изумительное издание "Слова о полку Игореве", которое Вы так любезно прислали мне. Книга займет свое место среди самых дорогих мне вещей, и я еще раз выражаю Вам свою признательность.

Не могу передать Вам, как вдохновляет меня то, что в России вместе с осуществлением грандиозной программы экономического развития и обретением социальных прав и свобод не ослабевает подлинно русская любовь к искусству и литературе всех эпох. Возможно, для такой великой страны, как Ваша, мои слова мало что значат, но я считаю русских самой выдающейся и самой творческой нацией как в области мысли, так и в области искусства. Ваша страна достигла гигантских успехов как в науке и искусстве, так и в экономике, и я взираю на нее в надежде, что она уничтожит ужасную несправедливость, присущую порочному капиталистическому строю в современном мире.

Буду рад выслать любые из своих статей, которые я периодически делаю для американских газет. Сердечно благодарю Вас за пожелания доброго здоровья.

Искренне

Т. Д.

МАЙКУ КУИНУ

1940 год

Дорогой мистер Куин!

Боюсь, что так и не сумею выразить Вам, как высоко ценю я достоинства Вашей книги "Опасные мысли". Она отличается такой зрелостью в смысле наблюдений социального и экономического характера, так нова по своей методологии, исполнена такой живости и глубокой правдивости! Что же касается изображения старого как мир перечня преступлений людей по отноше-

нию к своим ближним, а также социальной несправедливости и жестокости, отличающих нашу современность, то здесь Вы буквально превзошли себя. Хотелось бы, чтобы она была на виду у всего читающего мира, и я надеюсь, что так и будет. Лично я сделаю все, что в моих силах, чтобы возросло число ее читателей.

Между прочим, для меня Ваша книга обладает не только подлинной художественной ценностью, в ней заключена поразительная просветительская интеллектуальная сила. Она близка к тому типу концентрированной социальной логики, философии и иронии, которые можно обнаружить у Финли Питера Данна ("Философ Дули"), у Джорджа Эйда ("Басни, написанные на слэнге"). Местами она напоминает мне Рабле, Вольтера и Томаса Пейна.

Я сердечно поздравляю Вас и надеюсь, что Вы и в дальнейшем будете освещать так же блистательно, как вы это умеете делать, наш мрачный, клонящийся к упадку, в чем-то комический социальный миропорядок – и не только в Европе и Соединенных Штатах, но и во всем мире, исключая Россию...

Искренне

Теодор Драйзер

ТЕЛЕГРАММА ИНОСТРАННОЙ КОМИССИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Голливуд, Калифорния,
14 июля 1941 года

Ничто в истории человечества – ни безумные авантюры в поисках преходящей славы и власти, ни страшные массовые истребления народов и порабощение их Киром, Дарием, Александром, Цезарем, Аттилой, Мамаем, Чингисханом, Тамерланом, Наполеоном – не может сравниться по своему бессмысленному варварскому разрушению и смертности с ничем не оправданным нападением Гитлера на Советскую Россию. Ибо Россия, Советский Союз – страна, которая столетиями терпела жестокое, тупое бесправие и гнет кучки представителей грубой силы, попиравших права огромного большинства простых и трудолюбивых людей, чтобы самим предаваться чванству и роскоши, – является единственной страной, единственным народом, который наконец установил справедливую и социально-прогрессивную форму правления. Правительство России за последние двадцать три года заботилось о том, чтобы те, кто хочет работать и стремится

как к духовному, так и к материальному прогрессу и миру, получили всемерную поддержку и помощь со стороны своего правительства.

Ни в Европе, ни в Азии, ни в Африке, ни в Южной или Северной Америке не была не только осуществлена, но даже выработана такая программа, которая, несомненно, была осуществлена в России; в 1927–1928 годах я имел возможность увидеть собственными глазами гигантские начинания, предпринятые там с целью обеспечить основы материального и общественного благосостояния и счастья стосемидесятимиллионному народу, до этого угнетавшемуся безмозглыми, циничными аристократами царской России, стремившимися только к одному: обеспечить собственное благополучие путем порабощения всех остальных своих соотечественников. И вот теперь приходит Гитлер, которому великолепно должна быть известна честность Советского Союза и его социальное значение, которому должно быть известно, что само существование СССР – залог счастья всех тех, кто по своей воле участвует в необходимом для этого труде. Движимый личным честолюбием, стремлением к славе и обогащению, а также во славу создаваемой им империи, где правит ничтожная кучка, враждебная свободе и счастью огромного большинства человечества, он стремится разрушить и уничтожить прекрасную программу, созданную Лениным и после его безвременной смерти осуществляемую его многочисленными последователями и их выдающимся вождем и другом народов Иосифом Сталиным.

Я считаю это – в полном смысле слова – величайшим злодеянием против великой державы, хладнокровной и преступной попыткой уничтожить свободу человечества и – что еще важнее – уничтожить духовную и социальную справедливость в семье народов, справедливость, которой, кроме СССР, не только никогда не достигал, но о которой и не помышлял ни один народ, ни одна раса.

Преступления надо пресечь, а их инициатора и исполнителя, победив, всенародно казнить за его злодеяния, ибо это злодеяния безжалостного, кровавого убийцы, и ничто больше. Легкие победы, видимо, вскружили ему голову, и вместо плана восстановления Германии им овладела мечта об империи ради империи, о мире, управляемом Германской империей; все это не что иное, как безумные планы мирового господства, то самое безумие, которое в войне с Англией Гитлер пытался выдать не больше не меньше, как за здравый смысл. Но последнее предательство – варварское нападение на мирный народ, заключивший с Гитлером мирное соглашение, до конца разоблачает безжалостного притязателя на мировое господство, который не только не является ничьим другом, но и представляет собой потенциального деспота и поработителя всех и каждого.

Я вижу, как сама Англия ради самосохранения идет на помощь России. Какова бы ни была цена пакту с Англией, я желаю России извлечь из него наибольшую пользу. Что же касается Америки, то я вместе с миллионами других американцев буду призывать наше правительство не только к самозащите путем оказания всемерной помощи России, но и к лучшему пониманию этой великой демократии, которая делает сейчас для своего многомиллионного прогрессивного народа больше, чем Америка за все время существования сделала для своего народа.

Теодор Драйзер

ОТИСУ ДИКСОНУ ФИЛЛИПСУ

Норт-Кингс-роуд,
Голливуд, Калифорния,
17 июля 1941 года

Дорогой мистер Филлипс!

В ответ на Ваше письмо от 13 июля я могу только повторить все, что я говорил ранее. А случилось, как я понимаю, то, что Гитлер замышлял с самого начала. Его пакт о ненападении, заключенный со Сталиным, был обычной уловкой с целью последующей агрессии. Мне кажется, заключение пакта о ненападении входило в военную стратегию, дабы усыпить по возможности бдительность своего противника, с тем чтобы лучше подготовиться к нападению.

Что касается Англии в настоящее время, то она, если и не готовит тайного заговора против России, озабочена лишь самосохранением и спешит (по крайней мере на словах) помочь России. В пропагандистских целях, а также исходя из своих капиталистических и финансовых интересов в Америке, она хочет увлечь за собой и нашу страну. Конечно, я искренне хочу, чтобы Америка пришла на помощь России, незамедлительно и эффективно, но я огорчился бы, если бы она сделала это под влиянием Англии. Я не доверяю Англии так же, как не доверяю Гитлеру. Это отнюдь не демократия, как всем хорошо известно, а самодовольная империя, которая – русские это отлично знают – делала все что в ее силах, чтобы сокрушить Россию после окончания первой мировой войны. И если Россия победит Гитлера – а я молюсь, чтобы так было, – Англия, боюсь, начнет проводить прежнюю политику. И чего бы ни стоил пакт с Англией, я желаю, чтобы Россия извлекла из него для себя наибольшую

пользу. Что же касается Америки, то я вместе с миллионами своих соотечественников буду требовать от правительства, чтобы оно не только заботилось о своей защите, оказывая всякую, насколько это в его силах, помощь России, но и стремилось к лучшему пониманию ее великой Демократии, которая делает в интересах прогресса миллионов людей больше, чем это сделала наша демократия, начиная с того момента, когда было основано наше государство.

Надеюсь, это письмо содержит ответы на Ваши вопросы.

Искренне

А. ФАДЕЕВУ

1015, Норт-Кингс-роуд,
Голливуд, Калифорния,
19 декабря 1941 года

Уважаемый г-н Фадеев!

Спасибо за Ваше письмо от 10 сентября. С интересом прочитал присланный материал. Хотя Вы и не просили отвечать, все-таки хочу заметить, по-моему, неразумно в такой момент думать о союзе только со славянскими народами. Я, конечно, полностью согласен с Вами, что Гитлер и сторонники фашизма во всех странах должны быть уничтожены ради мира и безопасности на земле. Думаю, что Вы подвергаете себя опасности быть неправильно понятым, ставя славянский вопрос во главу угла. Предатели-капиталисты, которые надеются поработить трудящихся всего мира, будут изо всех сил способствовать ложному толкованию Ваших идей. Боюсь, что они обвинят СССР в том, что он стремится сделать весь мир коммунистическим – и не как-нибудь, а силой оружия, – особенно сейчас, после такой победы! Насколько мне известно, подобные планы не вынашиваются в России.

Гораздо лучше в момент победы подумать о нуждах всех народов земли, независимо от того, славяне они или нет. Ведь все, кто против фашизма или любой формы варварства и нетерпимости, являются поборниками прогресса. Мнение об исключительном положении славян так же вредно, как и представление об исключительности арийцев. Я думаю, этих строк не должно быть в манифесте, чтобы между народами всего мира родилось новое братство и взаимопонимание.

Сейчас Россия делает великое дело. Народы Америки, которым внушалось, что русские – дикари, не могут до конца поверить в то, что происходит, хотя постепенно начинают понимать, что в течение двадцати четырех лет им говорили о русских неправду. Ничто не должно помешать формированию правильного понимания России. Нужно ли приносить его в жертву Лиге славян? Поче-

му бы не создать вместо этого Лигу мира и прогресса всех народов?

Почему бы этому движению не стать движением за образование, уничтожение нищеты и за создание братства всех людей? Почему не объединить всех нас? Ведь это то, что так необходимо.

С уважением

Драйзер

ТЕЛЕГРАММА ТАСС
ПРИВЕТСТВИЕ НАРОДУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

1015, Норт-Кингс-р[оу]д,
Голливуд, Калифорния,
декабрь 1941 года

С наилучшими новогодними пожеланиями героическому народу Советского Союза, который с 1917 года решительно старается избавиться от нищеты и невежества, преступно навязанных ему трутнями и кровопийцами царского режима, а с июня этого года демонстрирует миру наиболее яркое доказательство любви к свободе и жизни. Жертвуя собой (пропуск в тексте. – *Ред.*), советский народ успешно защищает все то, что им было завоевано, и это грандиозно. Весь свободолюбивый мир – после 24 лет лицемерной и грязной пропаганды проституирующей прессы капиталистических стран – получил наконец возможность восхищаться и благодарно признать ту огромную услугу, которую советский народ оказал всем угнетенным и обманутым людям земли. Я больше всего хочу, чтобы мои слова были услышаны таким великим, таким смелым и таким гуманным народом.

Теодор Драйзер

ТИМОФЕЮ РОКОТОВУ

Голливуд, Калифорния,
20 мая 1942 года

Дорогой Рокотов!

С Вашей стороны было весьма любезно телеграфировать мне в ответ на мои письма. Единственная причина моего молчания – это непрерывная занятость бесконечными делами здесь, в Америке. Мне кажется, что я написал и отправил различные материалы в "Правду", "Совьет ленд" или "Интернациональную литературу", но я должен порыться в своих записях, чтобы уста-

новить, когда и в связи с чем это было сделано.

Нет необходимости говорить Вам, что я у себя на родине сделал все, что в моих силах, для России, одна из моих книг, "Америку стоит спасать", была полностью запрещена здесь, в Южной Америке и Англии. Точно так же различные заявления, которые я подготовил и с которыми обращался к нашим предательским газетным корпорациям, полностью игнорировались. У меня есть доказательства, что мое имя занесено в черные списки. Обо мне, как и о целом ряде других людей в нашей стране, никогда не упоминают. Тем не менее я непрерывно выступаю, и мне иногда удается делать заявления по радио по тому или иному поводу.

Если бы Вы только знали, как я восхищаюсь Россией, и особенно в настоящее время. Это великая нация, искренне сплоченная вокруг действительно нового социального принципа, который, я надеюсь, восторжествует во всем мире. Размышляя о том противодействии, которое ей пришлось преодолеть, о махинациях Англии и Германии и всех финансовых и монополистических сил в мире, направленных против Вашей страны и отстаиваемых ею принципов, я невольно поражаюсь ее огромной мощи и достигнутому прогрессу. Она является единственно честной страной на земле, на чьи слова и дела можно положиться.

Учитывая бремя, которое легло на плечи всех русских в настоящее время, я глубоко тронут тем, что Вы нашли возможность написать мне, чтобы выразить сожаление по поводу моего молчания. Если бы я смог сделать что-то полезное для России в настоящее время, как был бы я счастлив.

Я хочу, чтобы Вы знали, что мною получен чек за издание у Вас моей книги. Поскольку мне известно о трудностях, выпавших на долю России, я был весьма удивлен тем, что Вы еще можете что-то выплачивать.

Учитывая все это – так или иначе, – я напишу что-нибудь достойное Вашего ко мне внимания.

Искренне
Драйзер

ДЖ. Б. ШОУ

1015, Норт-Кингс-роуд,
Голливуд, Калифорния,
10 октября 1942 года

Мой дорогой Шоу!

Спасибо за спасательный круг, который Вы бросили, казалось бы, тонущему критику старой доброй Англии. Только ведь я не тонул. Более того, думаю, что, если бы мы последовали Ва-

шему совету и позволили Вашей стране отстоять себя хотя бы раз в трудный момент, ей бы это очень пошло на пользу. Думаю, это заставило бы нас больше уважать Вашу страну. Ведь бесконечные поставки, которые мы отправляем на восток, на Вашу прекрасную родину, протягивание руки помощи и все такое — Вы ведь понимаете, к чему это может привести. Даже дети иногда начинают злиться на слишком заботливых родителей.

Уж ирландцы это должны знать хорошо.

Мне кажется, я знаком с одним ирландцем, которому это хорошо известно. Вам, несомненно, не нужно намекать, кого я имею в виду.

С неизменным уважением и любовью

Теодор Драйзер

Н. КОУЭНУ

1015, Норт-Кингс-роуд,
Голливуд, Калифорния,
22 октября 1942 года

Уважаемый м-р Коуэн!

В связи с действиями канадских властей в ответ на мои высказывания о России, Англии и Германии и отказом предоставить мне возможность выступить в здании городского совета Вы в письме от 20 октября обращаетесь ко мне с просьбой вернуть те двести двадцать пять долларов, которые вы выплатили мне, по моему требованию, для оплаты, на случай непредвиденных затрат, хотя бы расходов на дорогу. Ваша просьба кажется мне странной и необоснованной.

Проследим за событиями в городском совете, которые предшествовали моему приезду. В первый вечер моего пребывания в Торонто, после того как я известил Вашу организацию о моем приезде, кто-то из ее членов, или по крайней мере человек, назвавшийся им, пригласил меня и трех местных журналистов в какой-то ресторан — я не помню, как он назывался, — чтобы узнать, о чем я собираюсь говорить в своем выступлении 21 сентября. Как я понял, и Ваш представитель, и журналисты были весьма довольны планом моего выступления. Я намеревался говорить о переменах, происходящих в мире, о том, что благодаря науке и бескорыстным изобретателям (братьям Райт, например, или м-ру Эдисону или м-ру Бёрбанку) на смену нищете и бесправию придет всеобщее благоденствие. Но корыстолюбивые и

алчные бездельники, толстосумы и позеры, которые надувают народ и заставляют его голодать, нуждаться, жить в трущобах, варварски и по-глупому чинят препоны развитию свободной науки и изобретательства. И я тогда же ясно дал понять, что только в России, единственной из всех стран, суть такого положения была гениально понята правительством, и оно начало предпринимать усилия, чтобы исправить его. И все нападки на Россию велись теми, кто хотел сохранить нужду и нищету, чтобы горстка глупцов, подробно описанная мною, могла сойти за людей значительных, хотя на самом деле они ничего из себя не представляют. И на этом я закончил это одно-единственное необходимое пояснение. Именно поэтому мне казалось, что в каких-либо еще речах или интервью не будет необходимости, во всяком случае, до моего официального выступления.

Не иначе как по причине глубокого удовлетворения моей предполагаемой речью Ваши представители, и, уж конечно, не я, не пожелали, чтобы все сошло хорошо. Едва я вернулся в отель (названия его не помню), как мне сообщили по телефону, что мое предполагаемое выступление настолько заинтересовало всех, что комитет при городском совете решил провести более подробное или даже представительное интервью с самыми разными газетчиками. В случае моего согласия встреча состоялась бы в каком-то одном из больших номеров, как мне сказали, самого большого отеля в Канаде в 10 часов утра на следующий день, фактически через двенадцать часов после моего первого интервью. И не буду ли я столь любезен прийти и ответить на вопросы, уже затронутые в первом интервью?

"Но, – ответил я, – ведь я уже обо всем сказал. Зачем же еще одно интервью?"

"Мы пригласим больше представителей прессы, – был ответ. – Кроме того, мы намерены отложить ваше выступление на день, сделать ему рекламу и собрать большую аудиторию".

"Хорошо, – сказал я. – Сделаю так, как вы хотите, хотя, мне кажется, в этом нет большой необходимости. Но если вы настаиваете, пусть будет так".

И как Вы, должно быть, знаете, действительно, в очень большом номере я встретился с журналистами, мне показалось, их было человек десять-пятнадцать. Как и накануне, я начал излагать ту же мысль, которая содержится в этом письме, но меня вскоре прервали и попросили развить некоторые положения. И каким-то образом возник вопрос об Англии и России, союзниках на Западном фронте. Я ответил то же, что ответил бы при любых обстоятельствах. Россия – единственная надежда мира. Для будущего человечества она сделала и делает больше, чем все страны мира, вместе взятые. И если из-за невмешательства Англии, которой Америка оказала немалую помощь, из-за невмешательства ее верхушки, которая составляет всего лишь

15% населения, из-за этих титулованных снобов и толстосумов, которые надували народ Англии и народы империи, Россия будет завоевана – именно в связи с этим, и ни с чем другим, я сказал, – тогда Гитлер, этот безумец, несущий войну и смерть, войдет в Англию и сбросит в море ее правящий класс, именно его, а не обманутый и угнетенный народ Англии. Я не верю правящей верхушке ни на грош. Достаточно лишь прочитать историю этой империи за последние триста лет. Вы только взгляните на Египет, на Индию. Изучите отношения Англии и Китая. Изучите их отношения с нашей страной во время Гражданской войны. Посмотрите на жителей Гондураса, работающих на Англию за десять центов в день. Посмотрите на изгнанного принца Уэльского и узнайте, почему его изгнали. И я бы хотел задать вопрос, который уже был задан Сталиным: почему Гесс чувствует себя в безопасности в Англии, почему его не судят за преступления как приспешника Гитлера?

Но не забывайте, что обо всем этом зашла речь именно в связи с тем, что городской форум настоял на втором интервью ради рекламы и отложил мое выступление на 22-е, чтобы собрать бóльшую аудиторию. Кроме того, городской форум знал, насколько сложной была политическая ситуация в тот момент, – теперь-то и я это знаю.

Поэтому не Вы должны требовать от меня двести двадцать пять долларов, а я с таким же успехом могу требовать от Вас выплаты мне двухсот долларов. Ведь я отправился туда только потому, что Берта Коуэн в телеграмме от 19 августа сообщила мне, что Ваша организация заинтересована в выступлении о настоятельной необходимости открытия второго фронта. Между прочим, напоминаю, что мне обычно платят минимум пятьсот долларов плюс издержки. Кроме того, я работаю над романом "Оплот", который должен быть закончен к определенному сроку. Я впустую потратил месяц на эту бессмысленную поездку. И если кто-то считает, что путешествовать в такое время – сплошное удовольствие, пусть попробует сам.

В случае возражений с Вашей стороны я опубликую Ваше письмо, все телеграммы и это письмо, мой ответ Вам, и тогда посмотрим, что из этого выйдет.

Искренне ваш

Драйзер

ОТВЕТ КРАСНОАРМЕЙЦУ

1942 год

Глубоко тронут этой данью уважения; разумеется, я вполне оценил ее значение и искренне признателен. Не знаю, что еще

сказать. Это произведение принадлежит к тем прекрасным творениям искусства, которые рождает жизнь.

Мир знает, как глубоко я восхищаюсь русским народом в целом и уважаю его и все, что сделано им во имя того, чтобы жизнь человечества стала более справедливой и достойной.

Письмо, присланное мне одним из героических бойцов Советского Союза, безгранично почетно для меня.

Я благодарен Вам за это письмо и буду бережно его хранить.

Искренне Ваш

Теодор Драйзер

Г. Л. МЕНКЕНУ

Норт-Кингс-роуд,
Голливуд, Калифорния,
27 марта 1943 года

Дорогой Менкен!

Вы спрашиваете, что я конкретно думаю относительно развернувшегося в настоящее время похода во имя спасения человечества. Лично я не представляю себе, как можно спасти человечество, разве что с помощью этой удивительной Творческой силы, которая вызвала к жизни и человеческое начало, и условия его существования. Что касается меня, то я в свое время проклял жизнь и отправился на Ист-Ривер из своей каморки в Бруклине, за которую я платил полтора доллара в неделю, чтобы покончить с собой, бросившись в канал с дока. Моя гордость и ярость не позволили довести до конца задуманное. Меня спас сумасшедший лодочник, возивший помидоры из Тонауанды в Уоллэбаут-маркет в Бруклине. Он предложил мне сопровождать его на обратном пути в Тонауанду и при этом, в качестве извинительного мотива за проявленную им доброту и милосердие, признался, что "подумал, будто я собрался сбежать от своей жены" А жена моя в то время жила у своих родителей на Западе, я же, между тем, должен был вести борьбу за существование и голодать в одиночку. У молодого человека с пятнадцатью центами в кармане, а кроме того, долгом в полтора доллара в качестве недельной платы за комнату это могло вызвать лишь ироническую усмешку и, как следствие, перемену настроения, после чего я отказался ехать в Тонауанду, а на следующий день прибыл в Манхаттан-Айленд, озаренный новой идеей. Но прежде чем Вы обо всем этом узнаете, я хотел написать книгу "Литературное ученичество". Как-то я сказал вам, что

"Литературное ученичество" должно быть подобно крику.

По прошествии не более пяти лет, начиная с этого дня, я оказался в кресле главного редактора "Баттерик пабликейшнс" с солидным окладом. Мой предшественник на этом посту, после того как был уволен, покончил жизнь самоубийством. А Вы спрашиваете меня, что я думаю о развернувшемся ныне походе по спасению человечества. Мой ответ таков: я лично не знаю и не думаю, что кто-то знает, как его спасти. Оно вообще может погибнуть.

Мы видели разнообразные фазы подобного процесса. Обезумевшие богачи, с ослиным упорством цепляющиеся за свои миллионы, должны были погибнуть, как это произошло с французскими монархами, с Людовиком XIV, Людовиком XV и Людовиком XVI, а также с Карлом I в Англии. И царская система в России должна была рухнуть в 1917 году. Если есть какой-то резон для спасения человечества, то это следует делать не с помощью голода и убийства. По моему скромному разумению, нет такого существования, которое было бы хуже нашего. Я не верю ни в рабство, ни в умерщвление голодом. Если при всех достижениях современной науки, агрономии, медицины, экономики, педагогики мы не в состоянии улучшить участь простого человека, как я ее наблюдал в России в 1927 году (невзгоды, оставленные в наследие царским режимом), в Англии в 1911, 1912, 1926, 1928, 1938 годах, а также в Испании, Франции и Бельгии, – тогда, по-моему, человечеству лучше всего сойти на нет. Я исполнен к нему жалости. А она дает мне основание полагать, что нигде человеку не лучше по сравнению с тем, что я видел в разных местах, включая и отдельные районы Соединенных Штатов.

Я знаю, что Вы не верите в значение простого человека до тех пор, пока он не проникнется сознанием самоценности. А я верю в его значение, равно как и в значение собаки, червя, птицы, насекомого, любого живого, движущегося существа. Их ценность в том, что все они очень различны и интересны и для Вас, и для меня. А без этих существ что будем значить Вы, я, человечество в целом? Что? Где найдем мы интерес и обаяние жизни? И для кого? Для неспасенного человечества? Такой образ мыслей не по мне. Если я потеряю естественный, универсальный интерес ко всем проявлениям жизни, то этой ночью мне лучше принять такую дозу снотворного, после которой любая аргументация окажется уже бесполезной. Что касается Вас, Вам вольно жить, не проявляя подобного интереса, поступать так, как Вы можете, как Вы для себя выбрали. Для меня же такая позиция совершенно неприемлема.

Как Вы заметили, Менкен, я человек с пристрастиями. Я родился бедняком. Однажды в течение ноября и декабря я вообще оказался без обуви. Я видел, как моя любимая мать стра-

дала от нужды, видел на ее натруженных руках следы забот и горя. И по этой причине, несмотря ни на что, я за такую социальную систему, которая может и хочет, чтобы лучше жилось ее согражданам, тем, кто пусть робко, но стремится помочь себе, но кого тем не менее сокрушает с помощью надувательства банда самодовольных тупиц. А последние убеждены, что деньги – вне зависимости от того, каким путем они добыты, – дающие им привилегию приобретать все, что им заблагорассудится, возвышает этих людей надо всеми прочими в условиях данной социальной системы, позволяющей им путем надувательства отнимать у других те самые деньги, которые так их возносят. Честное слово! Ради Христа, попробуйте выразиться более конкретно!

Что касается коммунистической системы – такой, какой я видел ее в 1927–1928 годах в России, – то я за нее совершенно открыто. Как и Хьюлетт, архиепископ Кентерберийский, написавший замечательную книгу об Англии и России, я видел ее фабрики, ее шахты, ее элеваторы, встречался с комиссарами, по крайней мере с десятью из них обсуждал стоящие перед страной проблемы.

В их руках находились судьба и будущее благоденствие почти 180 миллионов человек, в том числе миллионов буддистов, магометан и бог знает кого еще. Я никогда в жизни не встречал более образованных, благородно мыслящих, добрых и мужественных мужчин и женщин. По моим скромным предположениям, в нашей стране немногие смогут сравниться с ними. В итоге я проникся глубоким уважением и по-прежнему питаю его к великому народу, который, насколько я мог наблюдать, желает, чтобы человечество развивалось на новой основе, о которой оно никогда не знало ранее, чтобы люди не умирали от голода и не превращались в рабов. И ту любовь, которую я почувствовал к ним тогда, то страстное восхищение, которое родилось во мне и сохранилось по сей день, я испытываю также по отношению к их писателям, художникам, музыкантам – с тех самых пор, как я познакомился с их изумительными шедеврами. Если Вы желаете узнать мою оценку, назовите мне хотя бы одного Чехова, Достоевского, Толстого, Мусоргского во всей истории американского искусства с того времени, как оно стало выразителем американской действительности, и я умолкну в почтительном восхищении – но я не знаю равных им.

Что же касается доктора, профессора Менкена, то для меня он, конечно же, sui generis. Не было ни в нашей, ни в какой-либо другой стране кого-то, кто бы мог с ним сравниться! И боюсь, не будет в ближайшем времени. Он, как мне кажется, потерял веру во что-либо, сохранив лишь убеждение в ничтожестве всего земного. Это вольтерьянский подход к жизни, и он вызывает у меня улыбку. Несмотря на нелепые ошибки и ирониче-

ские умозаключения, я люблю и всегда буду его любить – таков окончательный приговор вышеназванного Драйзера.

Дорогой друг, не забывайте, что я помню о том, как, подобно руке судьбы, Вы вошли в мою жизнь в то самое время, когда с литературной точки зрения я шел ко дну, а Вы ввязались в битву, защищая меня. Денно и нощно. Удар! Еще удар! И в конце концов Вы победили, заставив целое сонмище литературных рептилий ретироваться. И даже если Вы, дорогой профессор, решили потащить меня вправо или влево, как Вы это привыкли делать, я все равно буду Вас любить до последнего смертного часа. Только не ссылайтесь на судьбу Эдгара Аллана По в связи с моей забытой могилой. Вы слышите меня? Или я оживу и врежу Вам. Да еще как!

С любовью и поцелуями.

P. S. Что касается американских коммунистов, то среди них встречались и встречаются немало политиканов, хитрецов и попутчиков, которые надеются нагреть руки, примкнув к движению. Они никогда меня не интересовали, и я не реагировал на их маневры и лесть. Я находился и нахожусь в прямых контактах с Советским правительством, с его министерством иностранных дел, с его послом в США, его консулами и т. д. Я часто писал для газеты "Правда" и отвечал на телеграммы, которые мне непосредственно направлялись.

P. P. S. Если Вас интересуют мои общественные воззрения, почему бы Вам не прочесть мою книгу "Америку стоит спасать?". Там они представлены в полной мере.

ЛУИЗЕ КЭМПБЕЛЛ

1015, Норт-Кингс-роуд,
Голливуд 46, [Калифорния],
12 декабря 1943 года

Дорогая Луиза!

Пребываете ли Вы в добром здравии? По разным причинам, но главное потому, что я очень дорожу Вами, я все время думал о Вас эти последние недели. Как Ваши дела? Что до меня, то состояние мое мучительно. Когда я думаю о войне и моей любви к России и ненависти к нашей жестокой капиталистической системе, я то впадаю в депрессию, то бушую от гнева. Читали ли Вы когда-нибудь "Шестьдесят семейств" или хотя бы отдельные от-

рывки из этой книги? Там дана убийственная картина жадности, эгоистичности, парадности, надувательства и потрясающей расточительности. От всего этого тошнит. И эта публика вопит о жадности рабочих и ужасной стране России. Я уже охрип без конца говорить на эту тему, и, между прочим, теперь время от времени против меня грозятся начать судебное расследование. Дайс как-то направил ко мне своего человека, чтобы взять у меня интервью и при возможности получить для ФБР какие-нибудь доказательства. Само собой разумеется, я высказался на этот счет в своей лучшей – или худшей – манере и думаю, он был рад удалиться как можно скорее. Я попросил его передать мистеру Дайсу просьбу: позвонить мне перед заседанием комитета. Никто так и не позвонил.

У меня все по-прежнему. Только что продал в "Ридерс дайджест" очерк о женщине, работающей на военном заводе. Возможно, он заинтересует вас. "Эсквайр" заказал мне серию очерков, их шесть, которые будут называться либо "Недостойные люди", либо "Бее-бее-черная овечка" Я не собираюсь критиковать в них мораль, это скорее будут дружеские и по возможности занимательные рассказы о людях, которые никогда не были и не смогут быть конформистами. В одном из них я собирался изобразить своего брата Рома, умершего несколько лет тому назад. Он был неподражаем! В связи с этим я подумал, нет ли у Вас на примете такого характера, мужчины или женщины, о котором Вы могли бы написать и который бы подошел для этих очерков. Очерк не должен превышать две тысячи слов. К сожалению, это должно быть подписано моим именем. Мне предложили триста долларов, я договорюсь, чтобы Вам из этой суммы выплатили сто. Мне также придется сохранить за собой право на их издание. У меня такое чувство, что я читал одну или две подобные зарисовки, сделанные Вами; любую из них можно взять без всяких изменений. Вы всегда описывали кого-нибудь устно или на бумаге. Нравится ли Вам моя идея?

Здесь все как прежде. Я продал право на экранизацию "Сестры Керри" два года назад, но фильм так и не был снят, боюсь, никогда и не будет. Конец Герствуда слишком мрачен. Я также продал компании "Уэст Фокс" "Гэл Сэл" Полный успех, хотя мне и мало заплатили. Работаю сейчас изо всех сил. Мне не очень-то нравится Лос-Анджелес, хотя зимой он лучше Нью-Йорка. Летом он все же не так хорош. И ужасно не хочется стареть. Как всегда, с любовью.

Д.

Кстати, дайте мне названия нескольких улиц в центре города между Броуд-стрит и Делавер-ривер к северу от Рынка. Я хочу поселить своего героя в том районе в приличную меблированную комнату, которая будет недалеко от Броуд-стрит-стейшн.

ДЖЕЙМСУ Т. ФАРРЕЛУ

1015, Норт-Кингс-роуд,
Голливуд 46, Калифорния,
20 января 1944 года

Дорогой Фаррел!

Только что закончил читать Вашу статью, в которой Вы даете новую оценку Достоевскому, его "Братьям Карамазовым", "Преступлению и наказанию", а также духовному миру и социальным взглядам этого писателя в целом. Это глубокая и убедительная работа, в которой дано самое полное толкование Достоевского, какое я когда-либо читал. Для меня Достоевский, как и его мировоззрение в целом, – великолепное воплощение русского характера. Одну его книгу я ценю особенно высоко, это "Идиот" Хорошо бы сделать из этого романа пьесу. "Бедные люди" произвели на меня очень сильное впечатление в двадцатилетнем возрасте. Не сомневаюсь, что и сейчас я испытал бы те же чувства.

Спасибо, что прислали мне свои статьи. Обязательно сделайте из них книгу. Вы истинный и выдающийся критик, один из немногих. Пришлите мне еще что-нибудь из своих блестящих работ.

С уважением и наилучшими пожеланиями

Теодор Драйзер

ПОЛЮ РОБСОНУ

1015, Норт-Кингс-роуд,
Голливуд 46, Калифорния,
15 февраля 1945 года

Дорогой Робсон!

Телеграфировал Вам вчера вечером, полагая, что Вы в городе. Я послал телеграмму, потому что хотел узнать, согласитесь ли Вы дать интервью лично мне. Вы широко известны как выдающийся прогрессивный деятель, глубоко обеспокоенный судьбой негритянского народа, и меня давно интересует, какова конкретно Ваша программа действий и что Вы лично намерены предпринять.

Я не раз думал обратиться к Вам с просьбой дать мне интервью по этому вопросу. Как Вы знаете, меня тоже беспокоило положение негров, и я делал все что мог для негритянского народа. И мне вновь и вновь приходит мысль, что Ваше высказывание на этот счет в интервью могло бы принести большую пользу не только Вашему народу, но и всем народам мира.

Время от времени издатели обращались ко мне с просьбой взять интервью у выдающихся людей, и я соглашался, не задумываясь ни на минуту, если видел, что это принесет пользу делу социального прогресса. Меня никто не просил брать интервью у Вас. Это моя собственная идея. Я обращаюсь к Вам с подобным предложением, так как действительно думаю, что это принесет огромную пользу.

Если Вы разделяете мое мнение, дайте мне знать. Интервью займет два, самое большее три часа, в любое удобное для Вас время. Оно пройдет в форме вопросов-ответов и будет застенографировано.

Мой телефон – Глэдстоун, 2876

С наилучшими пожеланиями

Искренне

Драйзер

П. ЧАГИНУ

1015 Н[орт]-Кингс-р[оу]д,
Голливуд, 46, Калиф[орния],
11 июня 1945 года

Уважаемый г-н Чагин!

Я только что закончил роман под названием "Оплот". Он будет опубликован в Нью-Йорке осенью нынешнего 1945 года. Это история семьи квакеров в трех поколениях. Я хотел бы знать: не заинтересует ли Вас его издание в России?

К весне 1946 года у меня также будет готов к изданию роман "Стоик" – так я назвал третий том "Трилогии желания". Первый том – "Финансист", второй – "Титан". Третий – "Стоик". Помимо любовной истории, в нем есть также и осуждение определенного уровня капиталистической пирамиды и т. д., и т. д. Я подумал, возможно, Вас заинтересует полное издание трилогии. Я буду его издавать именно в составе трилогии.

Если Вы захотите рассмотреть вопрос об издании "Оплота" или "Стоика" (или, скорее, "Трилогии желания") в России, мы

можем заключить договор. Я хотел бы, чтобы в договор в качестве особого условия был вписан пункт о выплате мне ежегодно гонорара за выходящие на русском языке мои книги – и желательно в одно время.

Буду рад получить от Вас ответ.

С наилучшими пожеланиями

Искренне

Теодор Драйзер

ПИСЬМО У. З. ФОСТЕРУ

Голливуд, Калифорния,
20 июля 1945 года

Дорогой мистер Фостер!

Я обращаюсь к Вам с настоящим письмом, чтобы заявить о своем желании стать членом американской коммунистической организации.

Эта просьба диктуется моими убеждениями, которых я давно придерживался и которые с годами укреплялись и углублялись. Я горячо верил в простых людей, и прежде всего американских рабочих и других трудящихся во всем мире, считая их хозяевами своей судьбы и творцами своего будущего. Я стремился жить с этой верой, выражал ее устами своих персонажей, показывал, как она воплощается в судьбах мужчин и женщин.

Мне кажется, что вера в народ – это ясная и подлинная реальность, которая подверглась испытаниям и доказала свою истинность в обстановке нынешнего всемирного кризиса. Фашизм растоптал эту веру, поправ человеческие права и достоинство, он стремился отнять у людей веру в себя, чтобы превратить их в рабов и обречь на деградацию.

Но преданные идеям демократии народы мира продемонстрировали, какая мощь заключена в их единстве. Исключительная роль в достижении нашей победы принадлежит Советскому Союзу, стране, которая в силу своей социалистической природы явила высочайшие в истории свершения, осуществленные свободным народом, верящим в себя и во все прогрессивное человечество. Сотрудничество нашей страны с великим Советским Союзом – один из прекрасных плодов совместной борьбы, и ослабление этого сотрудничества может представить серьезную опасность для Америки.

Коммунисты во всем мире внесли свой жизненно важный вклад в укрепление единения народов, которое обеспечило раз-

гром фашизма. Они раньше и решительнее всех выступали с осуждением агрессии, развязанной против Китая, Эфиопии и Испании.

Доктор Норман Бетьюн, этот выдающийся человек, пионер в деле спасения раненых с помощью переливания крови, погиб в Китае, помогая свободолюбивому народу противостоять японским агрессорам задолго до того, как демократические страны пришли на помощь Китаю. Умирая, он просил обнародовать, что многие годы был коммунистом.

В истерзанной Европе коммунисты взяли на себя руководство движением Сопротивления против террора и террористического режима военной оккупации... В Соединенных Штатах, как мне известно, коммунисты содействовали углублению нашего понимания того, какое значение заключено в американском демократическом наследии, являющемся руководством к действию в современных условиях. Все те годы, пока фашизм готовился осуществить свой план мирового господства, американские коммунисты стремились сплотить американский народ на антифашистской платформе. Они предвидели опасность и предлагали средства ей противостоять. Марксистская теория позволила им пролить ясный свет на подлинные экономические и социальные причины фашизма. Она давала также научное обоснование воли рабочего класса как той исторической силы, которая способна мобилизовать интеллектуальный потенциал, мощь и героизм, чтобы сокрушить фашизм, спасти человечество и повести борьбу во имя дальнейшего прогресса.

Более 11 тысяч коммунистов приняли участие в войне в рядах вооруженных сил нашей страны. При этом они проявили доблесть и патриотизм, что подтверждается высшим армейским руководством.

В нашей стране получает все большее признание мнение, что именно коммунисты являются наиболее сознательной и наиболее активной частью народа и что его единство и демократические принципы будут серьезно ослаблены, если коммунисты будут исключены из политической жизни. Символично в этом смысле распоряжение военного министерства, осудившего дискриминацию против коммунистов при назначении на офицерские должности. В заявлении, подписанном группой видных американцев, говорится, что "армия укрепила свои ряды, в частности, благодаря подвигам коммунистов и людей, близких к коммунистам, тех, кто удостоен награды за проявленное мужество, и тех, кто пал в бою".

Мне представляется, что все это должно способствовать решительному ниспровержению одной из идеологических догм, почерпнутых из фашистского арсенала, которая оказывает пагубное влияние на политическую жизнь и отравляет интеллектуальную атмосферу. Это абсурдный жупел красной опасности,

слепой и опасный предрассудок, используемый против того, что ложно или истинно квалифицируется как коммунизм. Уступки антикоммунизму имеют разрушительные последствия в сфере науки, искусства и культуры. Если наша научная и творческая интеллигенция намерена выполнить свой долг по отношению к подлинно демократической культуре, она должна отрешиться от мелких страхов и иллюзий, которые препятствуют свободной дискуссии на серьезной основе. Насущные задачи нашей эпохи требуют того, чтобы мы в полной мере овладели знаниями, накопленными человечеством, и использовали их.

Поэтому я с особым удовлетворением встретил сообщение о вступлении в партию коммунистов таких выдающихся ученых, как французский физик Жолио Кюри и французский математик Ланжевен, а также английский исследователь Холдейн, который сделал подобный шаг несколько лет тому назад. В этом проявились не только бескорыстие и увлеченность, характерные для тех, кто ведет поиск, но и соединение научного подхода в избранной ими области с научным подходом к общественным проблемам.

Меня глубоко взволновала весть о том, что в ряды коммунистического движения вступили преданные делу народа писатель Луи Арагон во Франции и художник Пабло Пикассо в Испании, его членами являются также видные деятели в сфере культуры – великий датский романист Мартин Андерсен Нексе и ирландский драматург Шон О'Кейси.

История, которая вершилась на моих глазах в последние годы, укрепила во мне убеждение, что расширение рядов коммунистического движения в значительной мере укрепит позиции американского народа, а вместе с тем и всех антифашистских сил, приведет к окончательному искоренению нацизма и достижению новых высот всемирной демократии, экономического прогресса и свободной культуры. Вера в величие и достоинство Человека всегда составляла для меня руководящий принцип деятельности писательского труда. Логика моей жизни и моего творчества побуждает просить о принятии меня в ряды Коммунистической партии.

Искренне

Теодор Драйзер

НАЦИОНАЛЬНОМУ СОЮЗУ МОРЯКОВ В САН-ПЕДРО

Голливуд, Калифорния,
1 декабря 1945 года

Ваша мужественная забастовка показывает всему миру, что трудовой народ является подлинной совестью Америки. Она по-

казывает всю трудность судьбы американских солдат, находящихся на чужбине ради того, чтобы наши патриотические судовладельческие компании могли у себя на родине извлекать побольше прибылей. Она подчеркивает всю драматичность этого факта также потому, что американские суда используются в настоящее время для транспортировки военного снаряжения Чан Кайши, британским и датским империалистам. Это военное снаряжение предназначено для подавления подвластных им народов, которые приняли за чистую монету обещанные им четыре свободы. Вы ведете борьбу против третьей мировой войны, и миллионы американцев твердо вас поддерживают.

Теодор Драйзер

КОММЕНТАРИЙ

Сборник включает материалы, опубликованные в следующих изданиях:

1. Драйзер. Собр. соч.: В 12 т. М., ГИХЛ, 1954. Т. 11. 622 с. 1955. Т. 12. 414 с.

2. "Изображать характер и дух действительности..." (из переписки Т. Драйзера 1916–1945 гг.) // Вопросы литературы. 1963. № 5. С. 183–200.

3. О Толстом. Из книги "Заря" // Литературное наследство. 1965. Т. 75 (Толстой и зарубежный мир). Кн. 1. С. 148–149.

4. Письма Т. Драйзера С. С. Динамову и Б. Иллешу. Из рукописного отдела ИМЛИ // Филологические науки. 1966. № 4. С. 155–161.

5. Письма Т. Драйзера И. Анисимову // Вопросы литературы. 1973. № 6. С. 193–199.

6. Письма Т. Драйзера советским корреспондентам // Вопросы литературы. 1987. № 11. С. 258–271.

7. Dreiser Looks at Russia. – N. Y.: H. Liveright, 1928. – 264 p.

8. Letters of Theodore Dreiser. Vol. 1–3. A Selection. Ed. by R. H. Elias. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1959. – 1067 p.

9. Dreiser Th. A Selection of Uncollected Prose. Ed. by Donald Pizer. – Detroit: Wayne State Univ. Press, 1977. – 340 p.

Далее эти издания указаны сокращенно (по году публикации). Сведения, содержащиеся в "Советском энциклопедическом словаре" (изд. 2-е), в настоящем издании не комментируются.

СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ, РЕЧИ

Возвращение гения

Впервые опубликовано в газ.: "Daily Globe" (Chicago), Oct. 23, 1892, p. 4, подписано "Карл Драйзер". На русск. яз. печатается впервые, перевод по 1977 г., p. 33–35.

Бальзак

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 2 (May 1896), p. 12, подписано "Edward Al". На русск. яз. печатается впервые, перевод и название по 1977 г., p. 59.

К с. 29

...перевод с французского на английский всех романов Оноре де Бальзака. – Речь идет о филадельфийском 53-томном издании 1895–1900 гг.

"Алый знак доблести" Стивена Крейна

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 2 (May 1896), p. 11–12, подписано "Edward Al". На русск. яз. печатается впервые. Перевод и название по 1977 г., p. 57–58.

К с. 30

...Он никогда не был свидетелем описываемого. – Один из первых американских реалистических романов о Гражданской войне "Алый знак доблести, эпизод из времен Гражданской войны" (1895) был написан американским прозаиком и поэтом Стивеном Крейном (1871–1900) в 1893 г. под влиянием Л. Н. Толстого и при отсутствии непосредственного военного опыта у самого автора.

Самосохранение и сострадание

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 2 (May 1896), p. 4–5, без заглавия в рубрике "Размышления", подписано "Пророк". На русск. яз. печатается впервые, перевод и название по 1977 г., p. 64–65.

Прегрешения американской прессы

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 2 (May 1896), p. 2–3, без заглавия в рубрике "Размышления", подписано "Пророк". На русск. яз. печатается впервые, перевод и название по 1977 г., p. 51–52.

Журналистика и писатель

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 2 (June 1896), p. 22, без заглавия в рубрике "Книжный дождь", подписано "Edward Al". На русск. яз. печатается впервые, перевод по 1977 г., p. 73.

К с. 35

Баннер, Генри Кайлер (1855–1896) – американский писатель, автор юмористических рассказов, а также импрессионистических очерков о жизни Нью-Йорка.

Два типа людей

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 2 (June 1896), p. 2–3, без заглавия в рубрике "Размышления", подписано "Пророк". На русск. яз. печатается впервые, перевод и название по 1977 г., p. 60–61.

К с. 35

...перед нами сильный человек... – парафраза начальной строки из третьей части стихотворения У. Уитмена "О теле электрическом я пою" (цикл "Дети Адама" в "Листьях травы", 1860): "Я знал одного фермера, отца пятерых сыновей..." (перевод М. Зенкевича).

Декадентская школа

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 2 (June 1896), p. 5, без заглавия в рубрике "Размышления", подписано "Пророк". На русск. яз. печатается впервые, перевод и название по 1977 г., p. 66–67.

К с. 36

В прошлом году... толковали об особенностях... рисунков Обри Бердслея. – Статья Драйзера написана в связи с шумным скандалом вокруг дела Уайлда–Дугласа 1895 г., возбудившего особый интерес к книжным иллюстрациям Обри Бердслея (1872–1898), который наиболее емко воплотил дух английского декаданса в своих иллюстрациях к "Саломее" (1894) О. Уайлда, а также символистском альманахе "Желтая книга" (1894–1897).

К с. 37

Гибсон, Чарлз Дана (1867–1944) – американский художник, иллюстратор, прославился в 1890-х гг. своими рисунками, запечатлевшими, по признанию современников, особый тип американской женственности.

Дюмурье, Джордж Луис (1834–1896) – английский писатель, автор романа "Трилби" (1894), а также художник, иллюстратор, плакатист.

Шере, Жюль (1836–1932) – французский художник и график, мастер плаката.

Бредли, Уилл Х. (1868–?) – американский плакатист, книжный график, стал известен после чикагских художественных выставок 1893–1894 гг.

К с. 38

Гарленд, Хэмлин (1860–1940) – американский прозаик-реалист, в 1890-е гг. получивший известность полуимпрессионистическими рассказами, а также двумя романами на "женскую" тему: "Маленький Норск" (1892), "Роза из Датчерс-Кули" (1895).

Проблемные романы

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 2 (July 1896), p. 24, без заглавия в рубрике "Книжный дождь", подписано "Edward Al". На русск. яз. печатается впервые, перевод по 1977 г., p. 78–80.

К с. 38

"Одиннадцатая заповедь" (1896) – популярный роман английского писателя Хэллиуэлла Сатклиффа (1870–1932).

К с. 39

Лиз, Мэри (1853–?) – известный популистский (см. комм. к с. 209) оратор своего времени.

...что написано о любви у более суровых... наставников. – Драйзер открыл для себя философию Г. Спенсера, Д. Хьюма, а также труды биолога-дарвиниста Т. Г. Хаксли (Гексли) в Питсбурге в 1894 г., работая репортером в газете "Диспэтч"; в "Воспоминаниях газетчика" он писал: "До тех пор, пока я не познакомился с Хаксли, в моем сознании еще теснились разрозненные обрывки католицизма: вера в реальное существование Христа, в достоверность его социального и нравственного учения... Но, прочтя вначале Хаксли (то была "Наука и иудаистская традиция" и "Наука и христианская традиция") и... обратившись затем к "Основным началам", где человек был уже представлен не "венцом творения", а скорее как "несбалансированное уравнение", то есть крошечным сгустком энергии, находящимся в полной зависимости от огромных безличных сил, я почувствовал, как почва уходит у меня из-под ног и все мои прежние представления (либо, напротив, заблуждения) касательно жизни рассыпаются в прах".

К с. 40

"Идеала жизненный этюд" (1888), *"Небесные близнецы"* (1893) – романы английской писательницы Сары Гранд (настоящее имя – Франсес Макфолл, 1855–1943), известной феминистской деятельницы.

Сила и борьба за существование

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 2 (August 1896), p. 6–7, без заглавия в рубрике "Размышления", подписано "Пророк". На русск. яз. печатается впервые, перевод и название по 1977 г., p. 83–84.

К с. 40

Макгаффи, Эрнест (1861–1937) – американский поэт, к моменту написания статьи Драйзера автор сборников "Стихи о войнах и оружии" (1892), "Стихотворения" (1895).

Нью-Йоркская городская трагедия

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 2 (August 1896), p. 6, без заглавия в рубрике "Размышления", подписано "Пророк". На русск. яз. печатается впервые, перевод и название по 1977 г., p. 82–83.

Чтение для самообразования

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 2 (Sept. 1896), p. 4, без заглавия в рубрике "Размышления", подписано "Пророк". На русск. яз. печатается впервые, перевод и название по 1977 г., p. 86–88.

К с. 44

"Диалоги кукол" (1894), *"Желтый Астер"* (1894) – романы английского прозаика Энтони Хоупа (настоящее имя – Хокинс, Энтони Хоуп, 1863–1933) и английской писательницы Кэтлин М. Кэффин (настоящее имя – Меннингтон, Кэтлин, ум. в 1926), печатавшейся в 1885–1913 гг.

...ранней истории человечества. – Здесь говорится о труде английского историка и специалиста по античности Джорджа Роулинсона (1812–1902) "Семь великих царств Древнего Ближнего Востока" (1862–1876).

...как это описал Грот. – Речь идет о 8-томной "Истории Греции" (1846–1856) английского историка и политика Джорджа Грота (1794–1871).

...историю Средних веков, изложенную Халламом. – Речь идет о труде "Взгляд на европейские государства в эпоху средневековья" (1818) английского историка Генри Халлама (1777–1859).

Фруд, Джеймс Энтони (1818–1894) – английский историк, автор трудов "Англия в Ирландии" (1872–1874), "История Англии от падения Уолси до гибели испанской Армады" (1856–1870) и др.

Борьба за существование

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 4 (May 1897), p. 21, напечатано без названия и без подписи. На русск. яз. публикуется впервые, перевод и название по 1977 г., p. 62–63.

Трест

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 3 (March 1897), p. 2–3, без заглавия в рубрике "Размышления", подписано "Пророк". На русск. яз. печатается впервые, перевод и заглавие по 1977 г., p. 112–113.

Упадок американского театра

Впервые опубликовано в журн.: "Ev'ry Month", 3 (Jan. 1897), p. 5–6, без заглавия в рубрике "Размышления", подписано "Пророк". На русск. яз. печатается впервые, перевод и заглавие по 1977 г., p. 100–103.

К с. 49

... титанах драматического искусства... – Джуниус Брутус Бут (1796–1852) – американский актер, основатель актерской династии Бутов, трагик, прославившийся исполнением шекспировских ролей; *Лоренс Баррет* (1838–1891) – американский актер, исполнитель трагикомических ролей; *Генри Джон Уоллек* (1790–1870) – американский актер, основатель актерской династии Уоллеков; *Джордж Лансинг Реймонд* (1839–1929) – популярный американский драматург, писатель; *Аллессандро Сальвини* (1861–1896) – американский актер, прославившийся в роли д'Артаньяна в пьесе "Три мушкетера".

...В нем работали Джефферсон... – Имеются в виду Джозеф Джефферсон (1829–1905), популярный американский комик, прославившийся исполнением роли Рип Ван Винкля в одноименной пьесе; Уильям Джермин Флоренс (1831–1891), популярный американский актер, известный исполнением заглавной роли в пьесе Б. Вулфа "Всемогущество доллара"; американский актер Эдуард Эскью Сазерн (1826–1881); Бартли Кэмпбелл (1843–1888), американский драматург, автор популярных мелодрам.

...утратили ореол... актерские индивидуальности. – Речь идет о Генри Ирвинге (1838–1905), английском актере, многократно гастролировавшем в США, исполнителе ролей Гамлета, Яго, Шейлока и др.; Ричарде Мэнсфилде (1857–1907), американском актере, одном из наиболее значительных романтических трагиков конца XIX в.; Херберте Бейербоме Три (1853–1917), американском актере и режиссере, известном интерпретаторе Шекспира; Уокере Уайтсайде (1869–1942), американском актере, популярном исполнителе шекспировского репертуара.

К с. 50

Паркхерст, Чарлз Генри (1842–1933) – американский писатель, религиозный деятель.

Сперджен, Чарлз Хаддон (1834–1892) – знаменитый английский проповедник-баптист.

Иоганна Амброзиус – псевдоним немецкой поэтессы Иоганны Фойгт (1854–1938).

Талмедж, Т/омас/ де Витт (1832–1902) – один из самых известных проповедников пресвитерианской церкви в США в 1860-е гг.

Суинг, Дейвид (1830–1894) – американский священник, в 1870-е гг. активный деятель американской пресвитерианской церкви.

Шерман, Джон (1823–1900) – американский государственный деятель, республиканец, в 1897 г. госсекретарь США при президентстве У. Маккинли.

Рид, Томас Брэккет (1839–1902) – американский государственный деятель, республиканец, в 1889–1891 гг. спикер в палате представителей.

Карлайл, Джон Гриффин (1835–1910) – американский государственный деятель, демократ, в 1883–1889 гг. спикер в палате представителей.

Чейз, Уильям Меррит (1849–1916) – американский живописец.

Макмонниз, Фредерик Чарлз (1863–1937) – американский скульптор, художник.

Уистлер, Джеймс Аббот Макнил (1834–1903) – американский живописец, с 1855 г. живший в Европе; один из первых импрессионистов в живописи.

...Дорога скорби, и только она... – цитата (строки 9–10) из стихотворения "Послание печальной даме во Францию" английского поэта-сентименталиста Уильяма Каупера (1731–1800).

Подлинный Хоуэллс

Впервые опубликовано в журн.: "Ainslee's Magazine", 5 (March 1900), p. 137–142. На русск. яз. печатается впервые. Перевод по 1977 г., p. 141–146.

К с. 51

Хоуэллс, Уильям Дин (1837–1920) – американский прозаик, один из первых реалистов в литературе США, автор бытописательно-психологических романов, с 1880-х гг. находился под влиянием Л. Н. Толстого.

...умел как-то исподволь... – цитата из статьи ("A Dialogue Between William Dean Howells and Hjalmar Hjorth Boyesen" – McClure's 1, June 1893, p. 3–11) американского прозаика, норвежца по происхождению, Ялмара Йорта Бойсена (1848–1895), на творчество которого значительное воздействие оказали произведения Хоуэллса 1890-х гг.

К с. 53

Лэнг, Эндрю (1844–1912) – английский поэт, переводчик, антрополог; Драйзер ссылается на том переводов Лэнга из античной поэзии – "Гомеровы гимны" (1899).

К с. 55

"Путешественник из Альтрурии" (1894) – утопический роман У. Д. Хоуэллса, написанный под воздействием нравственного учения Л. Н. Толстого, а также реформистской программы Г. Джорджа.

..."И вот я пришел..." – цитата из сборника литературно-критических статей Хоуэллса "Мои литературные страсти" (My Literary Passions. N. Y., 1895, p. 250–251).

Подлинное искусство говорит простым языком

Впервые опубликовано в журн.: "Booklovers Magazine", 1 (Feb. 1903), p. 129. На русск. яз. печатается впервые, перевод по 1977 г., p. 155–156.

Одиночество в больших городах

Впервые опубликовано в журн.: "Tom Watson's Magazine", 2 (Oct. 1905), p. 474–475. На русск. яз. печатается впервые, перевод по 1977 г., p. 157– 158.

Питсбург

Впервые опубликовано в журн.: "Bohemian" (N. Y.), Dec. (1909), p. 712–714, напечатано без подписи. На русск. яз. публикуется впервые, перевод по 1977 г., p. 171–174.

Человек на тротуаре

Впервые опубликовано в журн.: "Bohemian", 17, Oct. (1909), p. 422–423, в рубрике "На кончике пера", не подписано. На русск. яз. печатается впервые, перевод по 1977 г., p. 165–167.

Символ веры

Написано Драйзером в июле 1911 – марте 1914, впервые по авторской рукописи опубликовано в 1977 г., p. 181–183.

Жизнь, искусство и Америка

Впервые опубликовано в журн.: "Seven Arts", 1 (Feb. 1917), p. 363–389. Перевод печатается по первой русской публикации с уточнениями – 1954 г., с. 395–412.

К с. 67

Суинтон, Уильям (1833–1892) – американский журналист, писатель, историк, автор популярных сочинений на историческую тему.

...а вовсе не своим кодексом... – Имеется в виду Гражданский кодекс Франции, созданный при участии Наполеона и утвержденный 21 марта 1804 г.; защищал интересы крупной буржуазии.

К с. 70

...тут "много и шума и страстей, а смысла нет". – Здесь обыгрываются известные строки из шекспировского "Макбета": "Жизнь – это только тень, комедиант, паясничавший полчаса на сцене и тут же позабытый; это повесть, которую пересказал дурак: в ней много слов и страсти, нет лишь смысла" (V, сцена 4, перевод Ю. Корнеева).

К с. 76

...пуритан, высадившихся на Плимут-Рок. – Речь идет о месте в Плимутской гавани в штате Массачусетс, где 21 декабря 1620 г. высадились паломники-пуритане, прибывшие в Новый Свет из Англии на корабле "Мейфлауэр".

К с. 80

...шекспировского ткача Основы. – Речь идет о шекспировской комедии "Сон в летнюю ночь" (1595).

...прихвостень Комсток вместе со всей своей братией. – Имя Энтони Комстока (1844–1915) стало в США нарицательным для обозначения всякой фанатической деятельности по искоренению порока, в 1873–1915 гг. он – секретарь нью-йоркского общества по искоренению порока.

...Оберон, Душистый Горошек, Паутинка, Горчичное Зернышко – персонажи комедии "Сон в летнюю ночь" Шекспира; также традиционные образы английского фольклора, олицетворяющие добрые силы природы; здесь – простой американский народ.

...Он недоволен миром, исполняющим роль Пирама... – В III акте шекспировской комедии Основа исполняет роль Пирама в разыгрываемой афинскими ремесленниками трагической истории любви Пирама и Фисбы из "Метаморфоз" Овидия.

...Айва, Миляга, Дудка, Рыло и Заморыш – афинские ремесленники, персонажи комедии "Сон в летнюю ночь", принимающие вместе с Основой участие в розыгрыше сюжета из Овидия; здесь – первые поселенцы, причалившие к берегам Нового Света.

К с. 83

...Или, может быть, Джеймса? – Имеется в виду Уильям Джеймс (1842–1910), американский философ, психолог, один из основателей философского прагматизма, брат писателя Г. Джеймса.

Брийе, Эжен (1858–1932) – французский драматург натуралистической ориентации, работавший в жанре "драмы идей".

...после Бута. – Имеется в виду Эдвин Томас Бут (1833–1893), американский актер, который так же, как и его отец Дж. Бут, достиг наибольшего успеха исполнением шекспировских ролей; пик творческой деятельности Бута пришелся на 1869–1874 гг.

Коклен, Бенуа Констан (старший) (1841–1909) – выдающийся французский актер, в 1886–1900 гг. трижды гастролировал в США (в 1900 – вместе с С. Бернар).

Зоннеталь, Адольф фон (1834–1909) – австрийский актер, прославившийся исполнением ролей в драмах Лессинга и Шиллера; в 1885, 1899, 1902 гг. с громадным успехом гастролировал в США.

Форбс-Робертсон, Джон (1853–1937) – английский актер, известен своим исполнением роли Гамлета, участием в "Пелеасе и Мелисанде" Метерлинка.

Иннес, Джордж (1825–1894) – американский художник, мастер романтического пейзажа.

Сарджент, Джон Самнер (1856–1925) – американский живописец, график, мастер импрессионистическо-психологических и парадных портретов, а также акварельных пейзажей.

...А двое из них навсегда покинули наши берега. – Имеется в виду отъезд из США Уистлера (см. комм. к с. 50), а также Сарджента, который с середины 1880-х гг. жил в Европе, бывая в Америке только наездами.

К с. 85

...Наконец мы сподобились даже иметь президента... – Имеется в виду Томас Вудро Вилсон (1856–1924), президент США (1913–1921) от демократической партии; в январе–июне 1919 г. глава американской делегации на Версальской мирной конференции; американская буржуазная печать называла его "миротворцем".

К с. 87

Аллен, Джеймс Лейн (1849–1925) – американский романист, автор популярных в США на рубеже веков произведений, затрагивавших проблему пола.

Бёрнетт, Френсис (Элиза) Ходжсон (1849–1924) – американская писательница, автор книг для детей, пьес; прославилась романом "Маленький лорд Фаунтлерой" (1886).

...фрейдовского "Леонардо". – Речь идет о психоаналитическом "портрете" З. Фрейда (1856–1939) "Леонардо да Винчи: психоаналитическое изучение детского воспоминания" (1916).

...Роман Пшибышевского... – Имеется в виду трехтомный роман "Homo Sapiens" (1895–1898) польского неоромантика Станислава Пшибышевского (1868–1927).

...Та же судьба постигла... – Имеются в виду роман "Сафо" (1884) французского писателя Альфонса Доде; роман "Джуд Незаметный" (1895) английского писателя Т. Гарди; роман "Роза из Датчерс-Кули" (1895) американского прозаика Х. Гарленда; роман "Высокочтимая леди" (1896) американской писательницы Ф. Х. Бёрнетт; роман "Лето в Аркадии" (1896) американского писателя Дж. Л. Аллена.

Крафт-Эббинг, Рихард (1840–1902) – австрийский психиатр, первым собравший и обобщивший значительный фактический материал о половой психопатологии.

Эллис, Генри Хейвлок (1859–1939) – английский ученый, писатель; автор прогремевших в свое время книг по проблемам пола.

Идеалы, мораль и газета

Впервые опубликовано в кн.: Dreiser Th. Hey-rub-a-dub-dub. A Book of the Mystery and Wonder and Terror of Life. N. Y., 1920, p. 152–156. Перевод печатается по первому русскому изданию – 1954 г., с. 461–465.

Из "Книги о себе"

Впервые опубликовано: A Book about Myself. N. Y., 1922 (Ch. 1: p. 1–8; Ch. 12: p. 64–68). Перевод двух глав (1, 12) дается по первому русскому изданию с некоторыми уточнениями: "Интернациональная литература", 1935, № 2–12.

К с. 92

Филд, Юджин (1850–1895) – популярный американский журналист, поэт, переводчик, с 1883 г. редактор юмористической рубрики "Диезы и бемоли" в газете "Чикаго дейли ньюс".

К с. 93

...предполагалось открыть Всемирную выставку. – Имеется в виду Всемирная выставка в Чикаго (1 мая – 30 октября 1893 г.).

...Гансаулус, Фрэнк Уэйкли (1856–1921) – американский религиозный деятель.

К с. 98

...В ней работали лучшие журналисты... – Речь идет о Мелвилле Элиа Стоуне (1848–1929) – американском журналисте, издательском деятеле; Викторе Фремонте Лоусоне (1850–1925) – американском издателе и журналисте, в 1888 г. приобретшем вечернюю газету "Чикаго ньюс"; Джозефе Медилле (1823–1899) – американском журналисте и издателе, в 1874–1899 гг. владельце газеты "Чикаго трибюн"; Джордже Эде (1866–1944) – американском драматурге, юмористе, с 1890 г. сотрудничавшем в чикагской газете "Морнинг ньюс"; Финли Питере Данне (1867–1936) – американском журналисте, юмористе, в 1897–1900 гг. редакторе "Чикаго джорнел"; Брэнде Уитлоке (1869–1934) – американском журналисте, прозаике, дипломате, в начале XX в. одном из известных деятелей движения "разгребателей грязи".

К с. 101

...на запад или в Африку (как Стэнли). – Имеется в виду американский журналист Генри Мортон Стэнли (1841–1904), который в 1869 г. был отправлен нью-йоркской газетой "Херальд" в Африку на поиски пропавшего без вести шотландского миссионера и путешественника Дейвида Ливингстона (1813–1873); в 1871 г. Ливингстон был найден, что было отражено в книге Стэнли "Я нашел Ливингстона" (1872).

К с. 103

...печать хогартовского бесстыдства. – Имеется в виду сатирическая

графика английского живописца Уильяма Хогарта (1697–1764), разоблачающая пороки аристократии (серия "Карьера проститутки", 1730–1731; "Карьера мота", 1732–1735 и др.).

Художник слова в Америке

Выступление Драйзера на симпозиуме, организованном журналом "Нейшн", на котором видные американские писатели отвечали на вопрос: возможна ли свобода творчества в США?

Впервые опубликовано в журн.: "Nation", 120 (April 15, 1925), p. 423–425. На русском языке печатается впервые, перевод по 1977 г., p. 233–240.

К с. 105

...рыцари Колумба. – Речь идет о благотворительной католической организации, основанной в 1882 г. в Нью-Хейвене.

...клубы ротарианцев. – Имеются в виду обеденные клубы преимущественно для бизнесменов, первый из которых был открыт в 1905 г. в Чикаго.

...кивани-клубы – сеть обеденных клубов для бизнесменов, основанных в 1915 г.

К с. 106

...несмотря на активность мистера Брайана. – Уильям Дженнингс Брайан (1860–1925) – американский государственный деятель, в 1920-е гг. считался воплощением консерватизма, поскольку выступил общественным обвинителем на так называемом обезьяньем процессе в Дейтоне (штат Теннесси), где школьный учитель был привлечен к судебной ответственности за преподавание на уроках биологии дарвиновского учения (как противоречащего картине сотворения мира по ветхозаветной Книге Бытия).

К с. 107

Сент-Годенс, Огастес (1848–1907) – один из наиболее известных американских скульпторов на рубеже веков.

К с. 109

...переехали жить за границу. – Американский писатель Генри Джеймс (1843–1916) в 1876 г. переехал в Англию на постоянное место жительства, а в 1915 в знак своего пацифизма принял английское подданство; американский художник Джеймс Эббот Уистлер (1834–1903) в 1855 г. покинул США и с 1863 г. жил в Англии; американский писатель, автор многих произведений о японской жизни, Лафкадио Хирн (1850–1904) с 1893 г. поселился в Японии; американский прозаик Фрэнсис Брет Гарт (1836–1902) с 1878 жил преимущественно в Лондоне.

О Толстом

Впервые опубликовано в газ.: "San-Francisco Californian", Sept. 29, 1928. Печатается по изд.: "Литературное наследство", 1965, т. 75 (Толстой и зарубежный мир), кн. 1, с. 148.

Новый гуманизм

Впервые опубликовано в журн.: "Thinker", 2 (July 1930), p. 8–12, написано Драйзером в связи с выходом кн.: Humanism and America. Ed. by N. Forster (1930). На русск. яз. впервые в 1954, с. 495–499. Новый перевод выполнен по 1977 г., p. 259–262.

К с. 111

Ирвинг Бэббит вместо... Шоу и Генри Л. Менкена. – Ирвинг Бэббит (1865–1933) – один из лидеров движения "нового гуманизма" в США, эстетического направления мысли, возникшего в 1900-е гг.; Бэббит, являясь профессором французской литературы в Гарварде (1894–1933), в своих сочинениях "Новый Лаокоон" (1910), "Руссо и романтизм" (1919) выступал против романтизма и натурализма в культуре и утверждал классическую образцовость литературы, основанную на традиционных эстетических и религиозных ценностях; главным противником "новых гуманистов" являлся критик Г. Менкен (1880–1956), ратовавший за беспощадное изобличение американского традиционализма и пуританской морали; Менкен был одним из пропагандистов в США творчества Б. Шоу, ранние пьесы которого часто вызывали общественный скандал (в частности, были запрещены в католической Ирландии), и в 1905 г. выпустил о нем книгу "Джордж Бернард Шоу и его пьесы".

К с. 112

...в Лондоне представители двенадцати держав... – Речь идет о лондонской морской конференции 1930 г.

...как их... окрестил мистер Хэзлит. – Имеется в виду статья "Гуманистическое, слишком гуманистическое" американского писателя и журналиста Генри Хэзлита (1894–?), напечатанная 12 февраля 1930 г. в журнале "Нейшн".

...У нас появился... – Речь идет о романах "Мактиг" (1899), "Вандовер и зверь" (1914) Ф. Норриса (см. комм. к с. 197); двухтомном романе "Сьюзен Ленокс, ее падение и возвышение" (1917) американского прозаика Дейвида Грэхема Филиппса (1867–1911); книге рассказов "Уайнсбург, Огайо" (1919) американского прозаика Шервуда Андерсона (1876– 1941); поэтической книге "Антология Спун-Ривер" (1915) американского поэта Эдгара Ли Мастерса (1868–1950); романе "Манхэттен" (1925) американского прозаика Джона Дос Пассоса (1896–1970); романах "Главная улица" (1920), "Бэббит" (1922) С. Льюиса.

...и другие серьезные книги... – Речь идет о романе "Откат" (1923) американского писателя и медика Генри Кингдона Маркса (1883–1942); романе "Весенний полет" (1925) – единственном произведении американского писателя Ли Дж. Смитса; романе "Отбросы общества" (1928) американского писателя и киносценариста Лестера Коэна (1901–1963); романе "Разнообразие" (1928) американского прозаика Маккинли Кантора (1904–1977); романе "Мисс Лулу Бетт" (1920) американской писательницы Зоны Гейл (1874–1938); публицистической книге "Ночлежка Суини" (1927) – единственном произведении американского писателя Эда Суини, к которому Драйзер написал предисловие; романе "Некто" (1915) – единственном произведении американского писателя Роберта Стила (р. 1880); романе "Нефть!" (1927) Э. Синклера; романе "Черный апрель" (1927) американской писательницы Джулии М. Петеркин (1880–

1961); романе "Посевы" (1923) – единственном произведении американской писательницы Эдит Самнерс Келли.

Страна прогресса и подвига

Впервые опубликовано: "Правда", 1931, 7 ноября, является ответом Драйзера на анкету об источниках побед в хозяйственном строительстве СССР, переводчик не указан. Печатается по 1954 г., с. 513–514.

Преступность и ее корни

Статья является главой из книги "Трагическая Америка". Впервые опубликовано: Dreiser Th. Tragic America. N. Y., 1931, p. 297–311. На русск. яз. впервые в 1954 г., с. 310–326.

К с. 117

...в Харлане – см. комм. к с. 205.

...к нью-йоркской городской тюрьме, прозванной "Гробницей". – Тюрьма построена в "египетском" стиле, характерном для периода так называемого "египетского Возрождения" в американской архитектуре XIX в.

Великий американский роман

Впервые опубликовано в журн.: "American Spectator", 1 (1932, Dec.), p. 1–2. На русск. яз. впервые в журн. "Интернациональная литература", 1933, № 2, с. 112–115. Перевод с некоторыми уточнениями по 1954 г., с. 549–556.

К с. 129

"Дрэд" (1856) – роман Гарриет Бичер-Стоу.

К с. 130

Грант, Роберт (1852–1940) – американский прозаик, поэт; критик Ван Вик Брукс назвал роман Гранта "Семейство Чиппендейл" (1909) одним из лучших американских бытописательных произведений о жизни Бостона в начале XX в.

"Их свадебное путешествие" (1872) – первый, во многом автобиографический, роман У. Д. Хоуэллса.

"Возвышение Сайлеса Лафэма" (1885) – один из наиболее известных романов Хоуэллса.

К с. 131

"Сказание о Еве" (1901) – роман американского писателя и журналиста Уилла Пейна (1865–1954), в 1890–1896 гг. сотрудничавшего в газете "Чикаго дейли ньюс".

"Проклятие Терона Уэра" (1896) – роман антиклерикальной направленности американского прозаика и журналиста Хэролда Фредерика (1856–1898).

"13-й округ" (1902) – роман об американской политической коррупции Б. Уитлока (см. комм. к с. 98).

К с. 132

...вереница псевдореалистических героев. – Речь идет об американском журналисте, прозаике и драматурге Ричарде Хардинге Дейвисе (1864–1916), в сборниках рассказов которого ("Ван Биббер и другие", 1892; "Эпизоды из жизни Ван Биббера", 1899) центральный персонаж наделен тонким чувством юмора и помогает своим друзьям выпутаться из самых затруднительных обстоятельств; американском художнике, прозаике, поэте Роберте Уильяме Чемберсе (1865–1933), авторе рассказов "ужасов", исторических романов, детективов (в частности "Король в желтом", 1895); Джеймсе Гиббоне Хьюнекере (1860–1921), американском писателе, журналисте, музыкальном критике.

Форд, Пол Лейчестер (1865–1902) – американский прозаик, историк, наиболее известен его роман "Неподкупный Питер Стерлинг и что о нем думают" (1894), в центральном герое которого современники усматривали сходство с президентом США (1885–1889, 1893–1897) Г. Кливлендом (1837–1908).

Херрик, Роберт (1868–1938) – американский прозаик, наиболее известен его роман "Владелец гостиницы" (1908) – о развращающем воздействии капитала на "среднего" человека.

Таркингтон, Бут (1869–1946) – американский прозаик, драматург, автор более чем 40 романов, многие из которых посвящены подросткам.

Комфорт, Уилл Левингтон (1878–1932) – американский журналист, прозаик, наиболее известен роман "Роутледж отправляется в одиночку" (1910).

Ховард, Джордж Бронсон (1884–1922) – американский журналист, прозаик, драматург; наиболее известен его роман "Человек Божий" (1915) – о деятельности нью-йоркского магистрата.

К с. 133

Трейн, Артур (1875–1945) – американский адвокат, писатель, автор популярных рассказов о находчивом адвокате Татте.

Фергюссон, Харвей (р. 1890) – американский прозаик, киносценарист, автор произведений о жизни Юго-Востока США ("Горячая суббота", 1926, "Рио-Гранде", 1933).

Хергесхаймер, Джозеф (1880–1954) – американский прозаик, наибольший успех имели его исторические романы 1914–1924 гг. ("Три черных пенни", 1911, "Светлая шаль", 1922).

Адамс, Сэмюел Хопкинс (1871–1958) – американский журналист, писатель, историк.

...Будучи погребена в Америке издателем Фрэнком Даблдеем. – В 1900 г. нью-йоркское издательство "Даблдей, Пейдж и К°" по рекомендации своего рецензента Ф. Норриса подписало с Драйзером контракт на публикацию "Сестры Керри" в отсутствие главного редактора Фрэнка Даблдея; прочитав рукопись, Даблдей пришел в ужас из-за ее "аморальности"; после отказа Драйзера расторгнуть контракт издательство напечатало 1000 дешевых экземпляров романа и положило их на склад; рецензии газет, куда Норрис выслал несколько драйзеровских произведений, были отрицательными; только в 1907 г. роман был вновь издан в США и получил признание.

...когда... Менкен и Натан возглавили критический отдел "Смарт сэт". – Речь идет о Джордже Джине Натане (1882–1958), американском театральном и литературном критике, ближайшем соратнике Г. Л. Менкена (см. комм. к с. 111); с 1908 г. Менкен стал редактором книжного обозрения журнала "Смарт сэт", а Натан с 1909 – театрального; в 1914–1923 гг. оба критика являлись соредакторами и владельцами "Смарт сэт".

К с. 134

...настоящих и никем не воспетых реалистов. – Речь идет о следующих произведениях: романах "Джунгли" (1906), "Испытания любви" (1911) Э. Синклера; сборниках рассказов "Сардоники" (1909), "Графика" (1913) американского писателя и критика Харриса Мертона Лайона (1883–1916); романе "Гордая леди" (1923) американской писательницы Нит Бойс Хэпгуд (1872–1951); романе "Предопределенные" (1910) американского прозаика Стивена Уитмена (р. 1880); романе "Некто" (1915) – единственном произведении американского писателя Роберта Стила; романе "Джоанна Тэрсдей" (1913) американского прозаика Луиса Джозефа Вэнса (1879–1933); романе "Мир человека" (1912) американского прозаика Альберта Эдуордса (псевдоним Артура Булларда, 1879–1929); романе "Моя Антония" (1918) американской писательницы Уиллы Кэсер (1873–1947); романе "Тесный дом" (1921) американской писательницы Эвелин Скотт (р. 1893); публицистической книге "Злодеяния благотворительности" (1917) американского прозаика и драматурга Конрада Берковичи (1882–1961); публицистической книге "Отверженные фабриканты" (1909) американского журналиста Чарлза Форта (1874–1932), собиравшего сведения о научно необъяснимых происшествиях; романе "К востоку от водокачки" (1923) американского прозаика Гомера Кроя (1883–1965); романе "Чудак" (1926) американского писателя и журналиста Флойда Делла (1887–1969); романе "Восхождение Дейвида Левинского" (1917) американского писателя Абрахама Кахана (1860–1951); книге "Ляжки, пузо и челюсть" (1923) американского писателя Сэмюеля Орнитца (1890–1957); романе "Сила отлива" (1923) американского писателя и физика Генри Кингдона Маркса (1883–1942); романе "Плач матери" (1930) американской писательницы Элен Грейс Карлайл (р. 1898); романе "Порджи" (1925) американского прозаика и драматурга Дю Боз Хейуорда (1885–1940).

К с. 135

"Преступления Джерда Флэгга" (1920) – роман американского писателя Джерда Флэгга (1857–1926) о злоупотреблениях нью-йоркских полицейских.

Обращение к художнику

На русск. яз. впервые: "Интернациональная литература", 1933, № 6, с. 113–115. Печатается по 1954 г., с. 563–569.

Внешность и сущность

Впервые опубликовано в журн.: "American Spectator", 1, (Feb.1933), p. 4. На русск. яз. печатается впервые, перевод по 1977 г., р. 282–285.

К с. 141

Борн, Рэндолф (1886–1918) – американский публицист, критик демократической ориентации, вместе с Г. Менкеном и Ван Вик Бруксом выступал против неогуманизма (см. комм. к с. 111).

К с. 142

"Каникулы уроженца Индианы" (1916) – книга путевых заметок Драйзера о путешествии по родному штату.

Я обнаруживаю подлинную американскую трагедию

Впервые опубликовано в журн.: "Mystery Magazine", XI (Feb. 1935), p. 9–11, 88–90; (March 1935), p. 22–23, 77–79; (April 1935), p. 24–26, 90–92; (May 1935), p. 22–24, 83–86; (June 1935), p. 20–21, 68–73. На русск. яз. печатается впервые, перевод по 1977 г., p. 291–299.

Два Марка Твена

Впервые опубликовано в журн.: "English Journal" (Chicago), 1935, Oct., p. 615–627. На русск. яз. впервые в "Интернациональной литературе", 1935, № 11, с. 3–10. Перевод с некоторыми уточнениями печатается по 1954 г., с. 581–595.

К с. 153

Лёб, Жак (1859–1924) – американский биолог, с 1910 г. руководитель отделения физиологии мозга в Рокфеллеровском институте в Нью-Йорке; выведен в лице Эрроусмита в одноименном романе (1925) С. Льюиса.

...остался... остроумным биографом... – Речь идет о твеновских книгах "Пустоголовый Вильсон" (1894), "Американский претендент" (1892).

"Таинственный незнакомец", "Что такое человек" – рассказы Твена, написанные в 1898 г., опубликованные посмертно в 1916 г.

...Пейн... Грей... Хэй – Альберт Биглоу Пейн (1861–1937), американский писатель, критик, автор книг о Твене; Дейвид Грей (1870–1968), американский журналист, редактор; Джон Хэй (1838–1905), американский государственный деятель, писатель, автор книг об А. Линкольне.

...и других. – Имеются в виду Билл Най (псевдоним Эдгара Вилсона Ная, 1850–1896) – американский юморист, мастер каламбура; Петролеум В. Нэсби (псевдоним Дейвида Росса Локка, 1833–1888) – американский юморист и сатирик, в произведениях которого выведен образ пастора-южанина, невежи и хвастуна; Джош Биллинс (псевдоним Генри Уилера Шоу, 1818–1885) – американский юморист, мастер шуточных афоризмов, обыгрывающих простонародное произношение.

К с. 154

"Путешествие капитана Стормфилда на небо" (1868) – рассказ М. Твена, опубликованный в 1909 г.

К с. 157

...не только Милликены, но и Гельдены и даже Джулианы Хаксли. –

Здесь Драйзером дается обобщенный образ мира науки: Милликен, Роберт Эндрюс (1868–1953) – американский физик, открывший космическое излучение; Гельден, Джон Бёрден (1892–1964) – английский биолог, генетик; Хаксли, Джулиан Соррел (1887–?) – английский биолог, писатель.

...общество "Надзор и опека". – Здесь обыгрывается название ранней повести Г. Джеймса "Надзор и опека" (1871) и имеется в виду общественная организация "комстоковского" (см. комм. к с. 80) типа.

К с. 158

...не удалось прочитать "Дневник" Пэписа. – Имеется в виду "Дневник" Сэмюела Пипса (1633–1703), ведшийся в Лондоне в 1660–1669 гг. молодым человеком, крупным чиновником адмиралтейства во времена реставрации Стюартов.

Уорнер, Чарлз Дадли (1829–1900) – американский журналист и прозаик, совместно с М. Твеном написал свой первый роман "Позолоченный век" (1873).

Олдрич, Томас Бейли (1836–1907) – американский поэт, критик, публицист, в 1881–1890 гг. редактор консервативного бостонского журнала "Атлантик мансли".

...очаровательной спутницей-актрисой – речь идет о Марии Федоровне Андреевой (1868–1953), русской актрисе, общественном деятеле, гражданской жене А. М. Горького, в начале 1906 г. посетившей США и ряд европейских стран для сбора средств на революционную деятельность.

К с. 159

...американская бубуазия – неологизм, введенный Г. Л. Менкеном для обозначения американского мещанства (от слов "boob", болван, и англ. "буржуазия").

...выступил против "Хижины дяди Тома". – По мнению Драйзера, Твен в "Приключениях Гекльберри Финна" полемизирует с Г. Бичер-Стоу, которая в своем романе, выступая против самой сути рабовладения, вместе с тем по-христиански стремится примирить рабов и рабовладельцев.

"Закаленные" (1872) – книга М. Твена, в которой юмористически описывается путешествие, начатое в Сент-Луисе, продолженное в Неваде и окончившееся на Сандвичевых островах.

К с. 160

...историю удач и неудач семьи полковника Селлера. – Речь идет о центральном персонаже романа М. Твена "Позолоченный век" (1873).

К с. 161

...кумиры современной ему Америки. – Речь идет об Артемусе Уорде (псевдоним Чарлза Фаррара Брауна, 1834–1867), знаменитом американском юмористе, обыгрывавшем неправильное произношение выходцев из "глубинки".

Кейбл, Джордж Вашингтон (1844–1925) – американский писатель-южанин, автор исторических произведений (в частности, "Грандиссимы", 1880).

Гей, Джон (Милтон) (1838–1905) – американский государственный деятель, писатель, один из секретарей А. Линкольна и автор его 10-томной биографии (1890).

К с. 162

...Хоуэллс в своей книге приветствует Твена. – Имеется в виду книга "Мой Марк Твен" (1910).

...безумной роскоши "четырехсот семейств" – нарицательное обозначение самых богатых людей США; считается, что когда в 1892 г. вдова нью-йоркского магната Уильяма Астора устроила у себя прием, то устроители были вынуждены ограничить число приглашенных четырьмя сотнями самых влиятельных людей города – больше не вмещала приемная зала.

К с. 163

Роджерс, Уильям Аллен (1854–1931) – американский карикатурист, иллюстратор, писатель.

Ленгдон. – Имеется в виду респектабельная семья жены Твена Оливии Ленгдон.

Горький будил мысль

Впервые опубликовано: "Известия", 1936, 21 июня. Печатается по 1955 г., с. 259.

Четыре инсценировки "Дела Клайда Гриффитса"

Впервые опубликовано в газ.: "N. Y. Times", 1936, 8/III, Sect. 9, p. 1–2. На русск. яз. впервые в "Интернациональной литературе", 1936, № 6, с. 173–174. Перевод печатается по 1955 г., с. 260–263.

К с. 165

...в первой инсценировке. – Речь идет о постановке пьесы по мотивам романа "Американская трагедия" (1925), осуществленной в 1926 г. американским режиссером Патриком Кирнеем.

Пискатор, Эрвин (1893–1966) – выдающийся немецкий режиссер, один из первых теоретиков политического театра; постановка пьесы "Дело Клайда Гриффитса" была осуществлена им, по-видимому, в 1927–1932 гг. в "Театре Пискатора".

К с. 167

...в Советском Союзе... – Речь идет о пьесе Н. Базилевского "Закон Ликурга", поставленной в 1934 г. в Московском рабочем художественном театре.

Да здравствует свободная Испания!

Впервые опубликовано в журн.: "New Masses", 1936, Aug. 18, p. 11. На русск. яз. под названием "За новую жизнь!" впервые напечатано в "Литературной газете", 1936 г., 15 сент. Перевод печатается по 1955 г., с. 264.

Благодарю Маркса и красную Россию

Впервые опубликовано в "Известиях", 1937 г., 7 ноября. Печатается по 1955 г., с. 273–275.

Уроки, преподанные мне старым человеком

Впервые опубликовано в журн.: "Your Life", 2 (Jan. 1938), p. 6–10. На русск. яз. печатается впервые, перевод по 1977 г., p. 300–304.

Поездка в воюющую Испанию

Очерк печатается по 1955 г., с. 285–293, и является переводом с немецкого (журн. "Ost und West" (B), 1947 Juli, S. 40–46).

Память о нем священна

Впервые – в "Интернациональной литературе", 1939, № 1, с. 21. Печатается по 1955 г., с. 294.

Обращение к трудящимся Франции

На русск. яз. впервые в "Литературном обозрении", 1939, № 6, с. 32–34. Печатается по 1955 г., с. 295.

Заря на Востоке

Впервые опубликовано в "Правде", 1939, 26 октября. Печатается по 1955 г., с. 296–299.

К с. 184

...Отсюда войны... – Имеются в виду австро-прусская война 1866 г., франко-прусская война 1870–1871 гг., приведшие к созданию Германской империи под началом милитаристской Пруссии.

Ленин

Впервые опубликовано в "Интернациональной литературе", 1940, № 3–4, с. 11. Печатается по 1955 г., с. 307–308.

Приветствие Советскому Союзу по поводу двадцать третьей годовщины его существования.

Впервые опубликовано в газ.: "Daily Worker", 1940, Now. 7, p. 1,6. На русск. яз. впервые в "Интернациональной литературе", 1941 г., № 3, с. 188–189. Печатается по 1955 г., с. 346–347.

Я очень многим обязан ему

Впервые опубликовано в газ.: "Daily Worker", 1941, March 18. На русск. яз. впервые в 1955 г., с. 353–354, откуда и перепечатывается перевод.

К с. 187

Кулидж, Калвин (1872–1933) – президент США (1923–1929) от республиканской партии; на время правления Кулиджа приходится кратковременная стабилизация американской экономики (эра так называемого "великого процветания"), сменившаяся затем "великой депрессией" 1929–1933 гг., которая пришлась на президентство (1929–1933) республиканца Герберта Кларка Гувера (1874–1964).

Народы следуют примеру русских

На русск. яз. впервые в "Известиях", 1945, 4 января. Перевод печатается по 1955 г., с. 364.

Приветствие Советскому Союзу

Впервые опубликовано в "Интернациональной литературе", 1942, № 6, с. 147. Перевод по 1955 г., с. 367.

Русские наступают

Впервые опубликовано в журн.: "Soviet Russia Today", 1944, July, p. 9. На русск. яз. впервые в 1955 г., с. 368–370, откуда и перепечатывается перевод.

К с. 190

...наши крупные финансисты-реакционеры. – Речь идет о Роберте Рутерфорде Маккормике (1880–1955), американском капиталисте, в 1914–1955 владельце газеты "Чикаго трибюн", яром республиканце, противнике "нового курса" правительства Ф. Д. Рузвельта; Генри Форде (1863–1947), крупнейшем американском промышленнике, с 1910 – сторонниках изоляционизма во внешней политике США; Уильяме Рэндолфе Херсте (1863–1951), американском капиталисте, "короле" прессы.

Дайс – по-видимому, Мартин Дайс (1900–1972), американский политик, государственный деятель, по инициативе которого в мае 1938 г. была создана комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности.

ИНТЕРВЬЮ, РЕЧИ

Познакомьтесь с писателем Теодором Драйзером

Впервые под заглавием "Познакомьтесь с писателем Теодором Драйзером, автором истории о бесчисленных Дженни Герхардт" опубликовано в журн. "Leader" (Cleveland), Nov. 12, 1911, Cosmopolitan section, p. 5, автор интервью не указан. На русск. яз. печатается впервые, перевод по 1977 г., р. 184–186.

К с. 192

...в нем получает дальнейшее развитие философия случайности. – Имеется в виду художественное осмысление Драйзером понятия эволюции у Г. Спенсера, которое английский позитивист сводил к непрерывному перераспределению телесных частиц и их движения, направленного к "равновесию", обусловленного "случайным" (непознаваемым) накоплением и рассеянием жизненной энергии; в романе "Сестра Керри" (1901) движение к успеху Керри неумолимо компенсируется падением Герствуда, а точкой "перемены мест" следует считать сцену, когда случайно захлопнувшаяся дверка сейфа заставляет управляющего баром, захватив деньги, бежать со своей возлюбленной.

К с. 193

...пятая книга "Основных начал". – Имеются в виду "Основы этики" (1879–1893), пятый по счету крупный труд Герберта Спенсера (1820–1903) в серии задуманных им книг.

Мур, Джордж (1852–1933) – английский прозаик, драматург, создавший несколько произведений на "женскую тему": "Эстер Уотерс" (1894), "Эвелин Иннес" (1898) и др.

"В краю лесов" (1887) – трехтомный роман Томаса Гарди (1840–1928).

"Сыпучие пески" (1900) – роман американского поэта и прозаика Хервея Уайта (1866–1944).

Беседа с Теодором Драйзером

Впервые опубликовано в журн.: "N. Y. Times Review of Books", June 23, 1912, p. 377–378, автор беседы – М. Д. Джоунз. На русск. яз. печатается впервые, перевод по 1977 г., р. 192–195.

К с. 194

...книгой, посвященной его заграничным путешествиям. – Имеется в виду книга очерков Драйзера "Путешественник в сорок лет" (1913), написанная по следам путешествия в Англию, Францию и Германию в октябре–ноябре 1911 г.

Фрик, Генри Клей (1849–1919) – американский стальной магнат.

К с. 195

...в течение восьми лет трудился в газетах Чикаго. – Драйзер допустил неточность, поскольку работал репортером в Чикаго 5–6 месяцев, начиная с апреля 1892 г.

"Эв'ри манс" – в этом нью-йоркском журнале Драйзер работал редактором в 1895–1897 гг.

"Смитс мэгэзин"... – В 1905–1906 гг. Драйзер работал редактором в развлекательных нью-йоркских журналах "Смитс мэгэзин", "Бродвей мэгэзин"; в июне 1907 г. поступил на службу в крупное журнальное объединение "Баттерик пабликейшнс", а с июня 1907 по октябрь 1909 г. являлся редактором журнала "Дилиниейтор".

...я приступил к написанию "Дженни". – Работу над романом "Дженни Герхардт" (1911) Драйзер начал осенью 1901 г.

К с. 196

...Я проштудировал... труды, относящиеся к сфере финансов. – Имеется в виду книга американского биржевика и писателя Томаса Уильяма Лоусона "Финансовая лихорадка" (1903), а также исследование американского журналиста Генри Морроу Хайда "Пираты: история черного флага бизнеса" (1904).

К с. 197

"Мактиг" (1899) – натуралистический роман американского писателя Фрэнка Норриса (1870–1902) о пагубной страсти к золоту, оборачивающейся преступлением и роковой гибелью.

"За процессией" (1895) – социально-психологический роман американского прозаика Генри Блейка Фуллера (1857–1929) о последствиях нежелания трех детей состоятельного чикагского бизнесмена следовать буржуазному стилю жизни ("процессии") своих родителей.

Обращение к теме больших денег

Впервые опубликовано в газете: "Sun" (N. Y.), Oct. 19, 1912, pt. 2, p. 3, без подписи. На русск. яз. публикуется впервые, перевод по 1977 г., p. 196–199.

К с. 198

...являются тому примерами. – Речь идет о Генри Г. Роджерсе (1840–1909) – американском нефтяном магнате; Джее Гулде (1836–1892) – американском финансисте, железнодорожном магнате; Уильяме Генри Вандербилте (1821–1885), железнодорожном магнате, сыне миллионера Корнелиуса Вандербилта; Эдварде Генри Гарримане (1848–1909) – американском железнодорожном магнате; Расселе Сейдже (1816–1906) – американском финансисте, биржевике, железнодорожном магнате; названные Драйзером магнаты являются воплощением финансового авантюризма эпохи "позолоченного века" 1860–1870-х гг.

К с. 200

Армор, Филип Дэнфорт (1832–1901) – американский мясной магнат, который ввел в широкое использование склады и вагоны-холодильники; атмосфера арморовского производства воплощена в романе Э. Синклера "Джунгли" (1906).

...в целом около года. – Драйзер работал над романом "Финансист" с октября 1911 по октябрь 1912 г.

Дру, Дэниел (1797–1879) – американский магнат, в 1873 г. обанк-

ротившийся в результате жестокой конкурентной борьбы; стал нарицательным образом для обозначения финансовых махинаций на железной дороге.

Кук, Джей (1821–1905) – американский банкир, был назван современниками "магнатом" за самые крупномасштабные по меркам последней трети XIX в. денежные операции.

...охватывающая период с 1873 года... – Имеется в виду биржевая паника 1873 г., первая, по сути дела, "великая депрессия" в США, возникшая в результате безудержных махинаций и инфляции эры "позолоченного века".

...между 1847 и 1873 годами. – Нижним рубежом указанной здесь эпохи следует считать американо-мексиканскую войну 1846–1848 гг., результаты которой наложили глубокий отпечаток на последующее развитие США. Поглотив Луизиану, Флориду, более половины Мексики и Орегона, США стали самым крупным континентальным государством.

О писателях и литературе

Впервые опубликовано: "Правда", 1934, 5 июня; беседа с Драйзером проводилась корреспондентом "Правды" Моисеем Ольгиным (1878–1939; псевдоним писателя и публициста М. Н. Новомейского, принимавшего в 1920–1930-е гг. активное участие в коммунистическом движении в США). Печатается по 1954 г., с. 574–577.

К с. 202

Арлен, Майкл (1895–1956) – английский прозаик, драматург, в 1920-е гг. наибольшей известностью пользовался его роман "Зеленая шляпка" (1924).

К с. 203

...он фаталист и реакционер. – В 1920-е гг. в публицистической деятельности Г. Л. Менкена происходит сдвиг вправо, и он становится одним из идеологов американского консерватизма (в частности, "Заметки о демократии", 1926).

...под... влиянием компартии написаны... – Речь идет о пьесе "Табачная дорога" (поставл. 1933, опубл. 1934), написанной по мотивам одноименного романа (1932) Э. Колдуэлла американским драматургом Джеком Кирклендом (р. 1901); пьесе "Им нельзя умереть" (1934) – о деле в Скотсборо (см. комм. к с. 296) американского драматурга Джона Уэксли (р. 1907); антивоенной пьесе "Мир на земле" (1933), написанной американским писателем Альбертом Мальцем (1908–1984) и американским драматургом, сценаристом Джорджем Скляром (р. 1908); пьесе о забастовке портовых рабочих "Грузчик" (1934), написанной Дж. Скляром и прогрессивным американским драматургом Полом Питерсом.

...он высоко отзывается о Фолкнере, Конрое, Роллинсе... – Имеются в виду американский писатель и историк Харолд Андервуд Фолкнер (р. 1896); американский прозаик, автор пролетарских романов Джек Конрой (р. 1899); американский пролетарский писатель Уильям Роллинс (р. 1897); американский писатель, активный деятель коммунистического движения в США Михаэл Голд (псевдоним Ирвина Гранича, 1893–1967).

Беседа с французским журналистом

На русск. яз. впервые под названием: "У Теодора Драйзера. У Джона Дос Пассоса" – "Литературная газета", 1936, 10 окт. Перевод по 1955 г., с. 265–268.

К с. 205

...во время стачки углекопов отправился в Кентукки. – Имеется в виду участие Т. Драйзера в деятельности комиссии по расследованию бедственного положения шахтеров; в 1932 г. материалы расследования вышли отдельной книгой ("Говорят горняки Харлана") с предисловием Драйзера (с. 3–16).

Речь, произнесенная в Париже

Речь, произнесенная Драйзером в Париже в июне 1938 г. на Чрезвычайной международной конференции деятелей культуры в защиту мира, была впервые опубликована в документах конференции 25 июля 1938 г. Печатается по 1955 г., с. 276–282.

К с. 209

...популисты Канзаса. – Речь идет об американской реформистской политической партии (1891–1904), учитывавшей интересы фермерства Запада США и выступавшей за правительственный контроль над железными дорогами, 8-часовой рабочий день, гарантированную государственную пенсию и т. д.

Брайан, Уильям Дженнингс (см. также комм. к с. 106) – один из видных деятелей демократической партии, включавший в свою политическую платформу ряд требований популистов; прославился своей речью в Чикаго на съезде демократической партии в 1896 г., посвященной свободной чеканке серебряных денег.

"Некий богач" (1909) – роман американского писателя Уильяма Аллена Уайта (1868–1944) о трагедии канзасского магната, торговавшего некачественной мукой и проведшего в свой родной город водопровод с непригодной для питья водой.

К с. 210

...был объявлен анархистом и повешен человек... – Имеются в виду события 4 мая 1886 г. на Хеймаркетской площади в Чикаго: во время рабочей демонстрации неизвестный бросил в полицейских бомбу, после чего по демонстрантам был открыт огонь; в результате последующего показательного разбирательства 4 участника событий были повешены.

...расстрел рабочих сталелитейного завода. – Речь идет о событиях 6 июля 1892 г. в Гомстеде (штат Пенсильвания) на заводе Карнеги.

...выразители мнения народа. – Имеются в виду Юджин Виктор Дебс (1855–1926), выдающийся деятель рабочего движения США; Эмма Голдман (1869–1940), американская анархистка, деятельница феминистского движения; Иоганн Мост (1846–1906), деятель германского рабочего движения, эмигрировавший в 1882 г. в США, где вел преимущественно анархистскую пропаганду.

"Прогресс и бедность" (1879) – сочинение американского экономи-

ста и писателя Генри Джорджа (1839–1897), предлагающее реформистский рецепт искоренения бедности посредством гибкого земельного налога.

"Взгляд в прошлое: 2000–1887" (1888) – утопический роман американского писателя и общественного деятеля Эдварда Беллами (1850–1898) о молодом бостонце, впавшем в летаргический сон в 1887 г. и проснувшемся через 113 лет.

К с. 211

"Табачная дорога" – инсценировка одноименного романа (1932) Э. Колдуэлла американским режиссером Джеком Кирклендом в 1932 г.

Драйзер смотрит на Россию

Впервые: Dreiser Looks at Russia, N. Y., 1928. Драйзер выехал из США 19 октября 1927 г. и покинул СССР 13 января 1928 г. Перевод настоящих глав публикуется на русском языке впервые.

К с. 215

Сталино – ныне г. Макеевка.

К с. 224

Орден Святого Патрика. – Св. Патрик (VI в), по преданию, изгнал из Ирландии змей; орден "Рыцарей Святого Патрика" – буржуазная филантропическая организация в США (осн. в 1852 г.).

К с. 226

...многоцветный плащ библейского Иосифа. – Имеется в виду разноцветная одежда Иосифа, сделанная ему его отцом Иаковом, ставшая причиной ненависти к нему братьев (Быт., 37, 3–4).

Владикавказ – после 1931 г. город Орджоникидзе.

К с. 227

...издательство Святейшего Синода. – Имеется в виду готическое здание, воздвигнутое в 1814 г. по проекту архитектора Мироновского на Никольской улице (ныне ул. 25 Октября); сейчас здесь расположен историко-архивный институт.

К с. 229

...прямо за зданием музея... часовенка Иверской Богоматери. – Часовня со списком Иверской Богоматери, принесенным в Москву 13 октября 1648 г., была расположена перед Иверскими воротами со стороны Воскресенской площади (ныне Манежная пл.), соединявшими Исторический музей и Городскую думу (ныне музей В. И. Ленина); снесена в 1934 г.

К с. 231

"Любовь под вязами" в постановке Таирова. – Пьеса американского драматурга Юджина О'Нила "Любовь под вязами" (1925) была поставлена А. Я. Таировым в 1927 г.

..."Строитель Сольнес" (1892), "Ткачи" (1892), "Дикая утка"

(1884) – пьесы Генрика Ибсена ("Строитель Сольнес", "Дикая утка") и Герхарта Гауптмана.

...в новой России такие писатели, как... – Речь идет об американском писателе Зейне Грее (1875–1939), авторе популярных произведений о Диком Западе; Джеймсе Оливере Кервуде (1878–1927), американском прозаике, авторе приключенческих романов (в СССР в 1926–1928 гг. было издано около 20 произведений Кервуда); американском прозаике Рексе Биче (1887–1949), авторе популярных рассказов об Аляске (в 1926 г. на русском языке вышел роман Бича "Хищники Аляски"); писательница Этель М. Делл в 1920-е гг. на русском языке не издавалась – Драйзер, по-видимому, имеет в виду Флойда Делла (1887–1969), американского журналиста, драматурга, прозаика (на русском языке в 1927 г. опубликован роман "Причуда старика"); американском прозаике, киносценаристе, переводчике Фанни Херст (1889–1968) – в 1925–1927 гг. на русском языке были опубликованы два романа Херст ("Золотые перезвоны", "Манекен"); американском прозаике, драматурге Эдне Фербер (1887–1968) – в 1926–1927 гг. на русском языке вышли три ее романа ("Такой большой", "Три Шарлотты", "Плавучий театр").

К с. 243

Третьяков, Сергей Михайлович (1892–1939) – русский советский писатель, приверженец "литературы факта"; сотрудничал с С. Эйзенштейном в Театре Пролеткульта в 1923–1926 гг. и с Вс. Мейерхольдом в 1922–1926 гг., автор антиколониальной пьесы "Рычи, Китай" (1926).

К с. 244

"Разлом" – драма Б. А. Лавренева, поставленная осенью 1927 г. в театре им. Вахтангова.

К с. 245

"Великодушный рогоносец" (1921) – пьеса бельгийского драматурга Фернана Кроммелинка (1888–1970), переведенная на русский в 1921 г., а в 1922 поставленная Вс. Мейерхольдом.

...театр Пролеткульта – 1-й Рабочий театр Пролеткульта, где в 1920-е гг., в частности, работали С. М. Эйзенштейн, И. А. Пырьев, М. М. Штраух и др.

...театр Революции – открыт 29 октября 1922 г., после 1954 г. – театр им. Вл. Маяковского.

...театр Профсоюзов – создан в 1923 г. как театр им. МГСПС (Московского городского совета профсоюзов), с 1938 г. – театр им. Моссовета.

"Ревизор" в постановке Мейерхольда. – Постановка гоголевской комедии была осуществлена в Гос. театре им. Мейерхольда в 1926 г.

К с. 247

...мы восхищаемся... – Речь идет об "Озорных рассказах" (1832–1837) Оноре де Бальзака, библейских ветхозаветных Книге Иова и Книге Песни Песней Соломона, повести "Жизнь и смерть мистера Бэдмена" (1680) английского писателя Джона Беньяна (1628–1688).

К с. 248

...новая пьеса Леонида Леонова. – Имеется в виду поставленная в 1928 г. на сцене МХТ 1 пьеса "Унтиловск".

К с. 249

...''Эсмеральда'' (1844) – балет итальянского композитора Чезаре Пуньи (1802–1870).

К с. 250

...Брик, Осип Максимович (1888–1945) – русский советский писатель, теоретик литературы, вместе с Маяковским редактировал журналы "ЛЕФ", "Новый ЛЕФ".

...И другие писатели... Хлебников, Брюсов. – Здесь допущена неточность: к моменту приезда Драйзера в СССР осенью 1927 г. обоих указанных писателей уже не было в живых.

К с. 252

...''Конец Санкт-Петербурга'' (1927) – кинолента В. И. Пудовкина.

...''Шторм''. – Очевидно, имеется в виду пьеса Владимира Наумовича Билль-Белоцерковского (1884–1976), поставленная в 1926 г. театром МГСПС, так как агитационно-пропагандистский игровой кинофильм под таким же названием (режиссер Г. Левкоев) вышел на экраны только в 1931 г.

''Бабы рязанские'' (1927) – немой игровой кинофильм, поставленный И. К. Правовым и О. И. Преображенской.

К с. 254

''Генеральная линия'' – кинофильм С. М. Эйзенштейна о событиях коллективизации, вышедший на экраны в 1929 г. под названием "Старое и новое".

''Кабинет доктора Калигари'' (1919) – программный немой кинофильм немецкого экспрессионизма (режиссер Р. Вине), прославивший исполнителя заглавной роли – немецкого и американского киноактера Конрада Фейдта (1893–1943).

''Октябрь'' (1927) – кинофильм С. М. Эйзенштейна.

К с. 257

...Ольга, дочь Толстого. – Речь идет об Ольге Константиновне Толстой (урожд. Дитерихс, 1872–1951), первой жене А. К. Толстого.

...воспоминания Станиславского о Толстом. – Имеется в виду кн.: Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1926, в главах которой "Первая режиссерская работа в театре" (с. 178–182) и "Знакомство с Толстым" (с. 185–192) автор рассказывает о своих встречах с великим русским писателем в 1890-е гг.

К с. 260

...Я живу в гостинице ''Большая Московская'' – позже гостиница "Гранд-отель", ныне не существует; располагалась на месте гостиницы "Москва" со стороны пл. Свердлова.

ПИСЬМА

К с. 271

Ленджел, Уильям (1888–1965) – американский адвокат, издательский деятель.

"Бен-Гур, повесть о Христе" (1880) – популярный в США в 1880-е гг. исторический роман прозаика Лью/иса/ Уолласа (1827–1905) о приключениях молодого и знатного иудейского юноши Бен-Гура в годы проповеди Христа.

К с. 272

...Из немецкой литературы люблю... – Речь идет о Хайнце Товоте (псевдоним Вильгельма Негелера, 1870–1943), немецком писателе натуралистической ориентации (в частности, романы "Инженер Хорстманн", 1900; "Пастор Клингсхаммер", 1903); немецком прозаике Эдварде Штильгебауэре (р. 1868); немецком прозаике и драматурге натуралистической ориентации Густаве Френсене (1863–1945), авторе произведений, получивших в начале века определение романов "крови и почвы".

...Бильзе. – Речь идет о книге лейтенанта Освальда Фрица Бильзе (псевдоним Фрица фон Кирберга, р. 1878) "Жизнь в гарнизонном городке", к четвертому американскому изданию которой (1914) Драйзер написал предисловие.

Рид, Чарлз (1814–1884) – английский прозаик, драматург, наиболее популярен был его исторический роман "Монастырь и домашний очаг" (1861).

Барри, Джеймс (1860–1937) – английский романист, драматург, автор ряда мелодрам, широко известен своей сказочной феерией "Питер Пэн" (1904).

"Жизнь Сэмюела Джонсона" (1791) – главный труд английского эссеиста, автора книг путешествий Джеймса Босуэлла (1740–1795).

Мак-Катчен, Джордж Бар (1866–1928) – популярный американский прозаик из штата Индиана, опубликовал около 40 романов за 28 лет.

К с. 273

Харрис, Джеймс Томас (Фрэнк) – английский писатель, издательский деятель, значительную часть жизни проведший в США; помимо приключенческих романов, также автор книг о Шекспире, Уайлде, Б. Шоу и др.

...Если ты напишешь о ней... – Рецензия Г. Л. Менкена на роман "Финансист" была опубликована в журнале "Смарт сэт" в январе 1913 г.

К с. 275

...стандартным для американцев кругом авторов. – Имеются в виду американский прозаик Эдвард Пейсон Роу (1838–1888), автор многочисленных "женских" романов; немецкий египтолог и романист Георг Мориц Эберс (1837–1898), автор исторических произведений о Древнем Египте; английский писатель Чарлз Кингсли (1819–1875), автор известных в середине века романа "Олтон Локк, портной и поэт" (1850), сказочной повести "Водяные дети" (1863).

"Дважды рассказанные истории" – сборник рассказов (1837, 1842) Н. Готорна.

..."Провинциальную знаменитость в Париже". – Имеется в виду роман Бальзака "Утраченные иллюзии" (1837–1843), вторая часть которого называется "Провинциальная знаменитость в Париже".

Литтон, Эдвард Джордж (1803–1873) – английский писатель, чрезвычайно популярный в 1830–1840-е гг., автор романов "Юджин Арам" (1832), "Последние дни Помпеи" (1834) и др.

К с. 276

Генри, Артур (1867–?) – американский прозаик, журналист, автор романов "Николас Блад, кандидат" (1890), "Принцесса Аркадия" (1900), "Неписаный закон" (1905) и др.

"Великий Герман" – известный в 1890-е гг. иллюзионист.

...Потом он взял рассказ... – Речь идет о рассказе Драйзера "Когда паруса креплены", опубликованном в декабрьском номере "Эйнслиз мэгэзин" за 1898 г.

...все они были опубликованы. – Упомянутые Драйзером рассказы были опубликованы в 1901 г.

К с. 279

...Вспомним Грисуолда, этого злобного и лживого праведника... – Американский журналист Руфус Уилмот Грисуолд (1815–1857), литературный душеприказчик Э. По, написал о нем биографию, полную неточностей, говоривших о злобном отношении к покойному писателю.

Перри, Блисс (1860–1954) – американский критик, историк литературы, в 1899–1909 гг. редактор консервативного бостонского журнала "Атлантик мансли".

...точка зрения конкордской школы литературы и искусства. – Конкорд, местечко в 20 милях к северо-западу от Бостона, стало с середины XIX в. центром философского движения трансцендентализма во главе с Ралфом Уолдо Эмерсоном (1803–1882); эстетически-религиозные искания трансценденталистов затронули творчество Г. Д. Торо, Н. Готорна, Б. Олкотта, У. Ченнинга и др.

"Прю и я" (1856) – книга очерков американского прозаика Джорджа Уильяма Кертиса (1824–1892), через которую проходит мотив идеальной любви пожилого нью-йоркского служащего.

Ланир, Сидни (1842–1881) – американский поэт, прозаик; признание пришло к нему посмертно, лучшие образцы его поэзии (поэмы "Топи Глинна", 1878; "Зерно", 1875) отмечены музыкальной импрессионистичностью.

К с. 280

...брамином из колледжа. – Браминами во второй половине XIX в. в Америке иронически называли новоанглийскую (в особенности бостонскую) аристократию, а также тех, кто примыкал к конкордскому религиозно-эстетическому движению, многие участники которого проявляли интерес к восточной мудрости (к примеру, поэма Эмерсона "Брама", 1857).

Олкотт, Луиза (1832–1888) – американская писательница, автор моралистических произведений для детей.

Айк, Марвелл – псевдоним Доналда Гранта Митчелла (1822–1908), американского прозаика, автора романов о сельской жизни в Новой Англии ("Мечты холостяка", 1850).

Уиллис, Натаниел Паркер (1806–1867) – американский писатель, журналист, издатель, один из первых пропагандистов дендизма в США.

К с. 284

...Динамов, Сергей Сергеевич (настоящая фамилия Оглодков, 1901–1939) – советский критик, литературовед, один из первых советских американистов; с 1930 г. на руководящей работе в Институте литературы и

языка РАНИОН; с 1932 г. работает в аппарате ЦК ВКП (б), становится ответственным редактором журнала "Литература мировой революции", затем "Интернациональной литературы"; обширная зарубежная переписка обернулась для Динамова трагически, незаконно репрессирован; познакомился с Драйзером в Москве осенью 1927 г., переписка между ними завязалась несколько раньше.

...Разрешите поблагодарить... за ту статью. – Речь идет о статье: С. Динамов. Теодор Драйзер. "Книгоноша", 1926, № 33, с. 10–11.

К с. 286

Бут, Франклин (1874–1948) – американский художник, друг Драйзера, создавший иллюстрации к книге "Каникулы уроженца Индианы" (1916).

К с. 287

...я побывал в старом доме Толстого. – Драйзер побывал в Ясной Поляне 27 ноября 1927 г. и провел там целый день.

К с. 288

"Рука гончара" (1919) – трагедия Драйзера.

"Пьесы о естественном и сверхъестественном" (1916) – драйзеровский сборник из семи пьес.

"Двенадцать мужчин" (1919) – драйзеровский сборник из 12 рассказов, в 1929 г. выпущенный на русском языке под названием "Двенадцать американцев" в 10-м томе собрания сочинений Драйзера, начавшего выходить в 1928 г. под редакцией С. Динамова (издание не было закончено).

"Краски большого города" (1923) – сборник рассказов и очерков о Нью-Йорке (русский перевод – 1927).

"Галерея женщин" (1929) – двухтомный сборник драйзеровских рассказов (русский перевод – в непронумерованном томе указ. выше Собр. соч. – в 1933 г.).

К с. 289

"Книга о самом себе" (1922) – второй том из задумывавшейся Драйзером, но не доведенной до конца автобиографической трилогии; первый том опубликован в 1931 г. ("Заря").

К с. 290

..."Это безумие, неподслащенный роман о любви" – роман Драйзера, напечатанный в феврале – июле 1929 г. в журнале "Herst's International-Cosmopolitan".

К с. 291

Ваша диссертация об Аллане Эдгаре По. – В 1924–1934 гг. С. Динамовым было напечатано пять работ о творчестве Э. По, но диссертация о нем так и не была защищена.

"Эдгар Хантли, или Мемуары лунатика" (1799) – эпистолярный "роман ужасов" американского преромантика Чарлза Брокдена Брауна (1771–1810).

...Норрис приступил к работе над третьим томом. – Эпическая трилогия "Эпос пшеницы" (романы "Спрут", 1901; "Омут", 1903) не была завершена американским прозаиком Фрэнклином Бенжамином Норрисом (1870–1902), предполагавшим назвать ее заключительную часть "Волк".

К с. 293

...Но, создавая фильм... – Экранизация "Американской трагедии" была осуществлена в 1931 г. американским кинорежиссером Джозефом фон Стернбергом (1894–1962); Драйзер считал, что Стернберг "извратил роман", и подал на кинокомпанию в суд, но проиграл процесс.

К с. 294

...который был приглашен в Америку для создания картины. – С Драйзером С. Эйзенштейн познакомился осенью 1927 г.; в 1929 г. во время пребывания со своей творческой группой в Европе Эйзенштейн был приглашен голливудской фирмой "Парамаунт" (которой Драйзер в 1925 г. продал права на экранизацию "Американской трагедии") для постановки звуковых фильмов; Эйзенштейн написал и разработал сценарий по драйзеровскому роману и, получив одобрение писателя, был готов приступить к съемке; однако из-за политических мотивов контракт с Эйзенштейном был расторгнут; пробыв в США с 12 мая по 4 декабря 1930 г., Эйзенштейн отбыл в Мексику; понимание Эйзенштейном романа выражено в статье "Американская трагедия". – Пролетарское кино, 1931, № 9, с. 59–62.

К с. 296

...о деле девяти негритянских юношей в Скотсборо. – Речь идет о судебном разбирательстве, первое слушание которого состоялось в 1931 г., когда 8 из 9 обвиняемых были приговорены к смертной казни; в 1932 г. Верховный суд США под давлением прогрессивной общественности отменил приговор, и в 1935 г. состоялся пересмотр дела, по которому 5 из девяти юношей были оправданы и со всех 9 снято обвинение в изнасиловании.

К с. 299

Ясенский, Бруно (1901–1941) – польский и русско-советский писатель, с 1929 г. живший в СССР, в 1931–1932 гг. редактор журнала "Литература мировой революции", незаконно репрессирован.

"Трагическая Америка" (1931) – публицистическая книга Драйзера, написанная под впечатлением автомобильной поездки с атлантического до тихоокеанского побережья в разгар "великой депрессии" 1929–1933 гг.

Иллеш, Бела (1894–1974) – венгерский писатель, в 1924–1945 гг. жил в СССР, в 1927–1932 гг. генеральный секретарь Международного объединения пролетарских писателей.

К с. 300

Уокер, Майлс (1867–1941) – английский экономист.

Эвинг, Альфред Сирил (1899–?) – английский ученый, философ.

"Американ спектейтор" (1932–1937) – ежемесячный литературный журнал, основанный Т. Драйзером, Джорджем Джином Натаном, Э. Бойдом, Джеймсом Бранчем Кейбеллом, Ю. О'Нилом, Ш. Андерсоном.

К с. 301

Бойд, Эрнест (1887–1946) – американский писатель, критик, переводчик.

"Технократия, инкорпорейтед" – фирма, основанная Х. Скоттом, другом Драйзера, сотрудником инженерного факультета Колумбийского университета.

К с. 304

...Фрэнк, Уолдо (1889–1967) – американский писатель, представитель социалистической традиции в американской литературе XX в.; в 1931 г. посетил СССР.

К с. 305

Состоявшийся недавно конгресс – амстердамский Международный антивоенный конгресс 1932 г.

К с. 309

Богданов, Петр Алексеевич (1882–1939) – советский государственный деятель, в 1930–1934 гг. возглавлял Амторг (советскую торговую организацию в США).

К с. 313

...горячий энтузиазм к... Шекспиру. – В письмах к Драйзеру Динамов рассказывал о своих планах работы над книгой о Шекспире, оставшейся незавершенной.

К с. 315

...два предложения профессора Завадовского. – Было два брата Завадовских: Борис Михайлович (1895–1951) и Михаил Михайлович (1891–1957); оба профессора-биологи; о каком Завадовском говорит Драйзер, неизвестно.

К с. 316

...не могу воспользоваться Вашим приглашением. – Имеется в виду приглашение на I съезд советских писателей.

К с. 318

...То, что Вы пишете об Испании... – 1 ноября 1934 г. А. Барбюс написал Драйзеру письмо с предложением подписать протест против диктатуры Франко, а также стать членом Комитета по защите жертв франкизма.

Феррер Гуардиа, Франсиско (1859–1909) – испанский социалист, в 1909 г. казнен за участие в руководстве восстанием против колониальной войны в Марокко.

К с. 320

...прочитал Ваш рассказ о Тянь Хане. – В письме С. Динамова Драйзеру от 26 апреля 1935 г. сообщалось: "Уважаемый Драйзер, посылаю Вам сведения о китайском писателе Тянь Хане, который был арестован в Китае. Уверен, что Ваше письмо китайскому правительству или послу Китая в США ему крайне поможет. С наилучшими пожеланиями остаюсь искренне Ваш Сергей Динамов".

К с. 322

Рут Кеннел – секретарь и переводчица Драйзера во время его поездки в СССР.

К с. 324

"Настроения" (1935) – книга драйзеровских стихотворений.

Кармон, Уолт – американский литератор, редактировал английское издание журнала "Интернациональная литература".

К с. 326

...статья А. Старцева. – Речь идет о рецензии А. Старцева на ленинградское издание "Американской трагедии" в 1936 г.: "Литературное обозрение", 1937, № 5, с. 29–33.

...статье для юбилейного номера "Интернациональной литературы". – В своем письме от 13 мая 1937 г. С. Динамов просил Драйзера написать статью для номера журнала "Интернациональная литература", посвященного двадцатилетию Октября; в ноябрьском номере журнала за 1937 г. в рубрике "Иностранные писатели – XX-летию Великой Октябрьской революции" была опубликована статья о Драйзере без какого-либо письма самого Драйзера.

...одна из моих книг... на полюсе. – 3 июня 1937 г. С. Динамов писал Драйзеру: «Я рад сообщить Вам, что советская экспедиция на Северный полюс взяла с собой Вашу книгу "Американская трагедия"»; речь идет о советской научно-исследовательской станции "Северный полюс-1" под руководством И. Д. Папанина.

К с. 327

...Вот небольшая статья. – Речь, по-видимому, идет о статье "Значение СССР в сегодняшнем мире", опубликованной в "Правде" 7 ноября 1940 г.

К с. 328

...заняты съемкой нового фильма. – В 1935–1937 гг. С. Эйзенштейн работал над фильмом "Бежин луг" – о Павлике Морозове (лента не была завершена); в 1938 г. вышел фильм "Александр Невский".

...что они сделали с "Дженни Герхардт". – Речь идет о киноленте "Дженни" (1933, режиссер М. Геринг).

Голден, Джон (1874–1955) – американский драматург, постановщик нескольких спектаклей по драйзеровским романам.

К с. 330

Стрельский, Никандр (1893–1946) – американский литературовед, прислал Драйзеру для ознакомления рукопись своей диссертации "Салтыков и русский помещик", вышедшую в 1940 г. отдельной книгой.

...увлекательной книге под названием "Семья дворян". – Первый английский перевод "Господ Головлевых" вышел в США в 1916 г. (перевод А. Риджуэя).

К с. 331

Анисимов, Иван Иванович (1899–1966) – русский советский литературовед, в 1952–1966 гг. директор ИМЛИ АН СССР, в 1950–1955 гг. под его наблюдением вышло 12-томное собрание сочинений Драйзера.

К с. 332

"Газетные будни" – под таким заглавием в 1931 г. была переиздана автобиографическая книга Драйзера "Книга о самом себе".

К с. 333

..."Двенадцать". – Речь идет о сборнике "Двенадцать мужчин".

"Живая мысль Торо" (1939) – составленная Драйзером антология литературно-философского наследия Г. Д. Торо.

К с. 336

...Заглавия этих пьес следующие... – Речь идет о пьесах, включенных во второе, расширенное, издание (1926) "Пьес о естественном и сверхъестественном" (1916).

К с. 337

"О мышах и людях" (1937) – повесть Джона Стейнбека.

К с. 338

...Мендель. – Речь идет об Альфреде О. Менделе – главном редакторе издательства "Лонгманс, Грин и К°", где была издана книга "Живая мысль Торо".

К с. 340

...м-р Кливленд прислал федеральные войска. – Имеется в виду стачка в мае–июле 1894 г. на вагоностроительном заводе Пульмана в Чикаго; 4 июля президент США Кливленд отдал приказ о высылке федеральных войск в Чикаго.

К с. 341

Дайс, Мартин – см. комм. к с. 384.

К с. 342

Бора, Уильям Эдгар (1865–1940) – американский государственный деятель, республиканец, сторонник изоляционизма.

Лафолетт, Роберт М. (1895–1953) – американский государственный деятель, сенатор, представитель левого крыла республиканской партии.

К с. 343

Мэрфи, Фрэнк (1890–1949) – американский государственный деятель, демократ, в 1936 г. назначен верховным судьей США.

Линдберг, Чарлз Огастес (р. 1902) – американский авиатор, 20–21 мая 1927 г. впервые в мире беспосадочно пролетел из Нью-Йорка в Париж за $33^1/_2$ часа.

Лэндон, Альфред Моссман (1887–1987) – американский государственный деятель, республиканец, в 1933–1937 г. губернатор Канзаса.

Уилки, Уэнделл (1892–1944) – американский государственный деятель, в 1930-х гг. один из лидеров республиканской партии.

К с. 344

...Только что получил Ваше письмо... – Письмо написано Драйзером по поводу полученной им из СССР в подарок книги "Слово о полку Игореве"; адресат письма – М. Аплетин, сотрудник иностранной комиссии Союза советских писателей.

Майк Куин – псевдоним американского писателя и журналиста Пола Райана (1906–1947), автора публицистической книги "Опасные мысли" (1940).

К с. 345

Данн, Финли Питер (1867–1936) – американский писатель из Чикаго, автор популярной серии книг о мистере Дули, язвительном владельце салуна (в частности, "М-р Дули на войне и в мирной жизни", 1898).

Эйд, Джордж (1866–1944) – американский писатель из Индианы, известный своими юмористическими произведениями об американской провинции (в частности, "Басни на слэнге", 1899).

К с. 347

...пакт с Англией. – Имеется в виду подписанная 30 сентября 1938 г. англо-германская Декларация о ненападении; 3 сентября 1939 г. Англия объявила войну Германии в связи с нападением фашистов на союзную Польшу.

К с. 349

...Рокотов, Тимофей Адольфович – исполняющий обязанности редактора журнала "Интернациональная литература" в конце 1930-х гг.

К с. 350

"Америку стоит спасать" (1941) – публицистическая книга Драйзера.

...Спасибо за спасательный круг. – Письмо Драйзера явилось ответом на газетную заметку Б. Шоу, в которой прославленный драматург несколько язвительно отозвался об антианглийских выступлениях американского писателя в конце сентября 1941 г.

К с. 356

Хьюлетт Джонсон, архиепископ Кентерберийский (1874–1966) – Драйзер ссылается на его книгу "Шестая часть земли – социалистическая" (1940).

К с. 357

"Шестьдесят американских семейств" (1937) – публицистическая книга американского журналиста Чарлза Лундберга (р. 1902).

К с. 359

Фаррел, Джеймс (1904–1979) – американский писатель натуралистической ориентации, друг Драйзера, автор ряда статей о нем, издатель нескольких драйзеровских произведений.

К с. 360

Чагин, Петр Иванович (настоящая фамилия – Болдовкин, 1898–1967) – советский литературный деятель, в 1939–1946 гг. директор издательства "Художественная литература".

В. Толмачев

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Адамс, Сэмюэл Хопкинс 133
Айк, Марвелл 280
Аллан, Эдгар 291
Аллен, Джеймс Лейн 87
"Лето в Аркадии" 87
Альварес Дель Вайо, Хулио 178
Амброзиус, Иоганна 50
Андерсон, Шервуд 5, 9, 112, 134, 202; 210
"Уайнсбург, Огайо" 112, 210
"Избранные рассказы" 134
Андреев Л. Н. 330
Анисимов И. И. 331, 334, 335
Д'Аннунцио, Габриеле 86, 158, 279
Аплетин М. 344
Аристотель 137
Арлен, Майкл 202
Армор, Филипп Дэнфорт 200
Артемус, Уорд 161
Базальжет, Леон 283
Базилевский Н. 167, 322
"Закон Ликурга" 167
Байрон, Джордж Ноэл Гордон
"Паломничество Чайльд Гарольда" 45
Бальзак, Оноре де 29, 86, 112, 133, 160, 193, 205, 272, 275, 277, 278
"Человеческая комедия" 133
"Отец Горио" 193
"Провинциальная знаменитость в Париже" (2-я часть "Утраченных иллюзий") 275
"Озорные рассказы" 247
Баннер, Генри Кайлер 35
Барбюс, Анри 318
Баррет, Лоренс 49
Барри, Дж. М. 272, 278
Бауэрс, Клод 319, 320
Бейтсштейн, Марк 211
"Люлька будет качаться" 211
Беллами, Эдвард 210
"Взгляд в прошлое" 210
Беннетт, Арнолд 272
Бердслей, Обри 36, 37
Берковичи, Конрад 134
"Злодеяния благотворительности" 134
Бернар, Сара 83
Бёрнетт, Френсис Х. 87
"Высокочтимая леди" 87
Бетьон, Норман 362
Билзе, Освальд Фриц 272
Биллингс, Джош 161
Билль-Белоцерковский В. Н.
"Шторм" 252
Бич, Рекс 231, 241
Бичер-Стоу, Гарриет 159
"Хижина дяди Тома" 129, 159, 271
"Дрэд" 129
Блок, Жан-Ришар 207
Богданов П. А. 309, 312, 314
Бодлер, Шарль 105
Бойд, Эрнест 301
Бойс, Нит 134
"Гордая леди" 134
Бойсен, Ялмар Йорт 51
Боккаччо, Джованни
"Декамерон" 112, 247
Бора, Уильям Эдгар 342
Борн, Рэндолф 141, 142
Босуэлл, Джеймс 272

"Жизнь Сэмюела Джонсона" 272
Брайан, Уильямс Дженнигс 106
Браун, Чарлз Брокден 291
"Эдгар Хантли, или Мемуары лунатика" 291
Браунинг, Роберт 50
Бредли, Уилл Х. 37
Брейди, Сайрус Таунсенд 280
Бриджес, Гарри 343
Брийе, Эжен 83
Брик О. М. 243, 250
Бруно, Джордано 71, 105
Брюсов В. Я. 250
Булгаков М. А.
"Дни Турбиных" 248
Бут, Беатриса 286
Бут, Джуниус Брутус 49
Бут, Франклин 286
Бутс, Эдвин Томас 83
Бухарин Н. И. 267
Бэббит, Ирвинг 17, 111, 112, 114
Бэньян, Джон 19
"Путь паломника" 19

Вагнер, Рихард 50
Ван Гог, Винсент 251
Вандербилт, Уильям Генри 198
Ватто, Антуан 243
Вийон, Франсуа 112, 113
Вольтер 105, 108, 111, 267, 345
"Кандид" 108, 247
Вольф, Курт 283
"Новый роман" 283
Вэнс, Луис Джозеф 134
"Джоанна Тэрсдей" 134

Галилей, Галилео 105
Гамсун, Кнут 283
Гансаулус, Фрэнк Ф. 93
Гарди, Томас 272, 278
"Джуд Незаметный" 87
"В краю лесов" 193
"Тэсс из рода д'Эрбервиллей" 87
Гарленд, Хэмлин 13, 38, 130, 132, 209, 271, 280, 338
"Проезжие дороги" ("Главные проезжие дороги") 13, 130, 132, 209, 271, 280
"Роза из Датчерс-Кули" 87
Гарриман, Эдвард Генри 198
Гарт, Брет 109, 130, 275, 279
Гауптман, Герхарт 83, 207, 231, 278, 279
"Ткачи" 231
Гегель 182
Гейл, Зона
"Мисс Лулу Бет" 112
Гейне, Генрих 86, 207
Геккель, Эрнст 75, 267
Гельден, Джон Берден 157
Генри, Артур 276
"Принцесса Аркадия" 276
Гёте, Иоганн Вольфганг 39, 182, 207
Гиббон, Эдуард 44
Гизо, Франсуа 44
Гитлер, Адольф 190, 319, 346, 347, 348, 353
Гоген, Поль 251
Гоголь Н. В. 203, 231, 245, 249, 330
"Ревизор" 231, 245
Голд, Михаэл 203
Голден, Джон 328
Голдман, Эмма 210
Гонкур, де Эдмон и Жюль 83
Горький А. М. 8, 21, 112, 113, 158, 164, 253, 272, 316, 325, 330
"Мать" 253
Готорн, Натаниел 88, 129, 192, 208, 275
"Алая буква" 129
"Дважды рассказанные истории" 275
Гранд, Сара
"Небесные близнецы" 40
"Идеал, жизненный этюд" 40
Грант, Роберт 130, 280
"Горький хлеб" 280
Грей, Дейвид 153
Грей, Зейн 231, 241
Грисуолд, Руфус Уилмот 279
Гриффин, Констанс М. 303
Гриффитс, Клайд 293, 294
Грот, Джордж 44
Гувер, Герберт Кларк 187
Гулд, Джей 198
Гус, Ян 71
Гюго, Виктор Мари 205, 207, 249
"Собор Парижской богоматери" 249

Даблдей, Фрэнк 133, 280

Дайс, Мартин 190, 341
Данн, Финли Питер 98, 345
"Философ дуэли" 345
Дарвин, Чарлз 18, 44, 157, 158, 193, 266, 267
Дафнет, Оливер Уэндли 275
Дёблин, Альфред 207
Дебс, Юджин Виктор 210
Дейвис, Ричард Хардинг 132
Делл, Флойд 134
"Чудак" 134
Делл, Этель М. 231, 241
Дефо, Даниель 112
Джей, Гулд 198
Джеймс, Генри 130, 131, 208
Джеймс, Уильям 83
Джефферсон, Томас 49, 50, 76
Джинс, Джеймс Хопвуд 182
Джордж, Генри 210
"Прогресс и бедность" 210
Диккенс, Чарлз 102, 112, 161, 201, 205, 207, 275
Динамов С. С. 21, 284, 285, 288, 290, 291, 299, 302, 304, 305, 308, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327
Дитерс, Гаспар 166
Доде, Альфонс 193
"Сафо" 87
Доктороу Л. 11
Достоевский Ф. М, 21, 112, 114, 158, 201, 205, 207, 231, 249, 330, 356, 359
"Братья Карамазовы" 359
"Преступление и наказание" 359
"Идиот" 359
"Бедные люди" 359
Драйзер, Теодор
"Автобиография" 332
"Американская трагедия" 10, 11, 16, 20, 149, 164, 166, 167, 202, 205, 285, 286, 288, 292, 298, 314, 321, 322, 325, 328, 332
"Америку стоит спасать" 350
"Бей, барабан!" 333
"Блестящие рабовладельцы" 276
"Вызов творческому человеку" 313
"Газетные будни" 332, 340
"Галерея женщин" 288, 291, 314, 329, 333
"Гений" 272, 277, 328, 329, 332
"Гэл Сэл" 358
"Двенадцать мужчин" ("Двенадцать") 288, 333, 334
"Дверь мясника Рогама" 276
"Дело Клайда Гриффитса" 164, 165
"Дженни Герхардт" 13, 192, 193, 195, 197, 272, 273, 277, 283, 327, 332
"Драйзер смотрит на Россию" 22, 332
"Заря" 289, 332
"История моей жизни" 289
"Каникулы уроженца Индианы" 141, 143
"Книга о самом себе" 289
"Когда старый век стал новым" 276
"Когда я работал в газете" 289
"Корпорация прогресса" 336
"Краски большого города" 288, 333
"Литературное ученичество" 354
"Мечта" 336
"Мир и мыльный пузырь" 276
"Мои литературные опыты" 289
"Настроения" 324, 332, 333
"Негр Джефф" 276
"Недостойные люди, или Бее-бее-черная овечка" 358
"Новый роман" (серия) 283
"Оплот" 360
"Освобождение" 332, 334, 335
"Полное собрание рассказов Теодора Драйзера" 336
"Путешественник в сорок лет" 332
"Пьесы о естественном и сверхъестественном" 288, 332
"Рука гончара" 288, 298, 332
"Сенчури компани" 194
"Сестра Керри" 11, 12, 13, 16, 131, 133, 192, 195, 197, 209, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 284, 332, 358
"Смеющийся газ" 277
"Стоик" 9, 289, 304, 360

"Табак" 202
"Титан" 14, 274, 277, 283, 289, 303, 314, 332, 360
"Трагическая Америка" 22, 299, 333, 340
"Трилогия желания" 14, 16, 195, 304, 360
"Фантасмагория" 336
"Финансист" 14, 15, 194, 195, 197, 198, 199, 200, 272, 273, 277, 283, 289, 327, 332, 360
"Цепи" 332, 334, 335
"Шестьдесят семейств" ("Шестьдесят американских семейств") 357
"Это безумие" 290
Дру, Дэниел 200
Дэвис, Ричард Хардинг 280
Дюма, Александр 278

Екатерина II 105

Жамен, Жорж 166

Золя, Эмиль 17, 133, 158, 193, 272, 278
Зонненталь, Адольф фон 83
Зороастр 65
Зощенко М. М. 315
Зудерман, Герман 207

Ибсен, Генрик 83, 158
"Дикая утка" 231
"Строитель Сольнес" 231
Иванов Вс. Вяч.
"Бронепоезд 14-69" 248, 252, 253
Иллеш, Бела 299, 316
Иннес, Джордж 83
Ирвинг, Вашингтон 275
"Дважды рассказанные истории" 275
"Водяные дети" 275
"Альгамбра" 275
Ирвинг, Генри 50

Калинин М. И. 267
Канова, Антонио 50
Кант, Иммануил 83, 182
Кантор, Маккинли
"Разнообразие" 112
Карлайл, Джон Гриффин 50
Карлайл, Элен Грейс 134
"Плач матери" 134
Карлейль, Томас 39
Кармен Р. Н. 250
Кармон, Уолт 324
Карнеги, Эндрю 15, 59, 60, 61, 62
Каупер, Уильям 50
Кахан, Абрахам 54, 134, 210
"Восхождение Дэвида Левинского" 134, 210
Кейбл, Джордж Вашингтон 161
Келли, Эдит Самнерс
"Посевы" 112
Кеннел, Рут 322
Кервуд, Джеймс Оливер 231
Кертис, Джордж Уильям
"Прю и я" 279
Кингсли, Чарлз 275
"Водяные дети"
Киплинг, Джозеф Редьярд 38
Кирней, Патрик 165
Китс, Джон 105
Кливленд, Стивен Гровер 337
Коклен, Бенуа Констан 83
Колдуэлл, Эрскин 211
"Акр господа бога" 211
"Табачная дорога" 211
Комсток, Энтони 80
Комфорт, Уилл Левингтон 132
"Роутледж отправляется в одиночку"
Конрой, Джек 203
Конфуций 182
Коперник, Николай 105
Кори У. Э. 60, 61, 62
Коро, Камиль 243
Коуэн, Берта 353
Коуэн Н. 351
Коэн, Лестер
"Отбросы общества" 112
Крафт-Эббинг, Рихард 87
Крейн, Стивен 13, 30, 54, 130, 131, 209
"Мэгги, уличная девушка" 13, 209
"Алый знак доблести" 30, 129, 130, 271
Крой, Гомер 134
"К западу от водокачки" 134
Кроммелинк, Фернан
"Великодушный рогоносец" 245

Крукс, Уильям 83
Куин, Майк 344
"Опасные мысли" 344
Кук, Джей 200
Кулидж, Калвин 187
Кэмпбелл, Бартли 49
Кэмпбелл, Луиза 165, 357
Кэсер, Уилла 134, 210
"Моя Антония" 134, 210

Лавренев Б. А.
"Разлом" 244
Лайон, Харрис Мертон 134, 283
"Сардоники" 134
"Графика" 134
Ланир, Сидни 279
"Топи Глинна" 279
"Зерно" 279
Лафолетт, Роберт М. 342
Леба, Жак 153
Лендон, Оливия 163
Ленджел, Уильям 271
Ленин В. И. 181, 184, 185, 247
Леонардо да Винчи 137
Леонов Л. М. 248, 250
"Унтиловск" 250
"Вор" 250
Лиз, Мэри Эллен 39
Линдберг, Чарлз Огастас 343
Линкольн, Авраам 200
Литтон, Эдвард Джордж 275
Лонгфелло, Генри Уодсуорт 279
Лондон, Джек 132, 133, 231, 281
Лоусон, Виктор Ф. 98
Лоусон, Томас Уильям 196
Лоуэлл, Джеймс Рассел 279
Луначарский А. В. 253
Льюис, Синклер 112, 134, 211
"Главная улица" 112, 134, 211
"Бэббит" 112
Лэнг, Эндрю 53
Лэндон, Альфред Моссман 343

Майер, Густав 14
"История больших американских состояний" 14
Макартур, Дуглас 189
МакГаффи, Эрнест 40
Макиавелли, Никколо 271
"Государь" 272
Мак-Катчен, Джордж Бар 272
Маккормик, Роберт Рутерфорд 190
Макмонниз, Фредерик Чарлз 50
Мальц, Альберт 343
"Час испытаний" 343
"Мир на земле" 203
Манкен Г. Л. 273
Манн, Генрих 207
Манн, Томас 207
Марвелл, Айк 280
Маркс, Генри К. 134
"Сила отлива" 134
"Откат" 112
Маркс, Карл
"Капитал" 210
Марло, Кристофер 105, 112, 113
Мартен Дю Гар, Роже 207
Мастерс, Эдгар Ли 112, 337
"Антология Спун-Ривер" 112
Матисс, Анри 251
Маяковский В. В. 243, 250
Медил, Джозеф 98
Мейерхольд В. Э. 211, 240, 243, 244, 245
Мелвилл, Герман 5, 129, 158, 163, 208
"Тайпи" 129, 158, 208
"Олеу" 208
"Моби Дик" 208
Мендель, Альфред О. 338
Менкен, Генри 10, 111, 131, 132, 133, 134, 210, 273, 274, 277, 354
Мередит, Джордж 272
Метерлинк, Морис 273
Микеланджело, Буонарроти 137
Милликен, Роберт Эндрюс 157
Мильтон, Джон 44
"Потерянный рай" 45
Мольер Жан Батист 105
Мопассан, Ги де 83, 86, 106, 112, 158, 193, 272, 278, 279
Мост, Иоганн 210
Мур, Джордж 193, 272
"Эвелин Иннес" 193
Мэнсфилд, Ричард 50
Мэрфи, Фрэнк 343

Навье, Луи Мари Анри 44
Най, Эдгар Вилсон (Билл Най) 153, 161
Наполеон 67

Натан, Джордж Джин 133, 210, 315
Нерон 198
Никсон, Уильям Пен 98
Ницше, Фридрих 83, 182
Норрис, Фрэнклин Бенджамин 14, 107, 112, 130, 131, 132, 133, 197, 271, 274, 280, 284, 291
"Мактиг" 112, 131, 133, 197, 271, 274, 275
"Вандовер и зверь" 112
"Омут" 14, 280
"Спрут" 133, 280
"Голод" 291
Нэсби, Петролеум В. 161

О'Генри 132, 133
Олдрич, Томас Бейли 158, 161, 163
Олкотт, Луиза Кей 280
О'Нил, Юджин
"Любовь под вязами" 231
Орнитц, Сэмюэл 134
"Ляжки, пузо и челюсть" 134
Островский А. Н. 245
"Лес" 245

Паркхерст, Чарл Генри 50
Пассос, Джон Дос 112, 134
"Манхэттен" 112, 134
Пастер, Луи 83
Пейдж, Уолтер 274
Пейн, Альберт Биглоу 153
Пейн, Томас 71, 76, 345
Пейн, Уилл 131, 132, 271, 280
"Сказание о Еве" 131, 133, 134, 271, 280
Перри, Блисс 279
Петеркин, Джулиа М.
"Черный апрель" 112
Петролеум, В. Нэсби 153
Пильняк Б. А. 250
Пин, Альберт Биглоу 153
Пискатор, Эрвин 165, 314
Питер, Флойд 118
Питерс, Пол 211
"Грузчик" 211
По, Эдгар Аллан 71, 88, 107, 129, 163, 205, 275, 279, 280, 291
Пойис, Джон Купер 6
Пшибышевский, Станислав 87
"Homo Sapiens" 87
Пэпис (Пипс), Сэмюел 158
"Дневник" 158

Рабле, Франсуа 105, 112, 113, 345
Рассел, Сейдж 198
Рафаэль Санти 86
Реймонд, Джордж Лансинге 49
Рентген, Конрад 83
Репин И. Е. 256
Рид, Томас Брэккер 50, 272
Римский-Корсаков Н. А. 251
Ричардсон, Элен (жена Драйзера Т.) 9
"Моя жизнь с Драйзером" 9
Робсон, Поль 359
Роджерс, Генри Г. 198
Роджерс, Уильям Аллен 163
Рокотов Т. А. 349
Роллан, Ромен 207, 308
Роллинс, Уильям 203
Роу, Эдвард Пейсон 275, 280
Роулинсон, Джордж 44
"Семь великих царств Древнего Ближнего Востока" 44
Рузвельт, Теодор 75, 205, 266
Руссо, Жан-Жак 114

Саванарола, Джироламо 71
Сазерн, Эдуард Эскью 49
Салтыков-Щедрин М. Е. 160, 203, 330
"Семья дворян" ("Господа Головлевы") 331
Сальвини, Алессандро 49
Сарджент, Джон Самнер 83
Сатклифф, Хэллиуэлл 38
"Одиннадцатая заповедь" 38
Свифт, Джонатан 105, 112, 113
Сейдж, Рассел 198
Сейфуллина Л. Н.
"Виринея" 245
Сенкевич, Генрик 278
"Камо грядеши?" 278
Сент-Годенс, Огастас 107
Сервантес, Сааведра 107
Серве, Жан 166
Синклер, Эптон 20, 134, 207, 209
"Джунгли" 20, 134, 209
"Испытание любви" 134
"Нефть!" 112

Скляр, Джордж 343
"Час испытаний" 343
"Грузчик" 203
Скотт, Вальтер 275
Скотт, Говард 300, 336, 343
Скотт, Эвелин 134
"Тесный дом" 134
Смит, Гаррисон 20, 292
Смит, Хопкинсон Ф. 280
Смит, Эдвард Х. 278
Смитс, Ли Дж.
"Весенний полет" 112
Снелл, Марк 120
Сократ 65, 67, 68, 105, 137
Спенсер, Герберт 18, 39, 44, 83, 158, 193, 267, 275
"Основные начала" 193
Сперджен, Чарлз Хардон 50
Сталин И. В. 267, 305, 309, 346
Станиславский К. С. 231, 245, 248, 257
Старцев А. И. 326
Стейнбек, Джон 336
"О мышах и людях" 337
"Гроздья гнева" 337
Стендаль 112, 113, 114
Стерлинг, Джордж 283
Стивенсон, Роберт Луис 87, 192, 272, 278
Стил, Роберт 134
"Некто" 112, 134
Стоун Мелвил Э. 98
Стрельский, Никандр 330
Стриндберг, Юхан Август 112, 113, 158, 278
Стэнли, Генри Мортон 101
Суинг, Дейвид 50
Суини, Эд
"Ночлежка Суини" 112
Суинто, Уильям 67

Таиров А. Я. 211, 245
Талмедж, Томас де Витт 50
Таркингтон, Бут 132
Твен, Марк 5, 16, 112, 130, 152, 154, 155, 205, 208, 209, 279, 280, 321
"Гекльберри Финн" 154, 159, 161, 162, 274
"Двусторонняя детективная история" 154
"Дневник Евы" 154
"Жанна д'Арк" 154
"Жизнь на Миссисипи" 162
"Закаленные" 159, 160
"Личные воспоминания Жанны д'Арк" 158
"Монолог короля Леопольда" 154
"Позолоченный век" 159, 161, 162, 209
"Приключения Тома Сойера" 8, 154, 159, 162
"Принц и нищий" 158, 162
"Простаки за границей" 154, 159, 161
"Пустоголовый Вильсон" 153
"Путешествие капитана Стормфилда на небо" 154
"Таинственный незнакомец" 153, 154, 157, 158, 162, 163, 321
"1601 год. Беседа у очага во времена Тюдоров" 153, 157, 158, 162
"Христианская наука" 154
"Человек, который совратил Гедлиберг" 154, 158
"Что такое человек" 153, 154, 157, 158, 162, 163, 164, 321
"Янки при дворе короля Артура" 158
Теккерей, Уильям 112, 205, 207, 272, 275
"Ярмарка тщеславия" 12
Теннисон, Алфред 50
Тиндал, Джон 44, 193, 275
Тициан 137
Товот, Хайнц 272
Толстой Л. Н. 8, 21, 55, 56, 106, 111, 160, 193, 205, 207, 231, 249, 256, 272, 278, 287, 330, 356
"Смерть Ивана Ильича" 8
"Анна Каренина" 193
Торо Г. Д. 88, 107, 208, 279
Тоу, Гарри 59, 61
Трейн, Артур 133
Третьяков С. М. 243, 250
"Рычи, Китай!" 243
Три, Херберт Бейербом 50
Троллоп, Энтони 207
Туган-Барановский М. И. 117

Тургенев И. С. 21, 83, 193, 249, 272, 278, 330
"Отцы и дети" 193

Уайльд, Оскар 37, 279
Уайт, Уильям Аллен 209
"Некий богач" 209
Уайт, Херви 131, 193, 271, 280
"Сыпучие пески" 131, 133, 134, 193, 271, 280
Уайтсайд, Уокер 50
Уголини, Амедео 207
Уилгус, Джек 285
Уилки, Уэнделл 343
Уиллис, Натаниел Паркер 280
Уистер, Оуэн 280
Уистлер, Джеймс Аббот Макнил 109
Уитлок, Брэнд 131, 132, 271
"Тринадцатый округ" 131, 271
Уитмен, Стивен Френч 34, 158, 163, 208, 280
"Предопределенные" 134
"Обреченные" 280
Уитмен, Уолт 40, 71, 83, 88, 107, 112, 129, 279
Уокер, Майлс 300
Уоллек, Генри Джон 49
Уоллес, Лью 275
"Бен Гур" 271
Уорд, Артемус 161
Уорнер, Чарлз Дадли 158, 161, 163
Уоррен, Роберт Пенн 6
Уортон, Эдит 131
Уэксли, Джон
"Им нельзя умереть" 203
Уэллс Г. Дж. 131, 207, 272

Фадеев А. А. 348
Фаррел, Джеймс 359
Фербер, Эдна 231
Фергюссон, Харвей 133
Филд Ф. В. 343
Филд, Юджин 92, 94, 98
Филдинг, Генри 112, 114, 272, 275
"Джозеф Эндрюс" 275
"Том Джонс" 275
Филиппс, Дэвид Грэт 112, 132, 133
"Сьюзер Ленокс, ее падение и возвышение" 112
Филлипс, Отис Диксон 347
Фиппс, Генри 60, 61
Фицджеральд Ф. С. 21, 211
"Великий Гэтсби" 21
"Прекрасные и проклятые" 211
Флобер, Густав 83, 105, 106, 272, 278, 279
"Мадам Бовари" 192
Флоренс, Уильям Джермин 49
Флэгг, Джерд 135
"Преступления Джерда Флэгга" 135
Фолкнер, Уильям 5, 8, 134, 211
"Святилище" 134, 211
Фолкнер, Харолд Андервуд 203
Форбс-Робертсон, Джон 83
Форд, Генри 190
Форд, Поль Лейчестер 132
"Неподкупный Питер Стерлинг и что о нем думают" 132
Форель, Огюст 87
"Половой вопрос" 87
Форт, Чарлз 134
"Отверженные фабриканты" 134
Фостер, Уильям З. 187, 188, 361
Франклин, Бенджамин 76
Франко, Баамонде 179
Франс, Анатоль 105, 272, 279, 283
Фредерик, Хэролд 131, 132, 280
"Проклятие Терона Уэра" 131, 280
Фрейд, Зигмунд 87
"Леонардо" 87
Френсен, Густав 272
Фридман И. К. 280
"Хлебом единым" 280
Фрик, Генри Клей 194
Фруд, Джеймс Энтони 44
Фрэнк, Уолдо 304
Фуллер, Генри Б. 130, 131, 134, 197, 209, 271, 280, 303
"За процессией" 131, 197, 209 271, 280, 303

Хайд, Генри Морроу 196
Хаксли, Олдос 39, 44, 158, 193, 202, 275
Халлам, Генри 44
Харрис, Джеймс Томас 273
Хемингуэй, Эрнест 134
"Прощай, оружие!" 134
Хергесхаймер, Джозеф 133

Херрик, Роберт 132
Херст, Уильям Рэндолф 190
Херст, Фанни 231
Хирн, Лафкадио 109
Хлебников, Велимир 250
Ховард, Джордж Бронсон 132
Холмс Дж. Х. 338
Холмс, Оливер Уэнделл 279
Хоуп, Энтони (и Кэтлин М. Кэффин)
"Диалоги кукол" 44
"Желтый Астер" 44
Хоуэллс У. Д. 15, 16, 51, 112, 130, 158, 161, 163, 208, 271, 275, 279
"Мои литературные страсти" 55
"Путешественник из Альтрурии" 55
"Их свадебное путешествие" 130, 271
"Возвышение Сайлеса Лафэма" 130
Хьюм Д. 39
Хьюнекер, Джеймс Гиббон 132, 133, 274
Хэзлит, Генри 112
Хэй, Джон 153, 161
Хэйуорд, Дю Боз 134
"Порджи" 134
Хэпгуд, Нит Бойс 134
"Гордая леди" 134

Чагин П. И. 360
Чайковский П. И. 251, 257
Чейз, Уильям Меррит 50
Челлини, Бенвенуто 137, 272
Чемберс, Роберт Уильям 132, 272, 280, 281
"Король в желтом" 281
Черчилль, Уинстон 183, 280
Чехов А. П. 13, 21, 83, 158, 249, 279, 330, 356
"Душечка" 13
"Вишневый сад" 231
Чичерин Г. В. 267

Шваб, Чарлз 60, 61, 62
Шекспир, Уильям 44, 86, 105, 111, 113, 139, 160, 204, 248, 312, 316
"Антоний и Клеопатра" 86
"Сон в летнюю ночь" 80
"Макбет" 204, 246
"Гамлет" 231
Шере, Жюль 37
Шерман, Джон 50
Шерман, Стюарт 17, 18, 19
Шиллер, Иоганн Фридрих 106, 207, 249
"Разбойники" 249
Шнейдер, Уолтер 339
Шопен, Фридерик 257
"Похоронный марш" 257
Шопенгауэр, Артур 83, 182
Шоу, Джордж Бернард 83, 111, 207, 279, 350
Шпенглер, Освальд 202
"Закат Европы" 202
Штернберг, Джозеф 294
Штилгебауэр, Эдвард 272
Шуберт, Мильтон 166

Эбер, Эберс Джордж 275
Эвинг, Альфред Сирил 300
Эдуордас, Альберт 134
"Мир человека" 134
Эйд, Джордж 98, 345
"Басни, написанные на слэнге" 345
Эйзенштейн С. М. 243, 253, 254, 286, 294, 298, 314, 322, 327
"Октябрь" 286
"Генеральная линия" 286
"Броненосец "Потемкин" 244
Элдингтон, Артур Стэнли 182
Элиот, Джордж 112, 272, 275
Эллис, Генри Хейвлок 87
Эмерсон, Ралф Уолдо 83, 107, 182, 192, 279, 337
Энгр, Жан Огюст Доминик 243

Ясенский, Бруно 299

СОДЕРЖАНИЕ

Путь Драйзера. *Ю. Палиевская* 5

СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ, РЕЧИ

СТАТЬИ

Возвращение гения (1892). *Перевод Б. Гиленсона* 27
Бальзак (1896). *Перевод Б. Гиленсона* 29
"Алый знак доблести" Стивена Крейна (1896). *Перевод О. Метлиной* 30
Самосохранение и сострадание (1896). *Перевод Б. Гиленсона* 31
Прегрешения американской прессы (1896). *Перевод О. Метлиной* . . 33
Журналистика и писатель (1896). *Перевод Б. Гиленсона* 35
Два типа людей (1896). *Перевод Б. Гиленсона* 35
Декадентская школа (1896). *Перевод Б. Гиленсона* 36
Проблемные романы (1896). *Перевод О. Метлиной* 38
Сила и борьба за существование (1896). *Перевод О. Метлиной* 40
Нью-йоркская городская трагедия (1896). *Перевод Б. Гиленсона* . . . 41
Чтение для самообразования (1896). *Перевод Б. Гиленсона* 43
Борьба за существование (1896). *Перевод О. Метлиной* 45
Трест (1897). *Перевод Б. Гиленсона* 47
Упадок американского театра (1897). *Перевод Б. Гиленсона* 48
Подлинный Хоуэллс (1900). *Перевод Б. Гиленсона* 51
Подлинное искусство говорит простым языком (1903). *Перевод Б. Гиленсона* 56
Одиночество в больших городах (1905). *Перевод О. Метлиной* 57
Питсбург (1909). *Перевод О. Метлиной* 59
Человек на тротуаре (1909). *Перевод Б. Гиленсона* 62
Символ веры (1911–1914). *Перевод Б. Гиленсона* 65
Жизнь, искусство и Америка (1917). *Перевод Т. Озерской* 67
Идеалы, мораль и газета (1918). *Перевод Р. Гальпериной* 88
Из "Книги о себе". Фрагменты (1920). *Перевод Т. Прокуниной* 92
Художник слова в Америке (1925). *Перевод О. Метлиной* 104

О Толстом (1928). *Перевод Б. Гиленсона* 111
Новый гуманизм (1930). *Перевод Б. Гиленсона* 111
Страна прогресса и подвига (1931) 115
Преступность и ее корни (1931). *Перевод Е. Калашниковой и О. Холмской* 116
Великий американский роман (1933). *Перевод Е. Романовой* 129
Обращение к художнику (1933). *Перевод А. Елистратовой* 135
Внешность и сущность (1933). *Перевод Б. Гиленсона* 141
Я обнаруживаю подлинную американскую трагедию (1934). *Перевод О. Метлиной* 144
Два Марка Твена (1935). *Перевод Л. Савельева* 152
Горький будил мысль (1936) 164
Четыре инсценировки "Дела Клайда Гриффитса" (1936). 164
Да здравствует свободная Испания! (1936). *Перевод Н. Хуцишвили* . 167
Благодарю Маркса и Красную Россию (1937). 168
Уроки, преподанные мне старым человеком (1938). *Перевод Б. Гиленсона* 170
Поездка в воюющую Испанию (1938). *Перевод Р. Гальпериной* 174
Память о нем священна (1938) 181
Обращение к трудящимся Франции (1939) 181
Заря на Востоке (1939) 182
Ленин (1940) 184
Приветствие Советскому Союзу по поводу двадцать третьей годовщины существования (1940). *Перевод Я. Засурского* 185
Я очень многим обязан ему (1941). *Перевод Н. Хуцишвили* 187
Народы следуют примеру русских (1941) 188
Приветствие Советскому Союзу (1942) 188
Русские наступают (1944). *Перевод Н. Банникова* 189

ИНТЕРВЬЮ, РЕЧИ

Познакомьтесь с писателем Теодором Драйзером (1911). *Перевод Б. Гиленсона* 191
Беседа с Теодором Драйзером (1912). *Перевод Б. Гиленсона* 193
Обращение к теме больших денег (1912). *Перевод Б. Гиленсона* . . . 197
О писателях и литературе. Интервью с нью-йоркским корреспондентом "Правды" (1934) 201
Беседа с французским журналистом (1936) 204
Речь, произнесенная в Париже (1938). *Перевод М. Лорие* 206

ДРАЙЗЕР СМОТРИТ НА РОССИЮ (1928)
Перевод О. Кириченко

Я получаю приглашение в Россию 215
Столица государства большевиков 223
Характер русский и характер американский 234

Изобразительное искусство, литература и музыка в стране большевиков 242
Зарисовки с натуры 258
Отдельные воспоминания о России 263

ПИСЬМА

Уильяму Ленджелу (1911). *Перевод В. Задорновой* 271
Г. Л. Менкену (1911). *Перевод В. Задорновой* 273
Джеймсу Хьюнекеру (1914). *Перевод В. Задорновой* 274
Г. Л. Менкену (1916). *Перевод Б. Гиленсона* 274
Г. Л. Менкену (1916). *Перевод Б. Гиленсона* 277
Эдварду Х. Смиту (1920). *Перевод Б. Гиленсона* 278
Сергею Динамову (1927). *Перевод В. Александрова* 284
Сергею Динамову (1927). *Перевод В. Александрова* 285
Джеку Уилгусу (1927). *Перевод Б. Гиленсона* 285
С. М. Эйзенштейну (1927). *Перевод В. Земскова и П. Аташевой* 286
Франклину и Беатрисе Бут (1927). *Перевод Б. Гиленсона* 286
Сергею Динамову (1928). *Перевод В. Александрова* 288
Сергею Динамову (1929). *Перевод В. Александрова* 290
Сергею Динамову (1929). *Перевод В. Александрова* 291
Сергею Динамову (1930). *Перевод В. Александрова* 291
Гаррисону Смиту (1931). *Перевод Б. Гиленсона* 292
Ассоциации женщин-южанок, борющихся за запрещение суда Линча (1931). *Перевод В. Задорновой* 295
С. М. Эйзенштейну (1931). *Перевод В. Земскова и П. Аташевой* . . . 298
Бруно Ясенскому (1932). *Перевод В. Александрова* 299
Сергею Динамову (1932). *Перевод В. Александрова* 299
Телеграмма Беле Иллешу (1932). *Перевод А. Николюкина* 299
Говарду Скотту (1932). *Перевод В. Задорновой* 300
Сергею Динамову (1932). *Перевод В. Задорновой* 302
Констанс М. Гриффин (1932). *Перевод В. Задорновой* 303
Сергею Динамову (1932). *Перевод А. Николюкина* 304
Сергею Динамову (1932). *Перевод В. Александрова* 304
Сергею Динамову (1932). *Перевод В. Александрова* 305
Студенческому антивоенному конгрессу (1932) 305
Сергею Динамову (1933). *Перевод В. Александрова* 308
Петру Богданову (1933). *Перевод В. Александрова* 309
В редакцию газеты "Правда" (1933). *Перевод В. Александрова* 310
Сергею Динамову (1933). *Перевод В. Александрова* 311
Петру Богданову (1933). *Перевод В. Александрова* 312
Сергею Динамову (1933). *Перевод В. Александрова* 312
Сергею Динамову (1933). *Перевод А. Николюкина* 313
Сергею Динамову (1933). *Перевод В. Александрова* 313
Сергею Динамову (1933). *Перевод В. Александрова* 313
Сергею Динамову (1933). *Перевод В. Александрова* 314
Сергею Динамову (1934). *Перевод В. Александрова* 315

Беле Иллешу (1934). *Перевод А. Николюкина* 316
Х. (1934). *Перевод В. Задорновой* 316
Анри Барбюсу (1934). *Перевод В. Задорновой* 318
Сергею Динамову (1935). *Перевод В. Александрова* 320
Сергею Динамову (1935). *Перевод В. Александрова* 321
Сергею Динамову (1936). *Перевод А. Николюкина* 322
Сергею Динамову (1936). *Перевод В. Александрова* 322
Сергею Динамову (1936). *Перевод В. Александрова* 323
Сергею Динамову (1936). *Перевод В. Александрова* 323
В редакцию "Литературной газеты" (1936). *Перевод А. Николюкина* 324
Сергею Динамову (1936). *Перевод В. Александрова* 324
Сергею Динамову (1937). *Перевод В. Александрова* 325
Сергею Динамову (1937). *Перевод В. Александрова* 325
Сергею Динамову (1937). *Перевод В. Александрова* 326
Сергею Динамову (1937). *Перевод А. Николюкина* 326
Сергею Динамову (1937). *Перевод В. Александрова* 327
Сергею Динамову (1937). *Перевод В. Александрова* 327
С. М. Эйзенштейну (1938). *Перевод В. Земскова* 327
Джону Голдену (1938). *Перевод Б. Гиленсона* 328
Никандру Стрельскому (1939). *Перевод Б. Гиленсона* 330
И. И. Анисимову (1939). *Перевод В. Матвеева* 331
И. И. Анисимову (1939). *Перевод В. Матвеева* 334
И. И. Анисимову (1940). *Перевод В. Задорновой* 335
Джону Стейнбеку (1940). *Перевод В. Задорновой* 336
Э. Л. Мастерсу (1940). *Перевод О. Миндрул* 337
Дж. Х. Холмсу (1940). *Перевод В. Задорновой* 338
Уолтеру Шнейдеру (1940). *Перевод В. Задорновой* 339
Ф. В. Филду (1940). *Перевод О. Миндрул* 343
М. Аплетину (1940). *Перевод О. Миндрул* 344
Майку Куину (1940). *Перевод Б. Гиленсона* 344
Телеграмма Иностранной комиссии Союза советских писателей (1941) 345
Отису Диксону Филлипсу (1941). *Перевод Б. Гиленсона* 347
А. Фадееву (1941). *Перевод О. Миндрул* 348
Телеграмма ТАСС. Приветствие народу Советского Союза (1941). *Перевод В. Александрова* 349
Тимофею Рокотову (1942). *Перевод Б. Гиленсона* 349
Дж. Б. Шоу (1942). *Перевод О. Миндрул* 350
Н. Коуэну (1942). *Перевод О. Миндрул* 351
Ответ красноармейцу (1942). *Перевод О. Миндрул* 353
Г. Л. Менкену (1943). *Перевод Б. Гиленсона* 354
Луизе Кэмпбелл (1943). *Перевод О. Миндрул* 357
Джеймсу Т. Фаррелу (1944). *Перевод О. Миндрул* 359
Полю Робсону (1945). *Перевод О. Миндрул* 359
П. Чагину (1945). *Перевод В. Александрова* 360
Письмо У. З. Фостеру (1945). *Перевод Б. Гиленсона* 361

Национальному союзу моряков в Сан-Педро (1945). *Перевод Б. Гиленсона* 363

Комментарий. *Составитель В. Толмачев* 365

Указатель имен и названий произведений. *Составитель Л. Новикова* . 400

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

ХЁПКЕ К. Жизненные ценности и наши книги: Пер. с нем.

Книга известного литературного критика, публициста, заместителя министра культуры ГДР посвящена актуальным вопросам развития литературы первого на немецкой земле рабоче-крестьянского государства.

В центре внимания автора – новые аспекты литературного процесса последних лет, анализ произведений Эрика Нойча, Гюнтера Гёрлиха, Герберта Отто, Ганса Цибульки и других писателей, раскрытие причин успеха книг современной проблематики у читателей, неразрывная связь социалистической литературы Германской Демократической Республики с немецкой классикой.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами зарубежной литературы.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

ШУМАХЕР Э. Жизнь Брехта: Пер. с нем.

Книга посвящена жизни и творчеству выдающегося немецкого писателя и режиссера Бертольта Брехта (1898–1956).

Один из создателей немецкого социалистического искусства, Брехт являлся основателем театра "Берлинер ансамбль", проповедовавшего резкую до гротеска критику социальных и нравственных основ буржуазного общества.

Автор исследует новаторский характер пьес "Трехгрошовая опера", "Мамаша Кураж...", "Жизнь Галилея", "Добрый человек из Сезуана" и др.

Книга рассчитана на специалистов-литературоведов, а также на широкий круг читателей.

ИБ №3042

Редактор русского текста **З. Федотова**
Художник **И. Сальникова**
Художественный редактор **А. Алтунин**
Технический редактор **М. Лубянская**
Корректор **Г. Иванова**

Сдано в набор 22.12.87. Подписано в печать 22.06.88. Формат 84x108/32
Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 21,84. Усл.кр-отт. 43,68. Уч.-изд.л.26,71. Тираж 50000 экз.
Заказ № 2388. Цена 1р.60к. Изд. №3665.
Издательство "Радуга" В/О "Совэкспорткнига"
Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
119859, Москва, ГСП-3, Зубовский бульвар, 17
Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет на Калининском
полиграфкомбинате Союзполиграфпрома Государственного комитета
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
170024. г. Калинин, пр. Ленина, 5

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ